

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

34

С. Н. РОСТОВСКИЙ

**О значении исторического опыта Советского Союза
для стран «третьего мира»**

О. Л. ЛЕОНИДОВ

**Подрывная деятельность руководства КПК против
международного коммунистического движения (1957—1972)**

А. П. ОКЛАДНИКОВ

Новое в археологии Дальнего Востока

В. И. ГЛУНИН

К 50-летию Второго съезда Коммунистической партии Китая

И. А. ГАЛКИН, С. И. ИВАНОВ

Верность интернациональному долгу

3
1972

Институт Дальнего Востока АН СССР

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

3 1972

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 О значении исторического опыта Советского Союза для стран «третьего мира»
С. Н. Ростовский

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 16 Подрывная деятельность руководства КПК против международного коммунистического движения (1957—1972)
О. Л. Леонидов
- 32 Япония перед лицом серьезных испытаний
И. И. Ивков
- 57 Место и роль армии в социально-политической жизни современного Китая
А. П. Памор
- 67 Верность интернациональному долгу
И. А. Галкин, С. И. Иванов

ИДЕОЛОГИЯ

- 80 «Левый» оппортунизм — объективный пособник антикоммунизма
М. Л. Алтайский
- 89 Марксистско-ленинское понимание соотношения интернационального и национального и его извращение маоистами
М. С. Джунусов

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

- 97 Новое в археологии Дальнего Востока
А. П. Окладников
- 118 К 50-летию второго съезда Коммунистической партии Китая
В. И. Глуник
- 129 Пэн Дэ-хуай, Лушаньский пленум и «культурная революция»
В. П. Фетов

ВИНИЛОВИЧЕВЪЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО АН СССР

№ 1471

КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

- 142 Некоторые актуальные задачи изучения китайского языка
В. М. Солнцев
- 154 Поэзия Монголии — «свод вдохновенных слов»
Г. Б. Ярославцев
- 168 Бо Цзюй-и (к 1200-летию со дня рождения)
Н. Т. Федоренко
- 173 Высшая школа в КНР: сомнительные эксперименты
Е. В. Мальцева

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 181 Реакционная сущность идеологии и политики маоизма
В. А. Кривцов
- 183 Китайский фронт во второй мировой войне
В. Б. Воронцов
- 187 Колониальная экспансия в Китае и ее современные апо-
логеты
А. М. Дубинский
- 190 «Новые левые» в американском Китаеведении
В. В. Медведев
- 193 Об Учанском восстании
В. Н. Никифоров
- 196 К 45-летию Наньчанского восстания
Великоханьские шовинисты — враги мирового прогресса
198 *К. В. Кукушкин*

СОБЫТИЯ, ЦИФРЫ, ФАКТЫ

- 203 Третья Всесоюзная конференция Общества «СССР —
Япония»
М. В. Нестеров, Д. М. Дубровский
- 207 Общество советско-китайской дружбы
Н. А. Панков

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2.
Тел. 127-08-49

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ
(И. О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА)
В. А. АРХИПОВ (ОТВ. СЕКРЕТАРЬ)
Г. В. АСТАФЬЕВ, О. К. ГЛАДИЛИН, Г. В. ЕФИ-
МОВ, М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ, И. А. ЛА-
ТЫШЕВ, О. Б. РАХМАНИН, В. М. СОЛНЦЕВ,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т.
ФЕДОРЕНКО.

К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

О значении исторического опыта Советского Союза для стран «третьего мира»

*С. Н. Ростовский,
кандидат исторических наук*

В Советском Союзе, который отмечает ныне свое славное пятидесятилетие, возникли и развиваются ранее не существовавшие социалистические нации. Одновременно происходил совершенно особый процесс: на базе общественной собственности на средства производства, единства экономической, социально-политической и культурной жизни, марксистско-ленинской идеологии сформировалась новая историческая общность — советский народ. Государственным выражением этого процесса является создание Союза Советских Социалистических Республик.

Процесс строительства социализма в СССР, включая развитие отсталых в прошлом национальных окраин царской России по некапиталистическому пути, ленинское решение национального вопроса в его высшей на данный исторический момент форме — форме ликвидации не только юридического, но и фактического неравенства, имеют, несомненно, всемирно-историческое значение.

В теоретическом плане советский опыт является значительным вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма; он вносит много нового в понимание закономерностей переходного периода от капитализма к социализму, стадий развития человеческого общества, смены общественно-экономических формаций.

В практическом плане советский опыт показывает миру, по выражению Энгельса, «как это делается».

Этот опыт тщательно изучается как друзьями Советского Союза, так и его противниками. В капиталистических странах имеется множество специальных институтов, пристально наблюдающих за всеми процессами, происходящими и происходящими в СССР. Если друзья Советского Союза и вообще объективные ученые особенно из стран так называемого «третьего мира» изучают советский опыт с целью извлечь из него полезные выводы для собственных стран, то враги СССР изучают этот опыт для того, чтобы оболгать его, «доказать» его неприменимость для других стран. Враги СССР клеветают на советскую союзную систему государственного устройства, на советскую экономическую, культурную и языковую политику в отношении народов, отстававших в своем развитии от центральных районов страны. Большевиков обвиняют даже в том, что они будто бы отказались от своих дореволюционных взглядов по вопросу о некапиталистическом развитии.

Особенно активизировалась в последние годы маонистская пропаганда, которая ныне стремится перещеголять даже самых злобных и беззастенчивых антикоммунистов.

Смешно выглядят попытки буржуазных и социал-демократических политиканов утверждать, что большевики «не имели права» совершать социалистическую революцию, ибо это будто бы «противоречит Марксу», якобы утверждавшему, что подобная революция возможна лишь в высокообразованной стране, а Россия была страной, отставшей от других.

В. И. Ленин давно высмеял эту ученую пустоту. В заметках, озаглавленных им «О нашей революции», он писал, что «герои II Интернационала... решающего в марксизме... совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики». «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»¹ Жизнь, опыт Советского Союза наглядно доказали правоту В. И. Ленина.

Утверждается далее мнение, будто К. Маркс и Ф. Энгельс не верили всерьез в возможность для некоторых стран и народов прийти к социализму, минуя капитализм, что их заявления по этому поводу являются лишь «уступкой» настроениям русских революционных народников. Стало быть, и опыт некапиталистического переустройства жизни многих народов СССР является с этой точки зрения «незаконным», «немарксистским».

Не имея возможности останавливаться на многочисленных извращениях советского исторического опыта в буржуазной и социал-демократической печати, остановимся лишь на проблеме некапиталистического пути развития и на вопросе о преодолении экономической и культурной отсталости народами советских республик Востока и Севера. Но прежде напомним, каких взглядов относительно возможности некапиталистического пути развития отсталых стран придерживались классики марксизма.

Маркс и Энгельс о некапиталистическом пути развития

В истории общественной мысли были такие моменты, когда К. Маркса упрекали за его концепцию возникновения, развития и смены общественно-экономических формаций не только буржуа, но и люди, принадлежавшие к антикапиталистическим слоям общества. Упреки в адрес Маркса бросали, в частности, русские народники. Они упрекали его за то, что он будто бы создал «историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются»².

Вопрос этот был чрезвычайно острым для России того времени. Это побудило Веру Засулич в феврале 1881 года обратиться к Марксу с письмом, в котором она просила его изложить свои «воззрения на возможные судьбы нашей сельской общины и на теорию о том, что, в силу исторической неизбежности, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства»³.

На эти вопросы и нападки дал ответ Маркс. В ответном письме В. Засулич он опроверг мнение, будто в силу исторической неизбежности все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производ-

¹ В. И. Ленин, О нашей революции, Соч., т. 45, стр. 378, 381.

² К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, М., 1967, стр. 79.

³ Там же, стр. 435.

ства. А в письме в редакцию «Отечественных записок» — наиболее популярного народнического журнала того времени — Маркс отметил, что для него было бы «одновременно и слишком лестно и слишком постыдно»⁴ придерживаться теории о всеобщем обязательном пути, которую приписывают ему народники. Он пояснил свою мысль, сопоставив положение, существовавшее в древнем Риме, с положением в капиталистическом обществе, и заключил замечанием, что нельзя никогда достичь понимания какого-либо социального процесса, «пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности»⁵.

Капитализм не является обязательной стадией развития для всех стран и народов — таков общий вывод К. Маркса. Только всесторонний конкретный анализ действительности на основе принципов революционной, материалистической диалектики может дать ответ на вопрос о путях развития той или иной страны, того или иного общественного явления.

Этот метод был применен Марксом и Энгельсом и к вопросу о судьбах русской общины. Они считали, что русская сельская община не представляет, в противоположность мнениям народников, чего-либо уникального. Они установили историческое сходство ее с подобными общинами у других народов, отметили ее жизнеспособность и дуализм⁶. «Ее врожденный дуализм, — указывает К. Маркс, — допускает альтернативу: либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится»⁷.

Маркс и Энгельс считали, что община не может развиться из себя, без помощи со стороны, более высокой социальной форму, если эта форма общественной организации не существует в действительности в какой-либо другой стране. «Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе»⁸. Следовательно, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, первым необходимым условием для некапиталистического развития является социалистическая революция в передовых странах. Победивший пролетариат передовой страны окажет трудящимся отсталых стран всю необходимую им помощь для того, чтобы они могли перейти от примитивных форм хозяйствования к использованию машин, созданных капитализмом, без того чтобы испытать все мучительные последствия капиталистического способа производства.

Но одного этого условия еще недостаточно. Необходимы определенные усилия и со стороны тех масс трудящихся, которые живут в отсталых странах. Они кровно заинтересованы в коренной реорганизации своей жизни. Положение русского крестьянина, отмечали Маркс и Энгельс, не улучшится, если даже увеличится размер участка его земли. «Ему нужен теперь кооперативный труд, организованный в широком масштабе», — указывал Маркс⁹. В этих условиях община может сохранить и развить содержащиеся в ней «чудесные ростки коллективизма».

Но для того чтобы община могла принять и по-социалистически использовать помощь от пролетарского государства, нужно освободить ее

⁴ Там же, стр. 79.

⁵ Там же.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII (изд. 1935 г.), стр. 677—697.

⁷ Там же, стр. 695.

⁸ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 2-е изд., 1951, стр. 204. (В дальнейшем «Переписка»)

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 684.

от всех «тлетворных влияний», опутывающих ее со всех сторон: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция»¹⁰.

«Русская революция не только уничтожит разобщенность деревень, в которых живет главная масса нации, крестьяне, и которые составляют их мир, их вселенную, не только выведет крестьян на широкую арену, где они познают внешний мир, а вместе с тем себя самих, поймут собственное свое положение и средства избавления от тенерешней нужды,— русская революция даст также новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него новые, лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, без которой нынешняя Россия ни через общину, ни через капитализм не может достичь социалистического переустройства общества»¹¹.

Таковы, по мнению Маркса и Энгельса, два основных, решающих условия для некапиталистического развития: социалистическая революция в передовых странах и решительное освобождение общины от всех опутывающих ее «тлетворных влияний»¹², создание условий, позволяющих по-социалистически использовать помощь передовых социалистических стран.

Как мы видим, Маркс и Энгельс рассматривали проблему некапиталистического развития на фоне общей перспективы капиталистического общества, как часть этой более широкой проблемы.

Развитие событий происходило несколько иначе, чем предполагали Маркс и Энгельс. Социалистическая революция совершилась позднее, в эпоху империализма; она началась не в Западной Европе, а в России. Изменились многие другие стороны политической обстановки. Но суть вопроса, поставленного Марксом и Энгельсом об условиях некапиталистического развития, равно как и сама проблема, осталась.

Высказывания Маркса и Энгельса по поводу некапиталистического развития были предвидением тех возможностей, которые могут открыть для отставших стран успешные пролетарские революции в капиталистически развитых странах. Но поскольку при жизни основоположников марксизма подобные революции не осуществились, то замечания Маркса и Энгельса о возможности некапиталистического развития оставались лишь теоретическим предположением. Однако эти высказывания отнюдь не означали какой-то «уступки» русским народникам. Маркс и Энгельс вообще никогда и никому не делали каких-либо теоретических уступок. Эти высказывания были предположением лишь потому, что не было первого необходимого условия — пролетарской революции в развитой стране, для того чтобы теоретическое предвидение превратилось в живую практику миллионов. Что касается мнения народников о возможности «самостийного», самобытного развития общины к социализму, независимо от использования созданных капитализмом производительных сил, то Маркс и Энгельс жестоко высмеяли эти идеалистические представления.

Вклад В. И. Ленина в марксистскую концепцию некапиталистического пути развития

Такой же позиции придерживался и В. И. Ленин. До победы Октябрьской революции он резко критиковал иллюзии народников о «самобытной» возможности миновать для России «язву пролетариатства». Однако

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 687.

¹¹ К. Маркс Ф. Энгельс и революционная Россия, М., 1967, стр. 124.

¹² Там же.

это вовсе не означало, что В. И. Ленин вообще относился отрицательно к марксистской концепции о возможности для отсталых стран при поддержке победившего пролетариата развитых стран миновать или сократить капиталистическую стадию развития. Он хорошо знал основные высказывания Маркса и Энгельса о русской общине и о народнических взглядах по этому вопросу. В ленинских произведениях имеются ссылки на письмо Маркса в редакцию журнала «Отечественные записки». Он был также знаком с критическими замечаниями Энгельса в адрес русского бланкиста Ткачева, в которых были сформулированы условия, необходимые для того, чтобы можно было миновать капиталистическую стадию развития. Нет сомнения, что В. И. Ленин знал о письме В. Засулич К. Марксу и о его ответе на это письмо; о совместном предисловии Маркса и Энгельса ко второму русскому изданию «Коммунистического манифеста» и, наконец, о предисловии Энгельса к работе «О социальном вопросе в России», где подводятся итоги взглядам основоположников научного коммунизма на эволюцию русской общины.

В. И. Ленин, восприняв живую душу марксизма — его революционную диалектику, его несравненный анализ конкретной действительности, видел, что в 90-х годах прошлого века Россия уже окончательно встала на капиталистический путь развития, хотя в стране имелись еще значительные пережитки крепостничества, а многие народности на окраинах громадной страны жили еще в условиях господства докапиталистических отношений.

Изменилась не только Россия, изменилось и само народничество. В. И. Ленин писал о народниках 70-х годов: «Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции, — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на героическую борьбу с правительством»¹³.

А в 90-х годах, отмечал В. И. Ленин, «деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм». Проследившая дальнейшую эволюцию народнической идеологии, В. И. Ленин писал: «Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития — вырос какой-то жиденький эклектизм... Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества»¹⁴.

Народнические теории стали в тех условиях серьезным препятствием для действительно революционной деятельности марксистов. Они препятствовали переходу России на новый, пролетарский этап борьбы, который открывал стране иной, подлинный путь к социализму. В конце XIX века перед В. И. Лениным и его соратниками стояла задача теоретической и практической подготовки русской революции. Необходимо было исследовать степень, формы и условия развития капиталистических производственных отношений в различных отраслях экономики, выявить движущие силы революции, вырастающие из реальной действительности, а не из воображения субъективистов, создать революционную марксистскую партию, разработать ее программу, организационные и тактиче-

¹³ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., т. 1, стр. 271.

¹⁴ Там же, стр. 272.

кие принципы, найти пути к массам, организовать и повести их на штурм самодержавия.

В. И. Ленин и после первой русской революции в 1905 году неоднократно возвращался к воззрениям, отстаивающим возможность развития минуя капиталистическую стадию. Это было обусловлено тем, что в странах со сходными с доимпериалистической Россией условиями экономической и социальной отсталости возникали теории народнического типа. Так, в статье «Демократия и народничество в Китае» В. И. Ленин отмечал, что взгляды Сунь Ят-сена, несмотря на весь их «боевой искренний демократизм», «с точки зрения доктрины, есть теория мелкобуржуазного «социалиста»-реакционера. Ибо совершенно реакционна мечта о том, что в Китае можно «предупредить» капитализм, что в Китае, вследствие его отсталости, легче «социальная революция» и т. п.»¹⁵.

Кстати, подобного рода высказывания о преимуществах бедности, о социальном равенстве нищеты, о необязательности развития современных производительных сил для построения социализма и коммунизма можно встретить у маоистов, что лишний раз подтверждает реакционно-мелкобуржуазный и в то же время шовинистический характер их мировоззрения.

Позднее, в 1914 году, в статье «Народничество и класс наемных рабочих» В. И. Ленин писал, что теория Михайловского о миновании Российской фазы капитализма была «теорией утопического, мещанского социализма, т. е. мечтанием мелкобуржуазных интеллигентов, которые искали выхода из капитализма не в классовой борьбе наемных рабочих с буржуазией, а в воззваниях ко «всему народу», к «обществу», то есть к той же буржуазии»¹⁶.

В. И. Ленин указывал, что подобные мечтания преобладали во всех странах до возникновения рабочего движения и что последнее должно решительно опровергнуть эти утопические теории.

Такая позиция была совершенно закономерной для революционного марксиста. Иной она и не могла быть в условиях, когда нигде в мире пролетариат еще не взял власть в свои руки, когда ход и направление общественного развития мира определялся капитализмом.

Угнетенные, отставшие в своем развитии народы могли лишь мечтать о возможности избежать капиталистический путь. К тому же общественные деятели этих стран нередко идеализировали далекое прошлое как некий «золотой век» бесклассового общественного устройства. Эти мечты и желания, далекие от действительности, были безнадежной попыткой повернуть вспять колесо истории.

Теории построения социалистического общества в странах с преобладанием докапиталистических отношений только собственными силами, без опоры на мировое рабочее движение и, если говорить о нашем времени, без поддержки развитых социалистических стран всегда были и остаются поныне мелкобуржуазными, субъективистскими и националистическими концепциями, способными нанести ущерб интересам национального возрождения и социального прогресса.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая эпоху перехода человечества от капитализма к социализму, коренным образом изменила всю международную обстановку, открыла новые пути, возможности и перспективы для национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран. Теперь, после Октября, когда в лице Страны Советов возник мощный оплот мирового освободи-

¹⁵ В. И. Ленин, «Демократия и народничество в Китае», Соч., т. 21, стр. 404.

¹⁶ В. И. Ленин, «Народничество и класс наемных рабочих», Соч., т. 24, стр. 321.

тельного движения, могло стать реальностью и некапиталистическое развитие ряда стран. Вырисовывалась вполне конкретная возможность и необходимость союза Советской России и всего мирового революционного пролетариата с угнетенными народами всего мира для совместной борьбы против империализма. Если пролетариат Советской России сумеет установить связь с национально-освободительными движениями, то его союзниками станут «народности, которых сейчас рвут на части» — отмечал В. И. Ленин¹⁷.

Таким образом, проблема некапиталистического развития становилась неотделимой составной частью ленинской теории мировой пролетарской революции и социалистического строительства, частью более общей проблемы — проблемы освобождения угнетенных народов от империалистического гнета путем союза национально-освободительных движений с пролетарской революцией. Теоретическое предвидение Маркса и Энгельса превращалось в живую практику борцов за национальное и социальное раскрепощение масс.

Ни один общественный строй, предшествующий социализму, не мог переделать весь мир по своему образу и подобию. Это относится не только к рабовладельческому и феодальному строю, но и в определенной мере к капитализму. Конечно, капитализм, превратившись в империализм, стал мировой системой и не только созрел, но и перезрел как общественный строй. И все же в мире осталось еще много стран и народов, живущих в условиях преобладания докапиталистических отношений. Они составляют докапиталистические уклады в современном мире, разделенном на две мировые системы, на два лагеря: капиталистический и социалистический.

Трудящиеся стран, созревших для социалистической революции, естественно, не могут откладывать осуществление ее до тех пор, пока «созреют» все остальные народы и весь мир будет превращен в некое единообразное владение капитала. Пролетариат и другие революционные силы, победившие в одной или нескольких странах, могут, и, более того, в порядке интернационального долга обязаны вести строительство социализма, не ожидая, пока другие страны и народы будут подтягиваться к рубежам социалистической революции.

Естественно также, что пролетариат, завоевав власть в большой многонациональной стране, где имеются народы с докапиталистическими укладами жизни, обязан помочь этим народам догнать передовые нации, перескочить мучительную фазу капиталистического развития. Для этих народов альтернативой капитализму является некапиталистический путь развития, то есть минование капиталистической стадии развития для тех народов, где капитализм еще не пустил корней, или перерыв дальнейшего капиталистического развития там, где оно началось, ослабление, а затем и устранение капиталистического уклада и перевод докапиталистических укладов в социалистические производственные отношения, через различные переходные ступени, применяя для этого особые формы и методы, наиболее соответствующие условиям жизни данных народов.

Ленинский подход к проблеме некапиталистического развития отличался чрезвычайной широтой и глубиной. В его высказываниях на этот счет ясно очерчены два аспекта данной проблемы: во-первых, социалистическое переустройство различных докапиталистических укладов в Советском Союзе и, во-вторых, социалистическая перспектива развития для многих народов колониального мира. Задачи, стоящие перед коммуни-

¹⁷ В. И. Ленин, I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, Соч., т. 32, стр. 289.

тами стран Востока, были изложены В. И. Лениным в его знаменитом докладе на съезде коммунистических организаций народов Востока в ноябре 1919 года¹⁸. В своем «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам» В. И. Ленин снова подчеркнул неоднократно отмеченную им мировую тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций всемирного хозяйства. Эта объективно существующая тенденция, вырастающая из развития производительных сил и мощно подстегиваемая ныне научно-технической революцией, влияет с нарастающей силой и все более ускоряющимися темпами на весь ход мирового развития. В этой тенденции заключена также объективная возможность и необходимость скачка капиталистического развития. Классическую формулировку проблемы некапиталистического развития дал В. И. Ленин в своем докладе на II Конгрессе Коммунистического Интернационала¹⁹.

Помимо этих основополагающих указаний по данной проблеме, взятой в международном масштабе, имеется много других замечаний В. И. Ленина, касающихся ее прямо или косвенно.

Как известно, правые социал-демократы ополчились на марксизм-ленинизм за то, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин признавали возможность для некоторых стран и народов миновать капиталистическую стадию развития на своем пути к социализму. Еще на Амстердамском Конгрессе II Интернационала докладчик по национально-колониальному вопросу, Ван Коль, заявил: «Гипотеза К. Маркса, что некоторые страны могут, хотя бы отчасти, миновать капиталистический период в своей экономической эволюции, не осуществилась; первобытные народы придут к цивилизации, лишь пройдя эту Голгофу. Наш долг, следовательно, не задерживать развитие капитализма,— необходимого звена в истории человечества; мы можем даже способствовать его рождению, смягчая муки родов»²⁰.

Эта точка зрения фактически возобладала во II Интернационале. Она не изменилась по данному вопросу и в настоящее время.

Правые социал-демократы по-прежнему отрицают всякую возможность миновать капиталистическую стадию развития отсталыми странами. По их мнению, социализм вообще не надо строить; он органически вырастает из капитализма. Капитализм, утверждают они, стал иным, народным, демократическим. Они совершенно согласны с наиболее распространенными ныне буржуазными теориями капиталистической «модернизации» отсталых стран. Иных путей избавления от отсталости они не признают, а наш, советский опыт не принимают во внимание или клеветают на него.

Опыт народов СССР дает практический ответ

Общественная практика, живой опыт миллионов дали ответ на все вопросы, касающиеся возможности некапиталистического развития. Советская практика показала, что не только возможно, но неизбежно и необходимо социалистическое преобразование докапиталистических укладов, что иная политика была бы немыслима и опасна для революцион-

¹⁸ См.: В. И. Ленин, Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, 22 ноября 1919 г., т. 39, стр. 329.

¹⁹ См.: В. И. Ленин, Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам, Соч., т. 41, стр. 245—246.

²⁰ Ван Коль, Колониальная политика и социал-демократия, СПб, 1906, стр. 13.

ного пролетариата. Безучастная или пассивная позиция победившего пролетариата по отношению к отставшим народам не только противоречит гуманистическим принципам марксизма-ленинизма, но также таит в себе растущую угрозу для власти рабочего класса со стороны капиталистических элементов национальных районов.

Такая политика, кроме того, означала бы искусственное сохранение отживших социальных порядков, сужение поля деятельности победившего пролетариата. Например, совершенно немыслимо было бы такое положение, когда пролетариат России, победивший в центральных промышленно развитых районах, стал бы в течение многих десятилетий игнорировать призывы трудящихся отсталых районов о помощи в их борьбе со своими эксплуататорами и пассивно наблюдать за тем, как в Средней Азии или на Севере из недр докапиталистических отношений постепенно вызревает капитализм и как он становится в этих районах господствующей силой.

Процесс социалистического переустройства докапиталистических укладов в СССР занял много лет. Он начался с первых дней революции, когда российский пролетариат «походя, мимоходом» решал задачи буржуазно-демократической революции. Он продолжался в ходе гражданской войны. Долговременная политика партии и правительства в отношении отставших в своем развитии народностей была сформулирована на X и XII съездах КПСС.

Некапиталистическое развитие в СССР с самого начала имело социалистическое содержание и направленность, несмотря на то, что в советских республиках Востока и на Советском Севере ряд буржуазно-демократических преобразований занял больший промежуток времени, чем в центральных районах страны.

Эта особенность некапиталистического развития в Советском Союзе объясняется тем, что оно осуществлялось в условиях победившей социалистической революции; в СССР утвердилась диктатура пролетариата, руководящей силой всего развития стала Коммунистическая партия, советское государство сосредоточило в своих руках все командные экономические высоты. Некапиталистическое развитие в СССР в силу этого было составной органической частью социалистического преобразования всей огромной страны.

Однозначное повторение всех этих условий едва ли возможно. В Монголии, как известно, процесс некапиталистического развития имел иной характер. Некапиталистическое развитие ряда стран Востока также отличается в настоящее время от развития этого процесса в Советском Союзе.

Советской власти досталась в наследство необычайно сложная и пестрая народнохозяйственная структура. Еще весной 1918 года В. И. Ленин в статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» говорил о трудностях социалистического строительства, связанных с многоукладностью экономики молодого советского государства.

После окончания гражданской войны, когда вновь открылась возможность приступить к социалистическому строительству, В. И. Ленин напомнил об этом в своей статье «О продовольственном налоге». «Перечислим эти элементы.— писал он,— 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм»²¹.

²¹ В. И. Ленин, О продовольственном налоге, Соч., т. 43, стр. 207.

С социально-экономической точки зрения вопрос о социалистическом переустройстве докапиталистических общественных отношений сводился к переделке двух укладов: патриархального — в значительной степени натурального (например, у народов Севера) и мелкокрестьянского (например, у народов Средней Азии). В классовом отношении оба уклада охватывали главным образом крестьянство, ремесленников, кустарей. Вопрос, следовательно, заключался в установлении правильных отношений пролетариата с крестьянством и мелкобуржуазными слоями города и деревни.

Каждый из этих основных укладов имел свои разновидности, обусловленные конкретными особенностями развития данного народа (оседло-земледельческое хозяйство, кочевое, охотничье, рыболовецкое и т. п.). Все это требовало значительной модификации методов социалистического переустройства, темпов и форм вовлечения масс в процессе преобразований, но не меняло классовой сущности этих мероприятий.

Народам, находившимся на уровне патриархально-родового строя или первых форм классового общества, удалось миновать не только капитализм, но и феодализм как господствующую систему общественных отношений. Народам же, которые жили в условиях господства феодальных отношений либо начавшегося перехода к капитализму (причем капитализм не стал еще у них господствующей системой общественных отношений), удалось ликвидировать феодализм и избежать мук капитализма или прервать его начавшееся развитие, миновав, таким образом, капитализм как господствующую систему общественных отношений.

В итоге в СССР была осуществлена в гигантских размерах беспрецедентная по масштабам и последовательности трансформация разнообразных социальных укладов в их различных модификациях. В сущности, в СССР было осуществлено преобразование вообще всех основных общественных укладов (за исключением рабовладельческого), имевших или имеющих место в общественной жизни народов.

Это бесценный, мирового значения вклад в теоретическую сокровищницу марксизма-ленинизма и великий опыт, которым могут воспользоваться все народы земли. Осуществляя эту задачу, Советский Союз выполнил свою великую интернациональную обязанность в интересах всего человечества.

Когда говорят и пишут об опыте некапиталистического развития в СССР, то обычно указывают на республики Средней Азии, которые, безусловно, весьма показательны по достигнутым ими результатам. Гораздо реже отмечают путь развития народов Советского Севера, хотя этот опыт не менее поучителен, потому что здесь речь идет о трансформации патриархально-родового общества. На земле и сейчас имеется немало народов, которым данный опыт был бы весьма полезен, не говоря уже о его значимости для теоретических исследований возникновения и развития общественно-экономических формаций. Вымиравшие, нещадно эксплуатируемые ранее народности Севера за годы Советской власти возродились и органически вросли в социалистическую систему.

Таким образом, в СССР была ликвидирована своего рода «трехступенчатая» отсталость. Во-первых, большевики вывели всю Россию, некогда отстававшую от передовых стран на 50—100 лет, в первые ряды современных государств. Во-вторых, они подтянули до этого уровня народы, находившиеся ранее в условиях феодального общества. В-третьих, они ликвидировали отсталость среди народов, живших в условиях патриархально-родового строя.

Ликвидация прежнего фактического неравенства народов Советского Союза в своих главных, основных чертах завершена. Республики Средней Азии, Кавказа и ряда других районов нашей страны, когда-то отстававшие от центральных областей СССР, ныне ни в чем им не уступают.

Международное значение Опыта Советского Союза

Более пятидесяти лет назад В. И. Ленин писал о том, что все основные черты нашей революции имеют международное значение не только в широком смысле этого слова, но и «в самом узком смысле слова, т. е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас»²².

Советский опыт преодоления отсталости, несомненно, имеет международное значение в том смысле, о котором говорил В. И. Ленин.

Что же именно из советского опыта, по всей вероятности, будет повторено теми народами, которые захотят и смогут встать на путь некапиталистического, социалистического развития?

Можно в общих чертах отметить следующие факторы, которые необходимы для всех стран, желающих встать на этот путь.

На II Конгрессе Коминтерна В. И. Ленин подчеркнул необходимость «создания во всех колониях и отсталых странах «самостоятельных кадров борцов, партийные организации»²³.

В Советском Союзе первым, решающим условием успеха социалистического преобразования отсталых окраин бывшей царской России было создание всюду, даже в самых глухих уголках страны, партийных организаций — отрядов единой, могучей КПСС. Руководство партии, опирающейся на массы, владеющей теорией научного социализма, марксистско-ленинским учением, умеющей целеустремленно и со знанием дела направлять общественное развитие к социализму, имело неоценимое значение для преодоления отсталости и преобразования докапиталистических укладов в социалистический.

В современную эпоху перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе в ряде стран поставлена и в своеобразных условиях решается проблема преодоления отсталости и поворота развития этих стран на некапиталистический, социалистический путь крестьянскими и социалистическими партиями — не эпигонами народничества, а революционными демократами, поддержанными коммунистами своих стран и мировой социалистической системой.

Необходимо далее провозглашение и осуществление на деле полного равноправия всех наций и народностей страны, создание национальной государственности для них, близкой и понятной широким массам трудящихся. В Советском Союзе для всех наций и народностей была создана такая государственность. Государственная система СССР развивается и совершенствуется по мере развития народностей страны.

Очевидно, необходимо разобраться в многоукладной системе данной страны, выявить ее особенности и потенциал, чтобы знать, куда вести общественное развитие и какие для этого необходимы меры. Коммуни-

²² В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 41, стр. 3.

²³ В. И. Ленин, Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам, Соч., т. 41, стр. 245—246.

стическая партия Советского Союза, как указывалось выше, на своих X и XII съездах провозгласила политическую линию, направленную на ликвидацию фактического неравенства народов в экономическом и культурном отношении. Эта политическая линия целеустремленно и длительное время реализовывалась в форме разносторонней систематической помощи отстающим народам.

На окраинах страны во вновь созданных республиках и национальных округах создавались очаги промышленности, велась систематическая работа по продвижению промышленности на Восток. Все районы огромной страны втягивались в процесс индустриализации, которая, по существу, означала реорганизацию всей ее экономики на базе современной науки и техники. Этот процесс ликвидировал прежние «медвежьи углы», вовлекал в новую жизнь местное население, создавал новые промышленные, административные центры, очаги культуры. Прежде неграмотные крестьяне, кочевники, охотники, рыбаки окраин Советского Союза втягивались в экономическую и общественную жизнь страны; сокращался, а затем и вовсе ликвидировался разрыв в уровне экономического и культурного развития их с другими ушедшими вперед народами.

Особенно трудной была задача социалистического преобразования крестьянского хозяйства. Оно было весьма различным по типам, формам, уровню развития, специализации и т. п. Процесс этот затянулся на ряд лет. Надо было создать материальные возможности такой реорганизации, подготовить население к предстоящим переменам, убедить крестьян в их необходимости, проводить эту работу с учетом особенностей и типов хозяйств (земледельческое суходольное, орошаемое, кочевое скотоводческое и т. п.). Главной, основной формой социалистического переустройства сельского хозяйства стала кооперация в ее различных видах, вплоть до ее высшей формы — производственной кооперации. Интересна, в частности, интегральная форма кооперации, применявшаяся на Севере среди охотников, оленеводов, рыбаков. Кооперация помогла решить вопрос и социалистической реорганизации мелкого ремесла, и кустарного промысла. Было на деле осуществлено Марксово предвидение о том, что российскийскому крестьянству понадобится «кооперативный труд, организованный в широком масштабе».

Была осуществлена настоящая культурная революция. Многие народы, не имевшие ранее письменности и хранившие память о жизни своих предков в устных сказаниях и эпосах, вроде знаменитого киргизского эпоса «Манас», получили письменность. Ныне они имеют свои институты, университеты, собственные академии наук. В настоящее время книги в СССР издаются на 145 языках. Были созданы национальные кадры специалистов для всех отраслей народного хозяйства и культуры.

Такой политически острый, трудный и сложный процесс, как социалистическое преобразование огромной страны, не мог не сопровождаться острой идеологической борьбой. В национальных республиках Востока, национальных округах и областях идеологическая борьба велась, с одной стороны, против пережитков великодержавного шовинизма, а с другой — против местного буржуазного национализма. Целеустремленная разъяснительная, политическая работа, законодательные меры, в частности, признание всякой пропаганды расизма и национальной розни уголовно наказуемым действием, помогли сохранить и укрепить братские отношения среди многочисленных наций и народностей СССР.

Эти общие для всех районов и народностей мероприятия проводились с учетом особенностей каждого народа, его исторического опыта, уровня развития, религии, быта и т. п. и отличались вследствие этого по темпам, методам и формам подхода к массам. Дело велось так, чтобы

широкие трудовые массы поняли смысл проводимых мероприятий, восприняли их как свое родное дело. Только такой подход гарантировал сознательное участие масс в осуществлении проводимых мероприятий, а следовательно, и успех дела.

Общей особенностью всех этих мероприятий было также то, что они осуществлялись на основе принципов пролетарского интернационализма, братской поддержки и помощи, путем постоянного обмена опытом, на основе взаимной выгоды. Такой подход особенно ярко проявил себя в мирное время — в планомерном и рациональном размещении производительных сил страны, а в годы Отечественной войны — в совместной борьбе против фашизма.

Советское государство неизменно придерживалось принципа, в соответствии с которым темпы развития ранее отсталых народов были более высокими, чем в других районах страны. Это, в частности, проявлялось в систематическом перераспределении средств накопления в пользу национальных республик, областей и округов. Это важное обстоятельство позволило в предельно сжатые сроки подтянуть отставшие народы до уровня передовых.

* * *

Исторический опыт Советского Союза, разумеется, не может быть механически перенесен во все страны. Но отмеченные выше теоретические проблемы и практический опыт Советского Союза вызывают живой интерес со стороны многих народов мира, особенно в развивающихся странах.

В самом деле — какую перспективу для этих стран открывают буржуазные теории «модернизации»? Только одну — капитализм, и на долгие годы. Правда, капитализм теперь подкрашивают под «народный», под «общество изобилия», «общество благоденствия» и т. п. Но суть капитализма от этого не меняется: он по-прежнему остается жестоким, эксплуататорским, хищническим, мучительным для трудящихся масс.

Коммунисты предлагают перспективу социалистического преобразования мира, показывают наиболее рациональный путь решения этого вопроса для отсталых стран, то есть некапиталистический путь развития.

Сложная борьба сил прогресса и социализма с силами империализма и реакции как внутри стран «третьего мира», так и на международной арене определяет пути развития освободившихся стран. Часть из них избрали народно-демократический путь развития, другие провозгласили социалистическую перспективу и под руководством революционной демократии осуществляют первые шаги в этом направлении, третьи направили свое развитие по капиталистическому пути, а некоторые еще решают вопрос о выборе курса.

В зависимости от этих конкретных условий находится и вопрос о применимости тех или иных черт советского исторического опыта.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду говорится: «Главное состоит в том, что борьба за национальное освобождение во многих странах стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических»²⁴.

Процесс этот сложный, трудный, противоречивый и длительный. Силы международной и внутренней реакции еще велики. Несмотря на все препятствия и трудности, дело прогресса и социализма восторжествует и советский опыт решения многих проблем социалистического строительства сыграет свою историческую роль.

²⁴ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 18.

Подрывная деятельность руководства КПК против международного коммунистического движения (1957—1972)

*О. Л. Леонидов,
кандидат исторических наук*

Борьба за единство рядов мирового коммунистического движения всегда была в центре внимания нашей партии. XXIV съезд КПСС указал на необходимость «и дальше неуклонно бороться за сплоченность коммунистического движения, за повышение его роли во всей антиимпериалистической борьбе, добиваться все более прочного политического сплочения коммунистического движения и его идейного марксистско-ленинского единства». Съезд подчеркнул, что «борьба с антикоммунизмом и антисоветизмом, а также против правого и «левого» ревизионизма, национализма по-прежнему остается важной, актуальной задачей»¹.

В этой связи большое значение имеют вопросы, связанные с идеологической борьбой, которую ведет КПСС и другие марксистско-ленинские партии против маоизма. Особая опасность маоизма, лежащего в основе деятельности националистического руководства КПК, заключается в том, что он выступает под флагом марксизма-ленинизма, эксплуатирует огромную притягательную силу этого учения и под видом его нового, «высшего» этапа стремится навязать мировой армии коммунистов несовместимую с марксизмом-ленинизмом идейно-политическую платформу, направленную на борьбу против социалистических стран, на раскол международного коммунистического движения, всех антиимпериалистических сил.

Поэтому всесторонний марксистско-ленинский анализ политики китайских руководителей, и прежде всего их действий, направленных на подрыв единства мирового коммунистического движения, имеет большое теоретическое и практическое значение как необходимая предпосылка полного разоблачения маоизма и преодоления его вредных последствий.

В данной статье автор хотел бы проследить эволюцию подрывной, раскольнической деятельности маоистов в мировом коммунистическом движении, изменения их тактики на каждом этапе, последствия этой деятельности для коммунистического движения в 1957—1972 годах.

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., Политиздат, 1971, стр. 195.

* * *

Современный гегемонистский курс маоистской группировки в китайском руководстве возник не сразу. Он имел свои предпосылки в социально-экономическом положении страны, в истории Компартии Китая и утвердился в ожесточенной борьбе двух линий в партии — марксистско-ленинской, интернационалистской, с одной стороны, и мелкобуржуазной, националистической — с другой. В ходе этой борьбы к 1945 году временную победу одержала маоистская националистическая линия, получившая свое закрепление на VII съезде КПК.

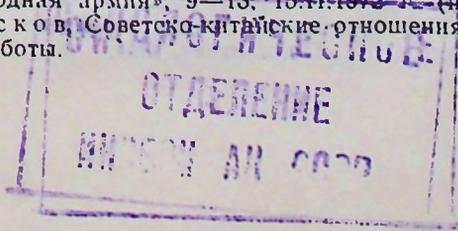
Но и после VII съезда, когда к концу подходила вторая мировая война, а судьба китайской революции еще не была решена, в руководстве Компартии Китая продолжалась борьба по вопросу о том, на союз с какими силами в международном плане должны ориентироваться китайские коммунисты. Группировке Мао Цзэ-дуна, делавшей ставку на поиски союза с США и предпринимавшей в этом направлении определенные шаги, противостояли интернационалисты, ориентировавшие партию на совместные действия с Советским Союзом и мировым коммунистическим движением. Маоистам в конце концов пришлось отказаться от планов блокирования с Вашингтоном. Немалую роль в этом сыграло то обстоятельство, что либералы в США, которые предлагали сделать ставку на национализм маоистов в мировой борьбе с силами социализма, оказались слабее сторонников жесткого курса, поддерживавших политику Чан Кай-ши на развязывание в стране гражданской войны и военный разгром коммунистов с американской помощью². В этих условиях у маоистов не оставалось иного выхода, как искать поддержки у Советского Союза.

В первый период существования КНР в силу объективных условий, сложившихся после прихода компартии к власти в отсталой, разоренной войнами стране, маоистская группировка до поры до времени вынуждена была скрывать свои националистические, гегемонистские планы и проводить политику сотрудничества с КПСС и другими братскими партиями. Это создало условия, позволившие интернационалистским силам в руководстве КПК и КНР укрепить свои позиции, что нашло выражение в победе их линии на VIII съезде КПК в 1956 году. Но и в этот период (1949—1956 гг.) националистическая группировка во главе с Мао Цзэ-дуном подспудно, преимущественно в идейно-политической области, готовилась к проведению гегемонистского курса в мировом коммунистическом движении. Решающими событиями, ускорившими переход к такому курсу, явились смерть И. В. Сталина, XX съезд КПСС и прошедший под влиянием его итогов VIII съезд КПК³.

Эволюция гегемонистской политики маоистской группировки прошла через несколько этапов, содержание которых определялось особенностями мирового развития, а также внутривнутриполитического развития Китая. Одним из основных факторов, оказывавших решающее влияние на характер этой эволюции, была борьба интернационалистской линии мирового коммунистического движения, интернационалистских сил в КПК за укрепление единства и сплоченности мировой социалистической системы и всего мирового коммунистического движения, против курса маоистской националистической группировки в китайском руководстве.

² Внешняя политика КНР, М., ИМО, 1971, стр. 141—142. Флирт через океан с эпилогом в Пекине. Серия статей, «Народная армия», 9—13, 16.11.1972 г. (на болг. яз.).

³ О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков, Советско-китайские отношения. 1945—1970. Краткий очерк, «Мысль», 1971, и др. работы.

В развитии гегемонистской политики маоистов можно выделить следующие этапы.

1957—1959 годы. Ревизия группой Мао Цзэ-дуна генеральной линии КПК на социалистическое строительство в Китае, отход маоистов от политики сотрудничества с КПСС и переход к активному формированию гегемонистского курса в отношении мирового коммунистического движения.

1960—1963 годы. Идеологическая борьба маоистской группировки против единства мирового коммунистического и рабочего движения.

1963—1969 годы. Открытая раскольническая деятельность маоистского руководства КПК в мировом коммунистическом движении. Создание сети пропекинских марионеточных группировок и попытки образования мирового маоистского политического течения.

Со второй половины 1969 года начался этап тактического маневрирования маоистов, усиления ими «дифференцированного подхода» к коммунистическим и рабочим партиям. Целью новой тактики является продолжение раскольнической деятельности против коммунистического движения с помощью более изощренных приемов и методов.

В борьбе против своих политических противников маоисты в поисках союзников идут на блокирование с любыми силами, включая империалистов.

Переход группы Мао Цзэ-дуна к формированию гегемонистского курса (1957—1959)

Первую явную попытку навязать свои взгляды мировому коммунистическому движению маоисты предприняли в ноябре 1957 года. Тогда на Московском совещании Мао Цзэ-дун попытался поставить под сомнение выводы XX съезда КПСС по вопросам мира, войны и революции, с которыми согласились все другие братские партии. Он выдвинул антимарксистский тезис о том, что победить мировой империализм можно только в результате мировой войны с применением ядерного оружия. Исходя из этого, он советовал отложить пока строительство социализма и прежде покончить с империализмом. Предлагая такую перспективу мирового развития, Мао Цзэ-дун рассчитывал, что в ходе глобального ракетно-ядерного конфликта наибольший ущерб понесут Советский Союз, развитые страны Европы и Америки и это поможет Китаю утвердить в мире свою безраздельную гегемонию. Представители братских партий отвергли концепции Мао Цзэ-дуна, приняли Декларацию, в которой дали марксистско-ленинскую оценку мирового революционного процесса и перспектив его развития⁴.

Неудача Мао Цзэ-дуна на совещании 1957 года ничему его не научила и, наоборот, побудила председателя КПК и его сторонников усилить борьбу за осуществление своих великодержавных планов.

В 1957—1959 годах маоистская группировка предпринимает окончившуюся неудачей попытку создать внутри Китая определенные материальные предпосылки для проведения на мировой арене гегемонистского курса. Это проявилось в отказе Мао Цзэ-дуна и его окружения от генеральной линии социалистического строительства в Китае, подтвержденной в решениях VIII съезда КПК, замене ее авантюристической политикой «трех красных знамен» (генеральная линия, большой скачок, па-

⁴ См.: «За сплоченность международного коммунистического движения». Документы и материалы, М., Политиздат, 1964.

родные коммуны) и нанесении первого серьезного удара по интернационалистским силам в партии⁵. Суть этой авантюристической политики заключалась в стремлении оспорить необходимость применения общих закономерностей социалистического строительства, сложившихся на основе опыта мирового коммунистического движения, и прежде всего опыта КПСС, и экстраординарными способами доказать большую жизнеспособность и эффективность маоистских путей развития экономики и решения политических и идеологических проблем общественной жизни. Успешное осуществление этой политики, по мысли Мао Цзэ-дуна, должно было поднять его престиж и побудить социалистические страны и коммунистическое движение принять идейное и политическое руководство Мао Цзэ-дуна и КПК.

Одновременно с проведением «большого скачка», поставившего страну в тяжелейшее экономическое положение, маоисты предпринимали скрытые шаги с целью дискредитации КПСС и СССР в глазах братских партий. Известны многие случаи, когда маоисты в эти годы пытались вызвать антисоветские чувства у руководящих деятелей социалистических стран, коммунистических и рабочих партий. Такая работа проводилась с теми, кто приезжал в Китай, с кем встречались работники китайских посольств за рубежом. Об этом, например, рассказывали латиноамериканские коммунисты, подвергавшиеся антисоветской обработке во время их визита в Пекин в 1956 году. В связи с венгерскими событиями маоисты стремились подтолкнуть лидеров некоторых социалистических стран на проведение враждебного курса в отношении СССР и т. п. Они встали на путь обострения международной обстановки, рассчитывая подтолкнуть развитие событий в мире в желаемом для них направлении⁶.

К концу 1959 года в процессе острой внутривнутрипартийной борьбы в КПК закончился период скрытой подготовки и формирования основ «особого курса» Мао Цзэ-дуна и его сторонников. Маоисты создали условия для перехода в открытое наступление на идеологические позиции мирового коммунистического движения с целью его раскола.

Идеологическая борьба маоистов против единства мирового коммунистического движения (1960—1963)

Именно это стремление разрушить единство мирового коммунистического движения средствами идеологической подрывной деятельности определяет содержание второго этапа в осуществлении китайским руководством его гегемонистских планов. В эти годы оно пытается любыми путями добиться от братских партий отказа от совместно выработанной генеральной линии мирового коммунистического движения и перехода на маоистскую идеологическую платформу.

⁵ См.: «Китай сегодня». Сборник статей, М., «Наука» 1970; Л. С. Кюзаджян, Идеологические кампании в КНР (1949—1966). М., «Наука», 1970; М. С. Каница, КНР: два десятилетия — две политики, М., Политиздат, 1969, и др. работы.

⁶ Наиболее серьезные последствия имели вооруженные провокации маоистов против Индии. Они представляли собой полный отход от внешнеполитических принципов, которыми руководствовались социалистические страны и все коммунистические партии, и нанесли в частности, первый серьезный удар по единству Коммунистической партии Индии, дав толчок к развертыванию антипартийными элементами фракционной деятельности. См.: «The India—China Border Dispute and the Communist Party of India», Statements and Speeches, 1959—1963, p. 25, 87, 88.

Переход маоистов в идеологическое наступление на принципы марксизма-ленинизма ознаменовался опубликованием в апреле 1960 года в Пекине сборника статей «Да здравствует ленинизм», который миллионными тиражами стал распространяться ими во всех странах. Острее этой антимарксистской брошюры было направлено против основ Декларации Московского совещания 1957 года, в ней популяризировались взгляды Мао Цзэ-дуна, отвергнутые на этом совещании. В июне 1960 года на Бухарестской встрече представители братских партий в форме товарищеской критики пытались разъяснить китайским делегатам ошибочность установок этой брошюры, однако китайцы отклонили эту критику и заявили о намерении продолжать пропаганду своих взглядов.

Особенность этого этапа состоит в том, что группа Мао Цзэ-дуна все свои усилия до 1962 года сосредоточила на борьбе против КПСС и СССР, против поддержанных большинством коммунистических и рабочих партий новых теоретических выводов советских коммунистов по ключевым проблемам современного революционного процесса и мирового развития. До этого времени она не допускала никаких выпадов против остальных коммунистических партий, все делая для того, чтобы оторвать их от КПСС. Поскольку Советский Союз является ныне самой могущественной социалистической и антиимпериалистической силой и консолидирующим фактором мировой социалистической системы и международного коммунистического движения, в Советском Союзе, в КПСС и их авторитете маоисты видели для себя главное препятствие на пути осуществления своих гегемонистских устремлений. Поэтому уже с начала 60-х годов пекинское руководство стремится дискредитировать первую страну социализма, ее коммунистическую партию, подорвать их престиж, преуменьшить революционное влияние их опыта⁷. Эти усилия, однако, не принесли маоистам желаемых плодов.

Важной вехой в борьбе мирового коммунистического движения за единство и сплоченность своих рядов в этот период явилось Московское совещание 1960 года. На нем братские партии подвергли серьезной аргументированной критике антимарксистские взгляды маоистского руководства по всем основным вопросам современности, показали, что в них совершенно не учитывается новая историческая обстановка, сложившаяся в мире в результате коренного изменения соотношения сил в пользу социализма.

Участники совещания решительно отвергли попытки маоистов поставить под сомнение общепризнанный авторитет КПСС и принципиальное значение ее революционного опыта, принизить и извратить ее роль в мировом коммунистическом движении⁸.

После совещания 1960 года маоистское руководство вело дело не к устранению, а к обострению возникших разногласий, шаг за шагом углубляло свои расхождения с КПСС и другими коммунистическими партиями⁹. В проведении этого курса Мао Цзэ-дуну приходилось ломать со-

⁷ Маоисты признавали, что начиная с Бухарестской встречи в июне 1960 года, на которой ими была предпринята попытка опорочить политику КПСС и противопоставить ее остальным коммунистическим партиям, они стали «вести борьбу с руководством КПСС». См. совместную статью «Жэньминь жибао» и «Хуаши» от 6.IX.1963.

⁸ «За сплоченность международного коммунистического движения». Документы и материалы, стр. 17, 18.

⁹ Новую попытку дискредитировать КПСС маоисты предприняли на XXII съезде КПСС. Буржуазные авторы с удовлетворением комментировали поведение китайской делегации на съезде, ее преждевременный отъезд и характер устроенной ей в Китае встречи как «начало открытой борьбы» Пекина против коммунистического движения. См.: A. R. Scalapino. Peking and the Communist Party of Asia, «Foreign Affairs», January, 1963, vol. 41, № 2.

противление в КПК и ее руководстве со стороны тех, кто осознал пагубность его политики для дела социалистического строительства в Китае. В сентябре 1962 года на X пленуме ЦК КПК Мао сумел добиться одобрения своих внешнеполитических установок¹⁰.

С этого времени начинает меняться и тактика гегемонистской борьбы маоистов. Если до X пленума ЦК КПК объектом их нападков были только КПСС и советское государство, то теперь они переходят в наступление на руководство не согласных с ними социалистических стран и коммунистических партий капиталистического мира. Это была реакция маоистов на позицию братских партий в отношении их антиленинских концепций. До этого китайское руководство подверглось серьезной критике на съездах коммунистических и рабочих партий Болгарии, Венгрии, Чехословакии, ГДР и Италии. Более сорока коммунистических партий в резолюциях, решениях пленумов, заявлениях и статьях резко осудили антисоциалистические акции маоистов, показали несостоятельность их теоретических концепций.

С декабря 1962 по март 1963 года группа Мао Цзэ-дуна публикует серию из восьми статей, в которых обрушивается с нападками на коммунистические партии Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии, Италии, Франции, США и Индии. Идеологические публикации маоистов начинают терять характер принципиальной товарищеской дискуссии, все больше изобилуют грубыми клеветническими выпадами против несогласных с ними братских партий¹¹.

В этот период коммунистические и рабочие партии многое делают для преодоления разногласий, возникших в движении. Они руководствуются при этом указанием В. И. Ленина о том, что «в интересах сохранения единства необходимо избегать всего, что мешает преодолению внутренних разногласий»¹². Однако все усилия братских партий не принесли желаемых результатов. Упорно продолжая проведение гегемонистского курса, маоистское руководство КПК 14 июня 1963 года опубликовало документ под претенциозным названием «Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения («25 пунктов»)». Если до сих пор маоисты подвергали ревизии отдельные положения марксизма-ленинизма, то этот документ представлял уже целую идейную платформу, излагавшую их особые взгляды по всем принципиальным вопросам научного коммунизма. Эту несовместимую с ленинизмом платформу они решили навязать в качестве генеральной линии всему мировому коммунистическому движению.

После опубликования маоистами этого документа братским партиям стало окончательно ясно, что в данном случае речь идет не о заблуждениях, а о заранее подготовленной великодержавной политике маоистских лидеров. Подавляющее большинство братских партий подвергли этот документ суровой принципиальной критике. Они отмечали, что эта принятая одной партией альтернативная линия противоречит Московской декларации и Московскому заявлению, марксизму-ленинизму и

¹⁰ В решениях пленума была поставлена задача усилить борьбу против «современных ревизионистов», которыми маоисты стали называть КПСС и Советский Союз, социалистические страны и все несогласные с Мао коммунистические партии.

¹¹ Такое поведение маоистов вызвало решительный отпор со стороны соответствующих компартий. Они обращали внимание на то, что маоисты заимствовали клеветнические приемы капиталистической реакции. Так, например, на пленуме ЦК ФКП в мае 1963 г. Вальдек Роше, оценивая китайскую статью «Ответ М: Торезу», говорил: «Мы не можем без возмущения относиться к тому, что эта реакционная клевета исходит теперь из уст коммунистов». См.: «L'Humanité», 9.V.1963.

¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, стр. 297.

пролетарскому интернационализму¹³. ЦК КПСС дал оценку и обстоятельный анализ «25 пунктов» в Открытом письме к партийным организациям, ко всем коммунистам Советского Союза.

Опубликование маоистским руководством «25 пунктов» как бы подвело итог длительной идеологической кампании, которую оно вело с целью завоевания лидерства в мировом коммунистическом движении. Этой цели маоистам достичь не удалось. К концу рассматриваемого периода они смогли в той или иной степени подчинить своему влиянию лишь несколько партий, в руководстве которых были сильны мелкобуржуазные, националистические тенденции. Коммунистическое движение в целом отвергло гегемонистские поползновения маоистов.

Раскольническая деятельность маоистского руководства КПК в мировом коммунистическом движении (1963—1969)

Не сумев подчинить себе мировое коммунистическое и рабочее движение с помощью идеологической борьбы, маоистское руководство КПК переходит с конца 1963 года к новому этапу — к широкой раскольнической деятельности в коммунистических партиях.

Эта деятельность началась публикацией маоистами с 6 сентября 1963 года девяти установочных антисоветских статей. В статьях делается попытка обосновать раскольнический курс, излагается его программа, определяются объекты борьбы. Главной формой и средством раскола избирается политика антисоветизма¹⁴. Особое внимание маоисты обращают на поощрение в коммунистических партиях националистических сепаратистских тенденций. Используя то обстоятельство, что коммунистические партии различных стран действуют в разнообразных конкретно-исторических условиях и что они, естественно, стремятся приблизить свою деятельность к национально-специфическим особенностям собственных стран, маоисты подталкивают их к отходу от марксизма-ленинизма, затушевывают общие закономерности революционной борьбы и строительства социализма, преуменьшают, в частности, всеобщность опыта Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР¹⁵.

Встав на путь открытой раскольнической деятельности, маоисты избрали главным направлением удара социалистические страны. При этом они исходят из того, что им не удастся осуществить великодержавные гегемонистские планы, подчинить себе мировое коммунистическое движение, не установив господства в мировой социалистической системе, которая на современном этапе оказывает решающее воздействие на развитие мировых событий, является оплотом всего коммунистического движения.

Пытаясь оторвать социалистические страны от Советского Союза,

¹³ См., например, оценку «25 пунктов» Компартией Индии — «On the Ideological Controversy in the International Communist Movement. Resolutions of National Committee of the Communist Party of India», New Delhi, 14—19.X.1963., p. 16, 17.

¹⁴ Маоисты создают миф о «капиталистическом перерождении» КПСС и советского государства, утверждают, что последние стали главной силой «современного ревизионизма», против которой все «подлинные» марксисты-ленинцы должны вести решительную борьбу. См. совместные статьи «Жэньминь жибао» и «Хуници», 6.IX.1963, 4.II.1964, 31.III.1964, 13.IX.1963 и др.

¹⁵ См.: «Относительно полемики по поводу генеральной линии международного коммунистического движения», сборник материалов, Пекин, 1965.

маоисты широко пользуются методами противопоставления политических и экономических интересов СССР, с одной стороны, и остальных социалистических стран — с другой. Маоисты стремятся оклеветать сложившиеся в социалистическом содружестве отношения дружбы и равноправного, взаимовыгодного сотрудничества, подорвать коллективные органы военно-политического и экономического сотрудничества социалистических стран¹⁶. Для осложнения отношений между социалистическими странами маоисты состряпали так называемый «территориальный» вопрос. Пекинские деятели взяли на себя роль «защитников» суверенитета и независимости социалистических стран, которым якобы угрожает Советский Союз; они обвиняют страну Ленина в проведении политики «социал-колониализма» и «социал-империализма». Эти ярлыки, ставящие Советский Союз на одну доску с империалистическими государствами, были сфабрикованы в Пекине после чехословацких событий и с тех пор постоянно используются в маоистской пропаганде. Вслед за буржуазными идеологами маоисты приписывают Советскому Союзу изобретение формулы «ограниченного суверенитета» в отношении к социалистическим странам.

Руководители социалистических стран не раз давали решительный отпор попыткам маоистского руководства КПК опорочить характер отношений между Советским Союзом и другими социалистическими странами, в том числе и в рамках Варшавского Договора и СЭВ. Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, например, говорил, что чехословацкие коммунисты решительно отбрасывают различные лжетеории об «ограниченном суверенитете» и считают, что они искусственно созданы классовыми врагами, являются проявлением антикоммунизма. Руководитель КПЧ охарактеризовал как недопустимые «усилия группы Мао Цзэ-дуна подорвать отношения между социалистическими странами, поддерживать и расширять сепаратистские националистические тенденции и антисоветские настроения, ослаблять и нарушать дружеские и союзнические связи между Советским Союзом и другими социалистическими странами»¹⁷.

Выступая в роли «защитников» суверенитета социалистических стран, маоисты в рассматриваемый период проводили в отношении них политику давления, вмешательства во внутренние дела, резко свернули с ними торгово-экономические связи, вели прямую подрывную деятельность. За пределами Польши, Венгрии, Югославии в противовес коммунистическим и рабочим партиям этих стран они сколотили из различного рода отщепенцев и ренегатов раскольнические группировки. Маоисты вели против социалистических стран подрывную печатную и радиопропаганду. Пекин выступил в поддержку антисоциалистических сил во время чехословацких событий, целиком смыкаясь в этом отношении с силами империалистической реакции.

В братских партиях капиталистических и развивающихся стран маоисты начиная с 1963 года способствовали развертыванию фракционной деятельности, политически и материально поощряли ее, побуждая своих сторонников бороться за захват руководства в партиях, а там, где это не удавалось, призывали их к расколу, к созданию параллельных группировок. Исключенным из компартий кучкам фракционеров и рене-

¹⁶ См. совместные статьи «Жэньминь жибао» и «Хунци» от 6.IX.1963, 13.IX.1963, 4.II.1964 и др. пекинские публикации в эти годы. Именно в этом антисоветском духе выдержаны редакционные материалы газеты «Жэньминь жибао» за 22.VIII.1968, выступления Чжоу Энь-лая в посольстве Румынии 22.VIII.1968 и в посольстве ДРВ 2.IX.1968 г., выступление Чэнь И в посольстве Албании 6.X.1968 г., статья «Жэньминь жибао» за 10.XI.1968 г. и др.

¹⁷ «Правда», 13.VI.1969.

гатов маонеты помогали создавать собственные раскольнические организации¹⁸. Одна из особенностей раскольнической деятельности маонистов заключалась в том, что объектами своих основных ударов они избрали наиболее крупные и влиятельные компартии, такие, как французская, итальянская, индийская и др.¹⁹.

Эволюция раскольнической борьбы маонистов против компартий развитых стран Запада и стран «третьего мира» подтверждает ту непреложную истину, что политические деятели, отходящие от марксизма-ленинизма, неизбежно становятся на беспринципные идеологические и политические позиции, объединяются со всеми врагами научного коммунизма. Факты свидетельствуют, что действия маонистов против коммунистических и рабочих партий, по существу, сливаются в единый поток с деятельностью правого и «левого» оппортунизма, начиная от Р. Гароди и Э. Фишера и кончая группой Петкова-Маркеса и группой «Манифесто». Маонизм в известной степени становится питательной почвой для появления этих новых ревизионистских течений. Более того, маонизм в борьбе против компартий практически смыкается также с троцкизмом, с правыми социалистами, с мелкобуржуазными радикальными партиями.

Анализ той социальной базы, на которую пытается опереться маонизм, показывает, что и в капиталистических и в развивающихся странах, за исключением различного рода фракционеров, отщепенцев и ренегатов, маонистам удастся привлечь на свою сторону лишь небольшую часть мелкобуржуазных слоев, неопытной и незрелой студенческой молодежи, вступающих на путь революционной борьбы. Маонисты используют идеологическую и политическую неустойчивость этих людей, легко подверженных пропаганде мелкобуржуазного революционаризма²⁰. В развивающихся странах, помимо мелкобуржуазных городских элементов, под влияние маонистов подпадает какая-то часть неквалифицированных рабочих и пауперизированных крестьян²¹. Представители этих слоев, как правило искренне заинтересованные в революционном изменении капиталистических порядков и других систем угнетения в своих странах, чаще всего попадают в сети маонистов там, где они остаются за пределами влияния коммунистических партий.

Обращает на себя внимание, что в развитых странах Запада и в некоторых странах Латинской Америки маонисты стремятся подчинить своему влиянию молодежное, и прежде всего студенческое движение, движение «новых левых» и толкнуть их на широкие авантюристические выступления. Эти силы маонисты пытаются противопоставить компартиям и использовать в своей раскольнической деятельности. Наиболее четко эти особенности маонистской тактики проявились в майско-июньских событиях 1968 года во Франции²².

¹⁸ См. совместные статьи «Жэньминь жибао» и «Хунци» от 6.IX.1963, 22.X.1963, 4.II.1964 и др.

¹⁹ См. статьи «Жэньминь жибао» за 31.XII.1962, 27.II.1963, «Хунци», 1963, № 3—4, «Жэньминь жибао» за 9.III.1963, направленные против компартий этих стран.

²⁰ См.: Шведская молодежь и коммунисты «Проблемы мира и социализма» ПМС, 1966, № 3, Х. Диас, Коммунистическая партия в испанских университетах. ПМС, 1967, № 3.

²¹ А. Рамзи, А. Левковский, Мелкобуржуазные массы в революционных движениях «третьего мира». ПМС, 1966, № 1; В. Лукин, Некоторые особенности классовой структуры в странах Южной и Юго-Восточной Азии. ПМС, 1966, № 11, Классовая структура стран Африки. ПМС, 1967, № 3, и др.

²² Лео Фигер, «Левацкие течения» — козырь в игре крупного капитала. «Cahier du Communisme», июль 1971; Жан Моро, Новые крайние «левые» силы Франции. «Le Nouvelle Observateur», 26.X.1970; Р. Дальтон, Студенты в латиноамериканской революции. ПМС, 1966, № 3; Ги Бесс, Возможное и невозможное. «France nouvelle», 7.VIII.1968. Речь Вальдека Роше на пленуме ЦК ФКП в Нантере 8—9 июля 1968 г.

Все эти годы (1963—1969) маоисты лицемерно заявляли, что являются сторонниками единства мирового коммунистического движения. На деле же они делали все возможное, чтобы помешать усилиям братских партий, направленным на преодоление разногласий в движении. Опираясь на раскольнические группировки, на всех своих сторонников, они стремились не допустить проведения нового международного совещания коммунистических и рабочих партий. Маоисты отвергали все попытки братских партий прекратить открытую полемику, вступить в контакты в интересах нормализации отношений. Напротив, Мао Цзэ-дун и его окружение вынашивали планы и предпринимали неоднократно практические шаги с целью создания собственного мирового политического течения — маоистского интернационала²³.

Эта раскольническая деятельность маоистского руководства нанесла большой ущерб коммунистическим партиям, всем революционным силам. Она серьезно усложнила борьбу компартий за массы, затруднила их идейно-политическую работу в средних городских слоях, и особенно среди студенческой молодежи, мешала направить их революционную энергию по правильному пути. В целом раскольническая деятельность маоистов создала дополнительные препятствия для объединения в каждой стране в единый народный фронт всех сил, заинтересованных в борьбе против власти монополий, за мир, демократию и социализм.

Особенно большой ущерб раскольническая политика маоистов наносит революционным силам развивающихся стран, многие из которых стоят перед выбором пути развития. Отличительная черта маоистской тактики в 1963—1969 годах состояла в стремлении навязать коммунистическим и другим революционным партиям этих стран методы вооруженной борьбы независимо от наличия для этого объективных условий²⁴. При этом до самого последнего времени маоистами практически игнорировались все другие формы революционной борьбы. Наиболее настойчиво эта тактика проводилась в странах Азии, на развитие событий в которых маоисты имеют возможность оказывать сравнительно большое влияние. В странах Африки маоисты пытаются поставить под свой контроль национально-освободительные войны, не останавливаясь ради достижения этой цели перед расколом национально-революционных партий, возглавляющих эту борьбу²⁵. В Азии и Африке маоисты стремятся опорочить путь некапиталистического развития, социалистической ориентации, избранный рядом стран, делают попытки навязать коммунистическим и национально-демократическим партиям этих стран свои схемы социально-экономического развития, и в частности антисоциалистический принцип «опоры на собственные силы», направленный на разрушение сотрудничества между афро-азиатскими народами и европейскими социалистическими странами, прежде всего с Советским Союзом.

²³ «За сплоченность международного коммунистического движения». Документы и материалы, стр. 233, 234; журнал «Коммунист», 1969, № 5. «Tribune» (Ceylon), 19.IX.1964.

²⁴ «Власть, независимость, свобода, равенство,— утверждали маоисты,— могут быть завоеваны лишь при помощи оружия, а также могут быть сохранены лишь при помощи оружия. Это всеобщий закон классово-борьбы» (см. «Жэньминь жибао», 24.VI.1964).

²⁵ Усилиями маоистской агентуры национально-революционные партии были расколоты в Родезии, Гвинее (Бисау), Анголе, Сенегале, ЮАР, Мозамбике. См. «Маоизм глазами коммунистов», М., «Прогресс», 1969, стр. 159—167; Журнал «Проблемы мира и социализма», 1966, № 2, стр. 54—55. Секретарь ЦК Туниской Компартии М. Хармель указывал, что «маоизм опасен для национально-освободительного движения, он стал препятствием в его борьбе против империализма» («Правда», 11.VI. 1969).

В Латинской Америке маонисты в 1963—1969 годах любыми путями стремились установить свой контроль над компартиями и другими революционными организациями, пытались в этих целях эксплуатировать опыт кубинской революции, доказывая, будто она представляет собой целиком воплощение маонистских «революционных» схем. В отношении прокитайских группировок к вооруженной борьбе на латиноамериканском континенте наиболее четко проявился прагматизм маонистов, который выражается в глубоком противоречии между их действительными узкоэгоистическими целями и провозглашаемыми ими теоретическими установками. В некоторых странах маонисты не только не поддерживали, но прямо бойкотировали вооруженную партизанскую борьбу. А ее лозунг они использовали лишь как пропагандистское средство для расширения своего влияния²⁶.

За годы активной подрывной деятельности против коммунистического движения маонисты создали раскольнические группировки более чем в 40 странах. Все свои усилия эти группировки сосредоточили на подрывных действиях против коммунистических партий.

Те немногие коммунистические партии, которые взяли на вооруженные концепции Мао Цзэ-дуна и встали на путь авантюристических действий, серьезно ослабили свои позиции. Трагически сложилась судьба Коммунистической партии Индонезии. Эта самая крупная компартия в «третьем мире» жестоко поплатилась за оппортунистические ошибки, которые ее руководство совершило под влиянием Пекина. Ослабленная этими ошибками, КПИ не смогла противостоять натиску реакции, которая подвергла террору и репрессиям сотни тысяч членов партии. Тяжелые поражения понесла Компартия Бирмы, которую Пекин толкнул на вооруженную борьбу против революционно-демократического правительства. В условиях отсутствия революционной ситуации и изоляции от масс ведут бесперспективную, ограниченную небольшими очагами партизанскую борьбу компартии Малайи и Таиланда, маонистские группы на Филиппинах.

Своего апогея открытая раскольническая деятельность маонистов достигла в годы «культурной революции», направленной своим острием против интернационалистских сил в КПК и в государстве, выступавших за осуществление генеральной линии социалистического строительства в Китае, за развитие дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Эскалация политики антисоветизма в эти годы вылилась в вооруженные провокации маонистов на советско-китайской границе, преследовавшие далеко идущие внешнеполитические цели — создание условий для последующей великодержавной игры с силами мирового империализма, прежде всего американского. В эти же годы маонисты усиливают борьбу против социалистических стран и большинства коммунистических партий. Они стремились максимально развить деятельность своих марионеточных группировок, требуя от них интенсификации подрывных действий против компартий, ведения широкой антисоветской пропаганды, прославления Мао Цзэ-дуна и «культурной революции».

IX съезд КПК (апрель 1969 г.) стал, по существу, организационным съездом новой маонистской партии. Он одобрил расправу маонистов над всеми противниками Мао Цзэ-дуна, принял новый устав, который объявил «идеи Мао Цзэ-дуна» теоретической основой не только КПК, но и всего международного коммунистического движения. В решениях XI и

²⁶ См.: Сесар Левано, Уроки партизанских боев в Перу. ПМС, 1966, № 9, стр. 53, 54.

XII пленумов ЦК КПК 8-го созыва, IX съезда КПК и последовавших I и II пленумов ЦК КПК практически был закреплен полный разрыв маонистов со странами социалистического содружества, с мировым коммунистическим движением, с марксизмом-ленинизмом и пролетарским интернационализмом.

В целом рассматриваемый период ознаменовался крушением раскольнических планов Мао Цзэ-дуна и его окружения. Им не удалось добиться раскола братских партий, за исключением Компартии Индии. В других случаях маонисты смогли добиться выхода из ряда партий лишь небольших групп фракционеров. Созданные ими группировки, лишённые массовой опоры, в большинстве своем представляют изолированные секты. Они, как правило, раздираются фракционной борьбой. В странах, где их имеется несколько, они враждуют между собой, добиваясь благоволения Пекина. Пекинские руководители не раз ставили задачу объединения в каждой стране раскольнических группировок в единую общенациональную организацию, но практически эта задача остается неразрешимой. К IX съезду КПК стало совершенно очевидно, что раскольническая деятельность маонистов против коммунистических и рабочих партий потерпела крах.

Исключительно большой победой всех интернационалистских сил в мировом коммунистическом движении стал созыв Московского Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г. Участники Совещания сурово осудили маонистскую политику раскола и антисоветизма, убедительно показали, что эта политика осложняет положение в мире, ослабляет социалистическую систему, мировое коммунистическое и национально-освободительное движения и объективно используется империализмом в его борьбе с силами мира, демократии и социализма.

Но, критикуя антиленинскую теорию и практику маонизма, участники Совещания отнюдь не ставили перед собой задачу отлучить Коммунистическую партию Китая от мирового коммунистического движения. Осуждая действия маонистов, они исходили из коренных интересов мирового революционного движения и одновременно из жизненных интересов китайского народа, из интересов социалистического строительства в Китае, оказавшихся под угрозой в результате осуществления «особого курса» Мао Цзэ-дуна. Участники Совещания руководствовались стремлением помочь коммунистам Китая преодолеть вредный антиленинский курс маонистской группировки.

Программные документы, принятые Совещанием, были составлены в позитивном плане. Определяя задачи борьбы против империализма на современном этапе и необходимость единства действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил, Основной документ Совещания открывает перед руководством КПК возможность вернуть свою партию в мировую армию коммунистов, ведущую самоотверженную борьбу против империализма, за мир, демократию и социализм.

Таким образом, Совещание, противопоставившее шовинизму маонистов свою интернациональную политику, отмеченную заботой об общих всем народам интересах мира и социализма, явилось сокрушительным поражением раскольнического курса маонистского руководства КПК, поставившего себя в положение полной изоляции в мировом коммунистическом движении. Группа Мао Цзэ-дуна, узурпировавшая власть в партии и стране, встретила Совещание и разработанные им документы в штыки. Она окрестила его «черным сборищем», продемонстрировала намерение продолжать подрывную деятельность против мирового коммунистического движения. Вместе с тем после Совещания, работа и докумен-

ты которого были положительно оценены всеми антиимпериалистическими силами, маоисты не могли действовать прежними методами, вести лобовую атаку на страны социалистического содружества, на мировое коммунистическое движение. Московское Совецание 1969 года поставило маоистов перед необходимостью приспособлять свою политику к новым условиям.

Изменения в тактике раскольнической деятельности маоистов в конце 60-х — начале 70-х годов

Разработка маоистами с конца 1969 года новой тактики раскольнической деятельности диктовалась и внутренними, и внешними политическими причинами.

К IX съезду КПК маоистам удалось достигнуть относительной стабилизации внутривластной обстановки — они сумели подавить открытое сопротивление и разгромить основных политических противников, создали собственные органы власти — ревкомы. После завершения в основном «культурной революции», дезорганизовавшей общественное производство, экономическое положение страны постепенно начало улучшаться. Все это создавало определенные материальные предпосылки и развязывало руки маоистам для активизации их внешнеполитической деятельности, но уже в более умеренном «ключе». Эта «умеренность» была вызвана, в частности, тем, что маоисты, будучи вынужденными считаться с недовольством широких масс населения из-за падения уровня их жизни в годы «культурной революции», понимали, что для решения острых экономических проблем, помимо других мер, необходимо восстанавливать и развивать прерванные или подорванные внешнеполитические и экономические связи КНР.

Придание внешне более умеренного тона акциям маоистов на мировой арене было продиктовано также банкротством экстремистского курса Пекина, нанесшего большой ущерб революционным силам в различных районах мира и вызвавшего разочарование в нем даже у многих сторонников маоизма. Мао Цзэ-дуну и его приближенным приходилось учитывать, что их политика оголтелого антисоветизма, дошедшая до вооруженных провокаций против Советского Союза, вызвала резкое осуждение прогрессивной мировой общественности, что в результате всего этого КПК и КНР оказались в положении глубокой внешнеполитической изоляции.

С учетом действия этих внутренних и внешних факторов маоистское руководство начало со второй половины 1969 года все чаще прибегать к политическому маневрированию, стремясь завуалировать, а в отдельных случаях даже вовсе исключить экстремистские черты своей политики. Так, маоистские лидеры прекратили нападки на некоторые коммунистические партии, стали проявлять более дифференцированный подход к социалистическим странам, пошли на относительную нормализацию отношений с Советским Союзом. В Пекине, в частности, согласились на встречу в сентябре 1969 года с главой советского правительства А. Н. Косыгиным, на проведение переговоров с Советским Союзом по пограничным вопросам. Маоисты пошли на приглушение и изменение в пропаганде некоторых основополагающих тезисов маоистской платфор-

мы, не акцентируют внимание на наиболее однозвучных великодержавных лозунгах и призывах.

Более того, в последнее время пекинская пропаганда всячески стремится изобразить теорию и практику маоизма как марксизм-ленинизм и уже не утверждает, что «маоизм представляет вершину марксизма-ленинизма», а Китай является «центром мировой революции». Ответственность за такого рода утверждения, изобличающие гегемонистскую направленность маоистской политики, перекладывается сейчас на устраненных противников Мао Цзэ-дуна. Эти новые нюансы в китайской пропаганде призваны породить в социалистических странах и в коммунистических партиях мира иллюзии об отходе маоистов с прежних идеологических позиций.

Однако тактические изменения в политике маоистов не свидетельствуют об их отказе от раскольнической деятельности в мировом коммунистическом движении.

Усиливая дифференцированный подход к социалистическим странам, делая попытки сблизиться с некоторыми из них, маоисты всячески провоцируют проявление в этих странах националистических, сепаратистских тенденций, пытаются восстановить их против КПСС и СССР, соблазняют их предложениями о расширении торгово-экономических отношений с КНР.

Одновременно маоисты не отказываются и от недружественных акций в отношении отдельных социалистических стран. В декабре 1970 года, воспользовавшись выступлением антисоциалистических элементов в Польше, китайское руководство открыто призвало их к свержению правительства этой социалистической страны²⁷. Главной целью, которую маоисты преследуют в отношении стран социалистического содружества, является дискредитация отношений союза и сотрудничества между этими странами, подрыв единства содружества²⁸.

Смысл политики маоистов в отношении коммунистического движения на новом этапе заключается в стремлении привлечь на свою сторону отдельные компартии или побудить их занять нейтралистские позиции в идеологической борьбе с маоизмом, прекратить критику его теории и практики.

Добиваясь этой цели, маоисты в последние годы используют самые коварные приемы, они пытаются, например, заигрывать с некоторыми партиями. Маоисты, приглашая в Пекин журналистов и даже делегации некоторых компартий, стремятся создать у них выгодное для себя представление о современной китайской действительности, убедить их в якобы «благотворном» влиянии «культурной революции» на политические и социально-экономические процессы в китайском обществе. Ряд достижений в экономике страны, явившихся следствием отхода от некоторых волюнтаристских методов Мао Цзэ-дуна и возвращения по отдельным вопросам к прежней практике, сложившейся в Китае в ходе социалистического строительства в 50-е годы, пекинские пропагандисты выдают за победу «идей Мао», за результаты «культурной революции». Таким путем маоисты рассчитывают создать у некоторых партий впечатление, будто маоизм исторически себя оправдал и способен обеспечить социалистическое развитие страны. При этом они эксплуатируют ложные впечатления, складывающиеся порой в этих партиях, будто у маоистского

²⁷ См.: «Жэньминь жибао», 22.XII.1970.

²⁸ См. совместную статью «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефанцзюнь бао», 1.1.1972.

руководства появился какой-то новый конструктивный подход к решению международных проблем.

Определяющая черта новой маоистской политики развития отношений с коммунистическими партиями состоит в намерении маоистов осуществлять ее на основе дальнейшего усиления антисоветизма. Китайская пропаганда и официальные китайские деятели не прекращают усилий с целью очернить, фальсифицировать в глазах компартий внутреннюю и внешнюю политику КПСС и Советского Союза. Этой задаче, в частности, служит широко используемая Пекином концепция борьбы против «двух сверхдержав», заимствованная у буржуазных идеологов. Однако своими действиями маоисты, помимо воли, разоблачают фальшь этого тезиса, показывают, что в действительности они борются исключительно против Советского Союза и одновременно ведут сложную игру с американским империализмом в ущерб борьбе народов за мир и социальный прогресс.

Все больше фактов свидетельствуют о том, что в борьбе против мирового социализма и коммунистического движения маоисты ищут себе союзников среди правых и «левых» оппортунистов, социал-реформистов, разного рода националистов и даже среди откровенных антикоммунистов, включая представителей правящих кругов империалистических держав.

Совместные выступления представителей Пекина и Вашингтона на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН против национально-освободительной борьбы народа Бангладеш, против советского предложения о созыве Всемирной конференции по разоружению, против предложений о мирном, политическом урегулировании ближневосточного кризиса, другие акции китайских руководителей убеждают всех коммунистов, что между декларациями Пекина и его политической практикой имеется большая разница.

Прибегая к тезису борьбы против «двух сверхдержав», маоистские лидеры стремятся представить себя «защитниками» интересов «средних и малых стран» и таким путем внести раскол в ряды антиимпериалистических сил. Широкая пропаганда этого тезиса призвана скрыть гегемонистские устремления маоистов.

С этой же целью маоисты в последнее время стали причислять Китай к развивающимся странам. Выдвижение этого тезиса, пропагандистские спекуляции вокруг него призваны создать в странах «третьего мира» впечатление об общности их интересов с интересами маоистов и помочь последним использовать эти страны в своей великодержавной политике.

Предательская политика маоистов в отношении коммунистического и национально-освободительного движения усиливает процесс ослабления сил сторонников Пекина во многих странах. В ряде пропекинских группировок происходит переоценка маоистских догм. Особенно активно пересматривается отношение к этим догмам там, где попытки осуществления их на практике привели к серьезным поражениям. Такие факты имеют место в Европе, в Азии, в Латинской Америке.

Анализ изменений в политике китайского руководства в отношении мирового коммунистического движения в последние годы позволяет прийти к выводу, что эти изменения — следствие краха маоизма, что именно поэтому маоисты маневрируют, меняют тактику, меняют даже некоторые принципиальные внешнеполитические установки, оставляя, однако, неизменными свои стратегические цели.

Из установочных статей китайского руководства, опубликованных в 1970 году и в последующие годы, явствует, что оно намерено продолжать усилия с целью раскола коммунистического движения. Маоисты

видят свой «интернациональный долг» в доведении «до конца» борьбы против всех тех коммунистических партий, которые ими объявлены «ревизионистскими». Одновременно они ставят задачу создания в каждой стране вместо подлинной марксистско-ленинской партии зависимой от них так называемой «пролетарской революционной партии, окончательно порвавшей с ревизионистской линией».

Непрекращающаяся подрывная деятельность Пекина против коммунистического движения свидетельствует, что здесь мы имеем дело не с пустыми декларациями. В 1970 году пекинская агентура создала раскольническую группировку в Турции, были реорганизованы прокитайские группировки в Нидерландах. Есть свидетельства, что агентура Пекина была замешана в антиправительственном мятеже на Цейлоне в 1971 году, в продолжающихся там время от времени повстанческих выступлениях. Китайское руководство летом 1971 года открыто поддержало кровавые репрессии реакции против Коммунистической партии Судана. Не прекращают маоисты подрывной деятельности против Коммунистической партии Японии. Они используют для этого свои раскольнические группировки, связанные с Пекином так называемые «дружественные фирмы». Маоисты «обрабатывают» также приезжающие в Пекин делегации различных японских партий и деловых кругов, открыто подстрекая их к выступлениям против Компартии Японии. Агентура маоистов совершает грубые нападки на Французскую коммунистическую партию. Дело дошло до того, что «леваки» угрожали физической расправой члену Политбюро ФКП, ветерану международного коммунистического движения сенатору Жаку Дюкло. Выступления маоистских группировок против коммунистических партий имеют место в ФРГ, США, Сирии, Италии и в некоторых других странах. Во время последнего визита в Пекин лидера английской раскольнической группы Берча перед ним была поставлена задача добиваться объединения промаоистских сил в Западной Европе.

Маоисты ведут явную и скрытую подрывную работу против усилий компартий, направленных на создание широких народных блоков и союзов, против уже действующих народных фронтов. В частности, они стремятся подорвать сплоченность блока народного единства, стоящего у власти в Чили. С этой целью они настраивают представителей партий, входящих в этот блок, против Компартии Чили. Маоисты стремятся опровергнуть опыт участия компартий в таких прогрессивных правительствах, как правительство Народного единства в Чили. В статье, посвященной 50-летию КПК, пекинские пропагандисты утверждают, явно имея в виду чилийских коммунистов, что, даже если компартия завоевывает парламентское большинство и принимает участие в правительстве, «это еще не означает изменения буржуазного характера государственной власти», поскольку буржуазия якобы может «подкупить компартию и превратить ее в партию ревизионистскую».

Новая тактика маоистов в отношении мирового коммунистического движения характеризуется, таким образом, применением более широкого арсенала приемов и средств, большей изощренностью и лицемерием. Она подчинена все тем же гегемонистским, великодержавным целям. Поэтому борьбу против теории и практики маоизма, наиболее опасно из всех оппортунистических течений, с которыми приходилось когда-либо сталкиваться коммунистическому и рабочему движению, марксистско-ленинские партии рассматривают как свой важнейший интернациональный долг, как непременное условие достижения полного единства действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил.

Япония перед лицом серьезных испытаний

И. И. Ивков

Уход с поста премьер-министра Японии престарелого Сато, связанного с наиболее консервативной частью правящей либерально-демократической партии, и приход к власти сравнительно молодого и динамичного Танаки из этой же партии, занимавшего в правительстве Сато ряд важных постов, не является простым актом смены власти, замены одного обанкротившегося лидера другим. Хотя внешне отставка правительства Сато может выглядеть как маневр правящих кругов, направленный на то, чтобы создать видимость, что с приходом к власти нового главы правительства будет изменена внутренняя и внешняя политика Японии, в действительности уход Сато обусловлен целым рядом факторов, связанных с обострением социально-экономических противоречий внутри страны и ослаблением позиций Японии на международной арене.

Страна Восходящего солнца оказалась перед лицом серьезных трудностей, выход из которых требует принятия долгосрочных стратегических решений по многим вопросам внутренней и внешней политики Японии. Японское «экономическое чудо», заквашенное на потогонной системе эксплуатации японских трудящихся, оказалось недолговечным. Хотя японский империализм в послевоенные годы значительно модернизировался — преодолел свой военно-феодалный характер и превратил Японию в страну классического государственно-монополистического капитализма, он не смог преодолеть цикличности развития и обострения всех противоречий, свойственных современному капиталистическому обществу.

Японская экономика переживает серьезную депрессию, которая длится уже около двух лет, продолжается рост затоваривания промышленной продукции, снижаются прибыли корпораций, быстро растут цены, резко ухудшается материальное положение японских трудящихся. Страна вступает в период резкого обострения социально-политических противоречий и усиления классовых антагонизмов.

Япония стоит перед необходимостью решения ряда крупных внешне-политических проблем. Она остро нуждается в новых рынках и источниках сырья. Осложняются отношения Японии с ее основным союзником — Соединенными Штатами Америки. На повестку дня встал вопрос о нормализации отношений с Китаем, решение которого затрудняется открытым вмешательством Пекина во внутренние дела Японии, а также наличием тайваньской и других нерешенных проблем. Не укрепляет международных позиций Японии и отсутствие у правящих кругов страны

конструктивного подхода к заключению мирного договора с Советским Союзом в связи с реваншистскими устремлениями японских «ультра» в отношении так называемых «северных территорий».

Можно было бы назвать и другие важные вопросы, затрагивающие международные позиции Японии и ждущие своего разрешения. Попробуем, хотя бы кратко, остановиться на наиболее важных из указанных выше проблем.

Трудности японской экономики и обострение социальных противоречий

На протяжении последнего десятилетия темпы экономического развития Японии были значительно выше, чем в других капиталистических странах. Японии удалось быстро восстановить довоенный уровень производства и значительно превзойти его. К 1971 г. по валовому национальному продукту Япония вышла на второе место после США, обогнав другие страны развитого капитализма. В основе быстрых темпов экономического роста послевоенной Японии лежали различные факторы социально-экономического, историко-политического и психологического характера. Еще В. И. Ленин, открывший закон неравномерности развития капиталистических стран, относил Японию к молодым, необыкновенно быстро прогрессирующим капиталистическим странам. Он отмечал, что после 1871 г. Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция, Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия. Эта характеристика, данная В. И. Лениным Японии свыше 70 лет назад, сохраняет свою силу и в отношении современной Японии.

Основные условия для быстрого послевоенного развития Японии были заложены в результате проведения союзными державами крупных социально-экономических и политических преобразований, расчистивших дорогу для ускоренного развития японского капитализма на современной технической основе. Реформы послевоенных лет поставили Японию на уровень западных буржуазных государств. Внедрение новейшей американской технологии помогло японским монополиям, по существу, заново создать основные производственные фонды на уровне современных требований. Большим стимулом для ускоренного возрождения японской промышленности и укрепления позиций японского монополистического капитала послужили американская война в Корее и агрессия США против Вьетнама и других народов Индокитая. Разбойничья война американского империализма против народов Азии обеспечивала Японии, играющей роль основной базы агрессии США, большой приток финансовых средств из Соединенных Штатов Америки. Это позволило японским промышленникам воспользоваться плодами развернувшейся в мире научно-технической революции и создать в стране новую отраслевую структуру хозяйства, обновить и расширить основные производственные фонды, ускорить процесс концентрации и централизации производства и повысить производительность труда.

Большую роль в ускоренном развитии японской промышленности играет государство, взявшее на себя функции административного руководства долгосрочными программами развития экономики, включая вопросы регулирования пропорций и темпов развития наиболее передовых отраслей производства. Сочетание научно-технического прогресса с государственно-монополистическим регулированием экономики способствовало резкому увеличению доли накопления в валовом национальном продукте, что в свою очередь обеспечило устойчивые темпы развития

японской экономики. Так, в 1968 г. до 40 процентов национального продукта вновь обращалось на цели накопления.

Вопрос об источниках высокой нормы производственного накопления не является предметом данной статьи. Он требует особого рассмотрения. Следовало бы указать лишь на те источники накопления, которые связаны с высокой нормой эксплуатации и получением высокой прибавочной стоимости. Это прежде всего низкое потребление основной массы населения Японии и высокий уровень личных сбережений. Низкое личное потребление есть прежде всего свидетельство жестокой эксплуатации трудящихся, обеспечивающей японским монополиям высокую прибавочную стоимость. Заработная плата японских рабочих все еще является самой низкой среди стран развитого капитализма. Японский рабочий получает в два раза меньше европейского рабочего и в четыре раза меньше американского. По доходу на душу населения Япония все еще стоит на 15—16 месте в мире. Традиционная склонность японцев к бережливости, скромный образ жизни, неуверенность в своем будущем вынуждают японского труженика экономить на всем, откладывать сбережения на черный день даже из самых скудных доходов. Только этим можно объяснить, что личные сбережения в Японии в 2—3 раза выше, чем в странах Западной Европы. Они составляют в настоящее время сумму, превышающую 100 млрд. долларов. Эти значительные средства через финансово-кредитную систему используются для кредитования японской экономики.

Еще одним важным источником высокой нормы накопления являются крайне низкие расходы на социальные нужды. Япония, несмотря на быстрые темпы развития экономики, обеспечивающие высокий валовой национальный продукт, еще, по существу, не приступила к созданию современной системы социального обеспечения для своих граждан. Уровень бюджетных расходов на социальные нужды в три — четыре раза ниже, чем в странах Западной Европы. Они составляют не более 6 процентов по отношению к валовому национальному продукту. Можно сказать, что государственная система социального обеспечения является архаичной и находится почти на уровне докапиталистических отношений.

Создание современной промышленности на базе передовой американской и западноевропейской технологии плюс жесточайшая эксплуатация японских трудящихся обеспечили Японии высокие темпы развития экономики и позволили ей выйти в число передовых государств капиталистического мира.

К настоящему времени, когда современная структура хозяйства уже сложилась, японские монополии в основном исчерпали те преимущества, которыми они располагали перед своими конкурентами. Самые высокие темпы экономического развития, которые были достигнуты Японией в 1970 г., можно сказать, пройдены. В дальнейшем Японии ждет постепенное замедление темпов экономического развития и приближение ее к уровню развития других капиталистических стран. Многие факторы, лежавшие в основе быстрого развития экономики страны, носили временный характер и исчерпали себя. Другие стимулы, вроде спецзаказов США, также перестанут действовать после окончания американской агрессии в Индокитае.

Наращение борьбы японских трудящихся за улучшение своих рабочих условий существования рано или поздно вынудят японские монополии пойти на уступки. Нет сомнения в том, что рабочий класс Японии в конечном счете добьется такого уровня материальной жизни, какого уже достигли рабочие в других странах развитого капитализма. Это неизбежно лишит японский крупный бизнес такого важного преимущества

в конкурентной борьбе, как извлечение сверхприбылей за счет низкого уровня заработной платы и отсутствия современной системы социального обеспечения.

Еще недавно американский футуролог Герман Кан предсказывал, что экономика Японии будет в течение длительного времени развиваться устойчиво высокими темпами и что «XXI век будет веком Японии». Однако пророчество пресловутого футуролога не выдержало испытания временем. Япония не стала исключением из общих закономерностей развития капитализма. Она не избежала циклического развития капиталистической экономики. Небывалый промышленный подъем и быстрые темпы развития экономики сменились спадом и даже кризисными явлениями в отдельных отраслях хозяйства.

Признаки перепроизводства в Японии начали наблюдаться с конца 1970 года. Хотя в следующем 1971 г. рост экономики продолжался, темпы этого роста резко снизились и оказались значительно ниже, чем в предыдущие годы. В 1971 г. объем валового национального продукта страны составил 260 млрд. долл., то есть возрос на 9,6 процента в номинальном и на 4,3 процента в реальном исчислении. Промышленное производство в истекшем году возросло только на 4,9 процента (против 13,5 процента в 1970 г.). Таким образом, прирост промышленного производства за год сократился более чем втрое, и впервые за последние годы Япония по этому показателю оказалась позади Франции, где прирост составил 5 процентов.

Спад деловой активности охватил важнейшие отрасли производства — черную металлургию, химическую промышленность, промышленность стройматериалов. В трудном положении одно время оказалась автомобильная промышленность. Сравнительное насыщение внутреннего рынка автомобилями осложнило проблему сбыта. И только вмешательство министерства торговли и промышленности помогло этим компаниям увеличить экспорт в страны Западной Европы. Это позволило расширить выпуск автомобилей на 9,9 процента. Всего в 1971 г. было произведено 5,8 млн. автомашин против 5,3 млн. в 1970 году.

Ухудшилось положение и в машиностроении. Частные заказы на конец 1971 г. были на 12 процентов ниже суммы 1970 года. Особенно сильно упали заказы на станки (до 42 процентов). Значительный спад промышленного производства переживает сталелитейная промышленность. Годовая выплавка стали в истекшем году снизилась на 5 процентов по сравнению с 1970 г. и составила в 1971 г. 88,6 млн. тонн. Сокращение выпуска продукции наблюдалось и в других отраслях промышленности. Так, производство продукции общего машиностроения в 1971 г. уменьшилось на 4,2 процента, транспортного — на 1,5, синтетического волокна — на 13,5, шерстяной пряжи — на 1,5 процента.

В течение 1971 г. в Японии обанкротилось более девяти тысяч предприятий с общей задолженностью 700 млрд. иен. У большинства компаний резко сократился рост прибылей. 386 фирм закончили первую половину 1971 г. с уменьшением прибылей на 15,9 процента по сравнению с предыдущими шестью месяцами. Инвестиционный бум, который продолжался в течение пяти лет (начиная с 1965 г.), стал ослабевать и в настоящее время носит весьма вялый характер.

В целях стимулирования деловой активности правительство пять раз снижало официальный уровень банковского процента. В декабре 1971 г. учетная ставка понижена до 4,75%, то есть до самого низкого уровня за весь послевоенный период. Однако удешевление кредита не дало ожидаемых результатов. Обычно японские корпорации выходили из трудного положения за счет расширения экспорта. Но на сей раз вве-

дене десятипроцентного сверхналога на импортируемую США продукцию нанесло сильный удар по японскому экспорту. «Чрезвычайные меры» правительства США по спасению доллара в конечном счете вынудили правительство Японии ревальвировать иену на 16,88 процента (308 или вместо прежних 360 иен за один доллар), что привело к удорожанию японского экспорта в США. Осуществление ревальвации иены наносит наибольший ущерб машиностроению, доля которого в японском экспорте составляет около 50 процентов.

Кризис доллара и валютно-финансовой системы капиталистических стран в целом с особой силой захватил Японию. Скупка долларов государством через японский банк привела к скопленню в стране огромного количества «горячих» денег. К концу мая этого года резервы иностранной валюты в Японии составили 16,5 млрд. долларов. В гонке «бегства» от доллара Япония вышла на первое место в мире. По мнению специалистов, при нынешней тенденции валютные запасы Японии могут возрасти к концу 1972 г. до 20 млрд. долл. При достижении этого уровня Япония вынуждена будет произвести еще одну ревальвацию.

О неблагоприятном положении в японской экономике свидетельствуют признания «Белой книги по вопросам экономики» за 1971/72 финансовый год, недавно опубликованной Бюро экономического планирования Японии. Валовой национальный продукт Японии, говорится в «Белой книге», в истекшем финансовом году возрос на 1,7 процента по сравнению с предыдущим годом. Япония все еще имеет большие возможности для быстрого экономического роста, однако маловероятно, чтобы он был таким же высоким, как во второй половине 60-х годов. Индекс цен на товары широкого потребления в прошлом финансовом году возрос на 5,7 процента — больше, чем в 1966—1968 гг., когда рост составил 4 процента. Расходы на жилищное строительство оставались на крайне низком уровне, тема социального обеспечения в Японии не развита в достаточной степени, сохраняется огромный разрыв в доходах различных категорий населения. Экономический рост Японии еще не означает улучшения общественного благосостояния, признают авторы книги.

Особо острый характер для Японии приняла проблема загрязнения атмосферы, хаос на транспорте и жилищный кризис. В перенаселенной Японии люди пожинают плоды антинародной политики японских правящих кругов. Японское правительство в течение долгого времени не считало нужным вкладывать капитал в удовлетворение общественных нужд и принимать необходимые меры против загрязнения окружающей среды. Грязь и теснота, в которой оказался японский народ, стали большой социальной проблемой, сдерживающей темп промышленного производства.

Опрос, проведенный канцелярией премьер-министра три года назад, показал, что примерно половина из 28 млн. японских семей не удовлетворены своими жилищными условиями. До 1985 г. в Токио понадобится 7 млн., в Осака — 4 млн. новых жилищ. Правительство подсчитало, что в ближайшие 20 лет надо построить 30 млн. квартир. Японцы оказались жертвой диспропорций и уродливого развития отдельных отраслей промышленного производства, приведших к разрушению окружающей среды, принявшего в Японии угрожающие размеры.

Вот в каких тонах рисует современную Японию известный французский журналист Марк Симон, специализирующийся по проблемам Азии: «Фактически эта страна уже является жертвой большого числа внутренних проблем. Прежде всего загрязнения среды. Токио, Осака, Нагасаки, окутанные едким туманом, превратились в форменный ад. Эти бесконечные города все больше и больше пожирают жизненное пространство 340 тыс. кв. км гористых островов, лишь 15 процентов из которых при-

годны для жизни... В Японии практически не существует социального обеспечения, там острейший в мире жилищный кризис, служащий с готовностью выделяет половину своей зарплаты, чтобы арендовать крохотный кукольный домик в 40 кв. м в далеком предместье... В Токио — крупнейшем городе мира (12 млн. жителей) — только 20% домов имеют канализацию». Подобные примеры, подчеркивает Марк Симон, можно было бы продолжать до бесконечности.

В не менее радужных красках описывает японскую действительность и западногерманский журнал «Шпигель». В июне 1971 г., отмечает «Шпигель», «в гигантских промышленных скоплениях вдоль побережья живут около 104 млн. японцев, стиснутых на пригодной для обитания территории, равной площади Нижней Саксонии. Суперэкспресс «Хикари» мчится каждые 20 минут из Токио в Осака вдоль непрерывной цепи промышленных поселков и беспланомерно разрастающихся городов с жалкими деревянными лачугами, служащими для жилья. В столице и Токийском заливе воздух отравлен сильнее, чем где бы то ни было на земле. Допустимая норма содержания двуокиси серы в воздухе ежедневно повышается. Каждый пятый житель Токио страдает от хронического бронхита. На основании исследования, проведенного санитарными учреждениями относительно загрязнения рек и морских берегов, газета «Асахи» констатировала: «Мы плаваем в дерьме». Токийский залив, по словам «Асахи», — «клоака». Люди живут в вонючем и ядовитом заводском дыму. Они отравляются рыбой из рек и прибрежных вод. Промышленный смог в сырую погоду покрывает целые районы зеленовато-желтым туманом и жжет глаза.

Судя по сообщениям японской печати, правительство пытается более активно вмешиваться в регулирование дальнейшего развития экономики страны. В Японии в настоящее время бытует много различных теорий оздоровления экономики и улучшения жизни народа. Смысл рассуждений авторов этих теорий сводится к тому, что если раньше главной задачей Японии было достижение высоких темпов роста экономики, то сейчас надо заняться проблемами окружающей среды, перестройкой городов, вопросами социального обеспечения, роста общественного сектора и т. п.

Действительно, наиболее реальным направлением (поддержания деловой активности является передвижение капитала в инфраструктуру, главным образом в жилищное и дорожное строительство, а также в развитие фундаментальных научно-теоретических исследований, в области которых Япония значительно отстала от других развитых стран.

О новом направлении инвестирования капитала свидетельствует государственный бюджет 1972 финансового года, который определен в сумме 11,5 трилл. иен, что на 25 процентов больше бюджета на 1971 г. С помощью такого небывалого для Японии бюджета правительство намерено повысить капиталовложения в области общественного строительства. Ассигнования на так называемые общественные работы, в том числе на жилищное строительство увеличиваются по новому бюджету на 26 процентов. Чтобы расширить потребительский спрос, предусматривается снижение налогов на физических лиц, превышение необлагаемого минимума.

Японские органы пропаганды в настоящее время усиленно рекламируют план Танаки, изложенный в его недавно вышедшей книге «Преобразование японских островов». Сотни тысяч экземпляров этой книги уже разошлись в Японии. В плане Танаки излагаются его идеи социально-экономического преобразования Японии в предстоящее десятилетие. В книге ставится «диагноз» нынешнего состояния японского

общества и дается «рецепт» для его улучшения. Танака предлагает «перевести» японские предприятия тяжелой промышленности, относящиеся к таким отраслям, как сталелитейная промышленность, цветная металлургия, нефтяная и нефтехимическая промышленность, а также энергетика, большинство из которых сосредоточено в настоящее время вдоль Тихоокеанского побережья — в районе Токио — Осака, в другие районы страны, удаленные от тихоокеанского мегалополиса.

Основная идея плана Танаки выражена формулой «от концентрации к децентрализации». Танака предлагает «изгнать» промышленные объекты из районов, где концентрация промышленности особенно высока, и создать промышленные зоны с умеренным числом промышленных предприятий. План предусматривает рациональное использование земли в общественных нуждах — для сооружения дорог, жилых комплексов, научных центров, промышленных парков, гидроэлектростанций и портов. Короче говоря, Танака обещает японцам «современную комфортабельную жизнь в чистых городах» и даже «равенство для всех в плане политического, финансового и культурного процветания». Сообщается, что новое правительство якобы уже приняло решение учредить официальную исследовательскую группу для претворения в жизнь плана Танаки.

Однако даже буржуазная печать не верит в реальность этого плана. Уже высказываются различного рода сомнения относительно реальности проектов нового премьер-министра, осуществление которых потребует огромных капиталовложений, связанных с передислокацией и рассредоточением промышленности. Вряд ли «капитаны» японской промышленности пойдут на огромные затраты во имя создания «равенства для всех». Большинство японцев самых разных политических настроений сходится во мнении, что «план Танаки — красивая сказка для отчаявшихся людей».

Западногерманский журнал «Шпигель» так подвел итоги послевоенного развития Японии: «В течение многих лет предприниматели Японии инвестировали каждую иену. Их товары завоевывали европейские и американские рынки. Сегодня кривая успехов падает, над Японией нависла угроза захлебнуться от уродливых проявлений индустриализации. Ответная реакция толкает страну в состояние политической неустойчивости».

Если вновь вернуться к вопросу об ухудшении общехозяйственной конъюнктуры сегодняшней Японии, то нетрудно догадаться, что все тяготы, связанные с экономическим спадом, японская буржуазия стремится переложить на плечи трудящихся, которых новый премьер-министр пытается утешить обещаниями «райской жизни» через 10 лет. А пока что реальная действительность такова, что индекс розничных цен за последние 10 лет поднялся на 60 процентов, а цены на продовольствие — на 90 процентов. Рост стоимости жизни продолжается и по сей день. Японским монополиям все еще удается удерживать прожиточный минимум трудящихся на уровне вдвое более низком, чем в других капиталистических странах.

За последние два года в Японии отмечены рекордные повышения цен на потребительские товары. Как отмечает японская печать, цены на морепродукты поднялись на 21 процент, на одежду — на 9,2 процента. Более чем на 20 процентов увеличилась стоимость проезда на государственных железных дорогах и других видах транспорта (метро, такси), втрое возросла плата за обучение в государственных вузах и на 12 процентов за медицинское обслуживание. В то же время управление экономического планирования предсказывает снижение роста заработной платы, денежное падение расходов на личное потребление.

Ухудшение экономического положения неизбежно ведет к росту

безработицы. На конец прошлого года в стране насчитывалось 640 тыс. безработных. Кроме того, в Японии имеется скрытая безработица. Японская статистика насчитывает около 1,5 млн. полубезработных, которые заняты от 1 до 14 часов в неделю.

В особо тяжелом положении оказались рабочие и служащие, занятые на мелких и средних предприятиях, количество которых в Японии чрезвычайно велико (около 600 тысяч). На этих предприятиях (с количеством рабочих до 200 чел.) занято 62,5 процента всех людей наемного труда в обрабатывающей промышленности. Они получают не многим более половины заработной платы рабочих, занятых на современных предприятиях. Рабочие мелких и средних предприятий, как правило, не объединены в профсоюзы и поставлены в особо дискриминационное положение.

Таким образом, несмотря на то, что в основе различных факторов, обеспечивших Японии высокие темпы экономического развития, лежит исключительно высокая норма эксплуатации, рабочий класс оказался самым обделенным и самым нищим классом современного японского общества.

Рабочий класс Японии не мирится со своим рабским положением. Он упорно добивается улучшения своих жизненных условий, все активнее поднимается на борьбу за свои права и жизненные интересы. Традиционное весеннее наступление трудящихся за повышение заработной платы носило в этом году особенно широкий характер. В прошедших по всей стране массовых митингах и демонстрациях приняли участие несколько миллионов человек. Только в первой волне забастовок охвачено 5 млн. трудящихся. Прокатившееся по всей стране забастовочное движение показало силу и мощь рабочего класса, явилось выражением возросшего недовольства трудящихся масс гнетом монополий. В отличие от предыдущих лет в этом году весенняя борьба носила более ярко выраженный политический характер. Почти все без исключения забастовки, митинги и демонстрации сопровождались выдвижением политических лозунгов и требований трудящихся.

Промышленный спад, нарастание кризиса и ухудшение материального положения трудящихся ведут к дальнейшему усилению классовых противоречий в Японии, способствуют мобилизации всех демократических сил на борьбу за новый путь развития страны, за проведение политики в интересах большинства народа. Сейчас, когда Япония переживает кризисные явления в области экономики и ее внешняя политика нуждается в существенных коррективах, особое значение приобретает единство всех демократических сил. Расширившаяся за последнее время социальная база борьбы против гнета монополий, падение политического влияния правящей либерально-демократической партии, выражающей интересы монополистического капитала, создают объективные предпосылки для сплочения всех демократических сил в единый анти-монополистический фронт.

Опыт совместной борьбы КПЯ и СПЯ показывает, что там, где им удается достигнуть единства действий, они способны сорвать планы реакции и добиться достижения своих целей. Особо успешной оказалась тактика совместной борьбы при проведении избирательных кампаний. Благодаря курсу на единые действия прогрессивные силы одержали победы на выборах губернаторов Токно, префектур Осака, Киото, Окинава, Сайтамга, а также мэров многих городов.

После каждого выборов появляются все новые префектуры, города и поселки, во главе которых становятся кандидаты единого фронта прогрессивных сил. Это новое и весьма знаменательное явление в полити-

ческой жизни Японии. Губернатор Токио Минобэ, избранный в качестве единственного кандидата левых сил, выступая на митинге, посвященном 50-летию КПЯ, указал: «Прогрессивные органы местного самоуправления набирают силу так, что начинают серьезно влиять на ход истории в нашей стране... Если бы прогрессивные силы смогли поставить своих кандидатов во главе других префектур, это было бы равнозначно изменению характера власти».

В настоящее время население городов и поселков, где губернаторами и мэрами избраны представители прогрессивных сил, составляет около 30 процентов населения Японии. Рост и укрепление влияния КПЯ и других демократических сил в Японии дали основание председателю ЦК КПЯ т. Носака заявить, что «Компартия Японии является действительно той главной политической силой, которая будет по-настоящему противостоять либерально-демократической партии в 70-х годах». Эту же мысль еще более откровенно изложил не кто иной, как бывший премьер-министр Сато, который после поражения кандидата ЛДП в борьбе за пост губернатора Токио вынужден был признать, что «время противоборства между либерально-демократической и коммунистической партиями может наступить раньше, чем это ожидается».

Итак, третья по величине индустриальная нация мира переживает острые социальные катаклизмы. После того как в полной мере скажутся последствия экономического застоя, Япония может оказаться ареной еще более жестокой классовой борьбы, исход которой во многом будет определяться степенью сплоченности рабочего класса и крепостью единства всех демократических сил страны.

Ахиллесова пята Японии

Ахиллесовой пятой японской экономики является проблема сырья и рынков сбыта. Япония, как никакая другая страна, зависит от импорта сырья и внешних рынков. Для Японии в полной мере применима формула «жить — значить торговать». Япония, население которой сравнительно велико, а ресурсы ограничены, особенно нуждается в стабильных рынках и источниках сырья. Действительность такова, что почти весь комплекс необходимого промышленного сырья, и в первую очередь его энергетических видов — нефти, коксующихся углей, газа и т. п., ввозится из-за границы.

По данным «Статистикала утлайи» и «Нэшил дайет» за 1970 г., зависимость Японии от импорта сырьевых материалов в 1968 г. характеризовалась следующими данными: пшеница — 80 процентов, сахар — 82, уголь — 41, нефть — свыше 99, железная руда — 98,5, фосфаты — 100, бокситы — 100, металлический лом — 100, хлопок — 100, шерсть — 100, кокс — 80, каучук — 100 процентов.

Чтобы транспортировать эти материалы, в японские порты должны ежедневно прибывать около 100 судов, с которых должно разгружаться в среднем до одного миллиона тонн материалов. Другими словами, для того чтобы Япония могла сохранить свое существование, ей абсолютно необходимы зарубежные источники сырья и сохранение транспортных путей. Такая зависимость Японии от импортного сырья не только сохранится, но примет еще более широкие масштабы в будущем. Япония никогда не сможет осуществить самоснабжения важным промышленным сырьем.

Это ставит перед страной задачу постоянного поиска устойчивых источников сырья и их рассредоточения. В настоящее время Япония

обеспечивает свои нужды в сырье в основном за счет стран Юго-Восточной Азии, включая Австралию, а также США и Канаду. Основными поставщиками нефти являются страны Ближнего Востока (свыше 90 процентов). Железную руду Японии поставляют Северная Америка, Индия, Малайзия, Австралия. Уголь поступает из Северной Америки (44 процента) и Австралии (около 20 процентов). Бокситы, фосфаты, пшеница, соевые бобы и другое сырье, а также сельскохозяйственные продукты идут в Японию из этих же стран.

Наиболее важным районом, поставляющим Японии необходимые ей сырьевые материалы, являются страны Юго-Восточной Азии. Японские монополии уже глубоко проникли в экономику стран ЮВА и другие районы мира, богатые сырьевыми ресурсами.

По данным французской газеты «Энформасион», «помощь» Японии развивающимся странам увеличилась с 0,69 до 1,2 млрд. долл. в год, то есть соответственно с 0,66 до 0,76 процента валового национального продукта. В 1980 г., согласно официальным наметкам, «помощь» Японии этим странам достигает 9,7 млрд. долл. (1,16 процента валового национального продукта). Ежегодно Азия получает в среднем 60 процентов этой помощи.

Создавая сырьевые комплексы и предприятия в зоне Азии и Тихого океана, Япония преследует следующие цели: создать противовес американскому господству в Азии; подчинить эти страны своему влиянию до того, как Китай разовьет свою экономику и сможет стать серьезным конкурентом Японии в Азии; расширить экономическое проникновение Японии в район ЮВА и обеспечить себе другие источники снабжения энергией, кроме американских, и, наконец, обеспечить себя рабочей силой, которая в странах Азии значительно дешевле, чем в Японии, а также разместить в Азии наиболее дымные и смрадные предприятия, загрязняющие окружающую среду в Японии.

Учитывая политическую нестабильность в Азии, японские монополии главную ставку делают на страны и режимы, связанные с военными союзами, с империалистическими государствами, и прежде всего с Соединенными Штатами. Особое место в планах Японии занимают страны, входящие в АЗПАК (Азиатско-Тихоокеанский совет).

Эти страны занимают одно из важнейших мест во внешнеэкономической экспансии японского империализма. Доля азиатских стран АЗПАК в общей сумме японского экспорта в страны Азии составляет в настоящее время свыше 60 процентов. Им отдается предпочтение при осуществлении различных программ «помощи» и «экономического сотрудничества». Примерно одна треть всех правительственных кредитов и займов, представляемых Японией, падает на указанные выше блоковые страны.

Такая «забота» японских монополий в отношении стран, входящих в АЗПАК, в значительной мере объясняется тем, что они, занимая важное место в военно-стратегической системе США, получают значительные суммы от американской администрации в виде «помощи», что дает им возможность покрывать за счет американских подачек свой дефицит в торговле с Японией. В настоящее время превышение японского экспорта в страны АЗПАК над импортом составляет около 2,5 млрд. долл., в то время как в 1960 году это превышение составляло не более 250 млн. долл. Страны АЗПАК стали, таким образом, не только важным источником сырья, но одним из каналов перекачки долларов из США в Японию.

Наиболее перспективными для себя с точки зрения обеспечения сырьевыми материалами японское правительство считает Индонезию и Австралию. В Индонезии весьма обещающими являются вложения капитала в лесную промышленность Борнео, в горнорудную промышленность Целебеса, нефтяную промышленность Суматры, сельское хозяйст-

во Явы. Япония намерена использовать богатства этого баснословно богатого архипелага, которому принадлежит третья часть мировых запасов каучука, который богат нефтью, оловом, никелем, бокситами, марганцем и которому практически принадлежит весь хинин мира.

В Японии широкое хождение получила идея промышленной ассоциации с Австралией, страной, исключительно богатой всевозможными рудами. Япония уже стала первым клиентом Австралии. Заключены многочисленные контракты и соглашения на 10—15 и даже 20 лет, которые должны обеспечить поставки Японии примерно 20—30 млн. т угля около 20 млн. т железа и значительное количество газа.

Японцы идут по пути создания совместных японо-австралийских компаний. Уже сейчас японский капитал представлен более чем в 80 австралийских фирмах. Японо-австралийский промышленный комитет, созданный в 1963 году, призван обслуживать не только интересы экономического сотрудничества двух стран, но и стать важным средством экономического проникновения Японии и Австралии в другие страны ЮВА. Японский капитал стремится объединиться с местным капиталом в Таиланде, на Филиппинах, в Сингапуре, в Малайзии, Южной Корее и других странах. Японские «смешанные фирмы» существуют в самых различных отраслях промышленности — сборка автомашин, электробытовых приборов, судостроение, производство цемента, текстиля, в металлургической промышленности, лесоразработках, добыча полезных ископаемых и т. п.

Аналогичную политику экономической экспансии, но в миниатюре Япония проводит в Африке и Латинской Америке. Япония предоставляет Африке примерно 10 процентов «помощи» развивающимся странам. Как и в странах ЮВА, Японии привлекают природные богатства Африки. Бокситы Ганы, марганец и нефть Габона, фосфаты и медь Алжира порождают крупные проекты капиталовложений. Япония рвется к богатствам Центральной Африки. Для вывоза сырья из глубин Африки японцы проектируют строительство «трансфриканской» шоссейной дороги, стоимость которой определяется в 900 млн. долларов.

Не осталось в стороне от интересов японских монополий и Латинская Америка. Здесь Япония концентрирует свои усилия на разработке богатств Бразилии, которая поглощает до 65 процентов японских капиталовложений (400 млн. долл.). С Бразилией японцы ведут самую обширную торговлю (460 млн. долл. в 1971 г.). В этой стране обосновалась многочисленная японская колония в 600 тыс. человек. Этот важный плацдарм Япония использует для наступления на бразильскую экономику и подчиняет ее своим интересам. Более 80 смешанных компаний с большой долей японского капитала действует в различных отраслях бразильской промышленности и разработке минеральных ископаемых.

Японский капитал проникает и в такие страны Латинской Америки, как Аргентина, Перу, Парагвай, Мексика. В странах Латинской Америки обосновалось более 200 японских предприятий — от торговых представительств до концернов-гигантов, «Мицубиси» или «Нихон стил». Японские капиталовложения в Латинской Америке превзошли в этом районе английские и немецкие и составляют около 700 млн. долл. Торговля Японии с Латинской Америкой возросла с 615 млн. долл. (1960 г.) до 2,9 млрд. долл. в 1971 году.

Экономическая экспансия Японии захватила и 49-й штат Соединенных Штатов — Аляску, откуда японцы везут лес, рыбу, нефть. Почти весь экспорт Аляски идет в Японию, которая вложила в разные отрасли производства более 250 млн. долларов. Важное место в экономических связях Японии занимает Канада, где японские капиталы вкладываются

в рудники, нефтяные месторождения, в рыболовство, в автомобильную промышленность. Прямые капиталовложения Японии в Канаде достигают 200 млн. долларов.

Быстрый рост внешнеэкономической экспансии Японии в страны Южных морей, в Африку и Латинскую Америку, а также односторонний поток сырьевых материалов из этих районов в Японию делает ее экономику очень уязвимой в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств. В самом деле, наиболее важные морские пути, по которым сырье поступает в Японию, пролегают по Тихому океану, Индийскому океану, по морям, омывающим Австралию и страны Юго-Восточной Азии. Короче говоря, все пути снабжения идут в одном направлении — с юга на север. «Если Япония с ее 100-миллионным населением, подчеркивает журнал «Пэсифик комьюнити», и с весьма современным обществом лишится своих источников получения сырья, что означало бы для нее гибель».

Далее отмечает журнал: «Чтобы создать угрозу для Японии, необязательно предпринимать прямую агрессию против главных островов Японии. Достаточно только перерезать пути снабжения сырьем, поступающие в Японию из Юго-Восточной Азии, и воспрепятствовать проходу нефтеналивных танкеров, направляющихся в Японию через проливы Малаккский, Зондский, Ломбок и Омбай».

Никто не может предсказать, насколько прочно Япония будет гарантирована от кризисных ситуаций на ее морских коммуникациях. Многие политические обозреватели высказывают предположение, что угроза экономической блокады Японии может возникнуть в любое время после того, как в Вашингтоне решат, что Япония из союзника США превратилась в американского врага. Высказывается также мнение, что позиции Японии могут быть серьезно ослаблены и в том случае, если Тайвань лишится «защиты» американского седьмого флота и перейдет под юрисдикцию КНР.

Другим уязвимым местом Японии является нарастающие во всем мире, особенно в Азии, оппозиционные и даже враждебные настроения в отношении экономической экспансии японских монополий. В памяти народов многих стран все еще свежи воспоминания о колониальном разбое японской императорской армии в годы второй мировой войны. Почти во всех странах Юго-Восточной Азии наблюдается растущая тенденция отвергнуть не только политическое, но и экономическое присутствие бывшего врага.

Экономическая экспансия Японии выглядит сегодня как зловещий заговор против молодых развивающихся стран Азии, которые не могут не видеть, что, несмотря на то что от 70 до 100 процентов сырья, потребляемого японской промышленностью, поступает из Юго-Восточной Азии, торговый баланс постоянно сводится с положительным сальдо для Японии. В 1970 г. положительное сальдо составило 2 млрд. долл. и возросло по сравнению с 1965 г. вдвое. По каналу экономической «помощи» и частных капиталовложений Япония перевела в свою страну с 1963 по 1968 г. пять млрд. долл. чистой прибыли.

Все это дало основание председателю филиппинской сенатской комиссии по экономическим вопросам Хосе Диоктно заявить, что «японцы добиваются с помощью торговли результатов, которых им не удалось добиться путем войны». Бывший премьер-министр Малайзии сказал токийским журналистам, что «японцы, одной рукой давая «помощь», другой берут себе вдвойне».

Парижский журнал «Жёен Африк» (январь 1972 г.) констатировал, что «китайцы Гонконга и Формозы, малайзийцы, таиландцы, последние

английские «санбы» Сингапура и американские пенсионеры, коротающие свои дни на площадках для гольфа в Маниле, не перестают цедовать по поводу этого горестного парадокса, превращающего японцев в главных победителей в войне на Тихом океане. Иена вытеснила на второй план доллар, побежденные в Хиросиме и Нагасаки контролируют теперь природные ресурсы и рынки Азии шире и лучше, чем во времена, когда существовала азиатская «сфера сопроцветания». Новый японский империализм нуждается уже не в солдатах, а в торговых представителях, проникнутых тем же агрессивным духом, что и самураны».

Кстати сказать, японские фирмы содержат за рубежами своей страны свыше 30 тысяч таких представителей, главная задача которых состоит в обеспечении необходимых условий для беспрепятственного потока японских капиталов и товаров во все страны мира.

«Второе вторжение» — так называют в странах Азии экономическую экспансию японских монополий. Народы Азии, испытавшие на себе все ужасы японской оккупации, не без основания опасаются, что вслед за экономическим наступлением последует военное вторжение, которое может проявляться в самых различных формах. Для такого опасения есть весьма веские основания.

Японские правящие круги продолжают наращивать военную мощь страны, о чем свидетельствует значительное увеличение расходов на военные цели по «четвертому плану усиления национальной обороны». Обращает на себя внимание, что темпы роста военных расходов Японии значительно выше, чем в других капиталистических странах. Если в 1953—1960 годах среднее увеличение военных расходов составило немногим более 6 процентов, то в бюджете на 1970 год предусматривается их увеличение почти на 20 процентов по сравнению с предыдущим годом.

Япония все активнее берет курс на «военную самостоятельность», которая не исключает возможности создания собственного ядерного оружия. О такой возможности теперь открыто говорят и пишут японские политические деятели. Вот подлинные слова бывшего министра иностранных дел Японии Аити, напечатанные в американском журнале «Форин афферс»: «Японская военная мощь, — похвалялся Аити, — превосходит огневую мощь прежних имперских вооруженных сил в их лучшие времена, а именно в период второй мировой войны, и подсчитано, что через 10 лет японские силы смогут тягаться с оснащенными ядерным оружием китайскими силами».

Широкая милитаристская пропаганда, которая ведется в Японии, имеет своей целью подготовить необходимую психологическую обстановку для пересмотра 9-й статьи конституции и разветывания широкой милитаризации страны. Под влиянием шовинистической пропаганды начинает меняться и отношение японской общественности к ядерной проблеме. Опрос показывает, что, хотя большинство японцев продолжает отвергать атомную бомбу, процент тех, кто склонен принять ее регулярно растет. Газета «Майнити» сообщает, что 45 процентов опрошенных в 1971 г. считают, что ядерное оружие «могло бы оказаться необходимым», в то время как на этот же вопрос, поставленный пять лет назад, 100 процентов опрошенных ответили «нет».

Самоубийство писателя Мисимы, известного своим правым экстремизмом и махровым национализмом, вызвало заметный всплеск националистических настроений в довольно широких кругах японского общества. Тогдашний начальник управления национальной обороны Японии Накасонэ (ныне министр торговли и промышленности) расценил поступок Мисимы как «веху в духовной истории Японии».

Наращение не только экономической, но и военной угрозы со стороны японского империализма ведет к росту антияпонских настроений среди широких слоев населения в странах ЮВА. На стенах больших городов Азии появляется все больше гневных надписей «Желтые янки, убирайтесь домой!».

США — враг или союзник?

Вплоть до последнего времени японская экономика развивалась в рамках общей ориентации на США, которые относились к Японии как к своему верному союзнику и покровительствовали ей. Это привело к тому, что свыше одной трети внешнеторгового оборота Японии приходилось на Соединенные Штаты.

Японская дипломатия также довольствовалась тем, что шла в фарватере американской внешней политики. Это откровенно признают японские политические деятели. Так, министр иностранных дел М. Охира, до того как занять этот пост, писал следующее: «И в Японии, и за ее пределами общая оценка внешней политики нашей страны сводится к тому, что это политика сотрудничества с Соединенными Штатами и зависимости от них. Фактически за рамками сотрудничества с Соединенными Штатами послевоенной Японии не было нужды принимать никаких трудных внешнеполитических решений. Японии нужно было лишь следовать велениям своей судьбы и довольствоваться мерами, направленными на собственное восстановление в рамках сотрудничества с Соединенными Штатами»¹.

Такая пассивность внешней политики Японии объяснялась, видимо, тем, что в первые послевоенные годы все усилия страны были сконцентрированы на восстановлении разрушенной экономики на основе сотрудничества с Соединенными Штатами Америки. Благодаря долларovým вливаниям Японии довольно быстро удалось встать на собственные ноги. Под прикрытием военного союза с США и при опоре на доллар Япония продолжала быстрыми темпами развивать свою экономическую мощь, избегая вовлечения в водоворот международной политической жизни. Японцам казалось, что США обладают несокрушимой мощью, и они считали, что политика опоры на Америку — самая лучшая политика. Но после того как доллар потерял свое бывшее могущество и перестал быть обратимым, Япония увидела в этом символ упадка «руководящей роли» Америки в мире и приступила к поспешному пересмотру своей политики односторонней ориентации на США. Но японская дипломатия слишком запоздала с пересмотром своего внешнеполитического курса. Японии пришлось перенести ряд тяжелых ударов, которые последовали со стороны ее главного и, пожалуй, единственного союзника.

Американский империализм, попавший в тяжелое положение в связи с агрессией в Индокитае и в силу других причин, вынужден был прибегнуть к решению ряда своих проблем за счет интересов своего японского партнера. Неожиданные для Японии ходы американской дипломатии создали для Японии целую серию кризисных ситуаций, которые получили в Японии название «никсоновских шоков». Япония пережила тяжелый шок в связи с визитом Никсона в Пекин. Прямые контакты США с КНР нанесли серьезный удар по престижу правящих кругов Японии, пытавшихся выставить свою страну в качестве своеобразного моста, соединяющего Восток с Западом. Оказалось, что их

¹ «Пасифик комьюнити», № 2, V, 1972.

ближайший союзник смог обойтись без японского моста и установить прямые контакты с Пекином, в обход самой Японии. В Токио расценили эти действия США не только как попытку вырвать из рук Японии инициативу в установлении контактов с КНР, но и как стремление США получить в лице Китая своеобразный противовес экспансии Японии страны Юго-Восточной Азии. Японское правительство также оказалось психологически неподготовленным к принятию КНР в ООН.

Особо ощутимый удар администрации США нанесла Японии принятием «чрезвычайных мер» по спасению доллара. Японская общественность справедливо расценила эти меры как направленные в первую очередь против Японии. Под натиском обесценившихся долларов японское правительство вынуждено было ввести вначале «плавающий курс» иены, а затем согласиться на ее значительную ревальвацию, что больно ударило по японской экономике, поскольку японская иена прочнее других валют привязана к доллару. «Нет сомнений, что заявление президента Никсона относительно мер по спасению доллара, сделанное 15 августа, ровно месяц спустя после другого ошеломляющего сообщения о плане визита в Китай, породило среди японцев глубокое недоверие к Вашингтону», — так характеризовала реакцию в Японии газета «Нихон Кэйдзай симбун».

Японских политических деятелей особенно возмущает то, что США осуществляют крупные международные акции, не считаясь с интересами Японии. В свою очередь американская сторона обвиняет японцев в том, что они наводняют американский рынок своими дешевыми товарами и препятствуют продвижению в Японию американского капитала и промышленных изделий. Действительно, японский демпинг в США привел к возникновению проблемы торгового баланса между двумя партнерами. Если в 1967 г. около 29 процентов экспорта и 27 процентов японского импорта приходилось на США, то уже в 1968 г. доля японского экспорта в США достигла 33,3 процента, в то время как объем импорта из США значительно сократился.

Таким образом, к 1968 г. торговый баланс начал складываться в пользу Японии. В дальнейшем дефицит США в торговле с Японией быстро увеличивался и в настоящее время принял для США угрожающие размеры. Американские экономисты считают, что в этом году дефицит в американо-японской торговле достигнет 3,8 млрд. долл.

Вначале, когда разрыв в торговом балансе стал складываться в пользу Японии, правительство США потребовало от нее «добровольно» ограничить экспорт ряда важных товаров в США. Особое беспокойство у американцев вызывал наплыв таких японских товаров, как текстиль, телевизоры, автомобили. Одновременно США поставили вопрос о либерализации импорта ряда важных американских товаров (автомобили, ЭВМ, мазут, сельскохозяйственные продукты). США потребовали также от японцев отменить жесткий правительственный контроль над инвестициями американского капитала в японскую экономику. Однако японская сторона под различными предлогами уклоняется от принятия американских требований и продолжает торговый натиск на рынок США. Постепенно японо-американские противоречия, начавшиеся из-за споров относительно либерализации торговли и движения капитала, переросли в настоящую торговую войну, грозящую серьезными осложнениями во взаимоотношениях между двумя странами.

В последнее время обе стороны пытаются найти выход из создавшегося положения. Япония согласилась заключить межправительственное соглашение об ограничении экспорта в США изделий из шерсти и искусственного волокна. Она вынуждена была также пойти на значительную

ревальвацию иены. Однако принятые меры оказались недостаточными. Япония продолжает расширять свой экспорт в США, сохраняя значительный разрыв в торговом балансе в свою пользу. Если такое положение будет продолжаться, то со стороны США могут последовать новые крутые меры в отношении Японии. Японцам в конце концов придется пойти на уступки, если они не хотят новых «чрезвычайных мер». Япония, видимо, пойдет по пути либерализации импорта и увеличения закупок в США вооружений, сельскохозяйственных продуктов и других товаров.

Несмотря на разгорающуюся торговую войну, обе стороны пока не заинтересованы в разрыве отношений друг с другом. По всей видимости, Япония, как и прежде, будет в значительной степени ориентировать свою политику на США, с которыми она все еще связана военно-политическим договором, а также будет заинтересована в экономическом и военном сотрудничестве с США и координации с ними своей внешнеполитической линии. США в свою очередь заинтересованы в сохранении нормальных отношений с Японией, которая продолжает играть важную роль в планах США на Дальнем Востоке и во всей Азии.

Новый премьер-министр Японии заявил недавно, что «японо-американские отношения являются для Японии тем же, что вода и воздух для человека. Потеряв их, мы лишимся дыхания. Поэтому мы должны думать над этим еще больше». Один из ведущих министров нынешнего правительства Накасонэ недавно писал в органе ЛДП — журнале «Дзю симпо», что «система обеспечения безопасности между Японией и США будет нужна почти вечно, но содержание договора безопасности должно измениться вместе с изменением эпохи». Не случайно свой первый зарубежный вояж Танака намерен совершить в Гонолулу, где он встретится с президентом Никсоном. Как сообщает японская печать, на Гавайях будут обсуждаться не только меры по выравниванию японо-американских отношений, но и весь комплекс вопросов, затрагивающих политику обоих государств в Азии, включая нормализацию японо-китайских отношений, обстановку в Индокитае, тайваньскую и южнокорейскую проблемы и т. п.

Само собой разумеется, что формы сотрудничества Японии с США претерпят значительные изменения. Японские правящие круги вряд ли позволят, чтобы США ломали Японией так, как они делали это до сих пор. Они уже сейчас тяготеют к пребыванию на японской территории американских вооруженных сил и наличию большого количества военных баз. В Японии усиливается настроение в пользу пересмотра «договора безопасности» и вывода из страны американских войск при сохранении «ядерного зонта». Японская дипломатия, бесспорно, будет проводить более самостоятельную и сбалансированную политику на международной арене.

Уже сейчас можно проследить, что отход от США Япония пытается компенсировать выравниванием своих отношений с КНР и Советским Союзом, укреплением связей с европейскими странами и усилением своих экономических и политических позиций в Азии.

Нельзя не согласиться с замечаниями министра иностранных дел М. Охира, который в упоминавшейся выше статье указывал, что «Япония достигла такого этапа, когда она должна в силу естественного хода событий переменить свою позицию односторонней опоры на Соединенные Штаты и в политической, и в экономической областях».

Вместе с тем следует отметить, что по мере увеличения разрыва между производственными мощностями и емкостью внутреннего рынка Япония вынуждена будет стремиться к дальнейшему расширению экспорта. И здесь ей придется столкнуться с растущей конкуренцией со сторо-

ны ее могущественных соперников — американских и западноевропейских монополий. Если ко всему этому добавить, что японская экономика, базирующаяся на современной технологии, нуждается в товарообмене в первую очередь с развитыми странами, можно себе представить остроту конкурентной борьбы, которую придется выдержать японским «дзайбацу», чтобы расширить плацдарм или хотя бы закрепить завоеванные позиции на рынках США и западноевропейских стран.

Япония перед лицом китайского нажима

Возрастающие трудности в сбыте товаров и обостряющиеся противоречия как с США, так и с ведущими западноевропейскими державами со всей остротой ставят перед Японией вопрос о поисках стабильных рынков за пределами капиталистического мира. Многим представителям деловых кругов Японии кажется, что таким рынком может стать материковый Китай.

Однако проникновение на китайский рынок — дело не простое, хотя бы потому, что Япония до сих пор не имеет нормальных дипломатических отношений с КНР и вплоть до последнего времени придерживалась той позиции, что чанкайшистский режим на Тайване представляет весь Китай. Японо-китайские отношения приняли еще более запутанный характер после того, как тайваньцы были изгнаны из ООН, а представители КНР заняли свое законное место в Совете Безопасности и других органах этой международной организации.

Выход КНР на международную арену, надежды крупного японского бизнеса на значительное расширение торговых связей с Китаем, а также развернувшееся в Японии широкое движение за восстановление дипломатических отношений с КНР поставили перед правящими кругами Японии вопрос о коренном пересмотре китайской политики. Проблема нормализации отношений с Китаем приняла особо острый характер после визита Никсона в Пекин и установления контактов между США и КНР через голову Японии. Появление американского президента в Китае вызвало шок в Токио, поскольку японцы считали, что если администрация США решит когда-либо заняться приведением в порядок своих отношений с Пекином, то она непременно будет действовать через правительство Японии, которое считало себя наиболее подходящим посредником для установления контактов между Китаем и западным миром.

После визита Никсона в Пекин Китай стал местом паломничества различных японских делегаций, от крайне левого до крайне правого направления. Как сообщает газета «Асахи Ивнинг Ньюс», только в 1971 г. более 3000 японских бизнесменов посетили Пекин или Кантон либо в целях ведения торговых переговоров, либо с ознакомительной целью. Деловые круги Японии решили во что бы то ни стало опередить США и другие крупные капиталистические страны в овладении китайским рынком. В настоящее время между японскими деловыми кругами и китайской стороной достигнуто соглашение о создании китайско-японского экономического комитета, в который войдут крупнейшие экономические объединения Японии «Кэйданрэи» и «Кэйдзай доюкай». В Японии уже действует множество других организаций, выступающих за расширение торгово-экономических, научно-технических, культурных и иных связей с КНР. Весной 1971 г. были созданы народные советы при СПЯ и партии Комэйто за восстановление дипломатических отношений с Китаем. Даже внутри правящей ЛДП появилась весьма значительная группировка, со-

стоящая из пропекинских лоббистов и различных ходатаев по китайским делам.

Многие представители крупного бизнеса, которые побывали в Китае, и особенно те, которым удалось пожать руку Чжоу Энь-лаю, умело играющему на исторически сложившейся эмоциональной привязанности японцев к китайскому народу, выдвигают различные проекты нормализации отношений на условиях, которые мало чем отличаются от условий, выдвигаемых КНР. Все эти предложения и проекты, многие из которых навязываются японским делегациям китайской стороной, попадают на страницы большой японской прессы и зачастую выдаются как предложения широкой японской общественности.

Пекин, как известно, выдвинул целую серию условий, которые японское правительство должно принять еще до начала переговоров о нормализации отношений. Это прежде всего признание трех условий, касающихся Тайваня: Япония должна признать, что правительство КНР является единственно законным правительством Китая; Тайвань является неотъемлемой частью КНР; японо-тайваньский договор должен быть аннулирован до начала переговоров на правительственном уровне. Кроме предварительных условий по Тайваню, который, бесспорно, является китайской территорией, Пекин пытается требовать от Японии выплаты огромной суммы репараций (до 50 млрд. долл.), признания принадлежности островов Сэнкаку Китайской Народной Республике, прекращения торговли с Тайванем и Южной Кореей, денонсации японо-американского договора безопасности, сведения до минимума японо-советских отношений.

Многие органы японской печати указывают, что китайцы ставят своей целью создание такой политической системы в Азии, которая бы изолировала Японию от США, Советского Союза и других держав и привязывала бы Японию к материковому Китаю. Журнал «Доко», например, в июле 1972 г. писал: «Экономическое процветание Японии разжигало ревнивое чувство у Мао Цзэ-дуна так, что Китай решил помешать дальнейшему росту Японии путем привлечения США, отсечения Японии от США и других стран и ее изоляции».

Эту же мысль еще более откровенно выразил посол Японии в США Усиба, который 13 августа 1971 г. заявил, что «конечная цель, которой добивается Пекин, — это изоляция Японии». Подлинные планы Пекина в отношении Японии не остались незамеченными и в других странах. Так, итальянский журнал «Релациони интернационали» 11 декабря 1971 г. писал, что «Пекин хотел бы, чтобы Япония не была ни с кем связана союзом и была разоружена. Он хотел бы, чтобы Токио отказался от политики «помощи», которой он связывает со своей экономикой экономику других стран, особенно стран Юго-Восточной Азии».

Для того чтобы достигнуть своих целей, Пекин развернул широкое политическое и идеологическое наступление на Японию. В ход пущены все средства, начиная от грубого давления и открытого вмешательства до утонченных приемов психологической обработки японского общественного мнения. Всей кампанией по созданию прокитайского бума в Японии руководит Чжоу Энь-лай. Он находит время для того, чтобы принять любую японскую делегацию, оказавшуюся в Китае, устраивает пресс-конференции, на которых делаются то мелочливые, то невероятно жесткие заявления в отношении Японии и ее политических деятелей. Он то угрожает японцам, то сулит им золотые горы. Чжоу Энь-лай постоянно подбрасывает японскому общественному мнению различные идеи относительно блестящих перспектив японо-китайского сотрудничества, а также дает «советы», с какими странами Япония должна дружить, а с какими враждовать.

Не проходит и дня, чтобы на страницах китайских газет не появлялись комментарии к событиям в Японии. Суждения о том, как должно поступать Япония по тому или иному вопросу, непрерывно высказываются в беседах с японскими «друзьями», посещающими Китай, не говоря уже о том, что они широко пропагандируются в Японии прокитайской пятой колонной, которую образуют многочисленные организации, существующие на средства Пекина.

В беседе с группой японских бизнесменов Чжоу Энь-лай еще в 1962 г. говорил, что «за 80 лет, истекшие со времени японо-китайской войны, Япония нередко совершала агрессию против нашей страны. Но 80 лет для двух тысяч лет общения между Японией и Китаем — период небольшой. Мы готовы забыть страдания этого периода. Впредь, быть может, Японии и Китаю следует заняться обороной Азии объединенными силами»².

Излюбленный метод, к которому чаще всего прибегает Пекин, — это грубое и открытое вмешательство во внутренние дела Японии, и особенно в демократическое движение страны. Маоисты ведут грязную подрывную борьбу против Компартии Японии, всячески третируют ее руководство, наклеивая на него различные оскорбительные ярлыки. Они предпринимали неоднократные попытки расколоть КПЯ и вызвать замешательство в рядах коммунистического движения Японии. При прямой помощи и поддержке со стороны Пекина и Японии созданы так называемая левая коммунистическая партия и другие раскольнические организации, которые служат проводниками китайской политики в Японии.

Китайское руководство дошло до того, что пытается воздействовать на формирование японских правительств и выбор премьер-министров. Журнал «Допо», негодую по поводу ничем не прикрытого вмешательства Китая во внутренние дела Японии, недавно писал: «Они (китайцы) ведут обработку общественного мнения нашей страны, решив, что подобными заговорщическими действиями они смогут добиться бескровной победы. Проникшись сомнением, они уверились в том, что эти методы позволяют заполучить и острова Санкау и даже прибрать к рукам Окинаву. Их вмешательство дошло до того, что они пытались оказать влияние на выбор нового премьер-министра, который должен был прийти на смену Сато. Пекин стал пачками приглашать в Китай высокопоставленных японцев, где их окуривали фирмамом в виде различных посулов экономического сотрудничества».

Хорошо понимая роль средств массовой информации в современном мире, маоисты прилагают немало усилий, чтобы перетянуть на свою сторону японскую печать. В качестве одного из средств давления на японские органы массовой информации китайцы используют вопрос о допуске в КНР японских корреспондентов. Они объявили, что доступ в Китай могут получить только те японские журналисты, которые будут строго придерживаться «трех принципов» Китая, а также «принципа неотделимости политики от экономики». Желание газетных, радиовещательных и телеграфных компаний иметь своих корреспондентов в Китае вынуждает их принимать эти условия. Так поступили крупнейшие японские газеты «Асахи», «Майнити», «Иомиури», и даже крайне правая «Никкэй» закрыла глаза на арест своего корреспондента в Китае Самэдзима и стала подпевать Пекину.

Если японский корреспондент, принявший условия писать о Китае только в духе китайской пропаганды, не будет выполнять своих обещаний, он немедленно удаляется из Пекина. Стоило, например, главному

² «Азия ревью», 1970 г., № 2, стр. 51.

редактору газеты «Санкэй симбун» заявить через свою газету, что в основе дипломатических отношений между Японией и КНР должен лежать принцип взаимоуважения и взаимных уступок и что тот же принцип должен сохраняться в вопросе обмена информацией между двумя странами, как его пекинский корреспондент Сибата был сразу же выслан из Китая. Журнал «Карэнтэ» от 15 мая этого года вынужден был констатировать, что «органы информации Японии оказались заключены в определенные рамки. Все невыгодное Пекину опускается, тон статей становится все более пропекинским».

Учитывая растущие трудности японской экономики в сбыте товаров на внешних рынках, китайская пропаганда не жалеет красок, чтобы создать впечатление у деловых кругов Японии, что Китай уже сейчас является необъятным рынком для японских товаров, а впереди их ждут безграничные возможности расширения экспорта в Китай и получения из Китая необходимого сырья, включая нефть и другие виды дефицитного сырья. Однако реальный анализ структуры китайского экспорта и импорта и потенциальных возможностей Китая в области внешней торговли показывает, что перспективы китайско-японской торговли не столь уж радужны. Всем известно, что Китай сравнительно беден минеральными ресурсами. Он не может поставлять те виды сырьевых материалов, в которых прежде всего заинтересована Япония. Китай располагает ограниченными запасами нефти и коксующихся углей. На его территории пока не обнаружено крупных газовых месторождений. В Китае нет значительных запасов железных и медных руд, в которых нуждается японская экономика.

Следует также иметь в виду ограниченные возможности КНР в области внешней торговли. В настоящее время внешнеторговый оборот Китая определяется суммой в четыре млрд. долл. Если допустить, что все свои торгово-экономические связи КНР будет ориентировать исключительно на Японию, то и в этом случае торговый оборот с Китаем составит не более 15—20 процентов внешнеторгового оборота Японии. К тому же примитивная структура промышленного производства Китая коренным образом отличается от структуры японской экономики, базирующейся на современной технологии, что не дает оснований для оптимистических выводов относительно развития взаимовыгодной торговли между обеими странами. Ко всему этому необходимо добавить, что КНР в настоящее время не располагает сколько-нибудь значительными запасами валютных средств для закупок в Японии больших количеств промышленного оборудования и технологии. Развитие же японо-китайской торговли на бартерной основе больших перспектив не имеет.

Естественно, что нормализация отношений между Японией и КНР является исторически неизбежным процессом, и никто не может возражать против улучшения отношений между двумя странами. Наоборот, все прогрессивное человечество приветствовало бы нормализацию отношений между Японией и КНР, если эта нормализация будет отвечать взаимным интересам обоих народов и не будет направлена против третьих стран.

Однако обращает внимание тот факт, что китайская пропаганда, апеллирующая к Японии, приобретает все более антисоветскую окраску. Маоисты распространяют всякие небылицы о Советском Союзе и его политике в отношении Японии. Они истошно кричат, что СССР якобы проводит в Азии политику «окружения» Китая, что наша страна готовит нападение на КНР. Пекин откровенно подстрекает японских реваншистов на выдвижение еще более наглых требований в отношении так называемых «северных территорий». В беседах с японскими делегациями Чжоу Энь-лай выражает открытое недовольство тем, что японское пра-

вительство не проявляет в этом вопросе должного усердия. Он пугает японских бизнесменов тем, что расширение торгово-экономических связей с Советским Союзом может затруднить нормализацию японо-китайских отношений.

И нельзя сказать, что у Чжоу Энь-лая нет единомышленников в Японии. Почетный профессор университета Хосэй, председатель совета директоров газеты «Кита Нихон тюбу» Т. Такати в своей книге «Взгляд в будущее японской нации» пишет: «Я не сомневаюсь, что Китай, создавший атомную и водородную бомбы, непременно вступит в АЗПАК и другие паназиятские объединения и вместе с нами будет сотрудничать в деле установления мира во всем мире, в деле построения единого мира». Другой японский специалист по Китаю, Тамура, пишет, что «Япония должна помочь Китаю переместить направление головок китайских баллистических ракет с востока и запада на север и юг». При этом он уточняет, что запад и восток — это Япония и США, а север и юг — это СССР и тоже США.

Было бы неправильно считать, что эти откровенно реваншистские, националистические взгляды являются господствующими в современной Японии. Трезво мыслящая часть японского общественного мнения выступает за нормализацию отношений с Китаем на реалистической основе, на основе известных принципов мирного сосуществования, исключив какое-либо вмешательство Китая во внутренние дела японского государства. Можно предположить, что на предстоящих переговорах в Пекине, которые, судя по сообщениям японской печати, начнутся в конце сентября — начале октября, будут вестись трудные и упорные споры по всем вопросам, затрагивающим японо-китайские отношения.

Демократическая общественность Японии требует, чтобы нормализация отношений с КНР исключала любое вмешательство во внутренние дела страны. В интервью газете «Майнити» председатель Секретариата ЦК КПЯ тов. Фува, касаясь нормализации японо-китайских отношений, заявил, что «дело заключается в том, с такой позиции японское правительство стремится к решению задачи восстановления дипломатических отношений между двумя странами. Будет странной такая позиция, если Япония для достижения восстановления японо-китайских дипломатических отношений обойдет молчанием какое бы то ни было несправедливое вмешательство со стороны Китая». Плохо, отметил т. Фува, если будет допущено включение в совместное коммюнике «теории двух сверхдержав».

Выступая на пресс-конференции в Осака, председатель ЦК японской компартии С. Носака резко осудил попытку Пекина решить вопрос о нормализации отношений с Японией на антисоветской основе. Носака, как сообщает газета «Асахи», заявил, что китайская сторона спешит с восстановлением японо-китайских дипломатических отношений потому, что «рассматривает Советский Союз как своего главного врага и преследует цель создания китайско-американско-японской сети окружения СССР». Председатель ЦК КПЯ подверг критике такую позицию Китая как «недостойную коммунистов».

Правительство Японии, сообщает газета «Асахи», уже выработало основной курс на предстоящих переговорах между руководителями Японии и Китая. Этот курс предусматривает объявление в какой-либо форме окончания состояния войны (японская печать высказывает предположение, что это будет сделано в виде совместной японо-китайской декларации); определение сроков установления дипломатических отношений между двумя странами, в том числе обмен послами; обсуждение вопроса о выплате репараций; определение сроков заключения японо-китайского мирного договора; решение тайваньской проблемы и заключение японо-китайского договора.

Самым трудным пунктом повестки дня, несомненно, будет тайваньская проблема. Министр иностранных дел Японии Охира в интервью газете «Нихон Кэйдзай» 7 июля этого года заявил: «Нельзя думать о Тайване отдельно от проблемы нормализации японо-китайских отношений. Когда говорят, что есть какой-то другой путь, сколько я бы ни смотрел, его не вижу».

Для Японии проблема Тайваня не только вопрос престижа, но и больших экономических интересов. Достаточно сказать, что внешнеторговый оборот Японии с этим островом превышает 900 млн. долларов.

Китайская сторона в последнее время стала занимать более гибкую позицию в отношении тайваньской проблемы. Не снимая формально своих известных «четырёх условий», провозглашенных Чжоу Энь-лаем в апреле 1970 г., для японских компаний, вступающих в деловые контакты с КНР, китайцы фактически не требуют соблюдения их. Больше того, Пекин дал понять, что после освобождения Тайваня китайские власти будут уважать неприкосновенность японских капиталов на Тайване. Только результаты предстоящих переговоров между Токио и Пекином покажут, на какой основе будет достигнут взаимоприемлемый компромисс. Скорее всего, между сторонами будет достигнуто молчаливое согласие о формальном разрыве Японией дипломатических отношений с чанкайшистским режимом и фактическим присутствием Японии на этом острове.

Японская печать сообщает также, что премьер Танака намерен связать вопрос о нормализации японо-китайских отношений с заключением договора о ненападении. Если правительство КНР не пойдет на заключение такого договора, премьер-министр Танака будет добиваться того, чтобы обе стороны объявили, что они будут взаимно проводить политику ненападения.

Начавшийся процесс нормализации японо-китайских отношений вызывает известное беспокойство по ту сторону океана. В Вашингтоне опасаются, как бы Япония не пошла навстречу Пекину дальше, чем этого хотели бы на Капитолийском холме. Для того чтобы выяснить подлинные намерения японской дипломатии, в Токио был срочно направлен Кассинджер, который провел серию переговоров с премьером Танака и министром иностранных дел Охира.

Танака заверил Кассинджера, что нормализация дипломатических отношений между Китаем и Японией «никогда не повредит тесным дружественным отношениям между Японией и Соединенными Штатами». Судя по сообщениям японской печати, в ходе бесед Танака с Кассинджером достигнуто понимание относительно проблемы Тайваня и дальнейшей судьбы японо-тайваньского мирного договора 1952 г.

Однако, как сообщает газета «Джапан таймс», министр Охира предупредил, что нынешние меры правительства в целях нормализации отношений между Японией и Китаем не должны порождать оптимизма. «Не следует питать никаких иллюзий насчет того, что если отношения нормализуются, то небо сразу станет ясным», — заявил Охира. В правящих кругах Японии отдают отчет в том, что формальная нормализация отношений не решит всех трудностей, существующих во взаимоотношениях между Японией и КНР. Имеется много весьма сложных политических и экономических проблем, которые будут еще долго разделять эти страны. Вряд ли Пекин будет спокойно наблюдать, как японские монополии все глубже проникают в экономику стран Юго-Восточной Азии, расположенных в подбрюшье Китая. Можно ожидать, что по мере роста экономической мощи КНР страны ЮВА станут ареной ожесточенной борьбы между Японией и Китаем за политическое и экономическое влияние в этом стратегически важном районе мира.

Советско-японское сотрудничество — фактор мира и безопасности в Азии

Для будущего развития Японии весьма важное значение имеет вопрос о том, как в дальнейшем будут складываться ее отношения с Советским Союзом. Япония является близким соседом нашей страны, и советским людям небезразлично, в каком направлении будут развиваться события как в самой Японии, так и вокруг нее.

Что касается позиции Советского Союза в отношении Японии, то она ясна и понятна. Она неоднократно излагалась в документах Советского правительства и в заявлениях руководящих деятелей нашей страны. В своей речи на XV съезде профсоюзов товарищ Л. И. Брежнев вновь подчеркнул, что Советский Союз готов «установить и развивать широкое взаимовыгодное сотрудничество с Японией как в экономическом, так и в политическом плане, имея в виду, что такое сотрудничество будет служить делу мира».

Этот принципиальный курс Советского Союза находит свое практическое выражение в конкретной политике, которую проводят различные советские ведомства и организации в отношении Японии. Важным событием в плане дальнейшего улучшения японо-советских отношений явился визит министра иностранных дел А. А. Громыко в Японию, который состоялся 23—28 января 1972 г. Этот визит позволил провести полезный обмен мнениями между обеими сторонами по насущным проблемам современности, а также наметить важные решения о дальнейшем развитии японо-советских связей. Была, в частности, достигнута договоренность о проведении в текущем году переговоров о заключении мирного договора между СССР и Японией.

Важным шагом на пути дальнейшего улучшения отношений между двумя странами явилось подписание нового пятилетнего соглашения о товарообороте и платежах, предусматривающего увеличение объема советско-японской торговли до 4,8 млрд. рублей. Это означает, что объем торговли между двумя странами увеличится примерно в два раза по сравнению с предыдущим пятилетием. Однако возможности торгово-экономических связей между СССР и Японией не ограничиваются рамками этого соглашения. Советский Союз с его огромными природными ресурсами мог бы в значительной мере обеспечить потребности Японии в сырье и уменьшить ее одностороннюю зависимость от импорта сырья с южного направления. Дальнейшему развитию советско-японских экономических связей способствуют такие немаловажные факторы, как географическая близость, а также исторически сложившаяся структура обмен стран. Японская промышленность может получать из Советского Союза такие важнейшие виды сырья, как нефть, газ, коксующиеся угли, цветные металлы, лес, продукты моря и т. п. Советский Союз является устойчивым рынком для многих отраслей японской экономики, особенно машиностроения.

Все большее значение стало приобретать осуществление различных проектов экономического сотрудничества, предусматривающих, как правило, поставки Японии в кредит материалов и оборудования с последующей оплатой поставками в Японию соответствующих сырьевых материалов. В настоящее время между японскими компаниями и советскими внешнеторговыми организациями ведутся конкретные переговоры о поставках из Советского Союза тюменской нефти, газа и коксующихся углей из Якутии, рассматривается вопрос о совместных поисках газа и нефти на сахалинском шельфе и т. п. Все это очень крупные и весьма перспективные проекты, осуществление которых может значительно расши-

речь рамки экономического сотрудничества и заложить прочную и устойчивую основу для дальнейшего развития японо-советских отношений в других областях.

За расширение дружеских связей и широкого экономического сотрудничества с СССР выступают не только широкие массы японских трудящихся, но и представители крупного японского бизнеса и наиболее дальновидные политические деятели правящей либерально-демократической партии. Бывший министр земледелия и лесоводства в интервью газете «Асахи» заявил, что Японии «следует установить дружеские отношения с Советским Союзом. Вместо того чтобы плясать под дудку Соединенных Штатов, необходимо укрепить отношения сотрудничества с СССР». Весьма реалистично оценивает значение хороших отношений с Советским Союзом и министр иностранных дел М. Охира, который в беседе с корреспондентом газеты «Джапан таймс» подчеркнул, что «гарантированный мир между Японией и Россией имеет существенное значение для мира в Северной Азии. Мы должны попытаться создать политический климат, который бы способствовал обеспечению мира в этом районе».

К сожалению, в Японии имеются силы, которые пытаются не допустить дальнейшего развития советско-японских отношений и всячески затормозить их и даже отбросить назад. Речь идет о тех политических кругах, которые пытаются разжечь в Японии реваншистскую кампанию по «возвращению» Японии так называемых «северных территорий», судьба которых давно решена соответствующими международными документами и соглашениями, в том числе Сан-Францисским мирным договором, под которым стоит подпись Японии.

Территориальные притязания японских реваншистов помешали заключить мирный договор в 1956 году и продолжают отравлять атмосферу советско-японских отношений накануне предстоящих переговоров по мирному договору. Советская общественность не может не обратить внимания на то, что в Японии, особенно на о. Хоккайдо, проводятся различные мероприятия реваншистского характера — «месячники», «съезды по северным территориям», организуются «агиткараваны», которые совершают антисоветские марши по городам и селам Японии. Во многих местах Японии можно видеть плакаты и транспаранты с требованиями «возвращения северных территорий». При канцелярии премьер-министра учрежден центральный штаб по делам «северных территорий», который при содействии таких организаций, как «общество по делам северных территорий», «союз за возвращение „северных территорий“» пытается вовлечь в реваншистскую кампанию население японских островов, которое не проявляет никакого интереса в этой надуманной проблеме.

«Мы видим немалые возможности для дальнейшего расширения взаимовыгодного сотрудничества с Японией, хотя попытки некоторых японских кругов эксплуатировать так называемый «территориальный вопрос», разумеется, не идут на пользу советско-японским отношениям, указывал товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии: «...Их полная нормализация на соответствующей договорной основе затрудняется и наличием в Японии иностранных военных баз. Между тем такая нормализация соответствовала бы долгосрочным интересам народов обеих стран, интересам мира на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана».

Будущее советско-японских отношений зависит от того, насколько реалистической и конструктивной окажется политика правящих кругов Японии. Само собой разумеется, что всякая попытка оказать давление на Советский Союз, в какой бы форме она ни предпринималась, обречена на провал. Нельзя пройти мимо сообщений японской печати о том, что

новое правительство якобы намерено направлять политику Японии на путь противопоставления друг другу Советского Союза, Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки, осуществлять тактику маневрирования между великими державами. Что ж, по этому поводу можно лишь сказать, что уже давно миновали времена, когда политика игры на противоречиях приносила плоды для авторов такой политики. В наше время всякая попытка натравливания одной стороны на другую может дать лишь обратные результаты. В современных условиях успех может иметь только открытая и честная политика — политика мира и дружбы между всеми народами.

Наиболее дальновидные политические деятели понимают, что хорошие, добрососедские отношения с Советским Союзом, равно как и с другими странами, отвечают в первую очередь интересам Японии. Политический вес в мире Япония обретет только в том случае, если ее усилия будут направлены на развитие добрососедских связей со всеми странами, на укрепление мира и безопасности народов.

Япония могла бы внести реальный вклад в дело мира и безопасности в Азии, если бы ее правящие круги отказались следовать в фарватере агрессивной политики США, прекратили оказание помощи разбойничьим действиям американской военщины в Индокитае и повели бы страну по пути мирного, независимого развития. Японское государство может обрести подлинную безопасность не путем вхождения в замкнутые военные группировки, а на основе равной безопасности для всех стран, на основе коллективной безопасности в Азии.

В политических и общественных кругах Японии с большим интересом воспринята идея создания коллективной безопасности в Азии, выдвинутая генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в 1969 г. и развитая им в выступлении на XV съезде советских профсоюзов. «Коллективная безопасность в Азии, — указывал тов. Л. И. Брежнев, — должна, по нашему представлению, основываться на таких началах, как отказ от применения силы в отношениях между государствами, уважение суверенитета и неприкосновенность границ, невмешательство во внутренние дела, широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды. Мы выступаем и будем выступать за такую коллективную безопасность в Азии и готовы сотрудничать со всеми государствами в целях претворения в жизнь этой идеи».

Выдвигая идею коллективной безопасности в Азии, Советский Союз не добивается никаких преимуществ для себя. Являясь не только европейской, но и азиатской страной, Советский Союз готов объединить свои усилия с другими странами в поисках взаимоприемлемых решений для обеспечения мира и безопасности для всех народов Азии.

Важное значение для создания коллективной безопасности на Азиатском континенте имеет развитие дружеских отношений не только на региональной, но и на двусторонней основе. В этом смысле укрепление и дальнейшее развитие советско-японских отношений в духе принципов мирного сосуществования могло бы внести весомый вклад в укрепление добрососедских отношений между всеми азиатскими странами, в упрочение коллективной безопасности в Азии.

Место и роль армии в социально-политической жизни современного Китая

А. П. Памор

Одним из важнейших последствий «особого курса» маоистского руководства в КНР явилось беспрецедентное в истории социализма гипертрофированное усиление роли армии во всех областях общественной жизни страны.

Армия в современном Китае на весь исторический период от захвата пролетариатом власти и до полной победы коммунизма объявлена «главной составной частью аппарата социалистического государства», «основным орудием диктатуры пролетариата», а власть над ней — «ядром политической власти». При этом пекинские теоретики тщатся не только доказать естественность и необходимость подобного явления для Китая, но и пытаются возвести его в ранг общей закономерности для всех стран, строящих социализм и коммунизм. В том, что армия «служит не только вооруженной силой, но и политической, идеологической, производственной и воспитательной силой», маоисты видят «блестящее достижение военных идей и военной линии председателя Мао, великое развитие военного учения марксизма-ленинизма, теории о диктатуре пролетариата»¹.

Подобная трактовка роли армии, с одной стороны, является результатом абсолютизации некоторых сторон опыта революционных войн в Китае, возникшей на основе мелкобуржуазных представлений о роли насилия в развитии общества и возможностях военной организации. С другой стороны, она представляет собой попытку теоретически оправдать то положение, которое занимает армия в современном Китае.

Маоисты полностью отбрасывают марксистско-ленинское учение о военной организации победившего пролетариата, о причинах существования, месте и роли армии в обществе, строящем социализм и коммунизм.

Опираясь на псевдонаучную антиленинскую теорию Мао Цзэ-дуна о «продолжении классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата», одним из важных моментов которой является ложный тезис о наличии «острой и сложной классовой борьбы» при социализме, маоисты пытаются доказать необходимость существования армии не только внешними, но и внутренними условиями развития социалистического общества.

¹ Информационный бюллетень агентства Синьхуа (ИБАС), № 2851, 15.VIII.1968.

Однако известно, что с победой социализма вооруженные силы пролетарского государства исчерпывают свою функцию подавления эксплуататорских классов и с точки зрения внутренних условий становятся ненужными.

В Программе КПСС, например, сказано: «С точки зрения внутренних условий Советский Союз не нуждается в армии. Но поскольку остается военная опасность, исходящая из империалистического лагеря, не достигнуто полное и всеобщее разоружение, КПСС считает необходимым поддерживать оборонную мощь Советского государства, боевую готовность его Вооруженных Сил на уровне, обеспечивающем решительный и полный разгром любого врага, который осмелится посягнуть на Советскую Родину»².

Марксизму-ленинизму чужд односторонний априорный подход, характерный для представителей буржуазной и мелкобуржуазной социологической и политической мысли, которые либо чрезмерно преувеличивают роль и возможности армии, подобно маонстам, либо рассматривают всякое участие ее в политической социально-экономической деятельности как проявление общественной патологии. Научная оценка социальной роли армии может быть дана лишь применительно к конкретным условиям, конкретной исторической ситуации, сложившейся в той или иной стране. При этом главным фактором, определяющим природу и характер всякой армии, ее место и роль в общественной жизни страны, является тип государства, поскольку армия как социальный институт представляет собой часть политической надстройки общества. Она создается и направляется государством, проводит вооруженными методами его политику. Поэтому важнейшим методологическим требованием марксистско-ленинской теории является исследование природы, места и роли армии, отталкиваясь от характера государства, в тесной связи с теми изменениями, которые в нем происходили и происходят.

Марксизм-ленинизм не отрицает, что в определенных исторических ситуациях армия способна играть самостоятельную, и притом решающую, роль в общественной жизни, но лишь в особых условиях и только на сравнительно коротком промежутке исторического развития, главным образом в периоды политической нестабильности и социальных сдвигов. Это во многом объясняется тем, что армия в таких условиях часто представляет собой единственную сплоченную, организованную, дисциплинированную силу.

В зависимости от сложившихся в обществе объективных условий господствующее положение армии в нем может явиться положительным, прогрессивным фактором исторического развития, что доказано практикой ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки (АРВ, Сирия, Бирма, Перу и др.). Однако исторический опыт доказал также, что в современных условиях прогрессивная роль армии ограничивается этапом борьбы за национальную независимость и ликвидацию докапиталистических форм отношений. Нельзя не согласиться поэтому с советским исследователем Г. И. Мирским, который подчеркивает, что «превращение в ряде стран «третьего мира» армии в силу, активно влияющую на внутреннюю жизнь, показывает, что в системах этих стран есть какой-то органический дефект, препятствующий их нормальному функционированию»³.

² «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 404.

³ Г. И. Мирский, Армия и политика в странах Азии и Африки, М., «Наука», 1970, стр. 12.

Анализ показывает, что гипертрофированное усиление роли армии в общественном развитии Китая является именно результатом «органических дефектов» «особого курса» маоистского руководства и системы «новой власти», созданной в ходе «культурной революции».

Впервые в широких масштабах попытка усилить роль армии и внедрить военизацию производства и быта во всех областях социально-экономической жизни КНР была предпринята маоистами в ходе осуществления политики «большого скачка».

Эта политика, являвшаяся воплощением крайнего субъективизма и отрицания объективных законов общественного развития, была направлена на тотальную мобилизацию людских и материальных ресурсов для искусственного форсирования темпов экономического развития. Основным методом ее проведения стало подчинение всей системы организации труда и быта армейской дисциплине. В стране были созданы огромные трудовые армии, которые использовались на кустарной выплавке чугуна и стали, на ирригационном строительстве, дорожных работах и т. п. Народные коммунуны были разбиты на полки, батальоны, роты и взводы и, по существу, переведены на казарменное положение. Каждое подобное «подразделение» одновременно являлось и производственной, и воинской единицей. «Весь народ — солдаты», — провозгласил Мао Цзэ-дун.

Для осуществления авантюристической политики «трех красных знамен» с ее отказом от материального стимулирования, ставкой на голый энтузиазм и преданность вождю, предельным обобществлением и уравнительным распределением Мао Цзэ-дуну были необходимы военизированные формы организации общественной жизни, поскольку армейская дисциплина, во-первых, предполагает беспрекословное выполнение приказов; во-вторых, материальные стимулы практически не играют какой-либо роли в исполнении солдатами своих обязанностей; в-третьих, в армии строго нормировано распределение, которое для солдат фактически является уравнительным. Наконец, военные подразделения обладают высокой мобильностью. Попыткой «теоретически» обосновать насаждение армейских методов в организации труда и быта явилось утверждение о том, что в Китае «главной формой организации является армия» и все лучшее идет от нее, так как «лучшие традиции партии часто претворялись в жизнь прежде всего в армии».

Провал политики «трех красных знамен» означал банкротство попыток Мао Цзэ-дуна обеспечить быстрое поступательное развитие китайского общества с помощью различных форм и методов военной организации. В условиях растущего недовольства и сопротивления авантюристическому курсу как внутри партии, так и со стороны широких народных масс Мао Цзэ-дуну удалось в то время сохранить за собой власть лишь путем политического лавирования и компромиссов. После частичного отступления маоисты начали готовиться к реваншу, делая на этот раз ставку прежде всего на армию и всестороннюю милитаризацию китайского общества.

В 1960 году состоялось расширенное заседание Военного совета ЦК КПК, на котором было принято «Решение об усилении идейно-политической работы в армии», являющееся вплоть до настоящего времени основным руководящим документом по вопросам военного строительства в Китае. Это решение означало полный разрыв с марксистско-ленинскими принципами и практикой военного строительства. Его смысл сводился к тому, что армия должна стать ведущей политической силой в выполнении внутривнутриполитических задач.

Китайская печать проводила прямую связь между этим решением и постановлением IX партийной конференции 4-го корпуса Красной Ар-

мии в 1929 году, автором которого был Мао Цзэ-дун, и выдвигала требование об их совместном изучении. В этом постановлении указывалось, что на Красную Армию, «помимо боевой деятельности», возложены важные задачи в области пропаганды в массах, организации масс, вооружения масс, помощи массам в создании революционной власти и даже «организаций коммунистической партии». Обращение к документу более чем сорокалетней давности представляло собой попытку с помощью спекулятивных ссылок на специфический революционный опыт прошлого в какой-то мере обосновать решение 1960 года⁴.

В решении расширенного Военного совета ЦК КПК 1960 года в целях подготовки армии к выполнению политических задач в духе маоистской линии указывалось на необходимость сделать упор на «политическое строительство» в самой армии, содержание которого сводилось к насаждению культа и так называемых идей Мао Цзэ-дуна.

Применительно к низовым звеньям и солдатам работа по «политическому строительству» начала разворачиваться с 1961 года в форме движения за создание рот «четырех хорошо» и движения за подготовку бойцов «пяти хорошо».

Сам за себя говорит девиз этих движений: «Люблю то, что любит председатель Мао Цзэ-дун. Поддерживаю то, что поддерживает председатель Мао Цзэ-дун. Действую по указанию председателя Мао Цзэ-дуна. Иду вперед по призыву Мао Цзэ-дуна»⁵.

Один из аспектов подготовки к решению внутривнутриполитических задач в маоистском духе состоял в изменении кадровой политики в армии. Это нашло свое отражение не только в неоднократных чистках командного состава, но и в изменении принципов отбора в армию призывников, прежде всего в отношении их классового и социального состава.

Для того чтобы приспособить армию к нуждам своей авантюристической политики, превратить ее в надежное орудие военно-бюрократической диктатуры, группа Мао Цзэ-дуна пошла по пути искусственного сужения социальной базы армии. Не находя поддержки своей политики у какого-либо класса в целом, маоисты сделали ставку на искусственный отбор из разных слоев населения групп и элементов, представляющих наиболее консервативную часть китайского общества. Для этого у маоистов были широкие возможности по варьированию составом призываемых в армию. Дело в том, что в КНР количество молодежи призывного возраста (18 лет) значительно превышает потребности ежегодного призыва, который составляет не более 15 процентов от общего числа призывников.

В ходе «культурной революции», когда армия стала главным орудием Мао Цзэ-дуна в борьбе за власть, маоисты с целью набора в армию наиболее подходящих людей значительно снизили требования к общеобразовательному уровню призывников, действовавшие на протяжении 1962—1968 годов. Официальной пропагандой маоистов это объяснялось тем, что в условиях повышенных требований к уровню общеобразовательной подготовки до «культурной революции» в «священные ряды» НОАК «проникли некоторые нечистые элементы».

Сущность кадровой политики маоистов достаточно образно была выражена в лозунге, выдвинутом в 1967 году на Всекитайском совещании по вопросам воинской службы, — «Лучше иметь трех пролетарских

⁴ См.: Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, М., «Изд-во иностранной литературы», 1952, стр. 171—190.

⁵ ИБАС, № 2839, I.VIII.1968.

сапожников, чем одного буржуазного Чжугэ Ляна»⁶. Этот лозунг выражает главный политический принцип в работе по воинскому призыву.

Так, в первой половине 50-х годов личный состав НОАК, по сведениям иностранной печати, по своему социальному происхождению почти на 80 процентов состоял из крестьян-бедняков и середняков и примерно на 9 процентов — из рабочих. Даже в начале 60-х годов классовый состав практически оставался прежним, хотя классовая структура китайского общества к тому времени уже претерпела известные изменения. Обращает на себя внимание тот факт, что при отборе призывников из сельской местности маоисты вплоть до сегодняшнего дня делят их на крестьян-бедняков, батраков, низших середняков и кулаков, пытаются тем самым сохранить ту классовую градацию китайской деревни, которая существовала до социалистических преобразований в ней. Об этом можно судить, в частности, по одному из докладов Ло Жуй-цина⁷, где давался анализ социальной структуры бойцов гаубичной батареи одной из дивизий. 27 человек (50,9%) этой батареи происходили из крестьян-бедняков, 23 человека (43,4%) — из крестьян-середняков и 3 человека (5,7%) — из рабочих-ремесленников. Что касается командного состава, то в той батарее на 5 человек — командира, комиссара и трех командиров расчета — 2 человека были из помещиков, по одному из крестьян-бедняков и середняков и один — из городской бедноты.

Подобное положение с классовой структурой армейских подразделений объявлялось ненормальным вследствие высокого удельного веса крестьян-середняков. Хорошее качество кадрового состава признавалось во 2-м подразделении воинской части 0024 Синьцзянского военного округа, где командиров из бедняков и батраков — 156 человек, то есть около 51,3 процента, 112 человек — из середняков, что составляло 40,1 процента, 6 командиров тоже происходили из трудовых семей, 20 командиров — из богатых помещичьих и буржуазных семей, что составляло 6,6 процента. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что ставка маоистов на наиболее консервативные слои и группы китайского общества при формировании армии глубоко противоречит объективным тенденциям развития военного дела и совершенствования армии на современном этапе. Оснащение армии современной боевой техникой предъявляет повышенные требования к уровню общеобразовательной и специальной подготовки личного состава. И как раз те слои, на которые пытаются опереться маоисты, в наименьшей степени отвечают новым возросшим требованиям, выдвигаемым самой жизнью. Поэтому в армии КНР вопреки кадровой политике маоистов все же наблюдается увеличение удельного веса рабочих и учащихся. В 60-х годах в результате нового этапа в перевооружении армии и оснащении ее современным оружием классовый состав НОАК начал претерпевать существенные изменения, что, в частности, нашло свое отражение в указаниях Министерства обороны о «четырех принципах» воинского призыва в 1968 году, предусматривавших снижение удельного веса крестьян за счет рабочих и учащихся примерно до 20 процентов, а в военно-воздушных силах до 1 процента.

Таким образом, маоистам в силу объективных причин не удастся последовательно и до конца осуществить свою классовую мелкобуржуазную линию в вопросах формирования личного состава армии, что осо-

⁶ Чжугэ Лян (181—234 г. н. э.) — государственный деятель и полководец периода Троецарствия, прославившийся своим военным искусством и подвигами. Один из популярных героев устного народного творчества.

⁷ См.: The politics of the Chinese Red Army, Hoover Institution, 1966. p. 202

бенно хорошо видно на примере требований к призывникам в ВВС. В этих условиях они вынуждены периодически прибегать к так называемым чисткам в армии, которые в последние 15—20 лет приобрели чуть ли не перманентный характер и проводятся, как правило, под лозунгом «исправления стиля работы». Цель «чисток» состоит в том, чтобы удалить из армии негодную маоистам часть офицерского состава.

* * *

В 1965 году — первой половине 1966 года в Китае произошло серьезное обострение внутривластной обстановки, вызванное усилением борьбы между противниками и сторонниками Мао Цзэ-дуна. Завершение этапа «урегулирования» народного хозяйства ставило страну перед альтернативой: или вернуться на путь социалистического развития, определенный VIII съездом КПК, или впредь руководствоваться субъективистскими, мелкобуржуазными, националистическими «идеями» и «установками» Мао Цзэ-дуна. Выбор курса дальнейшего развития Китая неизбежно вел к накалу политической борьбы, особенно внутри китайского руководства. Разногласия усилились и в связи с целой серией неудач и провалов во внешней политике.

В этих условиях маоисты решили подавить силой оппозиционные настроения, насильственным путем создать диктаторский режим Мао Цзэ-дуна и его ближайшего окружения, утвердить непререкаемый авторитет «идей Мао Цзэ-дуна», вытравить из сознания китайского народа истинное представление о марксизме-ленинизме. С этой целью в 1966 году они развернули так называемую великую пролетарскую культурную революцию.

На начальном этапе «культурной революции» вплоть до конца 1966 года армия хотя и поддерживала отряды хунвэйбинов, но не выступала открыто в качестве «ударной» силы Мао Цзэ-дуна и его окружения. Однако мощное сопротивление на местах и раздоры, начавшиеся в среде самих хунвэйбинов, вскоре опрокинули надежды маоистов обойтись лишь силами одурманенной молодежи, не прибегая к открытой помощи армии. В январе 1967 года вышел приказ Военного совета ЦК КПК, утвержденный лично Мао Цзэ-дуном. В нем отменялось прежнее постановление о «невмешательстве армии в великую пролетарскую культурную революцию» на местах. В приказе в соответствии с «новой обстановкой развертывания борьбы двух классов», «двух линий» армии предписывалось решительно поддерживать «истинные революционные группировки», решительно осуществлять диктатуру в отношении всех прочно зарекомендовавших себя в качестве «контрреволюционных организаций и элементов», иначе говоря, в отношении всех противников Мао Цзэ-дуна.

Армия, таким образом, открыто вышла на авансцену политических событий. Перед ней была поставлена задача развернуть движение по «трем опорам, двум военным». Это означало, что армия, во-первых, должна поддерживать так называемых «левых» в захвате власти, то есть маоистских сторонников, и создать новые антиконституционные органы власти — ревкомы — на основе сочетания «трех сторон», при главенствующей роли представителей армии. Разъясняя это указание Мао Цзэ-дуна, газета «Жэньминь жибао» писала: «В тех районах и ведомствах, где имеется необходимость захватить власть, нужно осуществлять курс революционного «сочетания трех сторон» и создать революционный представительный, пользующийся пролетарским авторитетом орган власти. Этот

орган власти лучше называть революционным Комитетом. Временный орган власти революционного сочетания трех сторон должен состоять из ответственных работников революционных массовых организаций, из представителей воинских частей НОАК и революционных руководящих кадров»⁸.

Ревкомы с участием представителей воинских частей или народного ополчения должны были создаваться на заводах, фабриках, в коммунах и производственных бригадах, в финансовых, торговых и культурно-просветительных учреждениях (включая высшие, средние и начальные учебные заведения), в партийных и административных органах, а также в массовых общественных организациях⁹. Задача захвата власти являлась главной.

Во-вторых, перед армией выдвигалось требование установить контроль над промышленными и горнорудными предприятиями с тем, чтобы предотвратить там выступления рабочих против «культурной революции», обеспечить нормальное функционирование предприятий и поставить всю работу на них (политическую, идеологическую, производственную) под контроль военных. На промышленные предприятия были направлены многочисленные армейские отряды «по пропаганде идей Мао Цзэ-дуна». На заводах, фабриках и шахтах создавались так называемые штабы руководства производством на основе сочетания трех сторон или «производственные комитеты» во главе с военными.

В-третьих, армия должна была «оказать поддержку» сельскому хозяйству. Главной формой такой «поддержки» являлась пропаганда «идей» и значения «революционной линии Мао Цзэ-дуна». Армия должна была также осуществлять фискальные функции по максимальному изъятию общественного продукта, создаваемого в сельском хозяйстве, не останавливаясь при этом перед применением прямого насилия.

Что же касается выражения «два военных», то оно означало:

— осуществление «военного контроля» в форме создания в партийных и государственных органах, на промышленных предприятиях, транспорте, в учебных заведениях «военно-контрольных групп», которые на начальном этапе «культурной революции» использовались для содействия захвату власти и созданию ревкомов;

— осуществление военного обучения, одной из главных задач которого являлось установление контроля над учебными заведениями, а также организация в них изучения и пропаганды «идей Мао Цзэ-дуна» на базе так называемой «пролетарской революции в области просвещения». Другая задача состояла в военно-политическом обучении народных ополченцев и контроле за деятельностью их организаций.

Осуществление лозунга «трех поддержек, двух военных» практически поставило под контроль армии всю политическую, идеологическую и социально-экономическую жизнь страны, превратило НОАК в орган насилия военно-бюрократического режима.

Процесс усиления роли армии во всех областях общественной жизни страны зашел настолько далеко, что Мао Цзэ-дун не без основания увидел в ней реальную угрозу своей собственной власти.

С другой стороны, существование неприкрытой военно-бюрократической диктатуры вызывало политические и экономические затруднения. Уже первый опыт использования военных в качестве администраторов показал непригодность армейского аппарата к решению сложных социальных проблем, о чем свидетельствовали нараставшие противоре-

⁸ «Жэньминь жибао», 10.III.1967.

⁹ См.: «О революционном сочетании трех сторон», «Хунци», 1967, № 5.

чия между представителями армии и гражданской администрации на местах. Обнаружилась, в частности, неспособность армии руководить народным хозяйством. Подобное положение вынуждало маоистов маневрировать. Именно в этом плане следует рассматривать начало активной пропаганды в китайской печати со второй половины 1971 года тезиса о том, что «партия должна командовать винтовкой».

Этой теме, в частности, была в основном посвящена последняя традиционная передовая статья трех редакций, приуроченная к очередной годовщине НОАК. В номере от 26 августа 1971 года газета «Жэньминь жибао» писала: «Теперь, когда на всех уровнях сформированы новые комитеты партии, необходимо эффективно укрепить единое руководство партии».

Наконец, в сентябре 1971 года Мао Цзэ-дун нанес удар по части высшего армейского руководства, в результате которого с политической арены исчезли министр обороны и заместитель Мао Цзэ-дуна Линь Бяо, начальник Генерального Штаба НОАК Хуан Юн-шэн и ряд других высокопоставленных военных руководителей.

Однако последние внутривластные события отнюдь не означают существенного изменения роли армии в Китае.

* * *

В ходе «культурной революции» в Китае был осуществлен политический переворот и установлена военно-бюрократическая диктатура. Основу механизма «новой власти» составляет милитаризм, который представляет собой реакционную систему военного принуждения и насилия, призванную обеспечить группировке Мао Цзэ-дуна политическую власть в стране и создать благоприятные внутренние условия для осуществления ею великодержавных, гегемонистских замыслов на международной арене.

Маоизм неотделим от системы военного насилия и принуждения, поскольку он не может иметь широкой социальной опоры в лице какого-либо класса в целом. Поэтому в своей политике маоисты вынуждены прибегать к тактике бонапартизма. Именно поэтому армия в сегодняшнем Китае занимает центральное место в общественной жизни страны.

Несмотря на сентябрьские события 1971 года, армия продолжает сохранять прочные позиции на всех уровнях политического, экономического и идеологического руководства страной. Мао Цзэ-дун в сентябре прошлого года выступил не против армии, а лишь против верхушки военного руководства, возглавляемой Линь Бяо. Военные по-прежнему представляют сегодня более половины всего состава ЦК КПК. Они возглавляют большинство парткомов провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, осуществляют руководство большинством ключевых ревкомов, из них рекрутируются руководящие кадры для различных административных органов.

Являясь главным элементом милитаризма, орудием насаждения антинародной маоистской политики, НОАК все больше и больше выступает как реакционная антинародная сила и в области социально-экономической, поскольку усиление роли и значения армии в общественной жизни страны привело к выдвиганию на первый план корпоративных интересов армии, связанных с развитием военного сектора экономики и оснащением НОАК современными видами боевой техники, прежде всего ракетно-ядерным оружием. Только за 1960—1970 годы ежегодные расходы КНР на военные нужды возросли с 5,8 до 20 млрд. юаней, то есть при-

мерно в 3,5 раза¹⁰. Эта сумма превышает треть бюджета страны. Расходы на военные нужды являются чрезмерным бременем для Китая и ведут к замедлению темпов экономического роста, истощению национального хозяйства, неблагоприятному изменению всей его структуры. На обслуживание военных нужд отвлекаются лучшие научные и технические кадры страны.

Гонка вооружений в корпоративных интересах армии сопровождается широким наступлением на жизненный уровень китайского народа. Китайская печать сообщила, например, что средняя заработная плата рабочих и служащих в стране составляет 54 юаня в месяц без «новых рабочих, поступивших на работу в последние годы»¹¹. К ним маоисты относят рабочих местной промышленности и тех, кто годами числится в учениках. Они составляют не менее 20 процентов работающих и получают 15—30 юаней в месяц. С учетом этих «новых рабочих» средняя заработная плата рабочих и служащих в КНР значительно ниже указанного в китайской печати уровня.

Милитаризация общественной жизни страны не только тормозит рост производительных сил, но и разрушительным образом действует на экономический базис общества. Это находит свое выражение в военизации производственных отношений, форм и методов производственной организации, ограничении товарно-денежных отношений и действия закона стоимости, в принижении значения экономических методов руководства народным хозяйством, в известной абсолютизации внеэкономического принуждения.

С созданием ревкомов на основе принципа «сочетания трех сторон»¹² с армии не были сняты задачи «трех поддержек, двух военных», которые в начале «культурной революции» рассматривались в качестве временных мер. Более того, маоистская печать в настоящее время заявляет, что «три поддержки, два военных» являются важной составной частью «теории» Мао Цзэ-дуна о «продолжении революции при диктатуре пролетариата» и наиболее актуальной работой среди масс в «новой обстановке». В плане реализации этих задач в министерствах и ведомствах сегодня продолжают функционировать военно-контрольные комитеты и группы, представители военных по-прежнему находятся на предприятиях, в народных коммунах, производственных бригадах и так далее.

До сих пор во время сельскохозяйственной страды, в период посевных работ и сбора урожая, в коммуны, сельскохозяйственные производственные бригады направляются специальные военные отряды «поддержки сельскому хозяйству», призванные «стимулировать» у крестьян трудовой энтузиазм, «следить за правильным распределением». Необходимость осуществления такого контроля объясняется маоистской печатью тем, что армия ограждает деревню от проникновения «черного» идеологического «товара буржуазии», основным содержанием которого является принцип: «если продуктов питания произвели больше, то можно и побольше поесть».

¹⁰ «Красная звезда», 25.II.1972.

¹¹ ИБАС, 20.IX.1971, № 3925.

¹² Весьма интересна эволюция этого принципа после так называемого IX съезда ЦКК. Если в период «культурной революции» он означал союз ответственных работников революционных массовых организаций, представителей воинских частей НОАК и революционных руководящих кадров, то сейчас сочетание «трех сторон» трактуется как союз «представителей старшего поколения, среднего возраста и молодежи». Подобная эволюция представляет собой одну из форм камуфляжа маоистами военно-бюрократической сущности сегодняшнего режима в Китае.

Весной 1969 года только из пекинского военного гарнизона было направлено в 7400 больших производственных бригад более 110 тыс. командиров и бойцов¹³. Сообщалось также, что Н-ская артиллерийская часть нанкинского гарнизона весной 1970 года организовала 180 отрядов по пропаганде «идей Мао Цзэ-дуна», которые были посланы якобы для «проверки» весенних полевых работ в 100 производственных бригадах. О действительной роли этих отрядов можно судить по сообщению газеты «Жэньминь жибао», которая в июне того же года писала, что, когда в уезде Цинфан провинции Хэбэй стали наблюдаться явления «несплоченности» между крестьянскими массами и руководящими кадрами на помощь пришли армейские работники. Им удалось, по выражению газеты, «вытащить глубоко затаившихся классовых врагов» и подавить «отрицательные явления»¹⁴.

Многие армейские подразделения в настоящее время превращены по существу, в трудовые лагеря. Сюда для «перевоспитания» направляются интеллигенция и учащаяся молодежь, которые работают в армейских подсобных хозяйствах. Так, только в 1968 году на производственных базах армии трудились 60—70 тыс. юношей и девушек, окончивших высшие учебные заведения¹⁵. Особенно много молодежи направляется в части, расквартированные в полупустынных северных и западных пограничных районах. Главная цель «перевоспитания» при этом состоит в «перековке мировоззрения», то есть в искоренении антимаоистских взглядов и насаждении «идей Мао Цзэ-дуна». Кроме того, направленная на перевоспитание молодежи солдаты должны привить дух «не бояться трудностей, не бояться смерти» и желание «навсегда остаться в пограничном районе и защищать его». Средством «радикальной перемены в позиции, взглядах и чувствах» воспитуемых является работа в «тяжелой обстановке».

Помимо осуществления внутренних задач, маоистское руководство широко использует армию для проведения своей антисоветской гегемонистской политики на международной арене, о чем наглядно свидетельствуют кровавые инциденты на советско-китайской границе, спровоцированные им в 1969 году. Рост боевой мощи НОАК, создание ракетно-ядерного потенциала должны, по мысли маоистов, материально подтвердить их претензии на роль ведущей державы в современном мире.

Таким образом, анализ показывает, что усиление роли армии в общественной жизни КНР представляет собой результат извращений социализма, а не общую закономерность строительства социализма и коммунизма, как об этом утверждают маоистские теоретики. До тех пор пока у власти в Китае будет находиться группировка маоистского толка, армия в той или иной степени будет сохранять достаточно прочные позиции во всех областях общественной жизни страны, поскольку маоизм неотделим от системы военного насилия и армия является его главной опорой.

¹³ ИБАС, 14.IV.1969, № 3054.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 12.VI.1971.

¹⁵ ИБАС, 12.II.1969, № 3003.

Верность интернациональному долгу

И. А. Галкин, С. И. Иванов

Внешняя политика Советского Союза, будучи подлинно национальной, отвечающей коренным интересам советского народа, вместе с тем всегда, на всех этапах развития советского государства была и остается политикой глубоко интернационалистской. С первых дней Советской власти Коммунистическая партия и Советское правительство при определении внешнеполитического курса нашей страны неизменно руководствовались ленинскими указаниями относительно необходимости рассматривать и решать любой международный вопрос, исходя из его классово-экономической оценки, из интересов борьбы против империализма, за торжество социализма в мировом масштабе. Каждая страна, партия или государственный деятель, ставящие перед собой цели освобождения народных масс от национального и социального гнета, всегда находили и находят в лице нашей страны надежного союзника и друга. Благодаря своей неизменной политике оказания помощи и поддержки антиимпериалистическим силам, наша Родина стала не только твердыней свободы и славы советских народов, надежным оплотом их мирного труда, но и могучей опорой международного революционно-освободительного движения.

Ярким образцом проявления верности интернациональному долгу, примером последовательного проведения в жизнь принципа пролетарского интернационализма служит та мощная поддержка, которую КПСС и Советское государство вместе с другими братскими партиями и социалистическими странами оказывали и продолжают оказывать вьетнамскому народу в его многолетней упорной борьбе за национальную независимость, социальный прогресс, мир и единство.

История революционного движения во Вьетнаме на всех этапах его развития была тесно связана с поддержкой первой страны победившего социализма. «Октябрьская революция в России,— как отмечал первый вьетнамский коммунист Хо Ши Мин,— соединила социалистическое революционное движение с национально-освободительным революционным движением в один общий антиимпериалистический фронт»¹.

Присоединившись к этому всемирному фронту, став его составной частью, вьетнамский народ, боровшийся под руководством своего авангарда — Коммунистической партии Индокитая — против колониализма, сразу же приобрел не только морально-политическую поддержку со сто-

¹ Хо Ши Мин. «О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе», М., 1970, стр. 186.

роны первого в мире социалистического государства, но и получал от него практическую помощь.

Уже стали общезвестными слова товарища Хо Ши Мина о том, какую непосредственную роль в сплочении антиимпериалистических сил играла Советская Россия на заре своего существования. Он писал в 1927 году: «...Большевики не ограничились платоническими речами, принятием гуманных резолюций об угнетенных народах, а учат эти угнетенные народы тому, как надо бороться. Они помогают им морально и материально ...Революционная Россия, ни на минуту не задумываясь, пришла на помощь народам, которые она уже самым фактом своей победоносной революции пробудила от летаргического сна»².

На протяжении полутора десятилетий Коммунистическая партия Индокитая вела подготовку народной революции. Большую роль в этой ее деятельности сыграли те вьетнамские коммунисты, которые прошли подготовку в Москве, в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока) — товарищи Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин), Ле Хонг Фонг, Нгуен Тхи Минь Кхай и другие. Мужание вьетнамского революционного движения, превращение его в широкую борьбу народных масс под лозунгами, выдвигавшимися коммунистической партией, проходили под прямым воздействием идей Октября, примера борьбы народов СССР против иностранной интервенции и социалистического строительства в Советском Союзе.

Важнейшее событие в жизни вьетнамского народа, рубеж, открывший новую эру в истории страны, — Августовская революция 1945 года также была неразрывно связана с теми мощными потрясениями в мире, которые произошли в результате побед Советского Союза и других участников антифашистской коалиции в Европе и Азии.

Помощь и поддержка со стороны Советского Союза явились важным фактором победы вьетнамского народа в войне Сопrotивления против французских колонизаторов (1946—1954 гг.). Советский Союз одним из первых официально признал Демократическую Республику Вьетнам. В день двадцатилетнего юбилея установления дипломатических отношений между СССР и ДРВ, в январе 1970 года, центральный орган ЦК Партии трудящихся Вьетнама газета «Нян зан» писала: «Признание в 1950 году Советским Союзом и другими социалистическими странами ДРВ высоко подняло международный авторитет нашей страны и всемерно воодушевило армию и народ нашей страны на усиление войны Сопrotивления за национальное спасение, для достижения все более блестящих побед»³.

После установления мира во Вьетнаме на основе Женевских соглашений от 1954 года наша страна оказала Демократической Республике Вьетнам значительную помощь в восстановлении народного хозяйства и строительстве социалистической экономики.

За годы мирного строительства ДРВ (с 1955 г. по 1964 г.) Советский Союз предоставил ДРВ помощь в общей сложности на сумму 320 млн. рублей. Примерно 70 процентов этих средств расходовалось на развитие ведущих отраслей промышленности, на создание таких жизненно необходимых для страны предприятий, как энергетические, машиностроительные, химические.

Параллельно с этим Советский Союз и другие социалистические страны оказывали ДРВ помощь в подготовке квалифицированных тех-

² Хо Ши Мин. «О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе», М., 1970, стр. 6, 7.

³ «Нян зан», 30.I.1970.

нических и научных кадров, специалистов в области культуры, образования и так далее.

Советские специалисты трудились во Вьетнаме, на месте передавая опыт своим вьетнамским коллегам. Это об их работе говорил президент Хо Ши Мин: «Помощь нашему народу со стороны советских специалистов показала их высокое чувство интернационализма, настойчивость в преодолении трудностей, их большое стремление передать вьетнамским специалистам свои знания, ценный опыт и передовую технику»⁴.

В этот же период (1955—1964 гг.) Советский Союз, являющийся сопредседателем Женевского совещания по Индокитаю, последовательно и настойчиво выступал вместе с ДРВ за точное выполнение принятых на этом совещании решений, против саботажа Женевских соглашений Соединенными Штатами Америки и их марионетками в Сайгоне.

С начала 60-х годов в обстановке подъема национально-освободительной борьбы на Юге Вьетнама, вооруженных выступлений против реакционного режима Нго Динь Дьема и его американских покровителей поддержка советскими людьми справедливого дела южновьетнамских патриотов стала одним из важных международных факторов, обеспечивших успехи в их борьбе. Выражением этой поддержки явилась, в частности, договоренность между Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки и Центральным Комитетом Национального фронта освобождения Южного Вьетнама об учреждении в СССР Постоянного представительства НФОЮВ «в целях дальнейшего укрепления и развития существующих дружественных связей и братской, боевой солидарности между советским и южновьетнамским народами»⁵.

Во второй половине 1964 и в начале 1965 года, оказавшись перед угрозой падения под ударами патриотических сил проамериканского правительства в Сайгоне, правящие круги США встали на путь прямой интервенции в Южном Вьетнаме и распространения войны на территорию Северного Вьетнама. В августе 1964 года американская авиация впервые подвергла бомбардировке объекты на территории Демократической Республики Вьетнам; с февраля 1965 года эти бомбардировки стали осуществляться систематически и во все более широких масштабах. Одновременно начался процесс «эскалации» войны США против патриотов Южного Вьетнама, в ходе которой численность американских войск на вьетнамской земле была доведена к 1969 году до полумиллиона человек.

Агрессия США против Демократической Республики Вьетнам встретила немедленное и решительное осуждение со стороны КПСС, Советского правительства, всего советского народа. Уже в августе — сентябре 1964 года в выступлениях советской печати, а также в ряде официальных документов — в телеграмме министра иностранных дел тов. А. А. Громыко на имя министра иностранных дел ДРВ тов. Суан Тхюи, в заявлениях ТАСС — был выражен протест против провокационных действий американской военщины в отношении ДРВ, было заявлено, что вмешательство Соединенных Штатов в дела вьетнамского народа может привести к опасным последствиям, всю ответственность за которые будут нести США.

Выступая 6 ноября 1964 года на торжественном заседании по случаю 47-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, Первый секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев заявил от имени совет-

⁴ Хо Ши Мин. «О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе. Избранные статьи и речи». М., 1970, стр. 111.

⁵ «Правда», 23.1.1965.

ских коммунистов, всех советских людей: «Мы решительно осуждаем провокацию против Демократической Республики Вьетнам. Мы приветствуем мужественный народ Южного Вьетнама, ведущий героическую освободительную борьбу против продажного антинародного режима и вооруженной интервенции американского империализма, за объединение своей родины на демократических началах»⁶.

В речи на митинге советско-чехословацкой дружбы в Москве 3 декабря 1964 года тов. Л. И. Брежнев в связи с новыми вооруженными провокациями США против ДРВ заявил: «Советский Союз не может оставаться безучастным к судьбам братской социалистической страны и готов оказать ей необходимую помощь. Пусть империалисты поостерегутся играть с огнем! Это опасная игра»⁷.

Важной акцией интернациональной солидарности и поддержки Вьетнама со стороны Советского Союза в этот период явился визит в ДРВ советской правительственной делегации во главе с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным (февраль 1965 г.).

В совместном заявлении делегации СССР и делегации ДРВ указывалось: «Правительство СССР вновь подтвердило, что, следуя принципам социалистического интернационализма, оно не останется безучастным к обеспечению безопасности братской социалистической страны и окажет ДРВ необходимую помощь и поддержку. Правительства обеих стран достигли соответствующей договоренности о мерах, которые будут предприняты в целях укрепления обороноспособности ДРВ, и условились о проведении регулярных консультаций по указанным вопросам»⁸.

Два месяца спустя, Советский Союз посетила партийно-правительственная делегация ДРВ во главе с Первым секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном. В ходе переговоров «ЦК КПСС, Советское правительство и ЦК ПТВ, Правительство ДРВ договорились о дальнейших шагах, направленных на ограждение безопасности и защиту суверенитета Демократической Республики Вьетнам, явившейся объектом агрессивных действий американского империализма, и согласовали соответствующие меры в этих целях. Советский Союз подтвердил готовность и впредь оказывать ДРВ необходимую помощь для отражения агрессии США»⁹.

В этот период был подписан ряд соглашений о советской военной и экономической помощи ДРВ. С тех пор соглашения между правительствами СССР и ДРВ о предоставлении советской безвозмездной помощи и кредитов Демократической республике Вьетнам заключаются ежегодно.

В 1966 году принципиальная позиция КПСС в отношении освободительной борьбы вьетнамского народа была сформулирована на высшем форуме партии — на ее XXIII съезде.

Съезд предупредил, что агрессоры, осуществляя эскалацию постыдной войны против вьетнамского народа, встретятся со все возрастающей поддержкой Вьетнама со стороны Советского Союза.

«XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, — говорилось в Заявлении съезда по поводу агрессии США во Вьетнаме, — торжественно заявляет о своей братской солидарности с героическим вьетнамским народом, с Партией трудящихся Вьетнама, с Националь-

⁶ «Правда», 7.XI.1964.

⁷ «Правда», 4.XII.1964.

⁸ «Боевая солидарность, братская помощь» (Сборник важнейших внешнеполитических документов СССР по вьетнамскому вопросу), М., 1970, стр. 35.

⁹ Там же, стр. 62.

ным фронтом освобождения Южного Вьетнама и обращается с призывом ко всем коммунистическим и рабочим партиям еще настойчивее добиваться единства действий в борьбе против американской агрессии во Вьетнаме, в оказании эффективной помощи и поддержки борющемуся вьетнамскому народу»¹⁰.

Заявление XXIII съезда КПСС по вьетнамскому вопросу стало программой практических действий коммунистов, всего советского народа. В стране развернулось массовое движение солидарности с Вьетнамом, которое, не ослабевая, продолжается по сегодняшний день. Это движение приобрело прежде всего форму трудовых усилий, направленных на четкое, бесперебойное и своевременное выполнение заказов для борющегося Вьетнама на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве и на транспорте нашей страны.

Труд советских людей обеспечил широкий поток из Советского Союза в Демократическую Республику Вьетнам всего необходимого для отражения империалистической агрессии США и для продолжения в условиях войны социалистического строительства. Мировая печать не раз отмечала, что примерно 70 процентов всей помощи ДРВ в годы войны предоставлялось Советским Союзом.

При помощи Советского Союза в ДРВ были созданы оснащенные новейшей техникой зенитно-ракетные подразделения. Грозной, внушающей страх американским летчикам стала противовоздушная оборона ДРВ после создания ракетных войск. Непосредственные участники налетов на вьетнамские города и села не раз признавались, что более мощного противовоздушного заслона, основанного на тесном взаимодействии ракетного и зенитно-стрелкового оружия, с каким они сталкивались, в частности, в районе Ханоя и Хайфона, история войн еще не знала.

При советском техническом содействии в Демократической Республике Вьетнам велось и ведется строительство многих промышленных и иных объектов. Большой вклад в укрепление экономики ДРВ вносят советские люди, работающие во Вьетнаме. В братской стране побывало несколько тысяч советских специалистов самых различных профессий. Их труд получил высокую оценку со стороны вьетнамских товарищей.

Солидарность советского народа с вьетнамскими патриотами нашла свое выражение также в широкой кампании поддержки Вьетнама, развернутой в нашей стране общественными организациями. На предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах, учреждениях и учебных заведениях Советского Союза проводились и проводятся тысячи митингов и собраний, участники которых протестуют против агрессивных действий США во Вьетнаме и заявляют о горячей поддержке справедливой борьбы вьетнамского народа. В СССР регулярно проходят месячники и недели советско-вьетнамской дружбы и солидарности с борьбой вьетнамского народа против агрессии американских империалистов. Советские профсоюзы, Общество советско-вьетнамской дружбы, Комитет поддержки Вьетнама и другие общественные организации проводят сбор средств в фонд помощи Вьетнаму.

Орган ЦК КПСВ газета «Нян зан» писала в 1967 году: «Движение советского народа в поддержку Вьетнама против американской агрессии ширится, развивается и принимает самые разнообразные формы. В волнующей атмосфере по всей огромной территории Советской страны проходят десятки тысяч митингов и демонстраций... Кампании по сбору средств, медикаментов и других подарков, а также добровольная

¹⁰ «Материалы XXIII съезда КПСС», М., 1966, стр. 288.

сдача крови для Вьетнама всегда находят самый горячий отклик у советского народа»¹¹.

Массовое движение солидарности советских людей с вьетнамским народом послужило стимулом для развертывания международного движения в поддержку Вьетнама — важного фактора дальнейшего сплочения всех антиимпериалистических сил современности. Огромную роль в развертывании этого движения сыграла КПСС, ее Центральный Комитет. Как только Демократическая Республика Вьетнам подверглась нападению США, Советский Союз не только сам встал на защиту братской социалистической страны, но и сделал все возможное для того, чтобы поднять и сплотить в едином фронте солидарности с вьетнамским народом максимально широкие слои международной общественности. «...Авантюра колонизаторов будет сорвана тем скорее, — говорилось в речи тов. Л. И. Брежнева на митинге в Варшаве 8 апреля 1965 года, — чем сплоченнее выступят против их преступных действий все силы мира, свободы и прогресса на земле. Народ Вьетнама нуждается в действительной поддержке этих сил»¹².

Застрельщиками и самыми активными участниками международного движения поддержки Вьетнама стали страны — члены социалистического содружества, а также коммунистические и рабочие партии. Важными этапами на пути развития этого движения, акциями, оказавшими значительное влияние на формирование международного общественного мнения в поддержку справедливого дела вьетнамского народа, явились заявление о событиях во Вьетнаме, принятое участниками Консультативной встречи коммунистических и рабочих партий в Москве в марте 1965 года, заявление в связи с агрессией США во Вьетнаме участников Бухарестского совещания Политического консультативного комитета Варшавского договора в июле 1966 года, обращение коммунистических и рабочих партий — участниц конференции по европейской безопасности в Карловых Варах — об агрессии США против Вьетнама в апреле 1967 года, послание солидарности вьетнамскому народу от представителей 67 коммунистических и рабочих партий, собравшихся на Консультативную встречу в Будапеште в феврале 1968 года, призыв международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году «Независимость, свободу и мир Вьетнаму!».

Подчеркивая важный, международный характер борьбы вьетнамского народа, представители 75 коммунистических и рабочих партий, собравшихся на Московское Совещание 1969 года, сделали важный для мирового освободительного движения вывод: «Борьба вьетнамских патриотов показывает: народ, который последовательно борется против империализма, за свободу и независимость и на стороне которого стоят Советский Союз, все социалистические страны и миролюбивые силы во всем мире, — непобедим.

Чем крепче единство и сплоченность международного коммунистического движения и всех антиимпериалистических сил в борьбе против общего врага, империализма, тем больше их успехи.

Чем решительнее коммунистические и рабочие партии поднимают знамя защиты свободы народов и встают во главе борьбы против империалистической политики агрессии, тем шире и действеннее развивается антиимпериалистическое движение народных масс»¹³.

¹¹ «Нян зап», 13.X.1967.

¹² «Правда», 9.IV.1965.

¹³ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы, М., 1969, стр. 134.

Выразив готовность и впредь оказывать вьетнамскому народу всю необходимую помощь вплоть до окончательной победы его справедливого дела, представители коммунистических и рабочих партий от имени многомиллионной армии коммунистов обратились с призывом ко всем честным людям земли еще решительнее поднять голос протеста против преступной войны американского империализма во Вьетнаме, еще активнее участвовать в международном движении солидарности с героическим вьетнамским народом.

Платформой для новых, еще более мощных согласованных действий коммунистов, всех прогрессивных сил Земли против американской агрессии во Вьетнаме послужит заявление, принятое участниками конференции 27 коммунистических и рабочих партий Европы за солидарность с народом Вьетнама, состоявшаяся 27 июля 1972 года в Париже.

Прилагая огромные усилия для сплочения всех прогрессивных сил мира в поддержку борющегося Вьетнама, КПСС и СССР постоянно стремились и стремятся добиться единства действий с КПК и КНР в поддержку ДРВ. Однако пекинское руководство отклонило все делавшиеся ему с этой целью предложения.

Заявления и практические действия Пекина в отношении вьетнамского вопроса звучат резким диссонансом совместным выступлениям, единым действиям коммунистических и рабочих партий, социалистических стран, всех прогрессивных людей мира.

В тот момент, когда американские империалисты развертывали воздушную агрессию против ДРВ, китайское руководство заняло «особую позицию», не согласившись с предложениями социалистических стран об общих выступлениях и действиях по обеспечению безопасности Демократической Республики Вьетнам.

В последующие годы — вплоть до настоящего времени — в Пекине неизменно враждебно встречали и встречают любую инициативу, имеющую целью оказание коллективного отпора агрессору на земле Индокитая.

* * *

Вьетнамский народ, Партия трудящихся Вьетнама, правительство ДРВ и Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам, отражая с оружием в руках империалистическую агрессию США, одновременно вели и ведут борьбу за свои национальные права с помощью политических и дипломатических средств. В этом они постоянно опирались на братскую поддержку КПСС, Советского Союза.

В феврале 1965 года, выступая по Центральному телевидению Советского Союза с отчетом о поездке советской правительственной делегации в ДРВ, тов. А. Н. Косыгин заявил: «Миролюбивые страны призывают к строгому выполнению Женевских соглашений, чтобы предотвратить разрастание конфликта в Юго-Восточной Азии и найти пути к урегулированию проблем Индокитая за столом переговоров. Прекращение агрессивных актов Соединенных Штатов против демократического Вьетнама — вот что требуется в первую очередь, чтобы создать условия для поисков путей, ведущих к нормализации положения в Индокитае»¹⁴.

В последующие годы и вплоть до настоящего времени Советский Союз неизменно активнее выступал в поддержку всех политических и

¹⁴ «Правда», 27.11.1965.

дипломатических акций ДРВ, НФОЮВ и ВРП РЮВ, направленных на справедливое урегулирование вьетнамской проблемы.

Внешнеполитические акции Советского Союза в поддержку дипломатического наступления вьетнамских патриотов на империализм США всегда носят конкретный и целенаправленный характер.

Когда Вашингтон попытался «интернационализировать» конфликт в Индокитае, втянуть в него как можно больше своих союзников по агрессивным блокам, СССР выступал с разоблачением этой политики. Советское правительство не раз осуждало пособничество правительств Таиланда, Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Филиппин агрессии США во Вьетнаме, подчеркивало, что они несут полную ответственность за соучастие в аванюре Вашингтона, направленной против вьетнамского народа.

Правительство СССР, советские общественные организации не устанут разъяснять сущность действий США во Вьетнаме правительствам и народам Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, призывая их воздействовать на правительство Соединенных Штатов Америки, чтобы положить конец его вмешательству в дела Вьетнама и всего Индокитая, добиться прекращения вооруженной авантюры на Индокитайском полуострове. И эта сторона деятельности Советского Союза на международной арене во многом способствует увеличению количества друзей Вьетнама во всем мире.

В выступлениях советских руководителей, представителей СССР на различных международных форумах, в печати, в резолюциях многочисленных митингов и собраний советской общественности неизменно выражалось одобрение и полная поддержка известных «4 пунктов» правительства ДРВ (апрель 1965 г.), «10 пунктов» и политической программы НФОЮВ.

В начале 1967 года официальные представители ДРВ заявили о том, что в случае, если США безоговорочно прекратят бомбардировки Северного Вьетнама, Демократическая Республика Вьетнам согласится изучить вопрос о возможных контактах с Вашингтоном. Советский Союз немедленно поддержал эту инициативу вьетнамских товарищей. Выступая перед английскими и иностранными журналистами в Лондоне 10 февраля 1967 года, тов. А. Н. Косыгин, сославшись на интервью министра иностранных дел ДРВ, данное австралийскому журналисту, заявил: «В этом интервью он (т. е. министр иностранных дел ДРВ.— И. Г., С. И.) высказал предложение, сущность которого сводится к следующему: Соединенные Штаты Америки должны безоговорочно прекратить бомбардировки ДРВ, тогда можно будет сесть за стол переговоров, чтобы искать пути политического решения вьетнамской проблемы. Мы полностью присоединяем свой голос к высказыванию министра иностранных дел ДРВ и считаем, что США должны им воспользоваться. Это очень хорошее конструктивное предложение... Мы полностью поддерживаем это предложение»¹⁵.

Активная поддержка указанного требования ДРВ Советским Союзом, другими социалистическими странами и мировой прогрессивной общественностью наряду с боевыми успехами южновьетнамских патриотов, предпринявших мощное наступление на американско-сайгонские войска в феврале — марте 1968 года, а также сокрушительными ударами, нанесенными по американским воздушным силам силами противовоздушной обороны ДРВ, вынудили правительство США пойти на прекращение бомбардировок территории Северного Вьетнама (1 ноября

¹⁵ «Правда», 11. II. 1967.

1968 г.). В январе 1969 года в Париже начались четырехсторонние переговоры о мирном решении вьетнамской проблемы.

Прекращение бомбардировок американской авиацией территории ДРВ и начало мирных переговоров по Вьетнаму явились значительной победой не только вьетнамского народа, но также всех прогрессивных сил современности, борющихся против империалистической политики агрессии.

Обращаясь к соотечественникам 3 ноября 1968 года, президент Хо Ши Мин говорил: «Это победа, которая имеет очень важное значение для великой борьбы нашего народа против американской агрессии, за национальное спасение... Это успех правильной революционной линии нашей партии, успех горячего патриотизма и силы национального единства и решимости бороться и победить, успех социалистического строя. Это успех наших вооруженных сил и народа как на Юге, так и на Севере. Это также успех народов братских стран и наших друзей на пяти континентах»¹⁶.

Этот важный успех продемонстрировал жизненность и действенность принципа единения всех антиимпериалистических сил, последовательно отстаиваемого КПСС. Выступая 7 июня 1969 года на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев заявил: «Важнейшая форма борьбы против угрозы развязывания империализмом новой мировой войны — это организация коллективного отпора действиям агрессоров в случаях, когда они в том или ином районе мира начинают военные авантюры. Самый яркий пример тому — отпор, который получила агрессия США во Вьетнаме. Героическая борьба вьетнамского народа против интервентов слилась воедино с решительной и эффективной военной и экономической помощью СССР и других стран социализма, с широким народным движением солидарности с жертвами агрессии, развернувшимся почти во всех странах мира, включая и США. Все это приводит к тому, что агрессорам не удастся добиться своих целей, а развязанная ими война превращается в демонстрацию их банкротства...»¹⁷.

Как известно, с прекращением бомбардировок территории ДРВ в 1968 году и началом парижских переговоров агрессия США во Вьетнаме не прекратилась. Будучи вынужденными осуществлять постепенный вывод своих войск из Южного Вьетнама, правящие круги США не отказались, однако, от попыток достижения своих империалистических целей в районе Индокитайского полуострова, в первую очередь сохранения реакционного проамериканского режима в Сайгоне. Проводя курс на всемерное затягивание и саботаж переговоров с представителями ДРВ и ВРП РЮВ в Париже, Вашингтон сделал главную ставку на достижение военной победы во Вьетнаме в рамках политики «вьетнамизации» войны, ее распространения на соседние с Вьетнамом Лаос и Камбоджу. Терпя неудачи на южновьетнамском, камбоджийском и лаосском фронтах, американская военщина встала также на путь возобновления бомбардировок территории ДРВ.

В этих условиях вьетнамский народ, ДРВ и ВРП РЮВ продолжают вести мужественную патриотическую борьбу против агрессоров и их марионеток одновременно на трех фронтах — военном, политическом и дипломатическом. Для этой борьбы характерен возрастающий накал,

¹⁶ «Правда», 4.XI.1968.

¹⁷ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы, М., Политгиздат, 1969, стр. 48, 49.

активность и в то же время гибкость. Как показывают события, патриотам все в большей степени сопутствует успех, а осуществляемая американцами политика «вьетнамизации» терпит неудачи и поражения. Об этом свидетельствуют как крупные военные победы патриотических сил, особенно одержанные в ходе боев в Лаосе весной 1971 года и в процессе предпринятого с начала апреля этого года наступления в Южном Вьетнаме, так и широкая международная поддержка, которой пользуются инициативные шаги вьетнамских товарищей в дипломатической области — прежде всего внесенная представителями ВРП РЮВ на парижских переговорах в июле 1971 года программа мирного урегулирования вьетнамской проблемы из 7 пунктов, а также разъяснения к ним от 2 февраля 1972 года.

Верные своему интернациональному долгу, советские люди и на этом этапе борьбы вьетнамского народа за свободу и независимость своей родины оказывали и оказывают вьетнамским братьям всю необходимую помощь и поддержку. Принципиальная линия КПСС во вьетнамском вопросе была вновь подтверждена на XXIV съезде партии. Съезд решительно высказался в поддержку усилий ДРВ и ВРП РЮВ, направленных на справедливое урегулирование вьетнамской проблемы. «Демократическая Республика Вьетнам может быть уверена, что и в вооруженной борьбе, и в мирном труде она может и в дальнейшем рассчитывать на братскую поддержку Советского Союза», — заявил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду тов. Л. И. Брежнев¹⁸. В Обращении XXIV съезда КПСС «Свободу и мир народам Индокитая!» говорилось: «Мы заявляем о своей полной солидарности с освободительными силами Южного Вьетнама и желаем им новых успехов в борьбе за избавление их родины от интервентов и продажного сайгонского режима, за утверждение права на самостоятельное решение своей судьбы»¹⁹. Одна из основных внешнеполитических задач нашей партии, Советского государства в современной обстановке, сформулированных XXIV съездом КПСС²⁰, гласит: «Ликвидировать военные очаги в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке и содействовать политическому урегулированию в этих районах на основе уважения законных прав государств и народов, подвергшихся агрессии».

Присутствовавшая на XXIV съезде КПСС делегация Партии трудящихся Вьетнама во главе с Первым секретарем ЦК ПТВ тов. Ле Зуаном высоко оценила подлинно интернационалистскую позицию КПСС и СССР по вьетнамскому вопросу. Выступая на съезде, тов. Ле Зуан говорил: «Как и в прошлой войне сопротивления против французских колонизаторов, так и в нынешней борьбе против американских агрессоров, за спасение родины и в строительстве социализма вьетнамский народ постоянно пользуется горячей поддержкой, огромной и ценной помощью Коммунистической партии, правительства и всего советского народа. С того момента, как американские империалисты развязали агрессивную войну в Южном Вьетнаме и разрушительную войну против Северного Вьетнама, Советский Союз неизменно стоит на стороне вьетнамского народа»²¹.

Важным актом политической поддержки борьбы вьетнамского народа явился визит в ДРВ в октябре 1971 года советской партийно-правительственной делегации во главе с членом Политбюро ЦК КПСС,

¹⁸ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., Политиздат, 1971, стр. 10.

¹⁹ Там же, стр. 302.

²⁰ Там же, стр. 29.

²¹ «Правда», 1.IV.1971

Председателем Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. В. Подгорным. В результате состоявшихся в ходе этого визита переговоров в Ханое были подписаны соглашения об оказании Советским Союзом в 1972 году помощи ДРВ в экономическом строительстве и укреплении обороноспособности.

В совместном советско-вьетнамском заявлении, принятом по окончании визита советской партийно-правительственной делегации в ДРВ, было особо подчеркнуто мнение Партии трудящихся Вьетнама и всего вьетнамского народа о том, что помощь и поддержка, которую Коммунистическая партия Советского Союза и правительство СССР предоставили вьетнамскому народу в минувшие годы, «со всей ясностью продемонстрировали боевую солидарность и высокий интернационализм советского народа по отношению к народу Вьетнама. Это представляет собой мощный фактор, вдохновляющий вьетнамский народ на активное продвижение вперед, на доведение своего справедливого дела до полной победы»²².

В настоящее время, когда империалисты США, пытаясь спасти от окончательного поражения своих сайгонских марионеток и пресловутую политику «вьетнамизации», осуществляют дальнейшую эскалацию военных действий, в том числе против ДРВ, советские люди, как и прежде, решительно выступают в поддержку вьетнамского народа, демонстрируя высокое сознание своего интернационального долга.

Выражая чувства и мысли всех советских людей, Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев в беседе с послом ДРВ в Советском Союзе тов. Во Тхук Донгом 12 апреля 1972 года заявил: «Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ неуклонно следует курсу интернациональной солидарности с борющимся Вьетнамом, всеми патриотами Индокитая, будут оказывать им и впредь помощь и поддержку»²³.

Сразу после бомбардировок Ханоя и Хайфона американской авиацией 16 апреля этого года ТАСС выступило с заявлением, в котором подчеркивалось: «...В Советском Союзе решительно требуют прекращения американских бомбардировок и других актов войны против ДРВ»²⁴. Правительству США был заявлен публичный протест в связи с тем, что в результате налетов пострадали советские суда, находившиеся в Хайфоне²⁵.

Еще больший, чем прежде, размах получили в этот период демонстрации солидарности советской общественности с героическим вьетнамским народом, патриотами Лаоса и Камбоджи. В связи с расширением масштабов воздушной войны США в Индокитае и в ответ на призыв состоявшейся в Версале Всемирной ассамблеи за мир и независимость народов Индокитая (февраль 1972 г.) в нашей стране практически непрерывно проходили массовые мероприятия в поддержку борьбы народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи за свои национальные права. Как всегда, высокую активность проявляли в ходе этих демонстраций солидарности с борющимися патриотами Индокитая трудящиеся Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и многих других городов Советского Союза. Митинги и собрания солидарности с Вьетнамом проходили и проходят также на стройках, в колхозах, учреждениях и учебных заведениях. Только в Москве и Московской области за первые три месяца 1972 года

²² «Правда», 9.X.1971.

²³ «Правда», 13.IV.1972.

²⁴ «Правда», 17.IV.1972.

²⁵ Там же.

состоялось около 800 собраний представителей общественности и митингов солидарности с Вьетнамом.

В условиях предпринятой Соединенными Штатами в мае этого года новой эскалации агрессии против Демократической Республики Вьетнам, включая минирование северовьетнамских портов, КПСС, Советский Союз осуществили целый ряд энергичных мер, направленных на защиту интересов братского вьетнамского народа.

Суровое осуждение опасных действий США, поправки ими общепризнанных норм международного права содержалось в Заявлении Советского правительства от 11 мая 1972 года, в котором в решительной форме было высказано требование, чтобы предпринятые Соединенными Штатами шаги по блокированию побережья и нарушению сухопутных коммуникаций Демократической Республики Вьетнам были незамедлительно отменены; чтобы прекратились акты агрессии США против ДРВ; чтобы уважалось право на свободу международного мореплавания и торговли. В этом документе было вновь заявлено перед всем миром, что советский народ, верный принципам социалистического интернационализма, солидарен с борьбой героического вьетнамского народа, оказывал и будет оказывать ему необходимую поддержку²⁶.

Принципиальная позиция СССР по вьетнамскому вопросу была изложена советской стороной во время переговоров с Р. Никсоном в Москве. В совместном советско-американском коммюнике советская сторона подчеркнула свою солидарность со справедливой борьбой народов Вьетнама, Лаоса, Камбоджи за свободу, независимость и социальный прогресс. Твердо поддерживая предложения ДРВ и Республики Южный Вьетнам, являющиеся реальной и конструктивной основой для урегулирования вьетнамской проблемы, Советский Союз выступает за прекращение бомбардировок ДРВ, за полный и безоговорочный вывод войск США и их союзников из Южного Вьетнама, за то, чтобы народы Индокитая имели возможность сами определять свою судьбу без какого-либо вмешательства извне²⁷.

В обстановке продолжающихся и усиливающихся актов агрессии американских империалистов против народов Индокитая состоялся дружеский неофициальный визит в Демократическую Республику Вьетнам советской делегации во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. В. Подгорным. Как отмечалось в опубликованном сообщении об этом визите, между советской и вьетнамской сторонами «состоялись переговоры, в ходе которых обсуждались вопросы дальнейшего укрепления и развития отношений дружбы, боевой солидарности и братского сотрудничества между Советским Союзом и Демократической Республикой Вьетнам и положение во Вьетнаме в связи с продолжающейся вооруженной интервенцией американского империализма против вьетнамского народа и усилением агрессивных действий США против социалистического государства — Демократической Республики Вьетнам»²⁸.

Новым выражением неизменной поддержки, которую КПСС, Советский Союз оказывает борющемуся Вьетнаму, патриотам Индокитая, являются слова Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева, сказанные им на обеде в честь тов. Фиделя Кастро в Кремле 27 июня 1972 года: «Мы решительно осуждаем американскую агрессию. Мы решительно осуждаем предпринятые в последнее время со стороны США

²⁶ «Правда», 12.V.1972.

²⁷ «Правда», 31.V.1972.

²⁸ «Правда», 20.VI.1972.

меры по блокаде портов ДРВ, усилению бомбардировок народно-хозяйственных объектов, путей сообщения и населенных пунктов. Мы приветствуем успехи, достигнутые нашими вьетнамскими друзьями в борьбе против эскалации войны Соединенными Штатами Америки. Мы выступаем за полный вывод из Южного Вьетнама войск США и их союзников, за достижение без какого-либо вмешательства извне справедливого политического урегулирования. Мы считаем, что основой для конструктивных переговоров и достижения политического урегулирования являются предложения, выдвинутые Демократической Республикой Вьетнам, Временным революционным правительством Республики Южный Вьетнам, Национальным единым фронтом Камбоджи и Патриотическим фронтом Лаоса. Позиция Советского Союза в этом вопросе ясна и неизменна. Наша поддержка и всесторонняя помощь вьетнамскому народу будет продолжаться до победы его правого дела»²⁹.

* * *

Сочетая вооруженный отпор агрессору с использованием политических и дипломатических форм борьбы, вьетнамский народ под руководством Партии трудящихся Вьетнама уже добился важных, имеющих историческое значение побед на пути к завоеванию независимости, свободы, мира и единства своей страны. Сорваны попытки империалистов навязать народу Вьетнама свою волю путем «локальной войны» с использованием многотысячного экспедиционного корпуса США. Терпит крах политика «вьетнамизации» войны. Уже достигнутые успехи вьетнамского народа, как и неизбежное окончательное торжество его справедливого дела, связаны с интернациональной поддержкой Вьетнама социалистическими странами, коммунистическими и рабочими партиями, всеми прогрессивными силами современности, они неразрывно связаны с бескорыстной братской помощью, неизменной и твердой поддержкой со стороны КПСС, правительства СССР, всего советского народа.

²⁹ «Правда», 28.VI.1972.

«Левый» оппортунизм — объективный пособник антикоммунизма

*М. Л. Алтайский,
кандидат философских наук*

На международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 года подчеркивалось, что антикоммунизм в капиталистических странах поднят на уровень государственной политики и используется как важнейшее средство борьбы против коммунистического и всего революционного движения, что он является неотъемлемой частью классовой стратегии империализма. Антикоммунизм активно использует левый и правый ревизионизм в борьбе против мирового социализма, коммунистического и национально-освободительных движений, в стремлении расколоть и разложить их.

В этой связи, как справедливо отмечал в своем выступлении на Совещании 1969 года тов. Л. И. Брежнев, коммунисты считают, что «интересы их собственного сплочения, интересы всего антиимпериалистического движения настоятельно требуют усиления борьбы против ревизионизма и оппортунизма как «справа», так и «слева». Принципиальность в этом вопросе всегда была важнейшим условием укрепления политических позиций партии, мобилизовывала, поднимала активность коммунистов в классовой борьбе»¹.

Одним из самых зловещих и опасных врагов единства мирового социализма, всех революционных сил современности является маонизм. Особая опасность маонизма состоит в том, что он, маскируясь под марксизм, активно эксплуатирует политический авторитет китайской революции, Коммунистической партии Китая, использует мощный государственный аппарат, экономические, военные и другие ресурсы крупнейшей по населению страны мира в целях утверждения и распространения «идей Мао Цзэ-дуна» не только в Китае, но и на международной арене.

Идеи социализма для маонизма ценны не своей программой коренного социально-экономического переустройства общества после победы революции и установления диктатуры пролетариата, а своей популярностью среди самых широких масс, антикапиталистической направленностью, своей притягательной силой. С их помощью маонисты стремятся привлечь народные массы для того, чтобы добиться своих великодержавных, гегемонистских целей.

Гегемонистские устремления маонистов оттесняют на бесконечно далекое будущее решение социальных задач и подчиняют весь механизм

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Изд-во «Мир и социализм», Прага, 1969, (на русск. яз.), стр. 194—195.

построения общества совершенно чуждым социалистическому обществу интересам.

Открытые выступления китайского руководства против международного коммунистического движения, общей генеральной линии братских партий создали благоприятные условия для деятельности антикоммунистов. Особую активность антикоммунизм стал проявлять в период пресловутой «культурной революции». Империалистическая пропаганда, прежде всего США, Англии, Франции, Западной Германии, активно включилась в распространение маоистских взглядов, особенно носящих антисоциалистический, антисоветский характер. За последнее время произошла весьма знаменательная переориентация империалистической пропаганды. Если раньше многие тонны бумаги, сотни книг, тысячи статей были исписаны антикоммунистами для того, чтобы опорочить революционную борьбу китайского народа и его коммунистической партии, то теперь антикоммунисты усиленно демонстрируют уважительное отношение к нынешнему китайскому руководству и старательно доказывают, что Мао Цзэ-дун и его окружение являются людьми, стоящими на позициях марксизма-ленинизма, заботящимися об интересах своей страны, ее национальном величии.

Антикоммунистические центры в США, Англии и ФРГ за последние годы провели много различных симпозиумов и научных конференций, на которых именитые буржуазные синологи и так называемые советологи усердно выискивали «марксистские», «ленинские», «сталинские» и т. п. компоненты во взглядах Мао Цзэ-дуна, усердно пытались облагородить и возвеличить деятельность Мао, доказать неизбежность разрыва Китая с Советским Союзом и другими социалистическими странами, неприемлемость международного опыта социализма в условиях Китая.

На Западе публикуется большое количество статей, монографий об «идеях Мао Цзэ-дуна» и его теоретическом «вкладе». В этих публикациях обильный фактический материал интерпретируется таким образом, чтобы оправдать разрыв Мао Цзэ-дуна с марксизмом-ленинизмом, изобразить его создателем новой модели социализма. Например, профессор Стенфордского университета (Калифорния, США) Роберт Норд в монографии «Китайский коммунизм» поставил себе целью теоретически обосновать националистические, великодержавные тезисы Мао о социализме.

Многие авторы добросовестно повторяют все антисоветские измышления маоистской пропаганды. Располагая подлинными фактами из истории КПК, раскрывающими великую интернациональную роль Коминтерна и КПСС в развитии китайской революции, в деле строительства социализма в Китае, антикоммунисты, однако, предпочитают повторять маоистскую интерпретацию истории китайской революции и КПК, которая подчинена, как известно, двум целям: во-первых, возвеличить Мао Цзэ-дуна и исторически обосновать культ его личности и, во-вторых, бросить тень на КПСС для оправдания антисоветской политики маоистов.

Забота антикоммунистов о марксистско-ленинском «ренеме» Мао Цзэ-дуна и «чистоте» марксистской теории довольно ясно раскрывает их цели — опорочить идеи социализма и коммунизма, опорочить международный опыт социализма, опорочить Советский Союз. Из этого, между прочим, и антикоммунисты не делают особой тайны. Дирекция ЮСИС (США), например, недавно давала своим зарубежным отделениям такое указание: «Работники ЮСИС должны использовать все возможности для укрепления сторонников Мао в компартиях, поддерживать и поощрять прокитайские элементы, использовать все средства для ослабления влияния ортодоксальных промосковских групп и даже способствовать их полному исчезновению».

Со своей стороны китайские руководители также активно используют продукцию антикоммунистов для дискредитации и очернения социалистических стран, и особенно Советского Союза. Любопытна такая деталь. Каждому крупному выступлению китайской печати, направленному против Советского Союза и других социалистических стран, как правило, предшествует довольно широкая антисоветская кампания в китайских изданиях для внутреннего пользования, в которых используется большое количество враждебных социалистическим странам сообщений и публикаций антикоммунистической прессы. Причем эта клевета доводится до самых широких масс кадровых работников и трудящихся.

Антикоммунистическая пресса Запада в свою очередь столь же старательно перепечатывает и распространяет все антисоветские измышления Пекина.

Другим союзником маонизма на международной арене, стоящим также на позициях антикоммунизма и антисоветизма, является троцкизм. Хотя социально-исторические корни маонизма и троцкизма не одинаковы и их подход к вопросам о характере революции, ее движущих силах во многом различен, вместе с тем нельзя не заметить значительного идейно-политического сходства платформ маонизма и троцкизма.

Весьма существенной общностью троцкизма и маонизма является «теория перманентной революции» и связанное с ней отрицание возможности победы социализма в одной стране. Как известно, троцкисты отрицают возможность построения социализма в Советском Союзе без победы революции во всемирном масштабе. Этих же взглядов, по сути дела, придерживается и Мао Цзэ-дун. В этих целях в статьях, опубликованных в Китае по случаю 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 100-летия Парижской Коммуны, делается попытка «теоретически» обосновать реставрацию капитализма в Советском Союзе. Мао Цзэ-дун договорился до того, что заявил: «В Советском Союзе установлена «фашистская диктатура», «диктатура крупной монополистической буржуазии» и т. п. клеветнические бредни. Именно эта пресловутая теория является основой маонистских заявлений о том, что Советский Союз является якобы «социал-империалистической» страной, а другие социалистические страны являются «ревизионистскими» странами.

Сопоставляя маонизм и троцкизм, необходимо подчеркнуть, что даже и здесь наглядно просматривается идейная нищета маонизма. Дело в том, что инициатива и приоритет в постановке большинства политических и теоретических проблем и лозунгов, которые маонисты используют в борьбе против Советского Союза и других социалистических стран для нападок на братские партии, принадлежат Троцкому или современным троцкистам. Маонисты позаимствовали троцкистские лозунги и придали им китайизированную окраску. Любопытно в этой связи привести высказывание одного из лидеров современных троцкистов Посадоса, который от имени IV Интернационала заявил еще в 1963 году: «Все вопросы, которые ставят китайские товарищи, уже были поставлены, и за их разрешение велась борьба в течение многих лет. Поэтому и существует IV Интернационал. Они (китайцы) сейчас ничего нового не открыли, так как борьба длится уже много лет...

Китайские товарищи, вы не можете утверждать, что все вопросы, которые вы выдвигаете в качестве революционных выводов, являются результатом только ваших теоретических и политических выводов. Это выходы IV Интернационала, это наши выходы, это выходы, которые были разработаны нами».

Нынешние китайские руководители вынуждены были стыдливо и молча выслушать это заявление троцкистов. Они ничего не могли им воз-

разить по существу и отделяются лишь некоторыми дежурными ругательствами в адрес Троцкого и его последователей. В настоящее время между троцкистами и маонистами идет конкурентная борьба за влияние среди леваческих кругов в различных странах. Конкурируя друг с другом, троцкисты и маонисты пытаются одновременно использовать друг друга для того, чтобы завоевать на свою сторону как можно больше союзников в революционном движении. Они на параллельных курсах ведут борьбу против компартий.

* * *

Антисоветизм нынешнего маонистского руководства Китая объективно является пособником антикоммунизма. Не случайно наиболее реакционные круги на международной арене, включая американских ультра-реваншистов в ФРГ и сионистов, приветствуют антисоветские установки и действия Пекина. Активизация враждебной социалистическим государствам внешнеполитической деятельности китайских руководителей привела к тому, что против стран социализма фактически открыт второй фронт идейно-политической борьбы.

Мао Цзэ-дун и его окружение пытаются подвести под свой подрывной курс на международной арене «теоретическую» базу. Для этого маонисты сконструировали произвольную схему так называемых четырех крупных противоречий и выдвинули тезисы о «крупных потрясениях и перегруппировке сил» и о «борьбе против гегемонии одной-двух сверхдержав». Рассмотрим кратко эти подпорки маонистов. Схема противоречий такова: «1) противоречие между угнетенными нациями, с одной стороны, и империализмом и социал-империализмом — с другой; 2) противоречие между пролетариатом и буржуазией в капиталистических и ревизионистских странах; 3) противоречие между империалистическими странами и социал-империалистической страной, между самими империалистическими странами; 4) противоречие между социалистическими странами, с одной стороны, и империализмом и социал-империализмом — с другой. Существование и развитие этих противоречий неизбежно вызовут революцию. Исходя из исторического опыта первой и второй мировых войн, можно со всей определенностью сказать, что если империализм, ревизионизм и реакция навяжут народам всего мира третью мировую войну, то это лишь значительно ускорит развитие этих противоречий и поднимет народы всего мира на революцию, которая закопает в могилу империализм, ревизионизм и реакцию всех мастей»². Едва ли нужно разбирать эти постулаты. Их антимарксистский и гегемонистский характер очевиден.

Все пируэты китайской политики Мао объясняет недоумевающему народу Китая тем, что «в мире происходят крупные потрясения и крупные перегруппировки сил». Так что удивляться, дескать, нечему. Даже тому, что «бумажный тигр» — американский империализм — становится соратником.

В этой связи небезынтересно посмотреть историю появления тезиса перегруппировки сил, потому что Мао Цзэ-дун использовал его и ранее в своих политических интригах. Насколько известно, тезис о крупных потрясениях и перегруппировке сил был выдвинут Мао в конце 1964 года и впервые открыто упомянут в докладе Чжоу Энь-лая на сессии ВСНП в декабре 1964 года. И это не случайно. Именно в это время в ки-

² «Великая пролетарская культурная революция» (Важнейшие документы). Пекин, 1970, стр. 74—75.

тайском руководстве шла острая политическая борьба о дальнейшем политическом курсе Китая в области внешней и внутренней политики.

Это было время, когда в китайском руководстве шли споры о перспективах третьей пятилетки КНР и о действиях Китая в связи с усилением агрессии США против Вьетнама. Позднее стало известно о том, что одна часть китайского руководства, в том числе Лю Шао-ци, Дэн Сяопин, в связи с усилением агрессии США против Вьетнама и началом бомбардировки ДРВ предлагала пойти на восстановление дружеских отношений с Советским Союзом, по крайней мере «принять линию единства действий против империализма при наличии идеологических разногласий».

Как известно, в это время в китайской печати сторонники этой линии пытались теоретически обосновать такой курс, выдвинув тезис «о соединении двух в одно». Эти взгляды были изложены в выступлениях видного китайского философа-марксиста, тогда члена ЦК КПК Ян Сяньчжэня.

Ян Сяньчжэнь на основании своего тезиса доказывал, что философский принцип «соединения двух в одно» в области политики требует «достижения единства действий при наличии разногласий». Он предлагал строить отношения КНР с Советским Союзом и другими социалистическими странами, а также с Индией именно на этой основе. Лю Шао-ци поддерживал эту точку зрения Ян Сяньчжэня. Как известно, Мао Цзэ-дун в ответ на этот тезис выдвинул свое положение «о разделении одного на два». В китайской печати была развернута истерическая кампания шельмования Ян Сяньчжэня. И его тезис «соединения двух в одно», и, следовательно, «политика единства действий при наличии идеологических разногласий» были объявлены «реакционным ревизионизмом» «предательством» и так далее.

Конкретным примером столкновения этих двух политических линий в китайском руководстве является визит делегации КПЯ во главе с Миямотой весной 1965 года в Пекин. Миямото вел переговоры с Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пином, Чжоу Энь-лаем. Было составлено совместное коммюнике, в которое по предложению японских товарищей было включено положение о единстве действий социалистических стран в борьбе против империализма. Когда это коммюнике показали Мао Цзэ-дуну, он потребовал выбросить тезис о единстве действий социалистических стран в борьбе против империализма, заявив, что условием борьбы против империализма является борьба, и в первую очередь против «советского ревизионизма». Возник спор, в ходе которого стороны не пришли к единому мнению. В результате коммюнике не было подписано.

Материалы из архива ЦК КПК, опубликованные в печати в ходе «культурной революции», свидетельствуют о том, что и при составлении проекта третьего пятилетнего плана определенная часть китайского руководства выступала за то, чтобы не переориентировать китайскую экономику на капиталистический рынок, а принять меры к восстановлению широких экономических, торговых, научно-технических отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами, использовать помощь и опыт Советского Союза в строительстве нового социалистического Китая. Однако и эти предложения были отвергнуты Мао Цзэ-дуном.

Таким образом, определенная часть прежнего китайского руководства выступала фактически против маоистского тезиса о перегруппировке сил, возражала против сближения Китая с Соединенными Штатами Америки и дальнейшего разрыва и ухудшения отношений с Советским Союзом. Видимо, не случайно, что в период острой политической борьбы

последовавшей за ним так называемой «культурной революцией» этот маоистский тезис больше не упоминался. И вновь он всплыл на поверхность лишь после того, как Мао Цзэ-дуну и его группе удалось расправиться над своими политическими противниками и установить свою диктатуру в стране, легализовав ее на IX съезде КПК (апрель 1969 г.).

Отсюда видно, что китайско-американское сближение, ориентация экономических связей Китая на капиталистический рынок, активное развитие отношений КНР с западными странами являются составными частями общей стратегической линии маоистов, конкретным выражением той самой «перегруппировки сил», о которой говорит Мао Цзэ-дун.

Маоизм все более и более впадает в острое противоречие с жизнью, с объективными потребностями развития Китая по пути социализма. Исторически маоизм обречен, ибо он представляет собой реакционно-утопическую, националистическую платформу, не имеющую позитивного содержания.

Как известно, в 1958 году Мао Цзэ-дун под лозунгом «три года упорного труда — 10 тысяч лет счастливой жизни» пытался осуществить честолюбивый план «строительства коммунизма» в Китае в течение 3—5 лет, обогнать все социалистические страны, которым маоисты бросали упрек, что они «топчутся на месте». Этот маоистский лозунг воплотился в политику «большого скачка» и «народных коммун», которые поставили страну на грань катастрофы, вызвали голод и экономический застой.

Когда мы говорим о реакционно-утопической по своей сущности природе маоизма, то этим отнюдь не исключаем возможность маневрирования и приспособления маоизма к меняющейся ситуации внутри страны и на международной арене. События последнего времени как раз и подтверждают, что маоизм способен маневрировать. Именно об этом говорят попытки маоистов с помощью кампании критики Лю Шао-ци и «ультралевых авантюристов» (!) и «мошенника типа Лю Шао-ци», (последние два термина являются эвфемизмами до недавнего времени ближайших сподвижников Мао — Чэнь Бо-да и Линь Бяо) найти «козлов отпущения» за результаты политики «большого скачка» и «культурной революции»; вдохновителем той и другой политики был, как известно, Мао Цзэ-дун.

Стремясь вывести Мао Цзэ-дуна и его «идеи» из-под критики со стороны международного коммунистического движения и пролетарских коммунистических сил внутри Китая, руководство Пекина хотело бы изобразить дело таким образом, что виновниками катастрофических последствий политики «большого скачка» в 1958—1960 годах были якобы Лю Шао-ци и те люди, которые не поняли всей глубины учения Мао.

Что же касается эксцессов и последствий пресловутой «культурной революции», то тут маоистам изворачиваться еще труднее, так как во всех официальных документах и заявлениях начиная с 1966 года неизменно подчеркивалось, что «культурную революцию разжег и руководит ею лично председатель Мао».

Однако китайская пропаганда и здесь убеждает себя в том, что выход найден. В самом деле. Виню за все провалы пытаются взвалить на «ультралевых авантюристов», Чэнь Бо-да, хунвэйбинов и на «мошенника типа Лю Шао-ци», на Линь Бяо и его сторонников в армии, а также, как писала 8 июня 1972 года газета «Женьминь жибао», на «тех товарищей, которые, придерживаясь субъективизма, не способны глубоко усвоить учение председателя Мао Цзэ-дуна, не умеют применить диалектический материализм». Что же касается упомянутого «мошенника типа Лю», то он тоже обвиняется... «в субъективизме и эмпиризме» и... «трансцендентальном идеализме» в подходе к вопросам экономического строительства,

что, по словам газеты, выразилось в «отрицании объективных закономерностей социалистического строительства», в попытках «нарушить плановое начало», навязать стране «неоправданно высокие темпы роста и чрезмерный объем капитального строительства».

Если бы не было известно, каким целям служат эти признания, сколько в них заключено фарисейства, то можно было бы подумать, что в Пекине наконец после десяти с лишним лет прислушались к голосу разума и той критике, которая исходила от подлинных друзей китайского народа, коммунистов социалистических стран, и которую Мао Цзэ-дун и его сторонники постоянно отвергали с порога, ибо все, что китайская пропаганда пытается приписать Лю Шао-ци и Линь Бяо,— все это было в свое время сказано братскими партиями в адрес «политики Мао Цзэ-дуна».

Чтобы избежать окончательного разоблачения и сократить все углубляющийся разрыв между догмами маоизма и реальными потребностями развития страны, китайскому руководству уже в который раз приходится прибегать к мерам, свойственным социалистическим методам хозяйствования, управления и государственного строительства.

«Китайскому руководству не раз приходилось спасать положение (и после «большого скачка», и ныне, после «культурной революции») при помощи практических мер (постепенное возвращение к плановым основам, внедрение элементов хозяйственного расчета и т. п.), которые в определенной степени идут навстречу требованиям объективных закономерностей социалистического строительства, но фактически противоречат получившим широкое распространение в стране антинаучным концепциям маоизма,— писал недавно тов. Катушев К. Ф. — Надо полагать, что в разрыве между этими концепциями и объективными потребностями общества заключены многие из тех причин, которые приводят к кризисам и глубоким противоречиям, столь характерным для сегодняшней китайской действительности»³.

Методы припудривания маоизма, приукрашивания его, которыми кое-кто склонен заниматься в Пекине, не приведут ни к чему хорошему. Это лишь может затормозить процесс неизбежного разоблачения маоизма и, следовательно, затянуть тяжелый период подлинной нормализации и стабилизации обстановки в Китае, которые возможны лишь на основе возвращения к принципам марксизма-ленинизма, к строительству научного социализма и отказа от маоизма.

На международной арене в 1960—1963 годах маоисты в противовес совместно разработанным документам Московских совещаний выдвинули свою особую генеральную линию в международном коммунистическом движении, развернули широким фронтом раскольническую подрывную деятельность против братских партий. Все это делалось якобы во имя ускорения мировой революции, «революционизации» международной атмосферы. Они пытались организовать «ускоренным темпом» революцию в Индонезии. На деле же это привело к серьезным трудностям в международном коммунистическом движении, все это обернулось также тяжелой трагедией для индонезийских коммунистов и гибелью сотен тысяч честных революционеров.

Размахивая знаменем революционности, маоисты, однако, выступили в поддержку контрреволюционных сил в Чехословакии в 1968 году, пытались помешать процессу нормализации обстановки в связи с возникновением трудностей в братской Польше, китайские руководители стояли

³ К. Ф. Катушев, «Мировая система социализма: главные тенденции развития», «Коммунист», № 5, 1972, стр. 18—19.

за спиной мятежа, организованного левыми экстремистскими силами в союзе с контрреволюционными правыми силами на Цейлоне.

Китайские руководители поддерживают сектантские действия выродившихся группировок бывшей Компартии Бирмы, которые ведут войну при поддержке Пекина против прогрессивного режима правительства Не Вина (именно Китаем поддерживаются и инспирируются различные сепаратистские выступления и межплеменная рознь, которая имеет место в различных штатах Северной и Южной Индии) и пытаются собрать все силы, которые выступили бы против правительства Индиры Ганди, и одновременно ведут борьбу против Компартии Индии.

Недавние события на Индостанском полуострове наглядно продемонстрировали великодержавно-шовинистический предательский подход китайского руководства к национально-освободительному движению бенгальского народа. Вместе с США китайские лидеры сделали все возможное, чтобы задушить требования народа Бангладеш о самоопределении, свободе и независимости и одновременно разжечь пламя войны между Индией и Пакистаном.

Декларируя свою приверженность идеям запрещения ядерного оружия, даже заявляя о своем миролюбии, китайское руководство одновременно резко враждебно относится ко всем конструктивным предложениям Советского Союза, других социалистических государств и миролюбивых стран, направленным на разрядку международной напряженности. Пекин пытается блокировать усилия социалистических стран по укреплению безопасности в Европе и созыву общеевропейского совещания, отвергает с порога идею создания системы коллективной безопасности в Европе и Азии, обрушивается с нападками на договоры Советского Союза и Польши с ФРГ, а также на советско-индийский договор, направленный на разрядку напряженности в Юго-Восточной Азии.

Как известно, правительство КНР с трибуны ООН отвергло поддержанное братскими социалистическими странами и всеми прогрессивными силами важное предложение Советского Союза о созыве конференции пяти ядерных держав по ядерному разоружению и отказалось в нем участвовать. Китайские руководители на деле выступают против реальных мер в области разоружения, в том числе против заключения международных договоров, выступающих за запрет химического и бактериологического оружия, проведение испытаний ядерного оружия, включая подземные взрывы.

Практически такая линия Пекина означает, что китайские лидеры вопреки их словам выступают совместно с военно-промышленным комплексом США и международными реваншистскими кругами за продолжение гонки вооружений и нагнетание международной напряженности.

Политике антисоветизма и великодержавного шовинизма наша партия противопоставляет не только последовательную критику и разоблачение теории и практики маонизма, но и огромную работу по позитивному развитию отношений с КНР, защите китайской культуры от нападок маонистов, а также работу по отстаиванию подлинно революционных сторон опыта Компартии Китая, китайской революции, социалистического строительства в Китае в период с 1949 года до конца 50-х годов. Таким образом, разрушительному шовинизму и реакционному национализму и антисоветизму маонистов мы противопоставили политику последовательного интернационализма, линию на дружбу с китайским народом и подлинными китайскими коммунистами.

В Отчетном докладе XXIV съезду КПСС тов. Л. И. Брежнев дал оценку идейно-политической платформы китайских руководителей по ос-

новным вопросам международной жизни и мирового коммунистического движения как «несовместимой с ленинизмом».

В резолюции по отчетному докладу съезд нашей партии, полностью одобряя и подтвердив принципиальный ленинский курс и конкретные шаги ЦК КПСС и Советского правительства в советско-китайских отношениях, подчеркнул: «В условиях, когда китайские руководители выступают со своей особой, несовместимой с ленинизмом идейно-политической платформой, направленной на борьбу против социалистических стран, и раскол международного коммунистического и всего антимпериалистического движения, ЦК КПСС занял единственно правильную позицию последовательного отстаивания принципов марксизма-ленинизма, всемерного укрепления единства мирового коммунистического движения защиты интересов социалистической Родины». В то же время съезд подтвердил неизменный курс КПСС на нормализацию отношений между СССР и КНР, восстановление добрососедства и дружбы между советским и китайским народами, указав: «Улучшение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой отвечало бы коренным долговременным интересам обеих стран, интересам мирового социализма, интересам усиления борьбы против империализма».

Такой курс нашей партии осуществляется в тесном контакте, в сотрудничестве и координации с братскими социалистическими странами и их марксистско-ленинскими партиями. Он пользуется широкой поддержкой и встречает понимание со стороны международного коммунистического и национально-освободительного движения, со стороны прогрессивной общественности мира. Это с огромной убедительностью продемонстрировало как международное Совещание братских партий в 1969 году с участием представителей более 80 стран, так и XXIV съезд КПСС, на котором присутствовали свыше 100 партий, и состоявшиеся недавно съезды марксистско-ленинских партий в Болгарии, Венгрии, ГДР, МНР, Чехословакии, на которых также присутствовали многие и многие представители марксистских отрядов разных стран и решительно осуждены великодержавные, раскольнические взгляды и действия маоистов.

Спокойный и уверенный курс Советского Союза в области советско-китайских отношений, твердость и решимость, проявляемые нашей страной в отпоре антисоветским пронкам и враждебным вылазкам маоистов, ставят пекинское руководство в трудное положение. Им все тяжелее становится убеждать трудящихся Китая в том, что Советский Союз, так много сделавший для победы китайской революции, в течение многих лет бескорыстно оказывавший огромную и многостороннюю помощь китайскому народу в деле строительства новой жизни, что именно Советский Союз, а не империализм, который принес китайскому народу бесчисленные страдания, является главным врагом Китая.

Коммунистическая партия Советского Союза вместе с другими братскими партиями прилагает неослабные усилия к укреплению единства мирового коммунистического движения и сплоченности социалистического содружества, последовательно отстаивает учение марксизма-ленинизма от попыток ревизии его как справа, так и «слева», а также от клеветы, которую возводят на бессмертное, творческое учение антикоммунисты всех мастей и оттенков.

Марксистско-ленинское понимание соотношения интернационального и национального и его извращение маоистами

*М. С. Джунусов,
доктор философских наук*

Исторический опыт показал, что как оппортунисты прошлого, так и современные оппортунисты противопоставляют интернациональное и национальное, разрывая тем самым живые и многосторонние связи между ними, или же отождествляют их, игнорируя объективно существующие между ними грани. Противопоставление или отождествление интернационального и национального приводит к сползанию с позиций пролетарского интернационализма в болото национального эгоизма. Не случайно поэтому В. И. Ленин еще до Октябрьской революции, анализируя идейную борьбу в европейском социал-демократическом движении писал: «вопрос... о соотношении национального и интернационального вызывает теперь, естественно, особый интерес»¹.

Практика развития мирового социализма и мирового коммунистического и рабочего движения, равно как и весь современный опыт борьбы с оппортунизмом воочию показывают, что проблема диалектической связи национального и интернационального является одним из центральных вопросов в теории и практике мирового коммунистического движения. В этой связи особо необходимой является критика оппортунистических взглядов маоистов на проблему соотношения национального и интернационального.

Оппортунизм и национализм — это не диаметрально противоположные и взаимоисключающие явления. Они могут взаимно дополнять и усиливать друг друга. От этого взаимного переплетения болезнь оппортунизма и национализма в революционном движении становится особо опасной и борьба с ней становится наиболее настоящей. Не лишне вспомнить поучительные уроки борьбы В. И. Ленина против национализма оппортунистов II Интернационала.

Как известно, социал-демократические партии II Интернационала в первые же дни империалистической войны 1914 года поддержали шовинистическую политику «своих» правительств, направленную на захват чужих территорий. Буржуазия, развязывая захватническую войну, стремилась развратить классовое самосознание рабочих, подорвать интерна-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 349.

циональную солидарность рабочих разных наций и стран. Одобряя политику «своих» воюющих правительств, оппортунисты оказали большую услугу капиталистам и нанесли огромный ущерб единым интернациональным задачам рабочего класса.

Один из уроков, извлеченных из борьбы с политической практикой оппортунистов II Интернационала, состоит в следующем: всякое ослабление интернационального фронта борьбы трудящихся против буржуазии укрепляет позиции буржуазии. Середины здесь нет: либо интернациональная солидарность трудящихся всех наций в общемировой борьбе против империализма и реакции, либо разобщение и изоляция национальных отрядов мирового революционного движения на пользу врага пролетариата. Имея в виду эту альтернативу в специфических условиях сложившихся к осени 1914 года, В. И. Ленин считал необходимым, чтобы «сами рабочие массы... разобрались в вопросе: социализм или национализм»². Поучительный урок из истории идейного и организационного распада II Интернационала, таким образом, заключается в том, что всякая недооценка интернациональных интересов рабочих ведет к национализму.

На опыте идейного и организационного распада II Интернационала прослеживается факт существования объективной связи между оппортунизмом и национализмом. В. И. Ленин писал: «Идейно-политическое родство, связь, даже тождество оппортунизма и социал-национализма в подлежаит никакому сомнению»³.

Ленинская мысль о связи оппортунизма и национализма имеет огромное значение в современной политической борьбе. Современный ревизионизм, прикрывая свое идейное ренегатство, широко использует буржуазный национализм. Выступая в 1969 году на международном Совещании коммунистических и рабочих партий, глава делегации КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев отметил, что «объединяющим признаком «левого» и правого оппортунизма нередко являются уступки национализму, а иногда и прямой переход на националистические позиции»⁴.

Это теоретическое обобщение сделано в полном соответствии с ленинскими идеями, на основе всестороннего и глубокого анализа современной действительности.

Соотношение единства и многообразия, как известно, является одной из граней диалектики единства интернационального и национального в общественном развитии. Правильное понимание этой проблемы имеет первостепенное значение в революционном движении. Партия пролетариата не может руководить революционным процессом без учета всего комплекса явлений, обуславливающих национальное своеобразие общественного развития в той или иной стране. Именно на это и обращал внимание коммунистов всех стран В. И. Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Великий стратег пролетарской революции призывал коммунистов «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи...»⁵.

Революционное движение в каждой стране, безусловно, имеет свои особенности в формах и методах борьбы трудящихся, в темпах, в последовательности осуществления тех или иных шагов. Эти особенности по-

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, стр. 294—295.

³ Там же, стр. 133.

⁴ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», М., 1969, стр. 67.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77.

лучают теоретические обобщения. Если обобщения даются на научной основе, с позиции пролетарского интернационализма, то они представляют собой вклад в творческое развитие стратегии и тактики революционного движения и социалистического строительства.

В. И. Ленин указывал, что теория Маркса «дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»⁶. При этом В. И. Ленин говорит о национальном своеобразии как о частности, а не главном и решающем.

Умелое преломление общих принципов марксизма-ленинизма в конкретных условиях данной страны — объективная необходимость революционной практики. От нее не свободна ни одна партия рабочего класса. Эта необходимость возникла и у Коммунистической партии Китая, которая должна была применять марксизм-ленинизм «к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»⁷. «Китаизация» же марксизма-ленинизма — это уродливое отражение объективной необходимости революционной практики великой китайской революции с позиций отрицания интернациональных ценностей мирового коммунизма, с позиций мелкобуржуазного гегемонизма и шовинизма⁸.

Налицо явное противопоставление Мао Цзэ-дуном национально-специфического опыта Китая всей теории и практике мирового революционного процесса, стратегии мирового рабочего и коммунистического движения. Это неизбежно привело группу Мао к «особой» линии, идеологическим обоснованием которой и являются так называемые «идеи Мао Цзэ-дуна».

Что означает «китаизация» марксизма

Необходимо отметить в этой связи следующую эволюцию в методах подмены марксизма-ленинизма маонизмом. В 40-х и 50-х годах в китайской печати применялась формулировка: победа китайской революции — это торжество марксизма-ленинизма и «идей Мао Цзэ-дуна». При этом особенный акцент делался на том, что «идеи Мао Цзэ-дуна» являются применением марксизма-ленинизма к условиям Китая, то есть «китаизированным» марксизмом. Уже в этом утверждении содержался момент недооценки общепролетарского, интернационального и преувеличение национально-специфического.

Далее последовал новый этап эволюции маонизма: ограниченные сферы применения «китаизированного» марксизма-ленинизма уже не удовлетворяли Мао Цзэ-дуна.

Маонисты с конца 50-х годов выдвинули положение о том, что якобы «идеи Мао Цзэ-дуна» имеют универсальное применение для всех стран Востока, будто бы Маркс, Энгельс и Ленин не знали специфических условий Востока. Маонисты стали проповедовать тезис о том, что существуют «европейская» и «азиатская» формы марксизма-ленинизма (в данном случае предполагалось, что маонизм — это азиатская форма марксизма-ленинизма), хотя для всех подлинных марксистов является аксиомой, что марксизм-ленинизм — это единое, всемирное учение, которое не замыкается ни в какие национальные рамки.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 184.

⁷ Там же, т. 39, стр. 329.

⁸ См.: «Опасный курс», вып. 1, Политиздат, М., 1969, стр. 21.

Уже лозунг Мао Цзэ-дуна «ветер с Востока одолевает ветер с Запада» подменял классовый подход к мировым событиям. Подразумевалось, что Китай является той страной, где рождается «ветер истории». Этот лозунг Мао Цзэ-дуна был раскритикован на совещании коммунистических и рабочих партий в 1960 году.

Вопреки ленинским идеям, которыми руководствуется все мировое коммунистическое движение, Мао и его единомышленники вслед за лозунгом о «ветре с Востока» выдвинули тезис о том, что основным противоречием современной эпохи является борьба развивающихся стран и угнетенных народов против империализма, то есть национально-освободительное движение.

Следовательно, время, когда противостояли друг другу две основные силы современности — социализм и империализм, по логике маоистов, уже прошло, ибо на мировой арене, дескать, появилась новая главная сила — «третий мир». «Агрессия и угнетение двух сверхдержав», — говорится в статье Ши Цзюня «Еще раз об изучении всемирной истории», — зовут народы мира к новому пробуждению, стимулируют самое широкое объединение развивающихся стран» (см. журн. «Хунци» № 5, 1972 г.).

Подмена основного противоречия современной эпохи, то есть борьбы двух мировых противоположных социальных систем, противоречием между угнетенными народами, развивающимися странами, с одной стороны и империализмом — с другой, служит идеологическим прикрытием социально-политических доктрин маоистов, в основе которых лежат: отрицание ведущей роли рабочего класса в разрешении социальных и национальных антагонизмов современного мира; утверждение, что главный источник революции находится не в классовых, а в национальных отношениях; «доказательство» того, что центр революционного движения переместился из Европы в страны Востока; обоснование маоистской схемы развития мирового революционного процесса на основе окружения «мирового города» «мировой деревней»; зангрявание с национальными чувствами народов Азии и Африки для разжигания в них востокоцентризма и расизма.

Маоисты стремятся внушить народам «третьего мира» мысль о том, что существует какая-то особая «общность судеб и интересов» афроазиатских народов с Китаем. Они даже во всеуслышание провозглашают принадлежность Китая к «третьему миру». Более того, маоисты считают Китай первой и ведущей страной «третьего мира». («Китай и абсолютное большинство государств Азии, Африки и Латинской Америки принадлежат к третьему миру» — можно прочесть в статье Ши Цзюня «Изучать всемирную историю», опубликованной в «Жэньминь жибао» от 9 апреля 1972 г.). Этим же целям служит маоистская типология стран мира по уровню материальной обеспеченности населения без учета характера социально-экономического строя.

Деление мира на «бедные» и «богатые» страны в своей основе также имеет внеклассовый подход к изучению общественных явлений. В одну группу «богатых» стран попадают как социалистические, так и капиталистические страны. В число «бедных» стран, конечно, включаются прежде всего страны «третьего мира» и Китай. Здесь умышленно предается «забвению» главное — противоречие между социализмом и капитализмом.

Расширение рамок районов земного шара, в которых Мао Цзэ-дун и его единомышленники стремились осуществить идейно-политическое руководство, сопровождалось все новой и новой трактовкой содержания маоизма. В тот период, когда выдвигалась версия, будто «идеи Мао Цзэ-

дуна» — это «азиатская форма марксизма-ленинизма», руководство КПК стремилось подчинить своему влиянию страны «третьего мира». Маонисты предприняли попытки использовать в своих шовинистических целях движение афро-азиатской солидарности. Они создали, в частности, пропекинскую ассоциацию журналистов Азии и Африки, а также комитет солидарности писателей стран Азии и Африки; эти сепаратистские организации были призваны распространять идеологию маоизма в своих странах, служить политике раскола мирового антиимпериалистического движения⁹.

Маонисты подходят к оценке роли и места национально-освободительного движения в современном общественном развитии с позиции великоханьского национализма, исходя из своекорыстных, гегемонистских интересов. Абсолютизация роли национально-освободительного движения и суждения об «эпицентре» революционного движения, который находится якобы «на Востоке», понадобились им для того, чтобы представить опыт китайской революции как всеобщий эталон для всех народов, борющихся против империализма. Конкретные процессы национально-освободительного движения маонисты оценивают с прагматической точки зрения их пользы для осуществления гегемонизма Китая.

Так, например, Ташкентскую декларацию 1966 года, которая положила конец индо-пакистанскому вооруженному столкновению в 1965 году и открыла путь для нормализации обстановки на Индостанском полуострове, китайская пропаганда расценила не более и не менее как результат «сговора Советского Союза с американским империализмом за счет Пакистана». Позиция Индии в индо-пакистанском конфликте объявляется «контрреволюционной». Критерий для деления событий на революционные и контрреволюционные один — это отношение к маоизму. При обсуждении индо-пакистанского конфликта в Совете Безопасности в 1971 году представитель КНР встал на сторону США. «Пламенные защитники свободы народов», как себя именуют маонисты, проявили полное равнодушие к трагедии бенгальского народа. Характерно также, что КНР, как известно, отказалась участвовать во Всемирной ассамблее за мир и независимость народов Индокитая, проходившей в Версале.

Предательство интересов национально-освободительного движения маонистами не менее ярко выразилось и в их игнорировании решения ООН, запрещающего торговые-экономические связи с расистским режимом в Родезии. Пекин ведет с Родезией широкую торговлю. Маонисты, выдавая себя за «защитника», за «друга» африканских народов, фактически поддерживают режим расизма и апартеида. В этом факте нельзя не видеть объективную логику развития великодержавного шовинизма, который никогда не служил и не может служить движению народов за свободу и независимость.

Оценивая явления общественной жизни исключительно через призму великоханьского национализма, маонисты становятся на позицию отрицания специфических национальных интересов других народов, если последние не соответствуют эгонистическим интересам маонистского руководства КНР. В этих случаях марксистская диалектика, классовый подход подменяются софистикой и политической спекуляцией.

Возьмем, к примеру, вопрос о самоопределении народов. Маонисты под видом «классового понимания» национального вопроса выступают против самоопределения народов, считая, что оно служит лишь интересам империализма. В данном случае трактовка интернационального противопоставляется национальному, используется как идейный щит, прикрыва-

⁹ См.: «Опасный курс», вып. I, Политиздат, М., 1969, стр. 210—218.

ющий великоханьский шовинизм. Это же не новое явление. Оппортунисты под видом признания первенства интернационального над национальным нередко выступали против самоопределения народов. Пролетариат объединяет народы добровольно, на основе их свободного волеизъявления. Отрицание самоопределения народов так или иначе ведет к оправданию насилия над народами.

Выступая на словах в качестве «защитников» малых и «бедных» народов, маонисты беззастенчиво подавляют некитайские народности в собственной стране. В КНР проживает много народов некитайской национальности. Наиболее крупными из них являются: чжуаны (10 млн.), уйгуры (5 млн.), тибетцы (3 млн.), дунгане (4,5 млн.), монголы (1,5 млн.) и «и» (3,3 млн.). Маонисты отказались от территориально-национального принципа государственного строительства. В КНР существует лишь местная административная автономия. Пять автономных районов КНР созданы без учета национальности населения; более того, состав этих районов сформирован в ущерб интересам национальностей в них.

Марксизм не должен относиться к этническим общностям, он категорически отвергает политику поспешной и принудительной ассимиляции. В КНР создается возможность для совместного развития больших и малых народов. Эти гуманистические принципы марксизма и социализма в КНР цинично отброшены. В КНР проводится политика гандируется в качестве ближайшей задачи национальной политики — ускоренно быстрое растворение некитайских народов в массе некитайской нации. Газета «Синьцзян жибао», обособывая великоханьский курс в этом вопросе, демагогически заявляла: «Кто выступает против такой ассимиляции (т. е. политики, навязанной Пекином. — М. Д.), тот выступает против социализма и коммунизма, против исторического материализма».

Маонисты считают, поскольку нация — категория капиталистического общества, то в условиях диктатуры пролетариата нации должны немедленно слиться. Законное и естественное стремление некитайских национальностей изучать свой язык и развивать свою культуру квалифицируется как проявление «национализма».

В этой связи нужно напомнить, как троцкист Пятаков, выступая против ленинского принципа самоопределения народов, говорил о необходимости «взрыва» национальной общности, считая это условием развития классовой общности. Но исторический опыт показал, что нация — это исторически необходимое явление. Нация выполняет социальную функцию, будучи социально-этнической формой общественного развития на длительном историческом этапе.

С таким элементарным постулатом марксистско-ленинской теории маонисты не желают считаться. «Китаизация» марксизма привела к тому, что великоханьский шовинизм стал генеральным курсом их политики как в самом Китае, так и за его пределами.

От «китаизации» к мировому гегемонизму

Примерно с середины 60-х годов в КНР была выдвинута новая версия: Мао Цзэ-дун, дескать, отразил в своем «учении» все существенные черты современной эпохи. Тем самым утверждался тезис о том, что Мао

¹⁰ См.: «Опасный курс», вып. II, Политиздат, М., 1971, стр. 142—148.

Цзэ-дун — автор не только новой идеи, не только новой разновидности революционного учения, но и создатель «марксизма-ленинизма новой эпохи».

Нетрудно заметить, что масштабы попыток подмены марксизма-ленинизма маонизмом расширялись по мере того, как возрастал культ Мао Цзэ-дуна, по мере того, как ослабевало влияние китайских коммунистов-интернационалистов на политику КПК. Были периоды, когда взгляды последних были преобладающими. Так, например, на VIII съезде КПК (1956 г.) был принят устав, где было записано, что идеологическую основу партии составляет марксизм-ленинизм (а не «идеи Мао Цзэ-дуна»). На съезде, хотя и в общей форме, прозвучала критика культа личности.

В конце 50-х — начале 60-х годов Мао Цзэ-дун стал открыто ревизовать решения VIII съезда КПК. Именно в этот период, по мнению Мао Цзэ-дуна и его сторонников, появились благоприятные условия для раскола мирового коммунистического и рабочего движения. В 60-е годы маонисты развернули подрывную деятельность не только в странах Азии и Африки, но и в европейских странах. Они стали сколачивать здесь различные оппортунистические группировки под знаменем «идей Мао Цзэ-дуна». Идеологическим обоснованием притязаний на руководство всем мировым коммунистическим движением как раз и являлся тезис о том, что «идеи Мао — это марксизм-ленинизм современной эпохи».

«От полемики с компартиями, — отметил глава делегации КПСС на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 году тов. Л. И. Брежнев, — руководители КПК перешли к раскольнической, подрывной деятельности, к активным попыткам противопоставлять друг другу революционные силы современности. От свертывания связей с социалистическими странами — к враждебным действиям против них. От критики мирного сосуществования — к организации вооруженных конфликтов, к политике, подрывающей дело мира»¹¹.

Фиксация в новом уставе КПК, принятом на IX съезде, «идей Мао Цзэ-дуна» в качестве «марксизма-ленинизма современной эпохи» означала новый этап в эволюции идейных и политических установок маонизма. Эта формулировка используется как идейное прикрытие подрывной деятельности пекинских лидеров в мировом коммунистическом, рабочем и национально-освободительном движении.

В целях идеологического обоснования гегемонизма и национализма маонисты, как было отмечено выше, фальсифицируют идею основного противоречия современной эпохи.

Чтобы постоянно быть на уровне новых требований революционной практики, коммунистические партии должны, как указывал В. И. Ленин, изучать основное противоречие современной эпохи, то есть борьбу двух противоположных социальных систем: социализма и капитализма. В. И. Ленин писал: «Взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистических наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия. Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национального или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира»¹².

Коммунистические и рабочие партии мира учитывают это обстоятельство, и не случайно поэтому проблема основного противоречия современной эпохи стояла в центре внимания совещаний коммунистичес-

¹¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», стр. 68.

¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 242.

ких и рабочих партий в 1957, 1960, 1969 годах. Характеристика основного противоречия современной эпохи получила исчерпывающее освещение в решениях и материалах XXIV съезда КПСС.

Маонисты, как известно, все явления современной всемирной истории оценивают исходя из совершенно немарксистских критериев («Восток и Запад», «богатые и бедные» и т. д.). В последнее время они внесли в соответствии с их новым курсом «дополнения» в свои формулы основного противоречия современной эпохи. Так, на IX съезде КПК появились такие формулировки: противоречие между угнетенными нациями, с одной стороны, и империализмом и социал-империализмом — с другой» «противоречие между социалистическими странами, с одной стороны, и империализмом и социал-империализмом — с другой»¹³. Клеветнически называя политику КПСС «социал-империализмом», руководители КПК стремятся подвести идеологическую базу под свой курс антисоветизма. Той же цели служит маонистская доктрина «борьбы против монополии двух сверхдержав» (т. е. СССР и США).

Национализм — союзник империализма

По мере того как в идеологии и политике КПК усиливался национализм, все больше созревала почва для изменения политики США в отношении КНР. Когда же антисоветизм стал одним из основных принципов внешней политики КПК, тогда США круто изменили свой курс и пошли навстречу Пекину.

Американский империализм стремится наиболее полно использовать национализм маонистов для разобщения социалистических стран и подрыва единства антиимпериалистических сил.

Национализм, шовинизм, антисоветизм, снимая в идеологической жизни КПК грань между социалистической и буржуазной идеологией, делают маонистов естественными союзниками мирового империализма.

В идейно-философском плане маонисты, противопоставляя интернациональные и национальные интересы социалистических наций, воздвигают стену между этими категориями. Они изменяют революционной диалектике, которая определяет различные формы связи и зависимости между общим и особенным.

Единство интернационального и национального — это единство многообразия, и оба эти элемента не представляют собой ни диаметральной противоположности, ни абсолютного совпадения. Чем больше стран вступают на путь социалистического строительства, тем полнее выявляются как сходные, так и несходные элементы в структуре интернациональных и национальных задач и интересов. Правильное их сочетание было и будет центральной проблемой укрепления мировой системы социализма.

Национализм в условиях расширяющейся интернационализации революционного процесса выступает как идейная и политическая основа правого и «левого» оппортунизма, ревизионизма и левого доктринерства, которые способствуют усилению центробежных сил в мировом социализме. На основе дезинтегрирующей функции национализма спланиваются различные антиленинские мелкобуржуазные течения.

Вот почему маонизм был и остается крайне опасным явлением в истории развития мирового социализма и коммунистического движения.

¹³ Линь Бяо, Отчетный доклад на IX Всекитайском съезде коммунистической партии Китая, Пекин, 1969, стр. 77.

Новое в археологии Дальнего Востока

*А. П. Окладников,
академик*

Дальний Восток — огромные пространства на севере Азии от верховьев Амура и до Тихого океана, от монгольских степей и до островного мира Тихого океана — давно привлекает внимание историков, археологов и этнографов, занимающихся проблемами прошлого многочисленных и разноязычных этнических групп, населявших эти просторы азиатского материка.

При этом особо важное место принадлежит археологии, поскольку подавляющее большинство дальневосточных народов (в широком смысле этого слова — то есть этнических групп) или вовсе не имело собственной писаной истории, не знало своей письменности, или имело ее когда-то (бохайцы, чжурчжени, кидани), но она сохранилась лишь частично или исчезла полностью вместе с уходом этих народов. Археология здесь по праву представляет собой основной или единственный источник для изучения прошлого, притом источник полностью надежный, поскольку он, как правило, принадлежит определенному конкретному отрезку времени и не подвергался дальнейшим изменениям, как это происходит во многих случаях с письменными источниками, например хрониками, несущими на себе отпечаток работы переписчиков и редакторов позднейших времен.

Особая ценность археологических источников заключается и в том, что они позволяют проникнуть так далеко в глубь времен, как не может этого сделать историк, ограниченный хронологическими рамками письменных документов.

И можно смело сказать, что с течением времени, чем дальше разворачивается процесс изучения ранней истории Дальнего Востока, чем полнее становятся наши знания в этой области исторической науки, тем больше она привлекает внимание исследователей и широких читательских кругов, тем оживленнее становится дискуссия вокруг основных проблем прошлого народов нашего Дальнего Востока и сопредельных стран Восточной и Центральной Азии, а также и более далеких областей земного шара, вплоть до Австралии и даже Американского материка.

Можно наблюдать нередко проявление своего рода детонаций идей и открытий. На первый взгляд даже незначительные, отрывочные факты, обнаруженные на нашем Дальнем Востоке или, скажем, в пустыне Гоби, приводят к новым, часто неожиданным выводам, к новым поискам в неизведанных областях исторической науки, к новым гипотезам. В сравнительно недавнем прошлом таким было, например, открытие в неолитических поселениях Монголии нуклеусов (получивших наименование «го-

бийских»), сделанное Н. Х. Нельсоном — участником знаменитой центральноазиатской экспедиции под руководством Р. Ч. Эндрюса.

Когда эти своеобразные изделия были обнаружены затем на Аляске, Нельсон увидел в них ключ к проблеме заселения Американского континента «первыми американцами», палеоиндийскими племенами, предки которых, по его мысли, вышли из Центральной Азии, пересекли Берингов пролив и заселили пустынный ранее Новый Свет.

Конечно, не так просто разобраться во всем этом бурном, непрерывно нарастающем потоке информации, весьма сложном калейдоскопе фактов, концепций или идей, появляющихся в поле зрения исследователя.

Необходимо выделить среди них какие-то основные темы и проблемы ключевого характера, следуя которым можно с наибольшей экономией усилий выявить все главное, наиболее существенное, характерное для исторического процесса в целом на интересующей нас территории.

Этой задаче и подчинена настоящая статья, представляющая собой попытку подвести итоги важнейшим новым открытиям в области дальневосточного палеолита и неолита и теоретически осмыслить их.

У истоков цивилизации

Каковы же основные достижения нашей советской исторической науки в изучении древнейшей истории народов советского Дальнего Востока?

Первое, с чего следует начать, — небывалое расширение источниковедческой документальной базы, широкое развертывание полевых исследований, в результате которых собран обширный и с методической точки зрения тщательно проверенный вещественный материал.

Наиболее интенсивные исследования велись, разумеется, в советское время, в южной части Дальнего Востока — на Амуре, Уссури, в Приморье. В частности, важным событием в истории археологического изучения долины Амура явилась первая специальная археологическая экспедиция Института этнографии Академии наук СССР, направленная в 1935 году по инициативе В. Г. Тан-Богораза в низовья этой реки. Нужно сказать, что Богораз был несколько огорчен тем, что экспедиция 1935 года не доставила в Ленинград ничего похожего на кость древнеэскимосского типа с богатой резьбой. Но она обнаружила и зафиксировала десятки ранее неизвестных древних поселений и на основе собранных там многочисленных материалов сделала ряд важных выводов общего характера.

Главный вывод заключался в том, что древние культуры Нижнего Амура имеют яркий своеобразный характер. Второй, не менее важный и совершенно неожиданный вывод заключался в том, что древнейшая культура Нижнего Амура — культура неолитической эпохи — обнаружила самые тесные, в полном смысле слова «интимные» связи с современной этнографической культурой амурских племен — нанайцев, нивхов, ульчей. Этого никто не мог ожидать!

Оказалось, таким образом, что предки этих народов, а не каких-либо иных тысячелетиями жили на этой самой земле и что они создавали высокие по тем временам местные культуры, не уступавшие прославленным культурам других народов Восточной и Северной Азии.

Позднее, в 1953—1971 годах, широкими полевыми работами, в том числе раскопками ряда крупных памятников, были охвачены пространства Верхнего и Среднего Приамурья, от Сретенска до Благовещенска

и далее по направлению к Хабаровску. Одновременно такие же работы и даже еще более интенсивные были осуществлены в долине крупнейшего левобережного притока Амура — реки Зеи, той самой, которая с ее притоками служила главной дорогой казачьих отрядов из Якутии на Амур.

Одновременно с 1953 года разворачиваются систематические исследования археологических памятников на территории Приморского края, в южной и отчасти в северной его части, от корейской границы на юге и до долины реки Тетюхе на севере. Следует добавить, что в те же годы были охвачены археологическими работами также остров Сахалин и Курильские острова. Далее археологические исследования распространились на Охотское побережье вблизи Магадана и к северу от него. Еще более интенсивные работы осуществлялись на Чукотке, Колыме и Камчатке. То же самое следует сказать и о соседней Якутии.

Только простой перечень этих территорий впечатляет своими пространственными масштабами: перед археологами как бы внезапно открылся целый неизведанный и манящий открытиями мир древних культур и народов. Не менее внушительными были и сами открытия, та историческая картина, которая восстанавливается в ходе археологических раскопок.

Что касается собственно Дальнего Востока, долины Амура и Приморья, то здесь заслуживают внимания прежде всего факты, относящиеся к самому началу истории человека, к его первым шагам на дальневосточной земле.

Одним из существеннейших пробелов в картине Дальнего Востока на протяжении всего хода археологических исследований было отсутствие памятников древнекаменного века, палеолита.

Палсолитические памятники были известны на Ангаре сто лет назад, начиная с 1871 года, со времени открытия первой в Сибири палеолитической стоянки у Военного Госпиталя в Иркутске. Несколько позже они были найдены у Красноярска на Енисее, а затем на Селенге, а также на Лене. В относительно недавнее время, в 1949 году, удалось обнаружить бесспорные палеолитические памятники в Центральной Азии, в глубине Монголии — на Толе у города Улан-Батора, на востоке МНР, на юге — в Гоби, на западе — в районе Монгольского Алтая.

Палеолит представлен древнейшими для Восточной Азии находками в Чжоукоудяне, а также в Ордосе. И тем не менее следов деятельности палеолитического человека в ближайшем соседстве с этими районами Северной Азии не было зарегистрировано на Дальнем Востоке.

Сейчас мы располагаем, наконец, интереснейшими палеолитическими памятниками на Среднем Амуре. Это, во-первых, местонахождение примитивных галечных орудий у села Филимошки. Изделия эти настолько примитивны и архаичны по технике обработки камня, а также по своим формам, что их можно отнести к начальным этапам техники каменного века. Эти кварцитовые гальки имеют на одном конце единственный скол, который образует примитивное выемчатое лезвие. Рядом с такими орудиями, прототипами скребел, обнаружены гальки с подобными же выемками, но расположенными по бокам, друг против друга. Между выемками на этих примитивных орудиях помещается выступ, своего рода «носик».

И точно такие же, как в Филимошках, галечные орудия с «носиком», скребловидные массивные вещи — чопперы и обитые гальки — нуклеусы обнаружены еще в двух явно нижнепалеолитических местонахождениях. Первое из них — Кумары на Амуре. Второе — на реке Зее, в местности Усть-Ту, ниже села того же названия. Так внезапно была открыта

целая новая провинция нижнепалеолитической культуры на Дальнем Востоке с выдержанным в типологическом отношении галечным инвентарем.

Техника обработки камня — широкое применение галек для изготовления орудий труда, предельная экономия усилий при производстве таких галечных орудий и, наконец, их типы — примитивные рубящие орудия в виде чопперов-сечек и нуклеусы из этих же галек — все это вместе взятое, не только представляет определенное единство, целостный культурный комплекс, но и обнаруживает удивительное сходство с галечными комплексами, широко распространенными в нижнем палеолите Азии, Африки и Европы. Таковы, например, нижнепалеолитические памятники Юго-Восточной Азии (Камбоджа), Африки (Олдувэй) и Средней Европы.

Значение этих находок не только для Дальнего Востока, но и для соседних областей Азии определяется тем, что на наших глазах в новом свете предстает процесс первоначального освоения предками современного человека внутренних областей Азиатского континента, его восточных окраин. Если ранее могло показаться, что продвижение архантропов, предшественников неандертальцев, в глубь азиатских пространств остановилось на Северном Китае, в Чжоукоудяне, то теперь есть основания для пересмотра этих традиционных представлений.

Кроме находок на Зее и Амуре, об этом свидетельствуют и столь же неожиданные открытия арханческих галечных культур на Алтае (Улалинка) и в восточных районах Монгольской Народной Республики (Сайн-Шанд).

Следовательно, великий процесс становления человека и первоначального освоения им планеты не ограничивался востоком Китая, а охватывал и эти пространства Северной и Центральной Азии, переставшие быть безлюдной пустыней уже сотни тысяч лет тому назад, в эпоху нижнего палеолита.

Отсюда, с этого плацдарма, открываются и дальнейшие, еще более широкие и, можно сказать, еще более увлекательные перспективы развития творческой деятельности этих в полном смысле слова первобытных, изначальных обитателей Дальнего Востока.

Речь идет в данном случае о других не менее выразительных памятниках каменного века, найденных на той же территории. На этот раз имеются в виду каменные орудия (обнаруженные там же, что и галечные орудия, — в Кумарах), несущие на себе черты резко выраженного прогрессивного развития техники обработки камня — этой основы производственной деятельности палеолитического человека.

В Кумарах, неподалеку от местонахождения примитивных галечных орудий, оказались вещи, изготовленные из таких же галек черной кремнистой породы, но с помощью совершенно других приемов. Древний мастер по-прежнему подбирал в прибрежной россыпи такие же гальки, но подходил к ним принципиально по-иному. Он сильным боковым ударом отбивал кусок гальки. Так получалось скошенное лезвие. Однако это было не рабочее лезвие скребла или топоровидного орудия, а всего лишь площадка, по которой наносились удары, предназначенные для отделения с плоскости гальки длинных и острых пластин. И именно эти пластины, а не сама галька были целью его работы. Каждая такая пластина могла служить готовым инструментом, заменяя современный нож, а если потребуется, то и использоваться как наконечник копья или скребло для обработки шкуры.

Так на наших глазах из древней галечной техники рождается принципиально новая леваллуазская техника расщепления камня.

Эта техника свидетельствует одновременно и о столь же важных, коренных переменах в физической и духовной организации самого человека. Нужна была, разумеется, более гибкая, более умелая рука, способная выполнить намеченные тонкие и точно рассчитанные операции. Чтобы подготовить гальку для подобной операции, нужна была и несравненно более сложная, более глубокая, чем прежде, мыслительная работа, нужен был более четкий план этой операции. Нужно было уметь заглянуть вперед гораздо дальше, чем это мог сделать человек предшествующей эпохи, человек галечной арханческой культуры. Значит, и мозг созрел в процессе труда для этой работы.

Что находки в Кумарах не случайны, а, напротив, совершенно закономерны как свидетели и вещественные доказательства дальнейшей прогрессивной эволюции человека и его общественной организации, подтверждают открытия в соседних областях Азиатского материка. Именно такая, леваллуазская, техника завоевывает со временем огромные пространства Центральной Азии, Южной Сибири и предгорий Алтая.

В горах Средней Азии она смыкается с такой же техникой, характерной для среднего палеолита Ближнего Востока, начиная с замечательной пещеры Биситун в Иране, расположенной непосредственно под высеченной на скале знаменитой в истории Востока грандиозной надписью Дария I, где он рассказывает о борьбе с магами за господство над ахеменидской Персией.

Так было выяснено, что на территории нашего Дальнего Востока история не только рано началась, но и непрерывно двигалась вперед по пути прогресса. Двигалась, конечно, медленно, в темпах каменного века, но двигалась неудержимо и при этом не в изоляции от всего остального палеолитического мира, а в условиях взаимного обмена культурными ценностями, достижениями.

Замечательно поэтому, что на высоком берегу Амура у города Благовещенска, вблизи старинного русского села Тамбовки, в одном из песчаных карьеров был найден клинок, изготовленный из редкой и необычной породы камня — плотного беловатого кварцита. Клинок сразу же напомнил лавролистные клинки верхнего палеолита. Но он был несравненно массивнее. И в моей памяти всплыли совершенно другие предметы: бифасы, то есть оформленные широкими сколами с обеих сторон массивные клинки значительно более раннего времени. Это хорошо известные нам по учебникам и музейным коллекциям ручные рубила позднеашельской поры нижнего палеолита, такие же, как в галечных отложениях реки Соммы у Парижа.

Амурский бифас так и остался бы загадкой, если бы в 1969 году, проезжая по пустынным пространствам Восточной Монголии западнее города Сайин-Шанд, у горы Ярх, мы не наткнулись на выступавшую из песка жилу превосходной желтой яшмы, а около нее — на мастерскую первобытного человека. И в этой мастерской нами были обнаружены вещи, которых никак нельзя было ожидать так далеко на востоке, в недрах Центральной Азии. Это были массивные бифасы-заготовки классических ашельских по типу рубил! Миндалевидные и треугольные, а также примитивные леваллуазские нуклеусы и отщепы.

Чтобы понять значение этих находок, нужно вспомнить, что еще недавно нам рисовалась такая картина первоначального заселения Центральной Азии и соседних с ней областей: к югу от Гималаев и Тянь-Шаня обитали племена с рубилами, а к северу находились области, заселенные носителями культуры оббитых галек — чопперов. Теперь же приходится вносить в эту картину существенные коррективы. Речь идет не о сплошных ареалах, закрашенных на археологической карте одним

цветом, а о своего рода мозаике или калейдоскопе, где причудливо, чересполосно располагаются районы, занятые группами первобытных людей. Каждая из них имеет свои «этнографические» особенности в культуре. Перед нами своего рода «атомы», группы первобытных охотников, находившихся в постоянном движении и преодолевавших в погоне за добычей огромные расстояния.

Одна из таких малых групп — палеолитических «атомов», — вероятно, и оставила на берегу Амура, у нынешней Тамбовки, свое ручное рубило-остроконечник.

Следующий важный исторический этап в жизни нашего Дальнего Востока — это верхний палеолит и переходное время от палеолита к неолиту, которое принято называть мезолитом.

В литературе нашли освещение такие интересные памятники, как расположенное на холме у деревни Осиновки древнейшее в районе Уссурийска поселение с его странными и загадочными нуклевидными рубилами, залегающими в слое переотложенной коры выветривания. Рубила эти удивительным образом «перекликаются» с похожими на них по своему виду древними орудиями труда из Казахстана, где их считают нижнепалеолитическими по возрасту.

Не менее интересно двуслойное поселение около деревни Устиновка на реке Тадуши. Там наблюдается явственное переживание древней леваллуазской техники, а вместе с тем и зарождение новой, представленной специфическими «гобийскими» или торцовыми нуклеусами. Замечательно при этом, что такие нуклеусы встречены вместе с подобными же изделиями других форм: резцами типа арая, скребками, широкими пластинами, найденными в докерамических культурах на Японских островах. С помощью радиоуглеродного анализа возраст японских орудий был определен в 12—17 тысяч лет! Общим же истоком и для японских докерамических культур, и для культуры Устиновки в Приморье может быть мезолит или верхний палеолит Центральной Азии, а точнее, Восточной Монголии. Именно там, на реке Халхин-Гол, около устья речки Алтан-Гол, обитало древнее племя, на месте жилищ которого уцелели точно такие же изделия. Сходные предметы были найдены и далеко в глубине Сибири, около Иркутска, на давно известном археологам всего мира позднепалеолитическом поселении Верхоленская Гора.

Отсюда же, из азиатских глубин, из Монголии, как предполагал еще в 20-х годах Н. Х. Нельсон, мог пролегать путь к Берингову проливу, а оттуда на Аляску «первых американцев», далеких предков американских индейцев.

Но эта насыщенная событиями так неожиданно открывающаяся перед нами историческая картина бледнеет перед последующей эпохой неолита.

В неолите с особой яркостью и детальностью обнаруживается творческая сила и самобытность культуры древних племен Дальнего Востока.

Связь времен

Неолит в истории Северной Азии является в полном смысле слова переломным этапом ее этнической и культурной истории. Это находит выражение в том, что теперь четко обозначились большие локальные группы неолитических памятников, археологические культуры, за каждым из которых стоят особые этнические группы древнейших поселенцев территории между Уралом на западе и Тихим океаном на востоке, между Северным Ледовитым океаном и монгольскими степями.

Среди этих культур чертами глубокого своеобразия выделяются неолитические культуры Дальнего Востока. Обращает на себя внимание прежде всего коренное отличие хозяйственно-бытового уклада неолитических племен Амура и Приморья от уклада их ближайших соседей, живших в тайге Восточной Сибири.

С того времени, когда на берегах сибирских рек впервые стали находить шлифованные топоры из камня, в науке сложилось твердое представление о неолитических обитателях Сибири как о бродячих охотниках и рыболовах. На месте их временных стоянок в долинах Лены, Енисея, Ангары и на самом деле уцелели лишь очаги из камней, над которыми когда-то стояли легкие шалаши из шкур.

Каково же было наше удивление, когда на берегах Амура были обнаружены следы настоящих поселков, своего рода деревень каменного века, состоявших из огромных, нередко прочно устроенных общинных жилищ. Основаниями этих домов служили глубоко вырытые в земле котлованы. Чтобы вырыть его, требовались усилия, быть может, не одного десятка людей.

Прочная длительная оседлость должна была иметь в своей основе постоянные и обильные источники пищи. А это зависело прежде всего от особых природных условий нашего Дальнего Востока. Действительно, к востоку от Яблоневого хребта природа резко меняется. В районе современного Благовещенска белая береза, привычная нашему глазу, сменяется черной березой Эрмана. На смену сосне и лиственнице в привольной амурской прерии появляются дубовые рощи, заросли дикой яблони, груши, винограда, а на отдельных глухих озерах цветет лотос — самый северный в мире. Одним словом, здесь начинается удивительный по своему разнообразию мир уссурийской тайги и маньчжурской флоры, поразившей первых наших путешественников-натуралистов — Максимовича, Маака, Пржевальского, Комарова — своим богатством и причудливым смещением форм, свойственных югу и северу.

Но еще важнее для направления, которое приняли в своем развитии неолитические культуры нашего Дальнего Востока, другая черта дальневосточной природы. Именно она наложила неизгладимо резкий и характерный отпечаток на образ жизни, хозяйство и всю жизнь местного населения в каменном веке. В определенное время года, повинувшись инстинкту продолжения рода, из глубин океана поднимаются вверх по рекам в поисках места для нереста бесчисленные косяки морской проходной рыбы — кеты, горбуши, чавычи. И без того богатые рыбой реки в это время буквально переполняются через край.

Так, около богатых рыбой мест, где всего удобнее было забрасывать сети, в устьях речек и на высоких крутых мысах издревле возникали обширные поселки речных рыболовов Амура и Приморья, нередко состоявшие из десятков больших полуподземных жилищ, где их обитатели проводили долгое зимнее время. На лето же они должны были переселяться в легкие надземные постройки. Рядом с жилыми постройками располагались, несомненно, сушилка для вяленой рыбы — юколы, шесты, к которым привязывались собаки, амбары для хозяйственного инвентаря. Все это еще более разнообразило общий вид рыбацкой деревни каменного века.

Оседлый образ жизни неолитических рыболовов Амура нашел свое отражение и во многих мелких, но очень характерных деталях быта. С оседлостью рыболовов следует связывать прежде всего особенности самого распространенного и важного для характеристики неолитических культур материала — керамики. Древнейшая керамика на Амуре, за исключением сосудов из позднего неолита в Сарголе, которые явно по-

пали на Амур с Севера, не остродонная, как в таежной зоне Восточной и Западной Сибири, а плоскодонная. Обитатели охотничьих шатров — чумов не имели ни полок, ни скамей и сидели прямо на земляном полу. Поэтому сосуды их втыкались своим острым дном прямо в пол или ставились между трех камней. Здесь же, в жилищах на Амуре, имелась более сложная домашняя утварь: деревянные полки, нары, на которые и ставилась устойчиво глиняная посуда. По своим размерам сосуды, найденные на Амуре, резко отличны от прибайкальских: они вместительнее и больше сосудов, принадлежавших лесным охотникам. Это были, наверное, в ряде случаев уже не горшки для варки пищи, а настоящие чаны — хранилища для пищевых запасов. Кроме того, наряду с плотными грубыми черепками горшков, употреблявшихся для варки пищи и потому покрытых нагаром, на Амуре нередко можно встретить обломки сосудов, имевших легкие пористые стенки и покрытых особо тщательным, даже расписным узором.

Не менее характерно, что в отличие от лесных охотников, изготавливших свою одежду и домашнюю утварь из шкур и бересты, речные и морские рыболовы неолитического времени широко использовали растительные волокна.

В Приморье и на Амуре о широком развитии ткачества в эпоху неолита свидетельствуют, кроме того, многочисленные маховички или напярсла для веретен в виде глиняных кружков, иногда вырезанных из черепков сломанных сосудов. Некоторые из таких кружков могли служить также и частями ткацких станков — грузиками.

Что касается орудий труда рыболовов, то среди крупных каменных орудий на Амуре часто встречаются просверленные круглые камни, палцы или кастеты из вулканических пород. Они предназначались, по разъяснению стариков ульчей и гилаков, для умерщвления раненых ударом гарпуна, пойманных в сеть или на крючок громадных рыб — осетров или калуг. С ними рыбак в своей хрупкой лодке иначе и не мог справиться. Таким образом, не только мелкая, но и крупная рыба в самом начале развитого неолита была здесь обычной добычей.

Не менее характерны для амурского неолита крупные грузила с желобком для привязи или с отверстием на одном конце в виде гири. Такие большие гиревидные грузила должны были употребляться для оснащения не только сети, но и тяжелого невода на крупных реках с быстрым течением.

Изобилие рубящих орудий, в том числе великолепно отшлифованных, предназначенных для обработки дерева, тоже не случайно — дерево служило, несомненно, не только для постройки жилищ, но и для изготовления разнообразных ловушек, заколов и езов, а также для постройки долбленых лодок. В Кондоне, кроме того, найдены многочисленные узкие и длинные овальные гальки с просмоленными до сплошной густой черноты концами. С помощью такой гальки могли проваривать березовым варом швы легких лодок-берестянок.

Вышеупомянутые орудия труда рыболовов свидетельствуют о важном факторе — существовании в эпоху неолита способов коллективного лова рыбы. В лове участвовали десятки людей, а может быть, и целые общины. Само собой разумеется, массовый коллективный лов рыбы, особенно проходной, во время сезонной рыболовной страды должен был быть несравненно продуктивнее, чем индивидуальная добыча рыбы в крупных реках и в мелких таежных речках Сибири при помощи удочки или гарпуна.

Однако общественные способы добычи рыбы вместе с тем вовсе не исключали и индивидуального промысла. Амурские рыболовы неолита

изобрели свои собственные орудия индивидуального лова и выработали свои приемы рыболовства.

Доказательством тому служит найденная в Кондоне желобчатая пластина из нефрита, один конец которой закруглен, а на другом имеется просверленное отверстие. Изделие необычно не только по своему редкому и особенно ценному в те времена материалу, но также и по особой тщательности шлифовки, по необычности формы. Простое испытание в воде показало, что этот предмет служил рыбакам каменного века не чем иным, как блесной.

Последний и самый яркий штрих этой картины неолита Дальнего Востока дают нам памятники искусства. Художественное творчество неолитических племен Дальнего Востока с наибольшей силой проявилось у оседлых рыболовов Нижнего Амура.

Искусство неолита Нижнего Амура настолько ярко и своеобразно, что представляет собой заметное и выдающееся явление на фоне всемирной истории искусства неолитической эпохи. Незабываемое впечатление производят орнаментированные глиняные сосуды, найденные в древних землянках Нижнего Амура и Уссури. Вместо обычных для лесного неолита простых узоров из ямок и насечек эти сосуды были украшены неожиданно изощренным и изысканным криволинейным орнаментом в виде причудливо переплетающихся спиралей и даже меандра, совершенно такого же, как в античной Греции или Риме!

Вторая составная часть художественных сокровищ неолитического Амура — скульптура — представлена уникальным и совершенным в своем виде образцом — изображением женщины.

Материалом для нее послужила глина. Законченная скульптура была тщательно залощена и обожжена. Ее вид, ее формы говорят не только об опытной руке и наблюдательном глазе настоящего мастера-скульптора, но и о наличии определенной творческой школы. В ней как бы аккумулирован опыт многих поколений ваятелей, отражены устойчивые традиции, создававшиеся веками.

Изображение это в полной мере реалистично. Из мглы веков оно донесло до нас не просто этнический образ женщины древнего народа, но скорее портретное ее изображение.

Неолитический скульптор с большим реализмом и искренней теплотой передал в глине черты определенного человеческого лица. Точно такие лица можно встретить в Кондоне сегодня среди милостивых напайских девушек, обладающих той же легкой женственной грацией, которая воплощена в статуэтке, пролежавшей тысячи лет в заполнении жилища каменного века.

Совершенно особое место в истории художественного творчества древнего населения Азиатского материка принадлежит петроглифам Амура и Уссури. Первое место среди них по богатству сюжетов и обилию изображений принадлежит петроглифам Сакачи-Аяна. К ним же по стилю и сюжетам относятся рисунки на скалах реки Уссури ниже села Шереметьевского, на скалах по правому берегу реки Кии (примерно в 90 км по дороге из Хабаровска на Владивосток), у деревни Калиповки на Нижнем Амуре, а также не существующие ныне изображения в небольшой пещере на реке Суйфун в «Медвежьих Щеках».

«Репертуар» этих изображений устойчивый и в своей основе единообразный. На первом месте здесь находятся антропоморфные сюжеты в виде стилизованных человеческих лиц. Ни одно из них не повторяет абсолютно другое. Но все же их можно классифицировать по общим очертаниям. Выделяются по крайней мере восемь основных типов или групп: овальные, яйцевидноовальные, сердцевидные, трапецевидные,

прямоугольные, с овальной вершиной и прямым основанием, обезьяновидные, или, иначе, череповидные, парциальные, образованные только ямками, означающими глаза и рот, без внешнего обвода — контура.

Вторая группа изображений на скалах Амура и Уссури — рисунки лосей и оленей. Третья — изображения змеи. Четвертая — рисунки птиц. Имеются также стилизованные условные изображения лодок с плывущими в них людьми. Что касается антропоморфных изображений, то они явно представляют собой изображения когда-то реально существовавших масок-личин.

Это вводит нас в обширную область представлений, связанных с масками. Маски, широко распространенные в прошлом у всех или у подавляющего большинства народов, изображали таинственные существа потустороннего мира — духов. Они использовались как средство перевоплощения человека в духа и были непременной принадлежностью обрядов и культовых действий, где требовалось присутствие духов. «Духи эти сидят в масках, воплощены в них и, таким образом, вселяются в танцора на все время, пока он носит эту своеобразную маску», — говорит Кох Грюнберг об индейцах Бразилии¹. Характерно при этом, что среди уссурийских и амурских петроглифов выделяется группа личин, которые явственно передают не живое человеческое лицо, а череп «черепные» личины. Таковы, например, две хорошо сохранившиеся личины в Шереметьеве с характерным контуром, передающим очертания черепа, освобожденного от мягких покровов и со сплошным частоколом оскаленных зубов во рту. Перед нами, следовательно, маски-череп умерших.

Подобные маски были широко распространены у различных племен Южных морей, а также Африки. Они нередко представляли собой нечто иное, как части черепа или целые черепа, обмазанные глиной или расписанные. Это и были вместилища для духов умерших, их материальные представители. И как таковые, эти маски, с воплощенными в них духами умерших, принимали участие в различных театрализованных представлениях, в мистериях — зародышах культового театра.

Среди таких мистерий важное место принадлежало обрядам, связанным с деятельностью тайных мужских союзов, целью которых было закрепление господства мужчин в первобытной общине, терроризирование женщин. В конкретном же содержании обрядов, в которых участвовали специально наряженные танцоры в масках, первостепенное место занимали инициации — посвящение юношей в ранг взрослых, полноправных членов общины, членов тайных мужских союзов. Подобные союзы мужчин появляются на сравнительно высоком уровне развития социальной структуры древних общин, при переходе от материнского рода к отцовскому, когда для такого перехода уже имеются соответствующие экономические предпосылки. В одних случаях такой предпосылкой было возникновение производящего хозяйства, земледелия. В других же, на Амуре и Уссури, такую роль могло играть специализированное хозяйство рыболовов амурского типа.

Сказанного достаточно, чтобы рассматривать общество неолитического населения Амура не как примитивное, «первобытное», а достаточно развитое.

И конечно, особо следует подчеркнуть специфику и высокую художественную ценность его искусства. Теперь уже не может быть сомнения в том, что на Дальнем Востоке пять-шесть тысячелетий тому назад

¹ А. Д. Авдеев, Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе, М. — Л., 1959, стр. 142.

существовал совершенно самобытный и мощный по тем временам очаг художественной культуры.

По своей творческой силе, по оригинальности сюжетов и форм неолитическое искусство Дальнего Востока не уступало ни одному из современных ему художественных центров, например тому, какой существовал в эпоху неолита на реке Желтой, в районе культуры яншао. Более того, по сравнению с искусством последней мастерство неолитических скульпторов и орнаменталистов Амура и Уссури обнаруживает несравненно большую свободу и творческую фантазию.

Что же касается скульптурного изображения женщины из Кондона, то оно настолько реалистично, в нем воплощено столько непосредственного чувства, что примитивная скульптура яншаоских гончаров и даже скульптурные работы художников-керамистов протоайнской культуры дзёмон на Японских островах не могут идти с ним ни в какое сравнение. Антропоморфные изображения культуры дзёмон, как известно, загромождены фантастическими пышными украшениями и завитками. Здесь же, на Амуре, господствует чистое и ясное чувство меры.

То же самое относится и к более простым, но от этого не менее реалистичным кремневым скульптурам Нижнего Амура. В них одинаково отчетливо, хотя и в несколько схематизированной форме (из-за специфического материала — кремня или халцедона), запечатлены реальные образы зверей или рыб, а иногда и птиц.

И последнее, о чем следует сказать в плане анализа самобытности искусства каменного века на Амуре, — о его истоках. Искусство это, как подтверждает сопоставление изображений сидящих боровых птиц, скорее всего глухарей, на петроглифах и на кремневой фигурке из Сакачи-Аляна, зародилось и выросло здесь же, на Амуре. Оно имеет свои собственные еще мезолитические истоки и не привнесено и не заимствовано извне, от чужих племен.

Открытие богатого искусства амурских племен неолитической эпохи на далекой окраине Азиатского материка, появление перед нашими глазами из подлинной «тьмы времен» этого первоклассного даже и с современной точки зрения очага древнего искусства само по себе не могло не вызвать удивления. Но еще поразительнее оказался другой факт. Одним из важнейших результатов первой в советское время специальной археологической экспедиции, направленной в 1935 году на Нижний Амур, явился неожиданный вывод о сходстве древнего и современного искусства этого района.

Этот вывод был значительно углублен и расширен в дальнейшем, особенно в статье «У истоков культуры народов Дальнего Востока» (1954 г.)². Сейчас мы можем еще полнее и яснее проследить совпадения между культурой неолитических обитателей долины Амура и Уссури не с какой-либо иной, а именно с современной этнографической культурой таких племен, как нивхи (гиляки), нанайцы (гольды), а также ульчи.

Совпадения эти относятся ко всему бытовому укладу (оседлость, постоянные жилища, рыболовство как основное производственное занятие). Но всего нагляднее и яснее они обнаруживаются в области духовной культуры, и в первую очередь в искусстве, орнаментике.

Такова прежде всего спираль. Она составляет главное богатство как древней, неолитической, так и современной орнаментики амурских племен.

Наряду с различными вариантами спирального узора большое рас-

² Сб. «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана», М., 1954, стр. 225—260.

пространение у амурских племен во время неолита получили узоры из переплетающихся друг с другом более или менее широких лент, образующих сетку с ромбическими ячейками — «амурскую плетенку». «Амурская плетенка» — основа дальневосточной неолитической орнаментики. И в такой же степени — современной.

Узоры типа «амурской плетенки» до сих пор встречаются у народностей, живущих по Амуру, и являются бесспорным «предком» современного узора. Этот орнамент до сих пор сохраняет свою исходную простую форму и в сущности ничем не отличается от неолитического прообраза. Мы видим здесь такие же ромбы, расположенные в шахматном порядке и отделенные друг от друга пустыми полосками фона. «Фон» этот и представляет собою настоящий орнамент, в то время как ромбы являются всего-навсего фоном. Существовало притом, что «амурская плетенка», распространенная в различных вариантах не только на Нижнем Амуре, но и на реке Уссури (например, неолитическое поселение у села Шереметьево), а также вблизи города Уссурийска, в неолитическом горизонте Осиновки, специфична именно для Приморья и Приамурья. Ее нет в отличие от спирали нигде за пределами этих областей.

Она, следовательно, представляет собой самый чуткий этнический индикатор, своего рода лакмусовую бумагу древних этнических отношений.

Этих двух элементов, спирали и «амурской плетенки», в особенности последней, было вполне достаточно для того, чтобы можно было поднять проблему генетической связи древнего искусства амурских племен с современным искусством некоторых народностей Дальнего Востока. Но сходство между ними не ограничивается лишь этими двумя специфическими элементами, оно значительно шире.

Вторую и не менее характерную сферу художественной культуры древнейшего населения Дальнего Востока представляют собой, как мы видели, наскальные рисунки. В них с еще большей силой, в еще более концентрированном виде проявляются особенности эстетических представлений и художественного мироощущения дальневосточных племен.

В петроглифах Амура и Уссури нет, конечно, ни «амурской плетенки», ни вертикальных зигзагов, выполненных в технике пунктирной гребенки. Здесь абсолютно напрасно искать такие узоры. Вся это чисто бытовая орнаментика была органически связана с такими предметами, как глиняные сосуды, одежда и различная бытовая утварь из дерева или кости. На первый взгляд может показаться, что петроглифы вообще невозможно связать с современным орнаментальным искусством амурских племен. Но это только на первый взгляд.

В действительности же в амурско-уссурийских петроглифах не только присутствует, но и занимает первостепенное место кривая линия. Есть различные виды и варианты того же криволинейного узора, который определяет лицо и сущность современной и древней амурской орнаментики. Это, разумеется, не только концентрические круги, не только различные дуги, но и сама спираль — «душа» амурской орнаментики — в ее «чистом» виде. Она не только имеется в современном нанайском или нивхском узоре, но и является основным формообразующим элементом для различных сюжетов на петроглифах Сакачи-Аляна и на наскальных рисунках, расположенных в других местах.

В некоторых случаях спираль или ее дериваты — концентрические круги — служат декоративным заполнением внутреннего пространства рисунка, дополнением к нему, играют роль его деталей. Таковы, например, глаза некоторых личин или завитки волюты и круги внутри орна-

ментализованных оленьих фигур из Сакачи-Аляна. Аналогичным способом, в виде завитков, трактован, как мы видели, иногда и нос личин. Имеются и еще более выразительные примеры, когда на петроглифах весь рисунок образован из концентрических кругов или спиралей.

Совпадения древнего искусства наскальных изображений с современным искусством могут быть прослежены и дальше в области конкретных образов и сюжетов. Змея, «мудур», дракон — такой же привычный и традиционный элемент нанайской орнаментики, как и петроглифов. «Мудуры» нанайцев обычно не только изгибаются волнистыми полосами, но и свернуты тугой спиралью, так же как на валунах Сакачи-Аляна или на скалах по реке Уссури.

На петроглифах, найденных на берегах рек Уссури и Амура, встречаются, далее, изображения оленей не только с волютами, но и с характерными прямыми полосами поперек туловища. В орнаментике амурских племен, по словам Б. Лауфера, олень тоже играет наиболее важную роль после «петуха» и дракона. Среди изданных им образцов орнаментики амурских племен имеются фигуры оленей с такими же точно поперечными полосами, как и на петроглифах.

Третий, не столь часто встречающийся, но весьма существенный образ петроглифов — птица. В современной нанайской орнаментике, как полагают, преобладает «петух». Тем не менее, внимательно приглядываясь к образцам орнамента, изданным Лауфером, можно обнаружить также и изображения таких же, как на петроглифах, водоплавающих птиц: гусей, уток или лебедей.

Странные антропоморфные личины амурских петроглифов тоже не исчезли бесследно, а вошли в состав позднейшей орнаментики в качестве ее основного содержания. Они были использованы в амурской орнаментике таким же образом, как и другие фигуры, например рыб или птиц. Эти личины послужили своего рода «строительным материалом», стали деталями сложных орнаментальных композиций.

Но в отличие от фигур рыб и птиц они полностью вошли в состав общей орнаментальной ткани, почти полностью растворились в ней и настолько потеряли свою самостоятельность, что могут быть обнаружены только путем сравнения с петроглифами, где эти личины находятся еще в исходном изолированном виде, сами по себе.

Основной набор наскальных изображений на петроглифах, таким образом, повторяется и в современной орнаментике. Это — обезьяноподобные и спиралевидные маски-личины, изображения оленей с поперечными полосами на туловище, водоплавающие птицы, змеи.

Сходство между неолитической орнаментикой и петроглифами, с одной стороны, и сюжетами современного этнографического искусства — с другой, дает нам возможность сделать дальнейшие шаги по их сближению через область семантики, идейного содержания. Оказывается, например, что парные изображения водоплавающих птиц на петроглифах могут быть расшифрованы с помощью нанайского космогонического мифа, связанного со скалами Сакачи-Аляна. В этом мифе говорится о сотворении вселенной двумя водоплавающими птицами — лебедями, — которые, ныряя, достали в своих клювах землю со дна мирового океана.

Змея «мудур» на петроглифах тоже представляет собой самого популярного мифического героя, то доброго, то злого и враждебного человеку, но во всех случаях могущественного. Нанайцы, как бы подчеркивая интимный для них характер этого мифического образа, называют его не заимствованным, не чужим словом «лун», а своим собственным — «мудур». О туземном происхождении нанайского «мудура» можно судить

и по легендам о космическом змее, распространенным не только среди жителей Амура, но и далеко от него среди представителей северных народностей — потомков тунгусских племен. У последних космический змей с первых дней творения выступает как существо, упорядочившее землю, пропахавшее дороги — русла для воды, для рек.

Интересен для выявления связи между петроглифами и этнографией Амура также и такой характерный сюжет, как изображения лодок. Л. И. Шренк, а затем Б. А. Куфтин описали обряды, в которых принимали участие лодки.

На петроглифах по рекам Амур и Уссури видны такие же лодки «полные народа», как во время обрядов, описанных Шренком и Куфтиным. Вероятно, и смысл их тот же: магическая охрана жителей стойбищ от злых духов и жертвенные приношения реке.

И пожалуй, самым неожиданным примером связи времен, связи древней и современной культуры народностей, живущих по Амуру, может служить нанайский миф о черепе, странствующем на коне. Миф этот входит в серию широко распространенных у народов Северной Азии (в том числе населяющих отдаленные районы) аналогичных мифов о странствующем черепе. Этот древнейший по происхождению палеоазиатский легендарный сюжет, бесспорно, принадлежит каменному веку и основан на культе черепа. При раскопках на берегах Лены и Ангары в погребениях эпохи неолита и глазковского времени мы не раз находили костяки без черепа, а иногда и костяки с «чужими» черепами при них. Тем интереснее, что своего рода иллюстрацией к нанайскому мифу о странствующем на коне черепе является один из весьма древних петроглифов Сакачи-Аляна, где изображена личина — череп на коне!

Последняя категория наскальных рисунков Сакачи-Аляна и самая многочисленная — антропоморфные изображения — тоже обнаруживает совпадения с этнографическими материалами. Среди антропоморфных фигур с туловищами, редких в Сакачи-Аляне, имеется довольно крупное изображение без рук, но с телом, заполненным внутри шевронами — «ребрами». Точно так же изображаются нанайские охотничьи севоны или «бурхан», носящий название «гирки» или «гирки-айями». Существенно, что сакачи-альянский севон выбит на ребре базальтовой глыбы и имеет соответственно этому объемную форму. По-видимому, прототипом ему послужила деревянная скульптура, аналогичная современным нанайским севонам, вырезанным из дерева. «Лучистые» головные уборы или волосы личин на петроглифах тоже вызывают в памяти навершеня древних деревянных нанайских и нивхских скульптур, изображающих шаманских духов.

Связь между антропоморфными личинами петроглифов и элементами шаманского ритуала амурских народов всего нагляднее выступает в шаманских ритуальных масках нанайцев и удэгейцев. В этнографическом собрании Хабаровского краеведческого музея имеются две такие деревянные маски (№ 16, 17). Общий вид их, в особенности же черные и красные спиральные узоры, вероятно изображающие татуировку, почти полностью повторяют узоры и общий вид некоторых личин, выбитых на валунах в Сакачи-Аляне. Как известно, такие маски означают «перевоплощение» шамана в изображенное на них мифическое существо, в духа. Вполне естественно поэтому и совпадение сакачи-альянских личин с деревянными масками шаманов.

Анализ отмеченных совпадений между петроглифами, с одной стороны, и предметами культового искусства амурских племен — с другой, снова подтверждает мысль о родстве и генетической связи древнего и современного (этнографического) амурского искусства.

Совпадения эти позволяют вместе с тем приблизиться и к пониманию смысла наскальных рисунков по рекам Амур и Уссури, неразрывно связанного с древней мифологией и шаманством. Пережитки древних верований в реликтовой и сильно трансформированной форме дошли до нашего времени, существовали в этнографической действительности XIX — начала XX века, которую застали Шренк, Лауфер, Штернберг, Лопатин, Шимкевич и другие этнографы.

Нельзя, конечно, утверждать, что древние верования и художественные формы, созданные в отдаленном прошлом, дошли до нашего времени целиком или в сколько-нибудь полном и неизменном виде. Со времен неолита народы Амура прошли длительный и сложный путь культурного развития, пережили немало важных исторических событий и переломов. Как ни далеки были, например, племена низовьев Амура от тех политических бурь, которые бушевали на Среднем Амуре или в Приморье, где появлялись и исчезали такие государства, созданные местным населением, как «Железная» империя Ляо киданей или «Золотая» империя Цзинь, а до них Бохай (известное своей высокой культурой), на культуре этих северных племен, и в том числе на искусстве, такие перемены так или иначе должны были отражаться.

Выразительным примером этого могут служить наскальные рисунки Сакачи-Аляна эпохи металла, в которых отразился образ мышления конных воинов и табунщиков степного мира и в которых конкретно прослеживается связь мохэских племен с тюркскими народностями Центральной и Средней Азии.

Большой интерес поэтому представляет поставленный еще Шренком и Лауфером вопрос о заимствованных амурскими племенами элементах более поздних высоких культур. Да, конечно, Лауфер был прав, когда говорил, что в этнографической орнаментике нанайцев имеются элементы, взятые извне, такие, как петух, летучая мышь, может быть, даже рыбы. Действительно, в «репертуаре» наскальных изображений нет ни рыб, ни тем более петухов, как нет и летучих мышей.

Однако далеко не во всем следует соглашаться с утверждениями Лауфера и других исследователей, писавших, что петух в нанайской орнаментике занимает особо важное место. На самом деле некоторые из изображений птиц, трактовавшиеся как фигуры петухов, оказываются сильно орнаментализованными дериватами древнего изображения лебедя или гуся, которые мы знаем по рисункам на Шереметьевских скалах. Это ясно потому, что в ряде случаев такие «петухи» нанайских узоров держат в клюве рыбу, чего настоящие петухи никак не могут делать.

Есть и другие примеры переработки традиционных сюжетов, например образа мифического змея «мудура» в стиле заимствованных извне трафаретов.

Но такая переработка, естественно, оставалась чисто внешней и не затрагивала сущности древнего образа и его оформления. Так, например, чешуйчатый и усатый дракон «мудур» на нанайских культовых картинах изгибается такой же спиралью, как и змеи на сакачи-альянских петроглифах.

Существенно и то, что в соседнем Китае образ дракона в таком виде, в каком он изображался там в позднесредневековый период, чужд архаическому искусству эпох Чжоу, Цин и Хань. Не исключено, что «классический» образ дракона возник под влиянием искусства соседних с Китаем племен, живших к северу и востоку от него. В мифологии этих племен издавна существовало представление о различных властителях водной стихии, которые изображались в виде гигантской змеи, а иногда рыбы, например такой, как мифический «керьбалык» алтайцев.

Кроме упомянутых рисунков птиц и животных, которые можно считать заимствованными в XVII—XIX веках, в период правления в соседней Маньчжурии и Китае маньчжурской династии Цин, в нанайской орнаментике есть еще целый пласт, занимающий в ней очень важное место. Это мотив «бегущей спирали» или волнистой линии, усложненной растительными элементами, завитками в виде листьев или цветов. «Бегущая спираль» и волна такого рода у нанайцев употребляются как излюбленное обрамление любого рисунка, как наиболее распространенная орнаментальная кайма национальной женской одежды нанайцев — халата из выделанной рыбьей шкуры.

Происхождение этого мотива связано с историческими контактами амурских племен, по крайней мере в первой половине первого тысячелетия нашей эры. Как полагают исследователи, изучавшие этот мотив, он восходит к стилизованному изображению виноградной лозы с листьями и гроздьями. Он широко распространился из античных и раннесредневековых государств, располагавшихся по берегам Средиземного моря, где находится его родина, на восток, в Китай, еще в эпоху Тан, к нам в Приморье — в эпоху Бохайского царства, в Японию — в период расцвета ее средневековой культуры, в эпоху Нара. Но почему этот мотив так широко использовался у нанайцев и нашел у них своего рода «вторую родину»? Это станет ясно, если учесть, что спираль и вообще криволинейная орнаментика на Амуре была исконным достоянием коренных племен. Причина, следовательно, заключается не в силе и глубине чужеземного влияния, а в том, что оно вошло в русло традиционных национальных форм и художественного мироощущения местных племен, сложившихся в результате тысячелетий.

Следовательно, требует пересмотра и предположение Лауфера о том, что именно в чжурчженское время началось усиленное проникновение в орнаментiku дальневосточных племен мотивов чужеземного происхождения, которое явилось следствием усилившихся контактов чжурчженей с китайцами в ходе завоевания первыми Северного Китая.

Подобное проникновение чужеземных мотивов вообще, разумеется, имело место. Но, как мы видели, далеко не в тех масштабах и не с такой силой, как можно было думать раньше, и не обязательно из Китая. И наконец, а это самое важное, мы знаем теперь, что открытие неолитической спирали и «плетенки» на Амуре, как первое звено логической цепи, потянуло за собой, вызвало к жизни другие новые идеи и гипотезы.

Над нами нередко, как гипноз, тяготеет традиционное противопоставление древних земледельцев охотникам и рыбакам. Действительно, земледельцы со временем резко опередили своих собратьев, оказавшихся в неблагоприятных природных условиях. Они быстрее развили свои производительные силы и общественные отношения.

Однако, с другой стороны, был глубоко прав и великий гуманист нашего века Максим Горький, когда писал, что историки культуры «обидели» охотников. Охотники, по его мнению, в свое время тоже создали по-своему не менее значительные культурные ценности, и в первую очередь в области художественного творчества. Не случайно же с гибелью прежнего уклада жизни бродячих охотников за мамонтом и северным оленем исчезло и поразительное по своему реализму жизнерадостное искусство палеолитического человека.

Не удивительно поэтому, что рядом со странами первых земледельцев лежала другая страна, вернее, не страна, а целый мир не менее древних и не менее ярких и самобытных культур, в том числе наших

амурских. Это были вовсе не «варвары», не «дикари» (какими их изображали шовинистически настроенные историки древних и новых времен), а люди, которые внесли свой полноценный и равноправный вклад в мировую культуру. На протяжении тысячелетий они были единственными суверенными хозяевами своей земли и своей судьбы.

Высокий уровень культуры позволил далеким предкам амурских племен открыть и освоить таежные просторы, озера и реки дальневосточной тайги. Созданное же ими богатое искусство, как мы видели, сохранило свою жизненную силу до сегодняшнего дня. И кто знает, как далеко распространялось влияние этого искусства не только во времени, но и в пространстве?

Во всяком случае, амурская спираль, как мы теперь знаем, не только спирали, известной в раннеземледельческой культуре яншао в бассейне реки Желтой. Спиральная и криволинейная орнаментика в целом была достоянием широкого круга племен Тихоокеанского бассейна, в том числе обитавших далеко к югу от Амура, в островном мире южных морей: в Полинезии, на Новой Зеландии. В частности, на островах Новой Зеландии, у маори, пышно расцвела именно такая криволинейная орнаментика.

В каждом труде по общей этнографии можно видеть покрытые спиральной орнаментикой татуированные лица маорийских вождей, а также статуи богов и предков, архитектурные сооружения из дерева и различные предметы быта, украшенные причудливым, поистине роскошным спиральным узором. И не менее важно, что маски-личины амурских петроглифов, в том числе выполненные спиралью, прослеживаются в том же направлении от устья Амура и вплоть до Австралии. Нам известно и имя того божества, которое изображалось на островах южных морей в виде подобных личин. Это творец мира у полинезийцев, их верховное божество и «культурный герой» Маке-Маке. Существенно, что в мифах это божество выступает в облике черепа. Так перед нами снова и снова появляются маски-черепа, знакомые по базальтовым глыбам Сакачи-Аляна, по изображениям на шереметьевских скалах на берегах Уссури.

Общее направление древнейших культурных связей ведет нас как бы в обход континентальных областей Восточной Азии, в том числе бассейна реки Хуанхэ³. Оно идет на юг вдоль островной цепи Тихого океана, огибая широкой дугой его побережье.

Выражение «побережье Тихого океана» при этом имеет и еще более широкое значение. По ту сторону океана, вдоль побережья Северной Америки, начиная от Аляски, от острова Кадьяк и до Британской Колумбии, до острова Ванкувер, распространены петроглифы, неожиданно близкие к амурским по технике исполнения, по расположению на прибрежных валунах и по своему содержанию. Здесь местами встречаются личины, а также чашечные камни и парциальные личины, одинаковые с сакачи-альянскими! Таким образом, Тихий океан как бы охвачен с двух сторон гигантскими клещами, или дугами, одинаковых петроглифов. Можно даже говорить не только об амуро-уссурийской провинции наскальных изображений, но и о грандиозной по территориальным масштабам тихоокеанской области петроглифов с личинами. Не исключено, что такое сходство североамериканских прибрежных петроглифов с амурскими является новым свидетельством древнейших контактов меж-

³ В долине реки Хуанхэ нечто похожее на личины-маски известно только в одном-единственном поселении Баньпо. Но там это явно случайный, изолированный сюжет. Вероятнее всего, результат влияния, идущего с побережья Тихого океана.

ду Азией и Америкой, контактов, опять-таки именно прибрежных, затрагивающих внутриконтинентальных областей обоих материков — Азии и Америки.

Что же касается конкретно материковых районов Восточной Азии то ясно, что как петроглифы амурского типа, так и спираль в орнаментике были внутренне чужды мировоззрению архаического Китая. Спираль была для его искусства не основным элементом, а наносным, чуждым идеологии первобытного земледельца. Сердцу и уму его она ничего не говорила. Зато в прямой связи с его мыслями, с его надеждами и чаяниями, с его борьбой за урожай находились другие, гораздо более важные для него символы аграрной магии. Таковы, например, рыбы (Баньпо) с их бесчисленными икринками — символ плодородия, или тыквы — точно так же до отказа начиненные семенами. Ни в мифах, ни в фольклоре китайцев нет ничего, что помогло бы расшифровать утраченный при заимствовании смысл спирали, — настолько чужда она была всему строю их художественного мышления.

Зато на Амуре все обстоит совершенно иначе. Неолитическая спираль не только дожила здесь до наших дней, но и сохранила в современных орнаментах свой первоначальный смысл.

Нанайцы, например, до сих пор пекут лепешки, на которых отпечтаны спиральные узоры, заканчивающиеся явственно очерченными... головками змей!

Змен эти на священных лепешках нанайцев «вьются» не случайно. В мифах сибирских народов змея была вовсе не символом зла, мрака и смерти. Когда-то это был образ доброго, благодетельного божества, великого солнечного змея «мудура», властителя неба и вод. Как рассказывается в легендах, ему принадлежала важная роль в первоначальном устройстве земли, некогда сплошь покрытой водой. Это он, мудрый и могучий змей общетунгусского фольклора, вместе с мифическим «мамонтом» пропахал долины для рек и спустил в них воды.

«Связь времен», таким образом, не прервалась окончательно. В этнографической культуре нанайцев и соседних с ними народностей Нижнего Амура до нас дошли следы отдаленной древности, реликты изначальной культуры их предков. Жизненная сила этой культуры такова, что она не только уцелела, не только прошла сквозь века, но и вошла как составной элемент в новую социалистическую культуру людей нашего времени.

Когда наша экспедиция прибыла в старинное нанайское село Кондон в Комсомольском районе Хабаровского края, мы увидели, что женщины и девушки-нанайки до сих пор украшают свою одежду амурской спиралью, та же спираль украшала стены местного клуба.

И в те же дни здесь, во дворе строящейся школы, в глубоком котловане, вырытом бульдозером, были обнаружены каменный топор и рядом с ним — раздавленный сосуд, украшенный той же нанайской спиралью, что и на стенах колхозного клуба.

В жилищах каменного века в Кондоне оказался и уголь. Радиоуглеродный анализ угля показал, что люди жили здесь в половине третьего тысячелетия до н. э. (4520±60). В другом, самом позднем неолитическом поселке у села Малышево — «на скале» — древние обитатели жили на тысячу лет позже, в половине второго тысячелетия (3590±60).

Следовательно, в наших руках находится надежная датировка нанайской спирали, да и не только ее одной. Почти пять тысячелетий тому назад сложилась основа нанайской орнаментики, оформились ее основные элементы, куда, кроме спирали, вошел хитроумный узор из переплетающихся полосок, «амурская плетенка».

Таким образом, истоки художественного достояния нанайцев и их соседей находятся не там, где их искал Лауфер, не вдали от Амура, а в самой амурской земле.

Об этом свидетельствует не только древность «амурской плетенки» и спирали на нашем Дальнем Востоке, но еще в большей степени то обстоятельство, что эта орнаментика является характерной чертой нижнеамурского неолита, которая отличает его от всех других неолитических культур, существовавших в соседних районах Азиатского материка.

Спирали нет в неолитической орнаментике Кореи, на Ляодуне и в Восточной Монголии. Она, следовательно, не могла проникнуть через эти области на Амур из какого-то иного источника, например из Триполья на Украине или из культуры яншао в долине реки Желтой. Этой гипотезе препятствуют огромные «пустые» пространства, где нет спирали, отделяющие эти области от Амура.

Нельзя не сказать о культурно-исторических контактах древнего населения долины Амура с другими областями Азии, об орнаменте керамики протоайнской неолитической культуры дзёмон на Японских островах. Таков, например, сосуд из неолитического поселения Нисэко на острове Хоккайдо, где в чисто амурском стиле (и на сосуде, по своей форме похожем на амурские!) выполнены из спиралей два широких горизонтальных пояса. Сосуд этот представляет собой, очевидно, произведение древнего протоайнского гончара, решившего подражать поразившему его амурскому образцу.

Любопытно также и то обстоятельство, что в раннем дзёмоне Японских островов широко распространены сосуды ведрообразной или усеченно-конической формы, покрытые вертикальным гребенчато-пунктирным узором. Со временем, на позднем этапе культуры дзёмон, там же широко распространяется орнамент, имеющий в своей основе спираль. Все это — свидетельство древних контактов между протоайнскими племенами, с одной стороны, и обитателями долины Амура — с другой.

Влияние мощного художественного и культурного центра на Нижнем Амуре сказывалось, впрочем, и на материке. Отдельные сосуды, украшенные спиральным узором, встречаются в Приморье: в 1971 году целый такой сосуд обнаружен у города Находка в неолитическом поселении местной неолитической культуры. При раскопках Андерсона в юго-западной Маньчжурии, в знаменитой погребальной пещере Шагодун, этот исследователь нашел фрагменты сосудов, украшенных росписью и вертикальным зигзагом. Сосуды, украшенные вертикальным зигзагом, характерны и для неолитической культуры Чифэна.

Отсюда далее на юг эта орнаментика — вертикальный зигзаг, типичный для Амура, — изредка проникала, вероятно, и в бассейн реки Желтой, о чем свидетельствуют отдельные находки ее образцов в культуре Яншао.

Следует добавить и то, что как в Шагодуне, так и в Чифэне и в других неолитических памятниках этого ареала великолепно представлен так называемый «микролитический» кремневый инвентарь, характерный для Севера, в том числе для Сибири, Монголии, Амура, тогда как в культуре Яншао господствует шлифованный камень.

При этом, разумеется, речь идет именно о связях и взаимовлияниях, о взаимодействии культурных очагов, а не о давлении одной культуры на другую.

В этой связи заслуживает внимания также и вопрос о границах распространения древней палеоазиатской, как я думаю, неолитической культуры Нижнего Амура в чистом ее виде не только в бассейне Нижнего Амура, но и в соседних с ним районах.

Первый такой район — Верхнее Приамурье между Хабаровском и Благовещенском. Здесь, неподалеку от села Новопетровки, в Еврейской автономной области, были сделаны замечательные находки каменных орудий и керамики — шлифованные топоры и другие вещи. Эти орудия, а также керамика полностью совпадают по своему характеру с такими же предметами, найденными во втором таком районе — в неолитических поселениях ниже Хабаровска. Аналогичные предметы — сосуды орнаментированные гребенчато-пунктирным вертикальным зигзагом и спиралью, — были обнаружены местными краеведами в 20-х годах на Красной Речке в городе Хабаровске.

Еще более замечательные вещи были найдены при раскопках на левом берегу реки Уссури, в селе Шереметьевском, неподалеку от знаменитых наскальных изображений, описанных впервые Р. Мааком и Альфтаном. Шереметьевские находки самым наглядным образом показывают, кто обитал в древности в бассейне реки Уссури и какие культурные связи имелись у этих обитателей с другими районами Дальнего Востока.

Здесь, у подножия высокой горы, господствующей над рекой, существовало неолитическое поселение. Из его культурного слоя были извлечены фрагменты сосудов нижеамурского типа, покрытые гребенчато-пунктирным узором, «амурской плетенкой», и иногда несущие на себе следы окраски красной охрой. Каменные изделия представлены односторонне — выпуклыми в сечении, массивными теслами, характерными для поселения на Нижнем Амуре, на острове Сучу у Марининска. Там же были найдены крупные сверленные камни-палицы для умерщвления крупной рыбы. Есть здесь и мелкие кремневые орудия, тщательно отделанные ретушью.

В долине реки Уссури, следовательно, жили племена нижеамурской неолитической культуры, древние палеоазиаты, предки нынешних нивхов, ульчей и нанайцев.

Для понимания глубинных истоков неолитического орнамента Нижнего Амура, для раскрытия внутренних семантических закономерностей этого орнамента интересна не только спираль, но и второй основной его элемент — «амурская плетенка». На лучших образцах такого узора ясно видно, что переплетающиеся рельефные полоски плетенки образуют ячейки сети. Что же может быть ближе рыбаку, чем рыболовная сеть? Орнаментальная сеть-плетенка, следовательно, повторяет в обобщенном орнаментализированном виде реальную рыболовную сеть!

Такую же вполне отчетливую связь с реальными явлениями рыбацкой жизни можно видеть и в другом, тоже широко распространенном узоре в виде чешуи. Прототипом для такого узора и на самом деле должна была послужить настоящая рыба чешуя.

С мироощущением рыболовов связан и упоминавшийся узор в виде вертикальных зигзагов, или, как его неправильно иногда называют, «елочки». Зигзаг с такой же отчетливостью, как «плетенка», изображает сеть, передает движение водяной струи.

Все эти характерные элементы древней амурской орнаментики комплексно присутствуют в орнаменте современного коренного населения долины Амура — нанайцев, ульчей, нивхов.

Но самым важным является то, что археология свидетельствует не только о непрерывности в ходе тысячелетий исторического процесса у местных племен Амура, но и показывает, как конкретно шел поступательный ход развития их культуры.

Здесь можно поставить последнюю точку, сделать завершающий вывод принципиального значения.

Коренные народности Амура и их культура имеют глубокие исторические корни именно на своей земле. Они являются прямыми наследниками созданной их предками, оригинальной и по-своему высокой в тех конкретных исторических условиях художественной культуры, замечательными памятниками которой являются описанные выше наскальные изображения Сакачи-Аляна.

* * *

В последнее время в КНР все активнее обсуждаются вопросы, связанные с новыми археологическими «открытиями» в приграничных районах Китая. Как правило, эти обоснования выливаются в пропагандистскую кампанию, призванную оправдать притязания маоистов на некоторые территории соседних стран, главным образом Советского Союза. Фальсифицированные «новинки» китайской археологии извлечены маоистами на свет с определенными целями: с одной стороны, «научно подтвердить» великоханьские концепции о существовании «вечного» китайского государства, границы которого якобы когда-то распространялись на некоторые территории сопредельных стран, а с другой — перечеркнуть историческое прошлое и национальную самобытность многочисленных некитайских народов, живущих на территории современного Китая. Такая антинаучная, антимарксистская постановка вопроса полностью противоречит подлинной истории самого Китая и сопредельных с ним государств, как существующих ныне, так и исчезнувших под воздействием китайской экспансии.

Естественно, нельзя отрицать того факта, что часть находок, обнаруженных в местах интенсивных земляных работ в приграничных районах КНР, напоминают остатки древней китайской культуры. Но их нельзя признать достаточной основой для выводов, предлагаемых сейчас китайскими учеными. Тем более, что эти находки весьма незначительны по сравнению с огромным археологическим материалом, собранным китайскими и зарубежными археологическими экспедициями в Китае в период с начала XX века, и особенно в первое десятилетие после создания КНР, а этот богатейший материал свидетельствует о другом.

Великий процесс становления человека и первоначального освоения им планеты не ограничивался на Востоке одним Китаем, а охватывал и другие пространства, переставшие быть безлюдной пустыней уже сотни тысяч лет тому назад, в эпоху нижнего палеолита.

Старое деление народов на «исторические» и «внеисторические», взгляд на мировой культурно-исторический процесс с точки зрения «евроцентризма» и «азицентризма» выглядят в свете новейших научных открытий совершенно неправомерными. Стремление приписать какому-нибудь одному народу Азии роль гегемона в политической и культурной истории этой части света не имеет под собой никакой почвы.

В этой журнальной статье пришлось по необходимости ограничиться определенными хронологическими рамками начальных этапов исторического прошлого Дальнего Востока — каменным веком.

Разумеется, археология при содействии летописной истории вносит свой и весьма существенный вклад в освещение и последующих исторических событий на Дальнем Востоке. А они точно так же убедительно свидетельствуют о самобытности культур народов Дальнего Востока, об их политической и экономической суверенности. Более того, чем дальше, тем сильнее проявляется их активная роль в истории.

К 50-летию второго съезда Коммунистической партии Китая

*В. И. Глушин,
кандидат исторических наук*

Одним из важнейших результатов развития революционных процессов в Китае под влиянием Октября было распространение марксизма и образование Коммунистической партии Китая. В июле 1921 года небольшая группа китайских коммунистов собралась на свой первый съезд в Шанхае. Большую помощь в подготовке и проведении I съезда КПК оказал Коминтерн.

Главными задачами съезда были выработка программных и политических основ партии и ее организационное оформление в качестве боевой политической партии китайского пролетариата. После острой борьбы с «легальными марксистами» и левыми сектантами I съезд принял решения, закреплявшие пролетарский характер партии и установку на социалистическую революцию и завоевание диктатуры пролетариата. В качестве ближайших задач партии решениями съезда предусматривалось сосредоточить основное внимание на организации классовых профсоюзов и политическом просвещении рабочих, подготовке кадров профдвижения, а также на участии в политической борьбе за демократические права и свободы. Вместе с тем съезд принципиально отвергал всякое сотрудничество с другими партиями, как и участие в парламентской борьбе.

Историческая заслуга I съезда КПК состояла в том, что он официально провозгласил создание партии китайского пролетариата, заложил организационные основы партии и определил ее конечные программные цели, положил начало соединению марксизма с китайским рабочим движением.

Следующий, второй съезд КПК в истории коммунистического и рабочего движения в Китае имел не меньшее значение, чем ее первый, учредительный съезд. Принятые вторым съездом программные и тактические решения заложили основы стратегии и тактики партии в буржуазно-демократической революции. Особое значение в китайских условиях имело то обстоятельство, что в документах съезда были воплощены принципиальные положения об исторической освободительной миссии рабочего класса, о единстве внутренних и международных революционных сил в общей антиимпериалистической борьбе, идеи пролетарского интернационализма.

II съезд КПК собрался в обстановке нараставшего подъема национально-освободительного и рабочего движения, основными источниками

ми которого были влияние Великой Октябрьской социалистической революции, усилившаяся экспансия империалистических держав в Китае, дальнейшее развитие китайского капитализма, углубление социально-экономического и политического кризиса феодально-милитаристского строя.

Несмотря на свою малочисленность и слабость, молодая партия китайских коммунистов сразу же после своего первого съезда (июль 1921 г.) активно включилась в революционную борьбу. Небольшому отряду китайских коммунистов, благодаря помощи и советам Коминтерна и его представителей в Китае всего лишь за год удалось проделать значительную по тогдашним масштабам работу. Был образован Всекитайский секретариат профсоюзов, развернувший энергичную деятельность по созданию классовых организаций пролетариата. В мае 1922 года под руководством коммунистов был созван первый съезд профсоюзов Китая. Одновременно состоялся также учредительный съезд Социалистического союза молодежи Китая. Завязались первые контакты коммунистов с гоминьданом и его вождем Сунь Ят-сеном, в мировоззрении и политической практике которого происходили важные прогрессивные сдвиги. Вдвое выросла численность партии.

В этот же период устанавливаются организационные и политические связи между КПК и Коминтерном. Представитель китайских коммунистов Чжан Тай-лэй присутствовал и выступил с речью на III конгрессе Коминтерна (июнь — июль 1921 г.)¹. Большая группа китайских коммунистов (Цюй Цю-бо, Чжан Тай-лэй и др.) приняла участие в работе съезда народов Дальнего Востока, состоявшегося в Москве и Петрограде в январе — феврале 1922 года. Во время пребывания в Советской России китайские коммунисты получили возможность лично ознакомиться с программными документами Коминтерна, встретиться с ведущими деятелями международного коммунистического движения. Часть китайской делегации на съезде народов Дальнего Востока была принята В. И. Лениным, давшим исключительно ценные рекомендации о тактике национально-освободительного движения в Китае². Съезд народов Дальнего Востока и беседа В. И. Ленина оказали большое влияние на КПК, особенно на решения ее II съезда при выработке программы и тактики партии.

Непосредственным практическим результатом пребывания делегации КПК в Москве было «Заявление Коммунистической партии Китая о современной обстановке» от 15 июня 1922 года³. Этот документ явился первым открытым выступлением КПК перед всей страной с развернутой политической платформой демократической революции. Вместе с тем это была первая попытка выработать партийную программу-минимум, составленную под непосредственным воздействием Коминтерна. Основные положения «Заявления» были одобрены II съездом КПК и вошли в его «Декларацию».

¹ См.: М. А. Персиц. Из истории становления Коммунистической партии Китая (доклад, подготовленный Чжан Тай-лэем для III конгресса Коминтерна, как исторический источник), «Народы Азии и Африки», 1971, № 4, стр. 47—58.

² См.: «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока». Петроград, 1922; Шумяцкий. Из истории комсомола и Компартии Китая «Революционный Восток», 1928, № 4—5, стр. 199—230; Ван Шиц, Ван Цяо, Ма Ци-бин, Чжан Лин. Краткая история КПК (на кит. яз.). Шанхай, 1959, стр. 29—30; Л. П. Делюсин. Аграрный вопрос в политике КПК (1921—1928), М., 1972, стр. 39—49.

³ См.: «Справочные материалы по истории китайской революции», вып. 1 (на кит. яз.). Пекин, 1957, стр. 9—19. Русский перевод «Заявления» вскоре был опубликован в журнале «Новый Восток», 1922, № 2, стр. 606—612.

II съезд КПК проходил нелегально в Шанхае⁴ с 16 по 23 июля 1922 года. В работе съезда принимали участие 12 делегатов, представлявшие 123 члена партии⁵.

Главными вопросами в повестке дня съезда были: принятие программы-минимум партии, которую решено было опубликовать в виде «Декларации II съезда КПК», и тактические проблемы национально-освободительного движения в стране. Съезд принял следующие резолюции:

- о международном положении и КПК;
- о международном империализме и КПК;
- о национальном едином фронте;
- о вступлении КПК в Коммунистический Интернационал;
- о парламентской деятельности;
- о профсоюзном движении и КПК;
- о молодежном движении;
- о женском движении;
- об Уставе КПК⁶.

Съезд принял также решение об издании Центрального органа партии — политического еженедельника «Сяндао» («Проводник»)⁷.

В документах II съезда КПК нашли широкое отражение решения II и III конгрессов Коминтерна, особенно по национально-колониальному вопросу и о тактике завоевания масс.

Основной документ съезда — его «Декларацию» — можно рассматривать и как политическую резолюцию, и как программу-минимум партии⁸.

В «Декларации II съезда КПК» сделана попытка дать марксистский анализ экономического и политического положения страны, структуры китайского общества, характера и движущих сил китайской ре-

⁴ По другим данным — в Ханчжоу. См.: Ху Цяо-му. Тридцать лет Коммунистической партии Китая. Пекин, 1952, стр. 7.

⁵ Ли Синь, Пэн Мин, Сунь Сы-бо, Цай Шан-сы, Чэнь Сюй-лу. История Китая в период новодемократической революции (на кит. яз.). Пекин, 1962, т. I, стр. 130. По другим данным — 20 делегатов от 195 членов партии. См.: Ван Шэ и др. Краткая история Коммунистической партии Китая, стр. 30; С. Калачев. Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии, «Кантон», 1927, № 1 (10), стр. 47; А. И. Картунова. Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение в Китае (1917—1927 гг.), «Новая и новейшая история», 1967, № 6, стр. 23.

⁶ Ли Синь и др. История Китая в период новодемократической революции, т. I, стр. 130—131. Решения II съезда КПК, кроме «Декларации», в течение длительного времени не публиковались ни в Китае, ни за его пределами. Впервые эти документы (вместе с решениями I съезда партии) были опубликованы в США в качестве приложения к магистерской диссертации участника I съезда КПК Чэнь Гун-бо (впоследствии реакционный гоминьдановский деятель), написанной им в 1924 г. в Колумбийском университете. Диссертация, более 30 лет пролежавшая в библиотеке университета, была разыскана и издана в 1960 г. известным американским китаеведом М. Уилбуrom. Как удалось установить, документы эти подлинные и публикуются без существенных искажений. В данной статье автор использует публикацию М. Уилбура. См.: «The Communist Movement in China». An Essay written in 1924 By Ch'en Kung-po. Edited with an Introduction By C. Martin Wilbur. N. Y., 1960, p. 111—144.

⁷ Ли Синь и др. История Китая в период новодемократической революции, т. I, стр. 132; Хэ Гай-чжи. История современной китайской революции, М., 1959, стр. 87. Журнал «Сяндао» — первый легальный центральный политический орган КПК — выходил с 13 сентября 1922 г. по 18 июля 1927 г. (всего вышел 201 номер); главными редакторами журнала были в разное время Цай Хэ-сэнь, Цюй Цю-бо, Пэн Шу-чжи.

⁸ Текст «Декларации» см.: «Справочные материалы по истории китайской революции», вып. I, стр. 20—35.

волюции и на этой основе сформулировать программу-минимум и тактические принципы партии. В «Декларации» были учтены ленинские идеи по национально-колониальному вопросу, одобренные II конгрессом Коминтерна. В отличие от I съезда, на котором в центре внимания были самые общие принципы коммунизма, II съезд КПК попытался определить задачи партии с учетом, правда весьма приблизительно, конкретно-исторического положения Китая. Причем эта попытка базировалась не столько на экономическом (это было тогда просто не по силам китайским коммунистам), сколько на политическом анализе. «Декларация» свидетельствует о понимании особенностей положения Китая как нации угнетенной, «полуколониальной», что нашло свое выражение в установке на поддержку буржуазно-демократических сил в борьбе против империализма и феодализма; из общего понятия «народные интересы» отчетливо выделены интересы трудящихся — пролетариата и беднейшего крестьянства; очень резко и категорично подчеркнута необходимость безусловно сохранять идеологическую и организационную самостоятельность пролетарского движения.

Эти общие положения «Декларации» были конкретизированы в других решениях съезда применительно к различным аспектам деятельности КПК.

В документах II съезда КПК дана классовая оценка китайской революции как революции антиимпериалистической («национальной») и антифеодальной («демократической»), то есть буржуазно-демократической по своему характеру. Из этого основного момента и исходил II съезд, определяя новую тактическую установку партии на единый фронт, на поддержку буржуазно-демократического национально-революционного движения китайским пролетариатом. При этом участие пролетариата в демократической революции и едином фронте рассматривалось съездом прежде всего с точки зрения конечных программных целей КПК. В документах съезда содержалось положение о «двух этапах борьбы» пролетариата и об условиях перерастания демократической революции в социалистическую: первая рассматривалась как «необходимый шаг» в подготовке реальных сил пролетариата для завоевания «диктатуры пролетариата и бедного крестьянства»⁹. Съезд полагал, что «при организованных силах и крепкой боевой мощи пролетариата этот второй этап борьбы может завершиться тотчас же вслед за победой демократической революции»¹⁰.

Установка на поддержку революционного буржуазно-демократического движения и создание единого национального демократического фронта стала в исторической перспективе основным принципиальным и тактическим решением II съезда КПК.

Тактика единого фронта рассматривалась II съездом как «временный союз» разнородных социальных и политических сил для борьбы против общего врага — империализма и милитаризма — и завоевания победы буржуазно-демократической революции. В социальном плане это был союз главным образом между пролетариатом и примыкающим к нему «бедным крестьянством» с буржуазией, в политическом — между компартией и гоминьданом. В оценке революционных потенций китайской буржуазии и гоминьдана II съезд сделал значительный шаг вперед по сравнению с учредительным съездом партии, заявив: «Молодая китайская буржуазия в состоянии сплотить силы во всей стране и выступить против иностранного империализма и продажного

⁹ «Справочные материалы по истории китайской революции», вып. 1, стр. 33.

¹⁰ Там же.

правительства Пекина». Гоминьдановское правительство в Кантоне оценивалось съездом как «пример демократического движения просвещенной буржуазии Китая»¹¹.

В документах II съезда категорически подчеркивалась необходимость сохранения полной политической и организационной самостоятельности пролетариата в едином фронте. «Присоединение» пролетариата к национально-революционному движению, указывал съезд, «не означает нашего подчинения националистам, которые представляют только буржуазию, не означает нашего превращения в их вассалов... Пролетариат должен присоединиться к националистам и оказывать им поддержку, но ни в коем случае не уступать контроля над своей собственной партией, поскольку партия националистов не представляет пролетариат и не борется за интересы пролетариата. Напротив, пролетариат должен создать пролетарскую партию под знаменем КПК и бороться за интересы своего класса самостоятельно»¹².

Особый упор в документах II съезда КПК на самостоятельность и независимость пролетариата в едином фронте был вполне оправдан в условиях, когда только что возникшая, слабая, малочисленная и не имевшая еще опоры в массах компартия вступала в сотрудничество с весьма влиятельной, хотя и аморфной в политическом и организационном отношении, буржуазно-помещичьей национально-революционной партией гоминьдан. При таком соотношении сил опасность растворения КПК в буржуазно-националистическом движении была вполне реальной и поэтому вызывала у коммунистов законную защитную реакцию. Но в дальнейшем своем развитии эта тенденция нередко приводила к сектантскому подходу части коммунистов к проблемам единого фронта.

Вопрос о гегемонии в революции и политическом руководстве единым фронтом на II съезде не ставился. Правда, в «Декларации» содержался тезис о том, что в перспективе «рабочий класс может быть вождем революции и той силой, которая свергнет мировой капиталистический империализм в Китае»¹³. Однако ни в самой «Декларации», ни в других резолюциях съезда этот тезис не получил обоснования и развития и может считаться повторением общих теоретических тезисов Коминтерна. Попытки китайской историографии трактовать эту фразу как первую постановку вопроса о гегемонии пролетариата в революции (в перспективе) не имеют под собой достаточных оснований.

Съезд также принял политическую платформу единого фронта из 7 пунктов, изложенную в «Декларации» и резолюции «Международный империализм и КПК». В основу платформы были положены «неотложные меры», предложенные в первом «Заявлении КПК о современной обстановке» от 15 июня 1922 года.

Самой существенной чертой платформы единого фронта, одобренной II съездом, был ее решительный антиимпериалистический тон. Если «Заявление» требовало, по существу, лишь ограничения империалистического хозяйничанья в Китае и частичного восстановления его суверенитета, главным образом в экономике, то II съезд КПК в качестве первоочередной «боевой цели» партии определил «свержение гнета международного империализма, достижения полной независимости китайской нации»¹⁴.

В «Декларации» съезда были сформулированы как общедемократические и национальные требования (ликвидация внутренних войн.

¹¹ «Справочные материалы по истории китайской революции», вып. 1, стр. 31.

¹² «The Communist Movement in China», p. 127.

¹³ «Справочные материалы по истории китайской революции», вып. 1, стр. 32.

¹⁴ Там же, стр. 33.

свержение милитаризма, установление мира в стране, политическое объединение Китая, свержение гнета международного империализма и обеспечение полной независимости китайской нации, создание подлинно демократической республики и т. д.), так и требования, направленные на защиту интересов рабочих и крестьян: предоставление трудящимся всех демократических свобод, введение прогрессивного рабочего законодательства, отмена подушного и других обременительных налогов, введение общих для города и деревни земельного и прогрессивного налогов, принятие законодательства об ограничении арендной платы¹⁵.

Аграрно-крестьянский вопрос был, безусловно, самым главным и вместе с тем самым сложным и самым трудным вопросом китайской революции. Аграрная теория марксизма, сложившаяся преимущественно на классическом европейском материале, давала для специального анализа аграрного вопроса в Китае лишь общие отправные положения. Марксистско-ленинская теория не могла быть просто механически «применена» к специфическим китайским условиям, а должна была получить дальнейшее развитие. В 20-е годы теоретическая и тактическая разработка аграрно-крестьянского вопроса в Китае велась преимущественно на уровне Коминтерна и в гораздо меньшей степени в самой КПК.

Это, разумеется, не значит, что КПК вначале игнорировала крестьянство. Подчеркивая свой пролетарский характер, партия уже на своем I съезде заявила, что берет на себя также защиту сельскохозяйственных рабочих и солдат, включив в свою программу требование обобществления земли. II съезд сделал новый шаг в этом направлении. В документах съезда уже можно обнаружить первую попытку теоретически осмыслить место крестьянства в революции и сделать из этого соответствующие тактические выводы.

«Самым главным фактором революционного движения, — говорилось в «Декларации» съезда, — надо считать триста миллионов крестьян Китая»¹⁶. Несомненной заслугой съезда была постановка, хотя и в самой общей форме, проблемы союза рабочего класса и крестьянства как решающего условия победы революции. Если «крестьяне-бедняки» (т. е. 95% сельского населения страны) «смогут осуществить революцию совместно с рабочими, революция в Китае увенчается успехом»¹⁷. Удачей КПК явилось и выдвижение ею требования о снижении арендной платы. Как показал последующий ход китайской революции, это требование оказалось максимумом осуществимого в деревне в условиях национального единого фронта. Снижение арендной платы оставалось неперемennым элементом аграрной политики КПК вплоть до полного упразднения феодально-помещичьего землевладения в конце 40-х — начале 50-х годов.

При анализе экономического строя страны наибольшее внимание было уделено засилью иностранного капитала, а также китайской буржуазии, но совершенно не упоминалось о феодальном землевладении и других формах феодальных отношений. Господство феодальных сил связывалось лишь с феодальным государством в лице милитаристов и бюрократии. Поэтому для буржуазно-демократического этапа революции II съезд КПК не ставил задачу коренной ломки существующего экономического строя, ограничиваясь требованиями частичных реформ

¹⁵ «Справочные материалы по истории китайской революции», вып. 1, стр. 33, 34.

¹⁶ Там же, стр. 31.

¹⁷ Там же, стр. 32.

и оставляя экономический переворот для пролетарской революции. С точки зрения общей платформы национального единого фронта это может быть, было и правильно, но для программы-минимум коммунистической партии полуфеодальной страны этого было явно недостаточно¹⁸.

В политической платформе единого фронта была также впервые сформулирована национальная политика КПК. Исходя из принципа самоопределения наций, съезд предложил три стадии решения национального вопроса в Китае:

1) «объединение основной части Китая (включая три восточные провинции)¹⁹ в действительно демократическую республику»;

2) «Монголия, Тибет и Синьцзян осуществляют автономию и становятся демократическими автономными единицами»;

3) «Объединение основной части Китая, Монголии, Тибета, Синьцзяна на принципах свободного союза и создание Китайской Федеративной Республики»²⁰. Для тогдашнего Китая это была наиболее последовательная революционно-демократическая программа решения национального вопроса. Вместе с тем нетрудно заметить, что ленинский принцип самоопределения наций толковался II съездом ограничительно: право на отделение рассматривалось только как временное явление и в конечном счете сводилось лишь к праву на автономию в пределах федеративного китайского государства. Это видно и из обоснования права Монголии, Тибета и Синьцзяна на автономию их чисто экономическими отличиями от собственно Китая («исходя из принципа разнородности экономических условий»)²¹.

Съезд наметил процедуру создания единого фронта. Было подтверждено содержавшееся в «Заявлении» от 15 июня 1922 года предложение гоминьдану провести предварительное совещание с участием Союза социалистической молодежи с целью подготовки конференции всех революционно-демократических группировок для выработки общей программы единого фронта. Что касается формы единого фронта, то съезд обошел молчанием предложение о вступлении коммунистов в гоминьдан. Альтернативой этому предложению можно считать призыв к профсоюзам, крестьянским объединениям, ассоциациям торговцев, учителей, студентов, политическим женским союзам, клубам юристов и издателей, к членам парламента, «сочувствующим коммунизму», создать так называемый «демократический союз»²². Иными словами, II съезд стоял на точке зрения так называемого «внепартийного» сотрудничества КПК и ССМК с гоминьданом, дополненного «демократическим союзом» общественных организаций всех социальных групп, способных принять участие в революции.

Подводя итог решениям II съезда КПК о едином фронте, можно сказать, что тактика единого фронта воспринималась в то время многими членами КПК скорее декларативно, нежели практически. Главной практической задачей молодая компартия по-прежнему считала завоевание, организацию, сплочение и политическое воспитание рабочего класса. Именно проблемы рабочего движения и тесно связанные с ним проблемы партийного строительства были наиболее детально разработаны в решениях II съезда.

¹⁸ Оценку аграрной программы II съезда см.: Л. П. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, стр. 60—61.

¹⁹ То есть Маньчжурии.

²⁰ «Справочные материалы по истории китайской революции», вып. 1, стр. 33—34.

²¹ Там же.

²² «The Communist Movement in China», p. 128.

II съезд снова решительно подтвердил стремление КПК стать подлинной пролетарской партией. Эта мысль проходит красной нитью буквально через все резолюции съезда. Наиболее полно она сформулирована в «Резолюции об Уставе КПК»: «Коммунистическая партия не является ни интеллигентской марксистской группкой, ни кучкой оторванных от масс революционных фанатиков. Мы должны быть настоящей политической партией, созданной пролетарскими массами, проникнутой революционным духом, готовой бороться за интересы пролетариата и быть руководителем пролетарского революционного движения»²³.

Ориентируя партию в первую очередь на работу среди пролетариата и предвещая ему великое революционное будущее, II съезд КПК вместе с тем вполне трезво оценивал тогдашнее состояние рабочего движения. В резолюции «Профсоюзное движение и КПК» говорилось: «Борьба рабочего класса проявляется лишь в спорадических выступлениях, ограниченных специфическими условиями того или иного ремесла или фабрики. Эти движения не являются общенациональными. Рабочие организации слабы, а союзы не очень многочисленны. Признав эти недостатки, Коммунистическая партия Китая должна сосредоточить внимание на расширении и правильном направлении рабочего движения»²⁴.

Съезд определил основные направления работы партии среди рабочего класса как на основе собственного небогатого еще опыта, так и «учитывая результаты современного европейского рабочего движения». Съезд недвусмысленно осудил сектантские тенденции в профдвижении. Съезд указал, что если партия «является авангардом пролетариата», то «профсоюз — это объединение всех рабочих (независимо от их политических убеждений)»²⁵. Руководствуясь лозунгом III конгресса Коминтерна «В массы!», съезд поставил перед партией конечную задачу охватить коммунистическим влиянием все отряды пролетарских и полупролетарских масс Китая.

Первым шагом в этом направлении должно было быть вовлечение в классовые профсоюзы наиболее передовых групп китайского пролетариата — железнодорожников, моряков, металлистов и текстильщиков. Затем предстояло завоевать профсоюзы, организованные гоминьдановцами, анархистами или христианами, проникнуть в цеховые организации, в том числе и в те, которые «основаны буржуазией для обмана рабочих». Словом, партия должна была развернуть работу всюду, где есть рабочие массы.

Тактика партии заключалась в том, чтобы проникнуть в гоминьдановские, анархистские и христианские профсоюзы, «усилить свое влияние в этих профсоюзах настолько, чтобы рабочие смогли изгнать националистическое, анархистское или христианское руководство и взять руководство союзом в свои руки»²⁶. Коммунистам запрещалось агитировать рабочих за выход из этих профсоюзов.

Съезд, таким образом, ориентировал партию на единство рабочего движения. В соответствии с тактикой рабочего и национального единого фронта съезд постановил, что «в борьбе за улучшение жизненных условий рабочих, мы, коммунисты, должны быть готовыми к сотрудничеству с националистами, анархистами и даже представителями хри-

²³ «The Communist Movement in China», p. 138.

²⁴ Ibid., p. 130.

²⁵ Ibid., p. 138.

²⁶ Ibid., p. 133—134.

стианской партии в любое время. Но в то же время мы должны дать им понять, что только коммунистическая партия является настоящей политической партией рабочих и всех трудящихся»²⁷.

На съезде были также подвергнуты критике анархо-синдикалистские ошибки в работе коммунистов в профдвижении, стремившихся ограничить деятельность профсоюзов только борьбой за улучшение материального положения рабочих. «Некоторые из наших товарищей часто полагают, что профсоюзы должны стоять вне политики. Это анархо-синдикалистский уклон и грубая ошибка... Профсоюзы должны вести политическую борьбу за национальную независимость, за гражданские права и свободы (включая всеобщее избирательное право и законодательное признание права на забастовки). Они должны играть самостоятельную и важную роль в национальном едином фронте». Как классовая пролетарская «боевая организация», каждый профсоюз должен быть в кратчайший срок превращен в «тесно сплоченную, централизованную, дисциплинированную единицу на предприятии»²⁸.

Съезд особо подчеркнул, что «коммунистическая партия является фактическим руководителем профсоюзов и рупором пролетариата. Она должна создать свои сильные группы в профсоюзах, заводских комитетах и других организациях трудящихся, не упуская из виду ни одну из них». Специфическую задачу партии в профдвижении съезд видел в том, чтобы «развивать у рабочих классовое сознание», воспитывать их «в духе общих идей коммунизма». В то же время коммунисты должны активно бороться за улучшение экономического положения рабочих, за улучшение условий труда, за прогрессивное рабочее законодательство»²⁹.

Общие принципы и тактику профдвижения, выработанные II съездом КПК, следует признать наиболее удачными решениями.

Большое внимание съезд уделил вопросам партийного строительства. I съезд заложил лишь первый камень в организационный фундамент партии. II съезд в основном завершил разработку организационных принципов партии и принял фактически первый Устав КПК. Содержание «Резолюции об Уставе КПК» и сам Устав свидетельствуют о том, что съезд взял курс на строительство партии по большевистскому образцу. Указав, что «мы являемся борющейся политической партией пролетариата», съезд принял установку на превращение КПК в «большую массовую партию». Отсюда и сформулированные съездом «два основных закона»: «1) Вся деятельность коммунистической партии должна быть связана с широкими массами трудящихся. Коммунисты должны распространять свои идеи во всех слоях трудящихся. 2) Основная задача руководящих органов партии — внедрение дисциплины и подготовка членов партии к революционным действиям»³⁰.

Конкретные условия становления КПК — отсутствие давних пролетарских традиций, мелкобуржуазное окружение, интеллигентский состав и значительное влияние анархизма и партикуляризма — требовали особого акцента на строгой централизации, сплоченности и дисциплине. Партия, говорилось в резолюции об Уставе, должна строиться как «серьезная централизованная, дисциплинированная организация... Во избежание анархии партия должна подчиняться централизованному и железному закону... Партия должна приучить каждого товарища

²⁷ Ibid., p. 134.

²⁸ Ibid., p. 131—132.

²⁹ Ibid., p. 130—133.

³⁰ Ibid., p. 138.

к почти военной дисциплине... Наша организация должна быть строго централизованной и хорошо подготовленной»³¹.

При таком положении принципы демократического централизма, нормы внутривнутрипартийной демократии отходили на задний план. В документах первых съездов КПК употребляется только слово «централизм», а термин «демократический централизм» нигде не встречается.

Устав КПК, принятый II съездом, покончил с влиянием легального марксизма, сказывавшегося на документах I съезда, сформулировав первый пункт о членстве в партии в большевистском духе. Всеитайский съезд объявлялся «высшим органом партии», а в промежутках между съездами эту роль выполнял Центральный Исполнительный Комитет в составе 5 членов и 3 кандидатов³². Съезды партии, согласно Уставу, должны были созываться ежегодно. До VI съезда партии включительно это уставное требование выполнялось лишь с небольшими отклонениями.

Особенностью первого Устава КПК было то, что он не предусматривал кандидатского стажа. На практике кандидатский стаж проходил фактически в Союзе социалистической молодежи, что способствовало тенденции к превращению его в параллельную партию (в ССМК принимались лица без ограничения возраста). Кстати, хотя в резолюции II съезда о молодежном движении указывалось, что ССМК «должен всегда находиться под контролем Коммунистической партии Китая», но фактически съезд признавал ССМК «независимой партией». Об этом же говорит и раздел той же резолюции об организационных формах связи между КПК и ССМК. «В целях поддержания тесного контакта между этими двумя партиями и обеспечения координации их действий съезд считает необходимым обмен представителями для переговоров на различных уровнях»³³.

II съезд принял официальную резолюцию о вступлении КПК в Коминтерн; в других резолюциях предусматривалось вовлечение профсоюзного, молодежного и женского движения в Китае в сферу влияния Профинтерна, КИМ и Международного женского секретариата при Коминтерне. Эти принципиальные решения II съезда КПК свидетельствовали о возросшем влиянии интернационалистского направления в партии. Хотя термин «пролетарский интернационализм» не фигурировал в документах съезда, но идея пролетарского интернационализма нашла в них широкое отражение. В «сплочении воедино» двух потоков мировой революции, «обеих революционных сил», выступающих «против капитала и империализма» — «пролетарской революции и национальной революции», — делегаты II съезда видели «единственный путь» к освобождению Китая. «...Антиимпериалистическое движение в Китае, — говорилось в «Декларации» съезда, — несомненно, войдет в поток революций угнетенных народов всего мира и сольется с революционным движением мирового пролетариата»³⁴.

Эта же идея отражена и в резолюции «Международное положение и КПК», где сформулирован лозунг защиты Советской России. «Советская Россия, — говорилось в резолюции, — первое в мире государство рабочих и крестьян. Это родина пролетариата и трудящихся масс; это штаб рабочих и крестьян всего мира, бросающих вызов всем империалистическим странам. В настоящее время мировой капитализм все еще

³¹ "The Communist Movement in China", p. 138—139.

³² В Центральный Исполнительный Комитет, избранный съездом, вошли пять человек: Чэнь Ду-сю (генеральный секретарь), Ли Да-чжао, Чжао Го-тао (ответственный за оргработу), Цай Хэ-энь (ответственный за пропаганду), Гао Цзюнь-юй.

³³ "The Communist Movement in China", p. 136.

³⁴ «Справочные материалы по истории китайской революции», вып. 1, стр. 28.

силен и не прекращает своих нападков на Россию, поэтому рабочий класс и трудящиеся массы должны стараться защищать ее насколько позволяют силы»³⁵.

II съезд КПК получил в целом весьма высокую оценку и в китайской историографии, несмотря на отсутствие на съезде Мао Цзэ-дуна. Причину этого надо, видимо, искать в том, что, подкрепляя маонистский тезис, впервые выдвинутый в решении ЦК КПК в связи с роспуском Коминтерна в 1943 году, о совершенно самостоятельном возникновении и развитии КПК «без малейшего вмешательства извне» (т. е. вне связи с мировым коммунистическим и рабочим движением, без поддержки Коминтерна и Советской России), китайская историография вынуждена давать завышенные оценки первым шагам китайских коммунистов на политическом поприще. В то же время, сознательно фальсифицируя историю партии в угоду культуре личности Мао Цзэ-дуна, китайская историография неизменно приписывает различного рода «ошибки» первым шести съездам КПК, проходившим либо в отсутствие Мао, либо без его руководящего участия. Если I съезду инкриминируется только то, что он доверил руководство партией Чэнь Ду-сю, то у II съезда обнаружены уже три серьезные «ошибки»: 1) съезд не дал «четкого указания о том, что пролетариат уже тогда должен был руководить демократической революцией»; 2) «в программе партии не было выдвинуто требование о передаче власти в руки рабочих и крестьян»; 3) не было выдвинуто требование передачи помещичьей земли крестьянам³⁶.

Все эти обвинения совершенно безосновательны, антиисторичны и противоречат марксистской методологии. Они, с одной стороны, игнорируют требование конкретно-исторического подхода к оценке общественных явлений, завышают уровень рабочего и коммунистического движения в Китае на ранних этапах его развития, а с другой, фактически исключают тактику национального единого фронта (в то же время формально одобряя ее).

В целом работа II съезда КПК была весьма продуктивной. Постановления II съезда значительно отличаются от левацкой позиции I съезда (в частности, в вопросе о союзниках пролетариата) и свидетельствуют о том, что за один лишь год, прошедший между двумя съездами, партия проделала заметную эволюцию в сторону правильного понимания задач коммунистов в буржуазно-демократической революции. В этом, несомненно, сказались и результаты той большой работы, которую провел в КПК Коминтерн.

Решения II съезда КПК показывают, насколько плодотворными для китайских коммунистов были сотрудничество и взаимодействие с международным коммунистическим движением.

Длительный исторический опыт КПК неоднократно подтверждал непреходящее значение принципиального ленинского курса на установление теснейших интернациональных связей коммунистического и рабочего движения в развитых странах с коммунистическим и национально-освободительным движением на Востоке. Вместе с тем история КПК со всей убедительностью показывает, что отход, самозащита коммунистической партии от международного коммунистического движения, от его генеральной линии и опыта ведет к тяжелым ошибкам в деятельности партии, к острым внутривнутрипартийным кризисам и поражениям, к утрате революционных завоеваний.

³⁵ «The Communist Movement in China», p. 124.

³⁶ См.: Ху Цяо-м у. Тридцать лет Коммунистической партии Китая, стр. 8; Мяо Чу-хуан. Краткая история Коммунистической партии Китая, стр. 25; Хэ Гань-ч жи. История современной китайской революции, стр. 86.

Пэн Дэ-хуай, Лушаньский пленум и «культурная революция»

*В. П. Фетов,
кандидат исторических наук*

В истории формирования широкой внутрипартийной оппозиции Мао Цзэ-дуну и его «курсу трех красных знамен» («большой скачок», народные коммуны и «генеральная линия» 1958 года¹) особое место занимает VIII пленум ЦК КПК 8-го созыва, проходивший в Лушани (провинция Цзянси) в июле — августе 1959 года.

Влияние Лушаньского пленума на внутривластную жизнь Китая в последующие годы весьма значительно. Без учета этого обстоятельства нельзя понять внутренние пружины «культурной революции». Лушань вполне можно назвать политической предтечей «культурной революции». Изучение разногласий в китайском руководстве подводит к оценке Лушаньского пленума как некоего фокуса, к которому сходятся нити предшествовавшей борьбы² и от которого развиваются дальше все основные линии коллизий, характеризовавших «культурную революцию»³.

Годы между Лушанем и «культурной революцией» отмечены увеличением числа противников Мао в рядах КПК. Борьба мнений в руководстве КПК о путях дальнейшего развития страны не только не улеглась, но и обострилась. В споре вокруг вопроса о методах превращения Китая в могучую мировую державу, о темпах строительства социалистического общества часть китайских руководителей, включая Лю Шао-ци, выступала за рациональные методы развития народного хозяйства с учетом опыта других социалистических стран. Другая часть во главе с Мао отвергала международный опыт социалистического строительства, настаивала на волюнтаристском форсировании темпов развития народного хозяйства. Развитие событий после провала авантюры «трех красных знамен» привело к тому, что с Мао Цзэ-дуном стали расходиться даже многие из тех, кто вместе с ним выступали против Пэн Дэ-хуая

¹ Принята на II сессии VIII съезда КПК в мае 1958 года и формулировалась так: «Напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу «больше, быстрее, лучше и экономней».

² Эта борьба шла давно и усилилась в 1955—1956 гг. в связи с попытками Мао Цзэ-дуна ревизовать с авантюристических позиций генеральную линию КПК, разработанную в 1952—1953 гг. VIII съезд КПК в сентябре 1956 года (первая сессия) означал для Мао временное поражение.

³ Такая оценка Лушаньского пленума в мировом Китаеведении становится общепринятой. Так, известный американский журналист Р. Элегант анализ политической борьбы периода «культурной революции» начинает именно с Лушаньского пленума (см. его книгу: Robert S. Elegant, Mao's Great Revolution, N. Y. — Cleveland, 1971).

в Лушани. Хотя разногласия касались в основном определения путей и средств достижения великодержавных целей, логика разрастающейся борьбы вынуждала новых противников Мао сближаться с Пэн Дэ-хуа⁵. Тем, а жизнь подтверждала справедливость данной им критики маоистского курса. В результате формально «осужденные» в Лушани взгляды Пэн Дэ-хуая приобретали все большую популярность, становились как бы идейно-политической осью, вокруг которой формировалась и «наслаивалась» оппозиция Мао Цзэ-дуну. «Разгромленный» Пэн Дэ-хуа на деле пользовался в партии широкой и постоянной поддержкой, и это объясняет, почему Мао не смог расправиться с ним до конца⁵.

Можно сказать, что во всем этом сложном, крайне противоречивом процессе с огромной силой проявилась жизненность платформы VII съезда КПК. «Секрет» появления антимаоцзэдуновской оппозиции в КПК заключается как раз в полной несостоятельности «линии Мао» в сравнении с уже имевшейся четкой партийной линией VIII съезда. Она была единственной реальной альтернативой порочному и ошибочному курсу, навязанному Мао Цзэ-дуном. Поэтому расходившиеся с ним партийно-государственные деятели так или иначе вынуждены были обращаться к опыту и линии партии до середины 1958 года, и несомненно, что подспудной идейной сутью оппозиции был частичный (хотя и крайне недостаточный) возврат к установкам VIII съезда. Можно даже утверждать, что одной из самых глубоких и коренных причин конечного поражения этих деятелей являются их непоследовательность в отстаивании платформы VIII съезда, значительная подверженность их самим великодержавно-гегемонистским иллюзиям маоизма, их нерешительность (или нежелание) мобилизовать и повести за собой партию под знаменем VIII съезда.

Широкий резонанс Лушаньского пленума, его катализирующее воздействие на ход борьбы в КПК объясняются тем, что на нем имела место, если взять суть дела, защита линии VIII съезда. А личная роль Пэн Дэ-хуая в этой борьбе определяется тем, что он открыто и принципиально выступил против маоистского курса (хотя внешне его критика и излагалась в форме «благожелательного мнения»). Такая критика не могла не стимулировать настроения отрицания и неприятия «курса трех красных знамен», широко распространившиеся в партии и в обществе.

Коммунист, профессиональный революционер и выдающийся военачальник, Пэн Дэ-хуай прошел сложный и трудный путь, отнюдь не свободный от известных колебаний. Но к победе революции в 1949 году он пришел как человек сложившихся взглядов, характеризующихся преданностью принципам марксизма-ленинизма. Интернационализм Пэн Дэ-хуая проявлялся в том, что он неизменно ставил на первое место необходимость антиимпериалистического сотрудничества Китая с Советским Союзом, с социалистическим содружеством. Он расходился с Мао Цзэ-дуном по вопросам внутренней и внешней политики и пришел к прямому столкновению с ним, когда обозначился крах «большого скачка». В письме на имя Мао от 14 июля 1959 года, послужившем главным предметом обсуждения в Лушани, Пэн Дэ-хуай развернул аргументированную критику маоистского курса.

Насколько значительны были последствия этого критического выступления Пэн Дэ-хуая, свидетельствует тот факт, что уже во время «культурной революции» он снова стал первоочередным объектом на-

⁵ Во время Лушаньского пленума Пэн Дэ-хуай был членом Политбюро ЦК КПК, заместителем председателя Государственного комитета обороны, первым заместителем председателя Военного совета ЦК КПК (его фактическим руководителем), министром обороны КНР.

надок («большой критики») со стороны маоистов. Более того, на этот раз одновременно с ним нападкам подвергся и Лю Шао-ци, которому приписывались точно те же «грехи», в которых обвинялся Пэн Дэ-хуай в 1959 году. В 1967 году маоисты открыто называли Лю Шао-ци «гнусным закулисным боссом контрреволюционного наступления» Пэн Дэ-хуая⁶. Лю Шао-ци не поддержал Пэн Дэ-хуая в Лушани. Но рациональным зерном в утверждениях маоистской пропаганды является то, что вскоре после Лушаньского пленума высказанные Пэн Дэ-хуаем взгляды действительно сыграли свою роль в политической эволюции Лю Шао-ци, по мере того как обострявшиеся в КПК разногласия выдвигали последнего на роль главного оппонента Мао.

Возврат к «делу Пэн Дэ-хуая» во время «культурной революции» говорит о том, что Лушань принес Мао Цзэ-дуну лишь пиррову победу, а критическое выступление Пэн Дэ-хуая практически способствовало возникновению более широкой оппозиции.

Сама жизнь заставляет пекинских лидеров отступать от экстремизма «культурной революции» и IX съезда КПК (апрель 1969 г.), переходить от абсолютизации «идей Мао» к их гримировке под марксизм, прибегать к заимствованию, хотя и в урезанном виде, методов социалистического хозяйствования. Что самое примечательное — они при этом именно на свергнутого и, естественно, бессловесного сейчас Лю Шао-ци списывают все прежние пороки, особенно «левые» уклоны, составляющие политическую сущность «линии Мао» и приводившие страну к огромным провалам. Это явный фарс: ведь во время «культурной революции» Мао превозносился как раз за «левизну», а Лю Шао-ци поносился за «правый оппортунизм». Теперь же на Лю Шао-ци возлагается ответственность за то, в чем был повинен Мао.

Подобные зигзаги сопровождаются пропагандистской казуистикой, неизменными ссылками на «идей Мао». Но факт остается фактом: при решении практических задач маоисты не могут не паразитировать на марксизме и не обращаться к некоторому прежнему положительному опыту партии. Иначе говоря, им пришлось применять многое из того, что недавно начисто отвергалось как «пэндэхуаевщина», «ревизионистский яд», «гнилой черный товар Лю Шао-ци». Поэтому с помощью циничных вывертов они пытаются задним числом подправить и обелить «линию Мао», очистить ее от одиозных, нежизнеспособных установок и лозунгов. Это — одно из весомых доказательств несостоятельности «линии Мао».

Маоисты добиваются такой дискредитации Лю Шао-ци (и, конечно, Пэн Дэ-хуая), чтобы уже простое упоминание их имен ассоциировалось с «предательством». Но при этом им приходится разворачивать фронт «большой критики» уже в несколько ином, чем прежде, направлении, как бы невольно расписываясь в морально-политической несостоятельности «линии Мао».

Окончательно расправившись с Пэн Дэ-хуаем и другими противниками во время «культурной революции» при опоре на винтовку, на армию, Мао Цзэ-дун реальной идейной и моральной победы над ними одержать не смог. Его собственная «линия» не выдерживает конкуренции со взглядами Пэн Дэ-хуая и других противников и даже потребовала известного переистолкования. Тысячи раз объявлялись Пэн Дэ-хуай и другие оппоненты Мао «политическими мертвецами». Но сама эта повседневная тавтология указывает на то, что их взгляды остаются возбудителями антимаоистских настроений и тенденций.

⁶ См. «Жэньминь жибао», 16.VIII.1967.

* * *

Лушаньский пленум проходил в обстановке отрезвления от «болезненного экстаза»⁷, от безумия навязанных Мао Цзэ-дуном попыток «прыгнуть в коммунизм» на основе политики «большого скачка» и создания народных коммун⁸.

В 1955 году Мао настоял на форсированном кооперировании крестьянства. Оно было завершено на следующий год вместо намечавшихся ранее 15 лет. К этому же времени собственность национальной буржуазии была ускоренно преобразована в смешанную государственно-частную собственность. И в 1956 году китайские руководители попытались искусственно подхлестнуть темпы роста производства. Это был опрометчивый, авантюристический шаг, приведший к спаду производства в следующем году.

В сентябре 1956 года прошел VIII съезд КПК, принесший победу интернационалистским силам в партии и наметивший правильный курс социалистического строительства на основе генеральной линии 1952—1953 годов. Но Мао Цзэ-дун игнорировал съезд и его решения, возобновив после его окончания борьбу за осуществление своего авантюристического курса. В основе этого курса лежала фантастическая идея: за счет крайнего трудового перенапряжения 600-миллионного народа Китая в течение трех лет «добиться перемен в основном облике большинства районов страны»⁹. Исходя из великодержавного шовинизма, Мао замышлял одним махом многократно увеличить производственно-материальную мощь Китая, обогнать социалистические страны, «застрявшие на этапе социализма» (в первую очередь имелся в виду Советский Союз), преподнести им «китайский путь к социализму» в качестве «образца» и утвердить таким образом гегемонию Китая в социалистическом содружестве и во всем мире.

Однако в партии ему оказали сопротивление многочисленные противники «слепого забега вперед». На второй сессии VIII съезда КПК в мае 1958 года признавалось, что вокруг выдвигавшихся Мао установок «шла длительная борьба». Тем не менее к июлю 1957 года Мао Цзэ-дуну удалось подавить в основном эти настроения. На противников «слепого забега вперед» он обрушился как на «правых оппортунистов» и именно в это время выдвинул «теорию седлообразного развития», а также установку на «скачок» как главную и эволюцию как второстепенную закономерности развития.

«Теории» Мао ориентировали партию на новый «скачок», и зимой 1957 — весной 1958 г. возобновилась кампания по форсированию производства. Совещания ЦК КПК в Ханчжоу, Наньнин и Чэнду в конце 1957 — начале 1958 г. закрепили навязанный Мао Цзэ-дуном курс и были подготовкой ко II сессии VIII съезда, состоявшейся в мае 1958 года.

Созванная в условиях уже начатого «скачка», сессия приняла волюнтаристские решения о «большом скачке в промышленности и сельскохозяйственном производстве», одобрила новую «генеральную линию» и фактически отвергла формулировку I сессии VIII съезда о

⁷ Жап-Эмиль Видаль, Куда ведет Китай группа Мао Цзэ-дуна, М., 1967, стр. 41.

⁸ Подробно о политике китайского руководства в это время см.: Ю. Яременко, «Большой скачок» и народные коммуны в Китае, М., 1968.

⁹ Народ Китая дезориентировали демагогическим лозунгом «три года упорного труда — десять тысяч лет счастья», обещаниями «войти в коммунизм через три-четыре или пять-шесть лет».

том, что вопрос «кто — кого» в стране в основном решен¹⁰. Это дало Мао Цзэ-дуну возможность в дальнейшем навязывать партии установки о «классовой борьбе» для расправ с оппонентами внутри КПК.

По указанию Мао за этой сессией последовал пересмотр заданий пятилетки на 1958—1962 гг. Без каких-либо экономических обоснований, без учета реальных возможностей страны новые наметки требовали за пять лет увеличить промышленное производство в 6,4 раза и сельскохозяйственное — в 2,5 раза. Производство стали предполагалось поднять с 5,3 млн. т не до 10,5—12 млн. т, как намечалось раньше, а до 80—100 млн. т¹¹. Вскоре десятки миллионов людей были отвлечены из сельского хозяйства на работу у кустарных доменных печей в так называемой битве за сталь. Путем дутых «подсчетов» урожай на корню был сделан вывод, что в 1958 году обеспечен мифический сбор зерна в 300—350 млн. т. На этом «основании» Мао и его сторонники предлагали рассматривать зерновую проблему как «в основном решенную» и бросить все силы в промышленность, особенно в черную металлургию.

Волюнтаристский угар руководителей КПК больше всего проявился на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ 17—30 августа 1958 года. Здесь 29 августа было принято решение о народных коммунах. Ранее опубликованные документы II сессии VIII съезда о коммунах ничего не говорили, а между тем уже через три месяца 90 процентов сельского населения было «коммунизировано». Коммуны были явно «изобретены» на ходу, а решение о них принято задним числом¹². Это поистине странное решение ориентировало партию и народ на превращение в коллективную собственность земельных участков, находящихся в личном пользовании крестьян, на превращение коллективной собственности во всенародную. Оно утверждало, что даже «при сравнительно медленных» темпах такое «обобществление» займет не более 5—6 лет и что через коммуны можно «найти конкретный путь перехода к коммунизму». «Осуществление коммунизма в нашей стране, — объявлялось в решении, — уже не является чем-то далеким»¹³. Появившиеся «уставы» коммун предусматривали уравниловку, военизацию трудового режима и быта.

В целом в указанный период китайское руководство, отказавшись от курса планомерной индустриализации страны и опираясь на административно-приказные методы, а также на примат идеологии, политики, попыталось на базе примитивной техники и предельно напряженного труда народа добиться резкого роста общественного производства.

¹⁰ См. примечание 1 и ИБАС от 28 мая 1958 г. Доклад на сессии делал Лю Шао-ци. Обычный для Мао метод — объявлять свою политику чужими устами, чтобы превратить других в козлов отпущения за свои ошибки (это делается и сейчас). В докладе Лю Шао-ци прежняя генеральная линия не отрицалась полностью, даже получала положительную оценку. Видимо, руководство КПК не хотело тогда перечеркивать прежнюю линию, а часть его, включая Лю Шао-ци, не разделяла полностью взгляды Мао, хотя в начале «большого скачка» и шла вместе с ним.

¹¹ Б. Занегин, А. Мионов, Я. Михайлов, К событиям в Китае, М., 1967, стр. 18.

¹² В деревне было создано около 24 тысяч народных коммун. Наряду с сельским хозяйством они должны были заниматься вопросами промышленности, культуры, образования, государственной власти, военного дела. Коммуны размером были с волость или больше, в среднем по стране в них объединялось от 19 до 29 кооперативов. В среднем на коммуну приходилось около 5 тысяч дворов и от 4200 до 4500 га обрабатываемой земли. Они делились на большие производственные бригады (бывшие кооперативы высшего типа — от 200 до 500 дворов) и производственные бригады (от 20 до 30 дворов). См. Jacques Guilletmaz, *La Chine populaire*, Paris, 1967, p. 54.

¹³ «Правда», 11.IX.1958.

Инициатором, вдохновителем и творцом «курса трех красных знамен» был Мао Цзэ-дун, причем многие в руководстве КПК отнюдь не во всем разделяли его социальные иллюзии.

Именно от Мао исходили тогда призывы к «искоренению предрасудков», к борьбе против «буржуазной учепости» и «пролетарской учепости» (научного социализма), против «догматизма» (международного опыта социалистического строительства). Под лозунгом «смело думать, смело действовать» он ориентировал партию на авантюристическое форсирование производства. По инициативе Мао утверждался взгляд на народную коммуну как на всеобщую политическую и социально-экономическую форму организации производства и быта в городе и деревне. Мао Цзэ-дуна коммуна особенно привлекала тем, что «она, во-первых, большая, во-вторых, общая», то есть позволяет, как ему казалось, манипулировать массами трудящихся по приказам сверху.

«Курс трех красных знамен» Мао непосредственно связывал с великодержавно-гегемонистскими целями и демонстрировал решимость претворять его в жизнь любой ценой. В период «большого скачка» еще больше раздувался культ личности Мао Цзэ-дуна, используемый им как одно из орудий подчинения партии его воле. Мао Цзэ-дуна стали сравнивать с богом, называть «пророком», «солнцем, излучающим свет»¹⁴.

«Курс трех красных знамен» привел к общезвестной катастрофе. Огромные диспропорции и общий паралич — так выглядела экономика Китая после года «скачка». Промышленное производство резко упало, а сельскохозяйственное производство даже в 1962 году не смогло выйти на уровень 1957 года. В стране царил голод и запустение. Вторая пятилетка «затерялась» в неразберихе «урегулирования».

Когда обнаружился крах затеянной авантюры, маонисты перенесли центр тяжести в своем великодержавно-гегемонистском курсе на арену внешней политики. Стремясь отвлечь народ от внутренних трудностей, они пытались вину за них возложить на Советский Союз, начали проводить свой особый антисоветский курс в мировом коммунистическом движении, «обосновывая» его фабрикации о якобы «ревизионистском перерождении» КПСС. Год за годом Мао и его сторонники нагнетали международную напряженность, рассчитывая на прямое советско-американское столкновение.

Что же касается положения в КПК после провала «курса трех красных знамен», то уже в конце 1958 года ее руководителям пришлось подготавливать почву для отступления и частично пересматривать политику.

Провал «курса трех красных знамен» был так велик, что о сохранении единства мнений в партии не могло быть и речи. В КПК и среди ее руководства развивались сложные, зигзагообразные процессы взаимодействия твердых противников маонистского экстремизма с колеблющимися. После «большого скачка» эти силы в течение ряда лет действовали с наступательных позиций. Но при господстве культа личности Мао, при наличии традиций обмана и самообмана борьба внутри руководства КПК не была достаточно принципиальной, не сопровождалась необходимыми организационными выводами в отношении главного виновника провала. Объективно противоречия в партии нарастали, но они прикрывались легендой единства и безошибочности линии, мифом личной непогрешимости Мао Цзэ-дуна. Это углубляло кризис и подготавливало последующий взрыв. Непоследовательность действий против-

¹⁴ См. «Жэньминь жибао», 1.X., 4.XI.1958.

ников Мао, маскировка ошибок риторикой о «победах» позволили Мао Цзэ-дуну остаться на вершине власти и со временем перейти в контрнаступление¹⁵.

* * *

Лушаньский пленум стал ключевым этапом борьбы, обострявшейся внутри руководства КПК.

Судя по доступным данным, дух критического отношения к курсу Мао на нем явно преобладал, и если бы в КПК соблюдались нормы партийной жизни, если бы в ней не утвердился стиль единоличного диктата, то дело вполне могло бы кончиться и поражением Мао. Объективно пленум был вынужден продолжить пересмотр «курса трех красных знамен». Поэтому можно сказать, что на нем косвенно была подтверждена правота Пэн Дэ-хуая и других «осужденных».

На пленуме позицию Пэн Дэ-хуая разделяли кандидаты в члены Политбюро, заместитель министра иностранных дел Чжан Вэнь-тянь, член ЦК КПК, начальник Генштаба НОАК Хуан Кэ-чэн, кандидат в члены ЦК КПК, I секретарь комитета КПК провинции Хунань Чжоу Сяо-чжоу. В число несогласных с Мао входили многие руководители провинциальных комитетов партии, министерств и ведомств. Как выше сказано, Пэн Дэ-хуай изложил свое мнение в письме на имя Мао от 14 июля 1959 года. Письмо полностью разоблачало субъективистские установки Мао и фактически говорило о его личной ответственности за банкротство внутривнутриполитического курса КПК.

Авантюру «трех красных знамен» Пэн Дэ-хуай назвал «мелкобуржуазным фанатизмом», «левацкой ошибкой», попыткой «единым махом войти в коммунизм», смешиванием «стратегического планирования с конкретными мерами, долговременной политики с текущими шагами, целого с частью, большого коллектива с малым»¹⁶. Он прямо заявил, что коммуны «появились слишком рано», когда еще не выявились даже «преимущества кооперативов высшего типа», а «малая металлургия» привела к «расточительству некоторых ресурсов (материальных и финансовых) и рабочей силы», к «напряжению в различных областях, вызванному диспропорциями». Пэн Дэ-хуай указал на пагубные социальные последствия затянувшейся авантюры, которая привела к отрыву партии от масс, к возникновению политических проблем, «затрагивающих отношения между рабочими и крестьянами, между различными городскими слоями и между различными слоями крестьянства»¹⁷.

Пэн Дэ-хуай поставил вопрос о недопустимости подмены экономической работы игрой в политические лозунги: «У политики и экономики свои законы. Поэтому идеологическое воспитание не может заменить экономическую работу... Мы не знакомы с работой в области социалистического строительства, не имеем обобщающего опыта. Мы недостаточно понимаем социалистические законы планомерного и пропорционального развития...»¹⁸.

Сильнейшим ударом по Мао Цзэ-дуну было следующее место письма: «По мнению некоторых товарищей (т. е. Мао. — В. Ф.), постановка

¹⁵ См.: «Цзыго», № 51, июль 1968; № 52, июль 1968; «Current Scene», June 15, 1968; Jean-Pierre Brulé, *La Nouvelle révolution de Mao*, Paris, 1967, p. 186.

¹⁶ См.: сб. документов «Пэн Дэ-хуай ашэцзынь чжуаньцзи» («Дело Пэн Дэ-хуая»), Сянган, 1968; «The Case of Peng Teh-huai», Hong Kong, 1968, p. 11, 400 (на кит. и англ. яз.).

¹⁷ «The Case of Peng Teh-huai», op. cit., p. 3—4, 395; 9, 398; 9, 399; 12, 400.

¹⁸ Ibid., p. 4, 395.

политики в командное положение может быть заменой всего»¹⁹. Пэн Дэ-хуай указал и на удушающую атмосферу культа личности как корень ошибок партии, причину «привычки к преувеличениям», боязни высказывать собственные мнения и стремления только «предугадывать намерения руководителей». Он поставил «проблему демократии в низовых партийных организациях»²⁰. Пэн Дэ-хуай фактически поднял вопрос о том, что Мао превращает «левачество» в хроническую болезнь партии, срывающую социалистическое строительство, вопрос о том, что «левацкое» преобладает над всем и вызывает у людей «боязнь высказываться» (по-скольку высказываться против «левого» уклона — значит выступать против Мао. — В. Ф.). В итоге, говорил Пэн Дэ-хуай, бьют все время каких-то «правых», а реальную опасность, то есть «субъективизм», «проглядели»²¹.

Пэн Дэ-хуай также смело заявил: «В многочисленных движениях, проводившихся под руководством нашей партии за последние 30 с лишним лет, наряду с большими достижениями всегда имелись недостатки»²². Это было уже прямым намеком на то, что Мао Цзэ-дун показал свою несостоятельность за весь период его пребывания на высшем партийном посту. Через письмо Пэн Дэ-хуая и другие его выступления на пленуме красной нитью проходит мысль: «Виновны все. У каждого есть доля вины, включая тозарища Мао Цзэ-дуна... В целом не должно быть расследований персональной ответственности»²³. Эти слова «не должно быть расследований персональной ответственности» на деле означали, что главную ответственность несет сам Мао Цзэ-дун.

Разоблачительное письмо Пэн Дэ-хуая произвело большое впечатление на участников пленума. Речь Мао Цзэ-дуна в ответ на письмо была смесью озлобленности, коварства, позерства, шантажа и демагогии. Назвав письмо Пэн Дэ-хуая «программным выступлением» против «нашей (т. е. Мао Цзэ-дуна. — В. Ф.) генеральной линии», Мао тут же обычным для него приемом перевел вопрос о его авторе и других критиках в плоскость «классовой борьбы», охарактеризовав их как «видных членов антипартийной клики Гао Гана». Признав в духе показной самокритичности личную вину, Мао в то же время попытался связать все руководство КПК круговой порукой, намекнув на единство действий во время расширенного заседания Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ. Но он умолчал о том, что лично задавал тон данному совещанию. По его словам, виновными в основном оказывались «кадры на уровне уездов и коммун», якобы «заразившиеся поветрием коммунизма», а вопрос о коммунах был представлен им как главным образом результат самостоятельности 350 миллионов крестьян. Виновными оказывались и плановые органы, которые, дескать, после десяти лет «правильной» работы вдруг «споткнулись»²⁴.

Мао выступил против публичного признания ошибок и исправления их на принципиальной основе (это прежде всего затронуло бы его лично) и угрожал выступить против партии и ее руководства, если они не пойдут за ним («...удалюсь, уйду в деревню, возглавлю крестьян и свергну правительство. Если твоя (Пэн Дэ-хуая. — В. Ф.) Освободительная армия не пойдет за мной, я поищу другую красную армию. Но я думаю, Освободительная армия пойдет за мной») ²⁵.

¹⁹ Ibid., p. 12, 400.

²⁰ Ibid., p. 11, 399; 4, 395.

²¹ Ibid., p. 3, 394; 12, 400.

²² Ibid., p. 9, 399.

²³ Ibid., p. 2, 394; 13, 401.

²⁴ Ibid., op. cit., p. 14, 402—403; 16—17, 405—406; 24, 411.

²⁵ Ibid., p. 21, 408—409.

Таким образом, Мао Цзэ-дун продемонстрировал решимость и дальше навязывать партии свою волю, свой обанкротившийся курс. На документах пленума он начертал резолюции, требовавшие повсюду «тщательно отыскивать образцовые коммуны» и отстаивавшие «глубокие экономические корни» коммун и даже общественных столовых в коммунах²⁶.

Мао начертал и такие резолюции: «Имеются правые оппортунисты в ЦК... Имеются правые оппортунисты и на провинциальном уровне... В течение переходного периода от капитализма к социализму они придерживаются буржуазной позиции и пытаются подорвать диктатуру пролетариата, расколоть партию, создавать фракции, распространять свое влияние, разлагать авангард пролетариата и учредить собственную оппортунистическую партию... Они не обладают духовной подготовкой к социалистической революции... Кажется, повсеместно существуют и растут правоуклонистские настроения, правые идеи и правая активность»²⁷.

Мао представил дело так, будто проблема заключается не в исправлении его порочных установок, а в том, что партия в целом является «гнилой». Следовательно, еще во время Лушаньского пленума им была сделана как бы заявка на «культурную революцию». Именно ультимативная позиция Мао по отношению к костяку партии вела к разрастанию внутривнутрипартийной борьбы. Эта борьба приобрела особую остроту после IX пленума ЦК КПК, когда Лю Шао-ци и другим руководителям в практической работе по «урегулированию» приходилось все больше сталкиваться с Мао Цзэ-дуном. И по логике данных столкновений они начинают сближаться с Пэн Дэ-хуаем, отходить от своей позиции на пленуме в Лушани.

Ультимативная позиция Мао и отсутствие твердости у участников пленума определили компромиссный характер принятой им основной резолюции, которая признавала «ошибки» и «недостатки», но в то же время требовала продолжить «большой скачок» и протаскивала идею «непогрешимости» руководства Мао Цзэ-дуна²⁸. В особой резолюции от 16 августа 1959 года действия Пэн Дэ-хуая квалифицировались как «бешеное наступление внутри партии на генеральную линию партии, на большой скачок и народные коммуны», предпринятое «правооппортунистической антипартийной кликой, которая возглавлялась Пэн Дэ-хуаем и в которую входила горстка других, таких, как Хуан Кэ-чэн, Чжан Вэнь-тянь и Чжоу Сяо-чжоу». «Клику» Пэн Дэ-хуая резолюция связывала с «кликой» Гао Гана²⁹.

17 сентября того же года указом председателя КНР Пэн Дэ-хуай и Хуан Кэ-чэн освобождались от постов министра обороны и начальника Генштаба, а на их места соответственно назначались Линь Бяо и Ло Жуй-цин³⁰.

* * *

Маневр Мао заключался в том, чтобы «сплотить» вокруг себя руководство КПК, обрушивая всю силу удара на немногих прямых кри-

²⁶ «The Case of Peng Teh-huai», op. cit., p. 21, 409.

²⁷ Ibid., p. 321—322, 489; 323, 491.

²⁸ «О развитии движения за увеличение производства и соблюдение режима экономии» (см. «The Case of Peng Teh-huai», op. cit., p. 297—305).

²⁹ Ibid., p. 39—44, 423—427. Еще до принятия резолюции Пэн Дэ-хуай заявил о своей отставке. Никакой «клики» или «группы» Пэн Дэ-хуая (как и Гао Гана) не было. Мао произвольно причислял к вымышленной группе всех, кого хотел устранить. С другой стороны, упоминание Пэн Дэ-хуая маоистской пропагандой в одном ряду со всеми прочими противниками Мао лишней раз подтверждает его большую роль в формировании антимаоцзэдуновской оппозиции в КПК.

³⁰ «Жэньминь жибао», 18.IX.1959.

тиков его курса и добиваясь молчаливого компромисса с колеблющимися. Но «сплочение» руководства было показным, скрывавшим углубившиеся разногласия. Фактически многие участники пленума не только сознавали правоту Пэн Дэ-хуая, но и разделяли в той или иной мере его взгляды. Так, видимо, с ним негласно солидаризировался член Политбюро, один из ведущих хозяйственных руководителей КНР Чэнь Юнь. Во время Лушаньского пленума Мао имел разногласия с Чэнь Юнем и постарался отстранить его от активной деятельности³¹.

О непрочности «победы» Мао говорит то, что он не решился широко и открыто поднимать вопрос о Пэн Дэ-хуае. Весьма показательны такие факты, как формальное оставление Пэн Дэ-хуая в составе Политбюро ЦК КПК после снятия его с государственных постов; отсутствие всякого упоминания о нем или его «группе» в опубликованном коммюнике о Лушаньском пленуме³²; публикация маоистами специальной резолюции о Пэн Дэ-хуае лишь через восемь лет после пленума, в разгар «культурной революции»³³; наконец, весьма примечательное содержание ряда руководящих статей, опубликованных в китайской прессе вскоре после Лушаньского пленума³⁴. Эти статьи также не упоминали о Пэн Дэ-хуае, а вместе с тем, толкуя о «правом оппортунизме» в организационном и идеологическом аспектах, содержали скрытые и тревожные намеки на распространенность «пэндэхуаевщины», на масштабность оппозиции, сложность и напряженность борьбы. Они говорили об опасности «узурпации в партии», о борьбе, «затрагивающей судьбу нашей страны», и призывали критиков Мао «вернуть назад немедленно». Это было не чем иным, как косвенным признанием авторитетности данных критиков.

Характерно, что открытая персональная «критика» Пэн Дэ-хуая впервые была развернута в 1967 году уже в непосредственной связи с «критикой» Лю Шао-ци. Таким образом, лобовая атака на Пэн Дэ-хуая стала возможной только тогда, когда под ударом оказался и сам Лю Шао-ци.

Борьба в КПК развертывалась в причудливых, парадоксальных формах. Принимались партийные решения, целиком выдержанные в духе маоизма. Но подспудно антимаоистские тенденции, начиная с высшего руководства КПК, приобрели такой размах, что для Мао вопрос сохранения его власти стал вопросом об изменении всей системы партийного руководства. Поэтому, с одной стороны, «победа» в Лушани оказалась для него призрачной, а с другой стороны, продолжать борьбу против оппозиции в скрытой форме, как это было в Лушани, он уже не мог, так как оппозиция стала слишком сильной. Повторить Лушань в отношении Лю Шао-ци было уже нельзя. Мао видел выход лишь в разрушительной атаке на партийную систему — в «культурной революции» или в чем-то ей подобном.

Прежде всего надо отметить, что Пэн Дэ-хуай не прекратил борьбы после Лушаня, и это говорит о том, что у него сохранялись известные позиции в партии. Правда, он не мог действовать прямолинейно. Обстоятельства принудили его сделать заявление, в котором он признавал наличие «ряда абсурдов правого оппортунизма» в своем письме

³¹ «The Case of Peng Teh-huai», *op. cit.*, p. 20, 408.

³² См. «Жэньминь жибао», 26.VIII.1959.

³³ См. «Жэньминь жибао», 16.VIII.1967.

³⁴ См. «Хунци», № 16, 16.VIII.1959; «Хунци», № 17, 1.IX.1959; «Жэньминь жибао», 27.VIII.1959; «Жэньминь жибао», 28.XI.1959 (статья Лю Лань-гао, бывшего тогда заместителем секретаря ЦК КПК, а с октября 1963 г. — первым секретарем Северо-Восточного бюро ЦК КПК; репрессирован в ходе «культурной революции»); «Хунци», № 22, 16.XI.1959 (статья Чэнь Бо-да).

от 14 июля 1959 года. Более того, в невыносимых условиях культа личности и диктата со стороны Мао Пэн Дэ-хуай написал ему 9 сентября 1959 года унижительное письмо, в котором ссылаясь на «глубокие корни» своего «буржуазного мировоззрения», просил у Мао прощения и соглашался подвергнуть себя «перевоспитанию». Мао Цзэ-дун дал указание распространить это письмо по всем парторганизациям как свидетельство его «победы» над Пэн Дэ-хуаем³⁵.

Но, как вытекает из всей суммы фактов, Пэн Дэ-хуай преодолел свою временную слабость и остался при своем мнении. Он даже требовал своей реабилитации не без поддержки ряда руководителей КПК, примыкавших к Мао на Лушаньском пленуме. В 1960—1962 гг. Пэн Дэ-хуай в поездках по стране проверял правоту своего критического выступления в Лушани на базе местных материалов, обсуждал свои выводы с директором Высшей партийной школы известным философом Ян Сянь-чжэнем. В ноябре 1961 года он представил в ЦК КПК пять «докладов расследования», обосновывавших на базе местных материалов его позицию в Лушани. В июне 1962 года он написал второе письмо Мао Цзэ-дуну с просьбой пересмотреть решение о нем, вынесенное Лушаньским пленумом. Более того, на X пленуме ЦК КПК в сентябре 1962 года он открыто заявил: «Я не буду больше молчать. Я хочу быть Хай Жуюем» (фраза, выражающая решимость остаться верным убеждениям, будучи уволенным в отставку)³⁶.

Сохраненное за ним положение члена Политбюро Пэн Дэ-хуай использовал для рассылки на места материалов с обоснованием своей позиции. В декабре 1962 года он вместе с Хэ Луном, Ли Цзин-цюанем и Ло Жуй-цином проводил разъяснительную работу среди старых кадровых работников в духе своей неизменной точки зрения. Деятельность Пэн Дэ-хуая в это время говорит о его немалом мужестве, носила характер открытой борьбы за свои взгляды и ни в коей мере не была «фракционностью», в чем его упрекают маонисты. Обвинения во «фракционности» необоснованны особенно потому, что в борьбе за свои взгляды Пэн Дэ-хуай подчеркивал безразличие к личной судьбе.

К началу 1967 года хунвэйбины университета Цинхуа заставили Пэн Дэ-хуая написать новое «покаянное» письмо. Но и при этом Пэн Дэ-хуай повторил, что в Лушани он исходил из «добрых побуждений», что он не может согласиться с оценкой его письма от 14 июля 1959 года, данной Мао Цзэ-дуну, и что Мао «переборщил». Он снова согласился со своей отставкой, но фактически подтвердил неизменность своей позиции, заявив: «После Лушаньского пленума со мной было покончено, как с Хай Жуюем»³⁷.

16 августа 1967 года была впервые опубликована (в виде выдержек) Лушаньская резолюция о «группе Пэн Дэ-хуая». Ее публикация сопровождалась характерным призывом из ближайшего окружения Мао окончательно разделаться с Пэн Дэ-хуаем. Было, в частности, заявлено, что «иначе мы не сможем достичь нашей цели» (!)³⁸. Из такой постановки вопроса о Пэн Дэ-хуае вытекало, что в разгар «культурной революции» данный вопрос для группы Мао встал еще острее, чем в дни Лушаня. Это было признанием того, что на протяжении восьми лет Пэн Дэ-хуай оставался влиятельной политической фигурой и что

³⁵ «Цайго», № 50, 1968, стр. 40; «The Case of Peng Teh-huai», op. cit., p. 34, 420.

³⁶ «The Case of Peng Teh-huai», op. cit., p. 206—208, 481—482. Хай Жуй — приближенный императора Минской династии Цзя Цина (1522—1566), уволенный им в отставку за прямоту и честность.

³⁷ Ibid., p. 119—121, 445—446.

³⁸ Цит. по хунвэйбинской газете «Да шибао тунсюнь», 5.X.1967.

его «окончательный разгром» был необходим для подавления и всех остальных сил в партии, против которых была направлена «культурная революция».

Кампания за «окончательный разгром» Пэн Дэ-хуая не была случайной еще и потому, что маонстам в борьбе за власть приходилось все больше использовать армию, в которой влияние опального маршала оставалось значительным. Для проагандистского обеспечения начатой кампании маонстам пришлось сфабриковать целую «родословную предательства» Пэн Дэ-хуая начиная с 1925 года³⁹.

Как известно, и вся «культурная революция» началась с публикации в Шанхае 10 ноября 1965 года статьи Яо Вэнь-юаня с «критикой» драмы для пекинской оперы «Разжалование Хай Жуюя», написанной в 1961 году известным историком У Ханем⁴⁰. Яо Вэнь-юань написал статью по прямому заданию Мао Цзэ-дуна, который лично подчеркнул, что под Хай Жуюем в пьесе У Ханя подразумевается Пэн Дэ-хуай⁴¹. Огромная популярность пьесы была живым доказательством болезненности для Мао популярности Пэн Дэ-хуая. Первый залп «культурной революции» можно, следовательно, расценить как залп по Пэн Дэ-хуаю.

Описанный ход событий был бы невозможен без созвучия взглядов Пэн Дэ-хуая настроением в партии, без вызревания в КПК уже после Лушаня значительной оппозиции Мао Цзэ-дуну, которой была близка «лушаньская платформа» Пэн Дэ-хуая. Народнохозяйственная и политическая практика КПК по ликвидации последствий «курса трех красных знамен» именно в этом направлении подталкивала Лю Шао-ци и других руководителей партии, как и широкую массу партийных кадров. Став жертвой произвола в Лушани, Пэн Дэ-хуай вместе с тем оказался как бы родоначальником внушительного антимаоцзэдуновского фронта в партии. К началу «культурной революции» он и Лю Шао-ци уже являлись для Мао врагами одного плана.

Как ни квалифицировать политический путь Лю Шао-ци, очевидно, что под воздействием объективной обстановки он по ряду коренных вопросов — о партии, социалистических преобразованиях, организации производства и т. д. — все больше расходился с Мао Цзэ-дуном и сближался с Пэн Дэ-хуаем.

Переиздавая в 1962 году свою книгу «О работе коммуниста над собой», Лю Шао-ци адресовал фактически Мао Цзэ-дуну слова о «насквозь испорченных» и «помешавшихся» людях, которые «выискивают объекты борьбы», даже «когда в партии нет принципиальных разногласий», мнят себя «китайским Марксом», «китайским Лениным»⁴². В 1957 году на закрытых партийных совещаниях он повторял тезис I сессии VIII съезда КПК о том, что вопрос «кто — кого» в основном решен, и заявлял, что «противоречия внутри народа надо сглаживать»⁴³. «Социалистическую активность народной демократии» он видел в том, чтобы народ «заботился об экономических условиях своей жизни, обязательно интересовался зарплатой, жильем, питанием, транспортом»⁴⁴. Видимо, эти высказывания больше отражают убеждения Лю Шао-ци, чем то, что он мог сказать с трибуны II сессии VIII съезда в 1958 году.

³⁹ См. «The Case of Peng Teh-huai», op. cit., p. 183—208, 465—482.

⁴⁰ Перепечатана в «Жэньминь жибао», 30.XI.1965.

⁴¹ «The Case of Peng Teh-huai», op. cit., p. 138, 459.

⁴² «Лю чжуси юйлу», Сянган, Цзылянь чубаньшэ ляннинь («Высказывания председателя Лю», Гонконг, изд-во «Цзылянь», стр. 7, 14, 15, 109).

⁴³ Хунвэйбиньовская газета «Цзинганшань», 1.II.1967.

⁴⁴ Хунвэйбиньовская газета «Синь Бэйда», 25.II.1967.

У Лю Шао-ци наблюдается и все более серьезное недовольство засильем «идей Мао». Он сетовал на «плохую идейно-теоретическую подготовку партии», считал одной из ее задач издание великих произведений классиков марксизма-ленинизма. В «Письме Цзян Вэй-цину» в 1964 году он обрушился на тех, кто превращал «идеи Мао» в догму, а в июне 1966 года заявил: «Марксизм-ленинизм, конечно, надо развивать и не останавливаться на этапе идей Мао Цзэ-дуна. В противном случае это будет неправильно, и это учение превратится в механический материализм»⁴⁵.

Это лишь часть высказываний, свидетельствующих о расхождении Лю Шао-ци с Мао Цзэ-дуном.

Публикуя резолюцию Лушаньского пленума в 1967 году, китайская печать утверждала, будто Лю Шао-ци на самом пленуме «применял двурушническую тактику, активно поддерживал антипартийную деятельность Пэн Дэ-хуая», пытался превратить уже готовое резюме пленума в антилевацкий документ, «направленный против пролетарской революционной линии председателя Мао Цзэ-дуна» (сам Мао говорил, что Лю Шао-ци тогда «шел по середине дороги»). После же Лушаня Лю Шао-ци якобы уже открыто атаковал курс Мао, заявлял об «ошибочности борьбы против правого оппортунизма в Лушани» и добивался изменения лушаньской резолюции⁴⁶.

Утверждалось также, что Лю Шао-ци «быстро обеспечил прикрытые для отступления Пэна и, применяя контрреволюционную двурушническую тактику, заговорщически стремился подорвать пролетарскую революционную линию председателя Мао»⁴⁷. Хунвэйбины, ссылаясь на документальные данные, приписывали ему выступление против «чрезмерной суровости приговора Пэн Дэ-хуая» и стремление добиться пересмотра этого «приговора» на рабочем совещании ЦК КПК в январе 1962 года, где он заявил: «Тот, кто выступает против председателя Мао, выступает против личности. Можно пересмотреть дела людей, придерживающихся той же точки зрения, что и Пэн Дэ-хуай, если они не связаны с иностранными государствами. Выступление на собрании — это не преступление»⁴⁸.

Своим открытым выступлением в Лушани Пэн Дэ-хуай усилил нарастающую антимаоцзэдуновскую тенденцию в партии, как бы продолжил основное русло оппозиционных настроений. В этом заключается непреходящая актуальность пленума в Лушани.

Вплоть до последнего времени маоистам приходится снова и снова поднимать волну «критики Пэн Дэ-хуая», раздувать, в частности, еще одну «антипэндэхуаевскую» кампанию в армии после известных событий в сентябре 1971 года. Это говорит о том, что, хотя для дискредитации Пэн Дэ-хуая и других репрессированных деятелей КПК сейчас в Китае сделано уже немало, полностью вытравить их влияние, извратить и опровергнуть их взгляды маоистам не удастся. Живучесть этих взглядов, как в известной мере и личный пример Пэн Дэ-хуая, символизирует существование и активность здоровых сил КПК.

⁴⁵ «Цзинганшань», 1.II.1967.

⁴⁶ «Жэньминь жибао», 16.VIII.1967.

⁴⁷ «Хунци», № 13, 1967.

⁴⁸ «Цзинганшань», 8.II.1967.

Некоторые актуальные задачи изучения китайского языка

*В. М. Солнцев,
доктор филологических наук,*

Изучение китайского языка за пределами Китая, как и любого другого иностранного языка, имеет две стороны — практическую и научную.

Научное изучение китайского языка в свою очередь преследует две цели: прикладную — служить основой практического обучения китайскому языку — и собственно языковедческую или лингвистическую. Изучение китайского языка в научном плане составляет особую отрасль науки — китайское языкознание, или китаеведную лингвистику. Ниже речь пойдет о научном изучении китайского языка, т. е. о той отрасли знания, которая называется китайским языкознанием.

В качестве научной дисциплины китайское языкознание имеет сложную многоотраслевую структуру, требующую от лиц, занимающихся этой дисциплиной, высокой специализации в определенной области при одновременной осведомленности в смежных областях. Это обусловлено уровнем развития данной отрасли знания. В области китаеведной лингвистики сейчас идет процесс специализации ученых в той или иной области этой дисциплины. Среди китаеведов-лингвистов

имеются специалисты в области фонетики и фонологии, грамматического строя, лексикологии и лексикографии и т. д. Само собой разумеется, что в рамках китаеведной лингвистики ученый должен знать основы всех отраслей этой науки. Иначе он рискует потерять перспективу работы в той конкретной отрасли, в которой он преимущественно специализируется.

Китайское языкознание, как цельная научная дисциплина, занимает свое место в системе общественных наук и имеет точки соприкосновения с другими науками.

Во-первых, китайское языкознание есть часть китаеведения как комплексной науки, изучающей Китай в целом. Во-вторых, китайское языкознание является частью востоковедения, входя в него как отрасль восточного языкознания, или востоковедной лингвистики. В-третьих, китайское языкознание есть отрасль языкознания, или лингвистики, т. е. науки, изучающей свойства человеческого языка вообще, который, по определению В. И. Ленина, есть важнейшее средство человеческого общения, а также общие закономерности развития отдельных языков.

Китайское языкознание органически входит в китаеведение прежде всего в силу объекта своего изучения — китайского языка, важнейшего средства общения китайской нации, на котором создается вся литература (художественная, научная, политическая, публицистическая), который обслуживает все сферы китайского общества. Языковой вопрос теснейшим образом связан с национальным вопросом, поскольку язык является одним из

важнейших признаков нации. Китайское языкознание служит базой преподавания и обучения китайскому языку, что является важнейшей частью подготовки китаеведа любой специальности.

Данные китайского языкознания имеют большое значение для изучения письменных памятников, установления их аутентичности и правильной интерпретации их и, следовательно, для литературоведческих и исторических исследований, для изучения китайской культуры и цивилизации в целом, для изучения вклада китайской цивилизации в развитие мировой цивилизации.

Важное значение для китаеведения в целом имеет изучение социальных функций китайского языка и его диалектов, т. е. проблемой, объединяемых понятием «языковой ситуации» в Китае. Немалое значение имеет также изучение использования китайского языка за пределами Китая. Указанные проблемы входят в сферу так называемой социолингвистики и лингвогеографии.

В качестве отрасли восточного языкознания китайское языкознание тесно связано с изучением других восточных языков, и в частности с изучением языков Юго-Восточной Азии, которые в типологическом отношении, так же как и китайский язык, относятся к числу так называемых изолирующих языков. Последнее определяет известное сходство проблематики научных исследований в области китайского языка и других изолирующих языков при наличии специфических задач в изучении каждого конкретного языка. Связи китайского языкознания с восточным языкознанием стимулируют расширение типологических и сравнительно-исторических исследований, для развития которых большую роль играет изучение собственно китайского языка как имеющего среди других изолирующих языков наиболее древнюю письменную традицию и

относительно изученную историческую грамматику и фонетику.

Что касается взаимоотношений китайского языкознания с языковедением или лингвистикой в целом, то здесь наблюдается двусторонний процесс: с одной стороны, обогащение китайского языкознания идеями и методами современной лингвистики, освоение китаеведной лингвистикой специальных приемов лингвистического исследования, использование фундаментальных идей материалистического языкознания о природе и сущности человеческого языка; с другой стороны — введение данных китайского языка в сферу общего языкознания, что ведет к обогащению общей теории языкознания и к ликвидации ошибочных общетеоретических представлений о китайском языке, явившихся следствием недостаточных знаний о нем.

Для общего языкознания важны как конкретные исследования разных сторон строя китайского языка, так и общетеоретические (и, в частности, типологические) исследования китаеведов-лингвистов.

* * *

В истории изучения китайского языка имелись две тенденции. Одна, обусловленная тем, что китайский язык первоначально изучался через призму сравнительно хорошо изученных западных языков, вела к «европеизации» китайского языка, т. е. к обнаружению в китайском языке всех тех явлений, которые характерны для индоевропейских языков: склонений (падежей), спряжений, грамматических родов и т. д. Но уже пионеры отечественного китаеведения протестовали против этого. Н. Я. Бичурин в свое время писал, имея в виду прежде всего западноевропейских авторов: «Почти все сочинители китайских грамматик... думали найти в китайском языке правильное склонение имен существительных, но мнение

их никакого основания не имеет»¹. Тем не менее «индоевропейский» подход долго ощущался в китаеведении.

Реакцией на эту тенденцию была другая тенденция — отрицание в китайском языке тех или иных явлений и категорий только на основании того, что эти явления и категории не похожи или не вполне похожи на соответствующие категории западных языков. Наиболее яркое выражение эта тенденция нашла в трудах крупнейшего французского китаевода Анри Мaspеро² и отчасти в некоторых ранних работах одного из старейших китаеведов Швеции Бернгарда Карлгрена³. Эта тенденция прослеживается и во многих других работах, авторы которых, хотя и стремятся изучать китайский язык таким, каким он есть, не навязывая ему чуждых категорий, фактически, однако, в той или иной мере рассматривают его вне общих закономерностей развития человеческого языка, конкретной разновидностью которого он является.

Если внимание к специфике китайского языка само по себе с научной точки зрения совершенно оправдано, то чрезмерное выпячивание особенностей китайского языка ведет к его экзотизации, к подчеркиванию его исключительности и полной непохожести на другие языки. Между тем китайский язык имеет как существенно общие черты с другими, в том числе и индоевропейскими языками, так и специфические особенности, присущие только китайскому языку или ряду языков, в типологическом отношении сходных с китайским.

¹ Н. Я. Бичурин, «Китайская грамматика». СПб., 1835, стр. 69.

² Так, А. Мaspеро отмечал три основные черты, характеризующие, по его мнению, китайский язык: неизменяемость слов, отсутствие всех грамматических категорий и отсутствие частей речи. См.: A. Maspéro, *La Langue Chinoise*, «Conférence de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris, Année 1933», Paris, 1934.

³ В. Карлгрен, *Sound and Symbol in Chinese*, London, 1923.

Выработка действительно научного подхода, преодолевающего эти две крайние тенденции, — дело исключительной сложности. Однако именно в этом направлении идет развитие китаеведной лингвистики.

* * *

Основы научного изучения строя китайского языка в нашей стране в советский период были заложены в работах многих известных советских китаеведов-филологов.

В области фонетики и фонологии китайское языкознание своими современными достижениями во многом обязано работам Е. Д. Поливанова и А. А. Драгунова. Над проблемами фонетики работали также В. М. Алексеев, В. С. Колоколов и другие ученые. Развитие лексикологии и лексикографии связано с трудами В. С. Колоколова, В. М. Алексеева, И. М. Ошанина, Б. С. Исаенко и других китаеведов.

Научное изучение проблем грамматики и общих проблем строя китайского языка было начато трудами Е. Д. Поливанова, А. А. Драгунова, Н. И. Конрада, Н. Н. Короткова, И. М. Ошанина, В. И. Горелова и других ученых.

Проблемы нероглифической письменности получили освещение в работах В. М. Алексеева, Ю. Шуцкого, Ю. В. Бунакова, И. М. Ошанина, В. С. Колоколова и других китаистов. В более поздний период изучением нероглифической письменности занимались Г. П. Сердюченко, А. Я. Шер и другие ученые.

Важным этапом развития китайского языкознания были изыскания 20—30-х годов в области латинизации китайской письменности. Советские китаеведы В. М. Алексеев, А. А. Драгунов, В. С. Колоколов, А. Г. Шприцци, Б. К. Пашков и ряд других совместно с китайскими учеными Цюй Цю-бо, У Юй-чжаном, Эми Сяо разработали проект латинизированного алфавита и правила написания слов.

Значительная работа была проделана по составлению учебников и учебных пособий. В этой области много было сделано И. М. Ошаниным, Н. Н. Коротковым, В. И. Горюновым, Б. С. Исаенко, И. И. Советовым и другими китаеводами, чьи разработки проложили пути для создания учебников в последнее время.

Наряду с разработкой научных основ китайского языкознания китаеведы старшего поколения провели большую работу по подготовке научных кадров.

Большинство китаеведов-лингвистов среднего и младшего поколений являются прямыми или косвенными учениками А. А. Драгунова, Н. Н. Короткова, И. М. Ошанина или учениками их учеников.

К настоящему времени китайское языкознание в СССР располагает уже большим отрядом ученых высшей квалификации — докторов и кандидатов наук, успешно работающих в самых различных областях китаеведной лингвистики, — как в научно-исследовательских институтах, так и на кафедрах университетов и высших учебных заведений.

Эти научные кадры в содружестве с китаеводами старшего поколения и научной молодежью способны решать и уже решают важные научные проблемы китайского языкознания. Достигнутый уровень научных исследований позволяет более углубленно решать задачи, стоящие перед китаеведной лингвистикой.

* * *

Основой китайского языкознания как научной дисциплины были и остаются исследования в области строя китайского языка в целом, включая исследования в области грамматического строя (морфологии, синтаксиса), фонетики, фонологии и лексикологии.

В области грамматических исследований перед китаеводами-лингвистами по-прежнему стоит задача создания научной грамматики китайского языка, включающей как де-

тальное описание строя китайского языка, так и объяснение основных особенностей китайского языка. Такая грамматика должна иметь как практическую ценность — быть справочным материалом для составления учебников и учебных пособий, так и научную ценность — ввести научно обоснованные сведения о китайском языке в систематизированном виде в общелингвистический обиход.

Создание научной грамматики китайского языка предполагает решение ряда спорных проблем грамматического строя китайского языка, и прежде всего проблемы слова в китайском языке.

Проблема слова имеет важнейшее значение для понимания строя языка, поскольку особенности слова в конечном счете обуславливают основные грамматические характеристики языка и любой аспект грамматического исследования языка зависит от того или иного понимания природы и характера слова в этом языке. Слово вообще, как известно, относится к числу трудно определяемых понятий. Академик Л. В. Щерба, например, вообще сомневался в возможности иметь общее определение слова, пригодное для разных языков. Трудность определения слова объясняется тем, что, во-первых, слово есть величина, сильно варьирующаяся от языка к языку, и, во-вторых, есть единица, отнюдь не самым четким образом отграниченная от других единиц (т. е. единицы меньшей, чем слово, — морфемы — и единицы большей, чем слово, — словосочетания). Особенно остро стоит проблема вычленения слова и отграничения его от других единиц в языках изолирующего типа, к которым относится китайский язык. Трудность отграничения слова в изолирующих языках, в том числе и китайском, от других единиц побуждает некоторых исследователей вообще отказаться от понятия «слово» в изолирующих языках. Польский ученый Тадеуш Милевский пишет: «При описании этих языков термин «слово» излишен. Одни упо-

требляют его в значении «морфема», другие — в значении «синтагма» (т. е. словосочетание. — В. С.). Оба понимания неверны, так как изолирующие языки являются по природе несловесными⁴. Тем не менее то, что мы обычно называем «словом», может быть обнаружено в любом языке, если понимать под «словом» единицу, способную к самостоятельному синтаксическому употреблению. Швейцарский ученый Ф. де Соссюр говорил, что, несмотря на трудность определения слова, слово «есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное во всем механизме языка»⁵. Советская китаеведная лингвистика в целом исходит из признания в китайском языке такой категории, как слово⁶. Элементарное рассмотрение речевых отрезков на китайском языке обнаруживает в них простые и сложные единицы, способные к самостоятельному употреблению в речи, например: *жэнь* — «человек», *юнчу* — «польза», *чжоцзы* — «стол», *цзоу* — «идти» и т. д., а также единицы, которые могут употребляться в речи только в составе сложных единиц. Таковы, например, единицы *чу* — «место» (входит в состав сложной единицы *юнчу*); *цзы* — именной суффикс (в составе сложной единицы *чжоцзы*) и т. д. Простые единицы типа *жэнь* — «человек», *цзоу* — «идти» и сложные единицы типа *юнчу* — «польза», *чжоцзы* — «стол» и т. п. по признаку синтаксической самостоятельности можно определить как слова. Именно они являются теми единицами, из

которых образуются словосочетания и предложения. Такие единицы, как *юнчу* и *чжоцзы*, нельзя рассматривать как сочетания слов, т. е. словосочетания, поскольку входящие в их состав простые единицы (*чу* и *цзы*) не являются синтаксически свободными и не могут быть непосредственно составляющими предложения. Но если единицы типа *юнчу* являются словами, то входящие в них единицы являются частями слов, т. е. морфемами. Это говорит о том, что в современном китайском языке имеются единицы, которые можно определить термином «слово», а также единицы, меньшие, чем слово, которые, следовательно, можно определить термином «морфема», хотя понятие морфемы в китайском языке обладает определенной спецификой. В этом отношении в китайском языке обнаруживается та же картина, что и в языках иной типологии, в том числе и в индоевропейских. Однако китайский язык обнаруживает специфическое взаимоотношение слова и морфемы⁷. Если, например, во флективных языках выделенная из состава слова его часть, т. е. морфема, как правило, представляет собой единицу, не способную к самостоятельному употреблению в речи (ср. русск. *уч-* из слова «учить»), то в китайском языке только служебные (аффиксальные) морфемы по извлечению из слов, хотя и осознаются как имеющие некоторое значение, но не могут самостоятельно, вне слова, использоваться при построении предложений. Таковы китайские суффиксы *-цзы*, *-эр*, *-ля*, *-мэнь* и т. д. Большинство же знаменательных единиц, являющихся частями сложных единиц, могут быть определены как морфемы только в составе данных сложных единиц (слов). По извлечению из слова такая часть слова (морфема) становится практически неотличимой от

⁴ Т. Милевский, Предпосылки типологического языкознания. Сб. «Исследования по структурной типологии», М., 1963, стр. 26.

⁵ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 11.

⁶ Фундаментальное исследование грамматического строя китайского языка, опубликованное Н. Н. Коротковым в 1968 г. («Основные особенности морфологического строя китайского языка»), имеет подзаголовок «Грамматическая природа слова». Докторская диссертация И. М. Ошанина, написанная в 1946 г., имеет заголовок «Слово и части речи в китайском языке».

⁷ Подробнее см. В. М. Солнце, Язык как системно-структурное образование. М., 1971, стр. 261—267.

самостоятельного слова. Так, в сложном слове *хоцэ* — «поезд» имеются две значимые части *хо-* и *цэ-*, которые по извлечении из этого слова неотличимы от синтаксически самостоятельных слов *хо* — «огонь» и *цэ* — «телега». Таким образом, получается, что одна и та же единица, например *цэ*, выступает то как самостоятельная единица — слово, то как часть слова — морфема. В этом проявляется особый характер отношения слова и морфемы, характерный вообще для изолирующих языков. Грань между простым словом и морфемой оказывается расплывчатой.

В китайском языке имеется значительное количество простых единиц, которые имели статус синтаксически самостоятельных единиц (слов) в древнекитайском языке (вэньяне). Они вошли и в современный язык, но употребляются только как компоненты сложных единиц. Таковой единицей является, например, приведенная выше односложная единица *чу* — «место». *Чу* и подобные ей единицы (*му* — «дерево», *ли* — «стоять» и т. д.) фактически перешли на положение морфем, т. е. они функционируют в современном языке в качестве частей слов. В этом качестве они напоминают морфемы языков иной типологии. Однако полного сходства с морфемами других языков у них все же нет. Являясь словами старого китайского языка, эти единицы обнаруживают разную степень синтаксической самостоятельности. Существуют условия, в которых некоторые из этих единиц употребляются как бы самостоятельно и как бы «возвращаются» к старой жизни (например, стиль речи, насыщенный «вэньянизмами», ср. *чжун у бу чжун жэнь ды сысян* — «ценить вещи и не ценить людей», где имеются единицы *чжун* — «ценить» и *у* — «вещь», в современном языке самостоятельно обычно не употребляющиеся).

Близость простого слова и морфемы в китайском языке обуславливает специфическое явление неразли-

чения в определенных случаях сложного слова и словосочетания.

В тех случаях, когда сложная единица образуется путем сложения синтаксически самостоятельных простых единиц (при этом сложение осуществляется без какого-либо изменения слагаемых компонентов и без различного рода соединительных элементов), полученный комплекс в равной мере отвечает как условиям сложного слова, так и условиям словосочетания⁸. Такие образования, как *янжоу* — «баранина» (букв. «баран» + «мясо»), *лужоу* — «оленина» (букв. «олень» + «мясо»), *юйжоу* — «мясо рыбы» (букв. «рыба» + «мясо») и т. д., теоретически невозможно отнести ни к сложным словам, ни к словосочетаниям. Однако если в состав сложной единицы входит хотя бы один синтаксически несамостоятельный компонент, то появляются необходимые условия для определения этой единицы как сложного слова и отграничения ее от словосочетания. Так, сложные единицы *жэньминь* — «народ» или *миньчжу* — «демократия» определяются как слова (сложные), а не словосочетания потому, что входящие в них компоненты *минь* — «народ» и *чжу* «главенство» не имеют в современном языке статуса самостоятельных слов и, как уже говорилось, перешли на положение морфем.

Вся проблема отношений таких единиц, как морфема (часть слова) — отдельное слово — словосочетание, относится к числу спорных проблем китайского языкознания, от решения которой во многом зависят общее понимание и оценка характера строя современного китайского языка.

Сложность решения проблемы

⁸ См.: Н. Н. Коротков, К проблеме морфологической характеристики китайского литературного языка, «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. V, М., 1963. См. также В. М. Солнцев, Слова и словосочетания в их отношении к единицам языка и единицам речи, сб. «Спорные вопросы грамматики китайского языка», М., 1963.

основных единиц китайского языка, несомненно, усугубляется тем, что в современном языке сложным образом переплетены черты нового и старого языка, старой и новой нормы слова.

Для оценки строя китайского языка не менее важен вопрос о морфологической характеристике китайского слова. Здесь имеется в виду проблема оформленности и формы китайского слова, проблема системности форм слова и непосредственно связанный с этим вопрос о частных грамматических категориях. Сюда же относятся проблемы «нулевой» формы, т. е. значимого отсутствия морфологических показателей, и проблема факультативности морфологического оформления слов. Острые споры среди китайистов-лингвистов по поводу проблемы морфологической характеристики китайского слова привели к прояснению многих сторон этой проблемы⁹. Можно считать, что сейчас сама эта проблематика поставлена логикой развития науки о китайском языке на повестку дня как обусловленная особенностями морфологической природы самого китайского языка. Спор сейчас идет уже не о том, есть или нет в китайском языке морфология, формы слов, частные грамматические категории и т. п., а о том, какова природа и специфика китайской морфологии, в чем состоит особенность морфологической характеристики китайского слова.

К названным морфологическим проблемам примыкает ряд синтаксических вопросов, которые составляют синтаксический аспект морфологической характеристики слов. Здесь имеется в виду проблема синтаксической значимости морфологического оформления слова, т. е. вопрос о роли морфологических показателей в установлении связей между слова-

ми, а также вопрос о различии синтаксического использования разных форм слова. Изучение морфологических свойств слова в конечном счете подчинено изучению функционирования слова в речи и в известном смысле является основой изучения функциональных, т. е. синтаксических, свойств слова.

Конкретные формы слов в китайском языке, будучи агглютинативными (формообразующие элементы однозначны, легко отделимы от основы, используются для группового оформления, т. е. оформления ряда знаменательных единиц с помощью одного аффикса), как правило, не оказывают решающего влияния на установление отношений между словами в предложении. Они не нарушают изолирующего характера языка. Поэтому приходится говорить об агглютинации в рамках изоляции в китайском языке, т. е. об особом виде агглютинации, не нарушающем и не суживающей изоляцию в китайском языке¹⁰.

В то же время разные формы слов в китайском языке все же имеют неодинаковое синтаксическое использование. В некоторых типах или моделях предложений употребляются лишь определенные формы. Например, в предложениях типа *ча вань байдила*, — «чашки расставлены» и *мэнь кайчжэ* — «дверь открыта», получивших название «предложения состояния»¹¹, глагол-сказуемое не может быть употреблен без суффикса и оформляется лишь в зависимости от структуры и лексико-грамматических свойств глагола, либо суффикса *-ла* (первый пример), либо суффиксом *-чжэ* (второй пример). Употребление же, например, суффикса *-го* в предложениях этого типа невозможно.

Таким образом, намечается связь

⁹ См.: Ю. В. Рождественский, Проблема формы слова в истории грамматики китайского языка, М., 1958. См. также: Н. Н. Коротков, Основные особенности морфологического строя китайского языка, М., 1968.

¹⁰ Подробнее см.: Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев, К вопросу об агглютинации в современном китайском языке, «Вопросы языкознания», М., 1962, № 6.

¹¹ См.: Н. В. Солнцева, Строй глагольного предложения китайского языка, Сб. «Языки Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1971.

морфологической и синтаксической проблематики в исследовании китайского языка.

В вопросе о классификации слов в китайском языке (проблема частей речи) решающее слово в отечественном китаеведении было сказано А. А. Драгуновым, который убедительно показал реальную возможность распределения знаменательных слов китайского языка по определенным классам на основе их объективных грамматических свойств¹².

Разработки А. А. Драгунова были уточнены и развиты в ряде последующих работ. Тем не менее и в этой области остаются остро спорные вопросы, к числу которых относятся проблемы взаимоперехода слов разных классов, т. е. использование одной части речи в роли другой, а также проблема отнесения одного слова одновременно к разным классам (по терминологии китайских грамматистов, проблема *и цы до лэй* «одно слово — много классов») и разных способов ее решения.

В области синтаксического строя к наиболее актуальным проблемам, по-видимому, следует отнести вопросы о типах и видах предложений¹³, о соотношении актуального и грамматического членения предложения, о членах предложения и о возможности их перестановок (т. е. о роли порядка слов)¹⁴, а также вопрос о «глубинных структурах» предложений, внешне выраженных как будто одинаковым способом. Иначе этот вопрос можно назвать вопросом омонимии конструкций предложе-

ния. Так, предложения *тамэнь майла шу* — «они купили книгу», *тамэнь лайла Мосыкэ* — «они приехали в Москву» и *тамэнь нали лайла кэжэнь* — «к ним пришли гости» и т. д. внешне построены одинаково по схеме *имя — глагол — имя*. Однако эти предложения обладают разной внутренней грамматической структурой и разными свойствами, которые обнаруживаются при операции перестройки этих предложений (при трансформации). Проблема применения приемов трансформационного анализа к китайскому предложению тесно связана с проблемой порядка слов: одной из животрепещущих проблем китайского синтаксиса является выяснение того, где кончается инверсионная перестановка слов, не меняющая их роли как членов предложения (инверсия), и где начинается перестройка предложения, ведущая к созданию новой структуры предложения (трансформация). Открытой является проблема эргативности строя китайского предложения, тесно связанная с вопросом об активной и пассивной конструкции предложения.

За последние годы была проделана известная работа по изучению словосочетаний в китайском языке¹⁵. Тем не менее вопросы о типах словосочетаний, о соотношении члена словосочетания и члена предложения, о содержании отношений, выражаемых различными типами словосочетаний в общей структуре предложения, требуют к себе пристального внимания.

Широкое поле деятельности имеет также для исследования роли и функций служебных слов.

Говоря о проблемах изучения грамматического строя китайского языка, следует коснуться одного важного вопроса, еще не привлекающего к себе должного внимания исследователей.

По-видимому, под внешним покровом

¹² А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, М. — Л., 1952.

¹³ См.: Н. И. Тяпкина, О принципах анализа и классификации простых предложений в китайском языке, сб. «Языки Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1971; В. И. Горелов, Союзы в сложном предложении современного китайского литературного языка, М., 1963.

¹⁴ По этому поводу см.: С. Е. Яхонтов, Члены предложения в китайском языке. Уч. зап. ЛГУ, № 236, 1958, 158—183; его же: Принципы выделения членов предложения в китайском языке, сб. «Языки Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1971.

¹⁵ См., например, Е. И. Шугова, О некоторых типологических особенностях формирования словосочетания. Сб. «Языки Юго-Восточной Азии», М., 1967.

вом описанной в учебниках грамматики китайского языка лежат определенные схемы и правила словоупотребления, которые лица, владеющие китайским языком как родным, усваивают с детства и которые должны быть специально сформулированы для иностранцев. Приведем элементарный пример.

Русское предложение «каким образом куплена эта книга?» можно перевести на китайский язык разными способами. Одним из способов будет способ, который формальная грамматика не подсказывает: *чжэ-бэнь шу ши цзэмэ гэ майфа?* Аналогично предложение «каким образом ты сюда пришел?» можно кратко перевести: *ни ши цзэмэгэ лайфа?* Ряды возникающих в речи слов типа *майфа*, *лайфа* и т. д. и т. п. не вызывают вообще проблемы у китайцев и лиц, хорошо владеющих языком, но без специального обучения не доступны многим начинающим изучение языка. Выявление таких и подобных им рядов — важная задача исследователей китайского языка. Для создания эффективных и ускоренных методов обучения китайскому языку нужны специальные исследования сочетаемости элементов китайского языка в речи. Таких исследований пока фактически не проводилось, если судить по опубликованной литературе. Не менее важным для правильного речеупотребления является исследование проблемы факультативности, взятой в самом широком аспекте. Для решения этих проблем надо раскрыть те механизмы, которые регулируют китайское речеобразование и которые скрыты под кажущейся простотой китайской грамматики¹⁶.

Несмотря на заметные успехи в

¹⁶ Ср. аналогичное явление в английском языке. В. Г. Костомаров и П. Н. Денисов пишут: «Английский язык пользуется репутацией языка «без грамматики». Действительно, правила английской грамматики можно изложить на нескольких страницах. Тем не менее верно и то, что преподаватель, проверяя сочинения своих учеников, вынужден постоянно сетовать: «Грамматически это

области исследований по фонетике и фонологии китайского языка¹⁷. одной из проблем, подлежащих рассмотрению и изучению, является проблема основных единиц звукового строя языка и их фонологической интерпретации. До сих пор разные авторы отмечают разное количество гласных и согласных фонем в китайском языке. Однако, если фонемы представляют собой обозначения некоторых объективно существующих классов звуков китайского языка, а не результат произвольного распределения исследователем звуков на некоторые классы, то их реальное количество в конечном счете должно быть установлено. Сложность фонологической интерпретации единиц звукового строя китайского языка связана с глубоким расхождением природы звуковых единиц в китайском языке и в языках иных систем.

Как в свое время показали А. А. и Е. Н. Драгуновы, то, что называют «фонемой» в китайском языке, есть единица, способная различать смысл морфем и слов, но не могущая быть носителем смысла, как это имеет, например, место в индоевропейских языках¹⁸. Носителем смысла может

верно, но это не по-английски». Современные лингвисты пытались раскрыть эту тайну, и некоторые из них, не колеблясь, заявляют, что под внешне хаотическим состоянием английского синтаксиса скрываются стройные механизмы, «криптитипы», как они их называют, что по ошеломляющей сложности своих структур, которым ни одна грамматика не возьмется обучать и которые надо усваивать механически, английский язык представляется весьма сложным языком. См. «Русский язык в современном мире», В. И. Ленин и розвиток націоналізмів, Київ, 1970, стр. 23.

¹⁷ См. М. К. Румянцев, Тон и интонация в современном китайском языке, М., 1972; Ю. М. Галенович, Тон и интонация в современном китайском языке, журн. «Народы Азии и Африки», 1962, № 4; А. А. Москалев, Ретрофлексизация фишлей и природа звука [ʒ²] в китайском языке; сб. «Спорные вопросы грамматики китайского языка», М., 1963; Н. А. Спешнев, Фонетика китайского языка, (макет), М., 1972, изд-во «Просвещение» и т. д.

¹⁸ А. А. Драгунов и Е. Н. Драгунова, Структура слова в китайском национальном языке, «Советское востоковедение», 1955, № 1.

быть не отдельный звук (фонема), а топориченный слог (силлабема — по терминологии Драгуновых). Следовательно, вопрос о фонемном составе китайского языка, весь звуковой состав которого организован в ограниченное количество слогов фиксированного состава, должен решаться иначе, чем он решается на материалах индоевропейских языков. Вместе с тем вряд ли целесообразно вообще отказываться от понятия фонемы для китайского языка, так как отдельные звуки (точнее, классы звуков) имеют вполне определенные функции дифференциации звукового облика морфем и слов, как и в других языках. Требуется дополнительное исследование и проблема структуры слога, в частности, в связи с явлением слияния в ряде случаев двух слогов в один слог (например, слияние суффикса *-эр* с оформляемым им знаменательным компонентом в один слог).

Несколько слов следует сказать об исследованиях в области истории китайского языка. Остаются актуальными работы по уточнению периодизации истории китайского языка и выявлению этапов его развития¹⁹. Большое значение для науки, и в частности для изучения связей китайского языка с другими языками, имеет изучение древнего периода развития китайского языка. Реконструкция древнего звучания китайских слов, начатая Б. Карлгреном, выявила различного рода стечения согласных в начале слога и сложную систему конечных согласных, частично сохранившихся в южных и центральных диалектах. Это создало тенденцию к «морфологизации» тех или иных согласных в составе древних слов, т. е. к истолкованию их в качестве префиксов и суффиксов, в частности в работах таких

зарубежных ученых, как Е. Пулеблэнк, Н. Бодман, а у нас — С. Е. Яхонтова²⁰. Дальнейшие исследования в этой области могут привести, по-видимому, к открытию по крайней мере следов древней морфологической системы, от которой уже в древнекитайском языке, по словам Е. Д. Поливанова, уцелели лишь спорадические обломки, а это может повести к пересмотру оценки строя древнекитайского языка и новым оценкам исторических процессов изменения китайского языка. Если в древнем китайском языке отдельные звуковые единицы действительно были носителями морфемного значения, то древнее китайское слово не может быть признано не делящимся на морфемы, т. е. корневым. А это может повлечь за собой целый ряд важных теоретических выводов.

Исследования по истории китайского языка важны и для изучения становления новой морфологии, характерной для современного состояния языка, и изучения формирования его новых грамматических категорий, а также становление новой системы служебных слов и нового синтаксиса. В области истории китайского языка существенное значение имеют исследования по древнекитайским диалектам. Они важны и для выяснения процессов развития китайского языка и для датировки письменных памятников.

В области собственно лексикологических исследований перед китайским языкознанием стоит задача изучения системности лексики, выявления различных лексических пластов (в том числе терминологического пласта), процессов пополнения лексики, в том числе за счет заимствований из других языков. Для китайского языка по ряду причин, требующих выявления и раскрытия, мало свойственны прямые фонети-

¹⁹ См.: И. С. Гуревич, К характеристике грамматического строя китайского языка III—V вв. в связи с вопросом периодизации, сб. «Спорные вопросы строя китайского языка», М., 1965; И. Т. Зограф, Очерк грамматики среднекитайского языка, М., 1962.

²⁰ Nicholas Cleaveland Bodman, Historical linguistics, «Current Trends in Linguistics», vol. 2, Linguistics in East Asia and South East Asia, 1967, The Hague, Paris, p. 35—36; С. Е. Яхонтов, Древнекитайский язык, М., 1965.

ческие заимствования. По-видимому, одной из главных причин этого является особенность фонетической и морфологической организации китайского языка. Однако в китайском языке широко представлены различного рода кальки (т. е. буквальные переводы) слов иностранных языков. Процесс же калькирования часто рассматривают как особый вид заимствований, а именно как так называемое «семантическое заимствование». Изучение лексического взаимодействия китайского языка с другими языками является важной научной проблемой.

К числу задач лексикологических исследований относится также изучение богатейшей фразеологии и идиоматики китайского языка, а также процессов семантического развития слов и выражений.

Дополнительные исследования нужны и в области семантики и использования так называемых разных форм (односложной и двусложной) «одного и того же слова» (*шуа* — «щетка» и *шуацзы* — «щетка», *янь* — «глаз» и *яньцзин* — «глаз» и т. п.).

Одной из важных научных тем является исследование явления омонимии односложных слов и морфем и средств ее разрешения в языке. Внимания исследователей заслуживает проблема соотношения служебных и знаменательных слов, т. е. использование одного элемента то в служебной, то в знаменательной функции. Китайский язык «приспособил» ряд своих знаменательных единиц для выражения различного рода служебных функций (проблема так называемых глаголов-предлогов и т. д.). Иногда это отношение рассматривается как отношение омонимии, иногда именно как использование знаменательного элемента в служебной роли²¹.

²¹ См.: С. Б. Якивер, Принципы разграничения предлогов и глаголов в современном китайском языке, сб. «Спорные вопросы грамматики китайского языка», М., 1963; ее же: Вопросы грамматической омонимии и полисемии в современном китайском литературном языке, сб. «Языки Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1971.

Важной задачей китайского языкознания является развитие социолингвистических исследований — изучение социальных функций китайского языка, т. е. его использования в различных сферах общественной жизни (в устном общении, в литературе, прессе, радио и т. п.)²². Нужны специальные исследования роли места национального языка «путунхуа» в китайском обществе и его взаимодействия с диалектами. В связи с этим актуальной задачей является изучение диалектов современного китайского языка. Вопрос о диалектах весьма важен в теоретическом отношении. Согласно до сих пор широко распространенным среди западных ученых концепциям, диалекты рассматриваются как некие самостоятельные языки, а их отношение оценивается как отношение, подобное отношению, например, романских языков в рамках индоевропейской семьи²³. Научно обоснованное решение проблемы диалектов и их соотношения требует специальных капитальных исследований. Так, решение вопроса о взаимоотношении диалектов между собой и с национальным языком путунхуа требует выяснения законов междиалектных звуковых переходов и чередований, выявления общего словарного фонда диалектов и специфической диалектной лексики в каждом диалекте, а также выявления степени расхождения некоторых грамматических конструкций и различий в служебных словах. Диалектологические исследования важны и для изучения истории языка.

Успехи социолингвистических исследований во многом зависят от степени изученности самого строя китайского языка. Иначе говоря, изучение применения средства обще-

²² См.: М. В. Софронов, Лингвистические проблемы в китайском обществе, журн. «Проблемы Дальнего Востока», М., 1972, № 1.

²³ См.: Nicholas Cleaveland and Bodin, цит. соч., стр. 13.

ция предполагает хорошую изученность самого этого средства. Так, в частности, то или иное специальное применение китайского языка зависит от стиля языка. Различные же стили китайского языка образуются сложным переплетением элементов устной и письменной форм языка, включением в живой разговорный язык байхуа элементов мертвого литературного языка вэньяня — так называемых вэньянизмов.

К числу актуальных задач китайского языкознания относится продолжение исследований в области иероглифической письменности, которая, несмотря на введение в КНР транскрипционного алфавита на латинской основе, продолжает оставаться основным средством письменного общения китайского народа.

Таков краткий перечень некоторых актуальных задач китайского языкознания. Он далеко не полон. Фрагмент настоящей статьи позволили лишь бегло коснуться ряда вопросов, некоторые проблемы вообще не были упомянуты, но и приведенный выше обзор некоторых проблем свидетельствует, как нам кажется, об известных успехах китайского языкознания и об огромном поле предстоящих научных исследований.

* * *

Развитие китайского языкознания в СССР осуществляется в контакте с теми исследованиями китайского языка, которые ведут ученые в различных странах. Такие контакты обогащают исследования китайского языка в каждой стране и способствуют постановке новых проблем, несмотря на имеющиеся расхождения в подходе, методологии и точках зрения.

До начала 60-х годов исследования китаеведов-лингвистов в Советском Союзе были тесно связаны с исследованиями китайских языковедов, которые достигли больших успехов в научном изучении своего родного языка. «Культурная революция» прервала нормальную работу китайских ученых и их контакты с советскими учеными. Однако глубокое уважение к китайскому народу, интерес и уважение к китайскому языку, внимание к исследованиям китайских ученых всегда были свойственны советским китаеведам-лингвистам. Это в полной мере сохраняется и сейчас, несмотря на созданный в КНР барьер для контактов ученых. Восстановление нормальных научных контактов, несомненно, пошло бы на пользу развитию научных исследований китайского языка.

Поэзия Монголии — «свод вдохновенных слов»

Г. Б. Ярославцев

О классическом наследии

Древняя Монголия — страна поэзии, и в утверждении этом нет ни преувеличения, ни выпренности: богатейший фольклор монголов, вся многовековая монгольская литература по природе своей тесно связаны с высокой и неизменной поэтической традицией. Прежде чем история научилась тщательно фиксировать события и даты, народ слагал легенды, сказки, песни. В устном народном творчестве отражались судьбы народа, национальные особенности его кочевого быта.

Первое упоминание о народных песнях монголов содержится в знаменитом «Сокровенном сказании монголов» («Монголын нууц товчоо»), записанном в 1240 году. Треть объема этого памятника-летописи представляет собой поэтические фрагменты — хвалы и здравицы, пословицы и поговорки, афоризмы, наставления и множество иных заимствований из древней поэзии, носившей ритуальный характер. Ко времени зарождения монгольской письменной литературы (XIII век) многообразные виды устного творчества достигли уже высокого уровня развития.

Древнейшим видом фольклора являются эпические песни, для которых характерна героика. Песни эти восходят к богатырским сказкам, в

них еще не утратилась связь с мифологическими представлениями о природе; так, например, копь, неизменный спутник жизни кочевника, его гордость и предмет неусыпных забот, часто предстает чудесным союзником батыра, его близким другом. Отсюда и гиперболические штрихи в создании его образа:

Был еще скакун красивый,
Лучше не было коня —
От хвоста коня до гривы
Путь лежал не меньше дня,
А ушей у скакуна
Сто локтей была длина ¹.

В древности возникли ероолы — благопожелания. Обделенный счастьем кочевник, уверовав в неколбимую силу добрых пожеланий, произносил их по любому приметельному поводу. «Благопожелания — начало блаженства и мира, проклятия и дурные помыслы — семя несчастья и раздора». — Так говорили в старину мудрецы.

Будут беды ваши пусть недолги
И проходят пусть сами собой.
Пусть не встретится вам ночью волки
Иль с укрюком человек лихой ².

Известны «Благопожелание страгалим», «Благопожелание обрабаваяющим шерсть», пожелания богатства и счастья. Мысль ероолов устремлена в будущее. В отличие от них магтаалы восхваляли действительность в ее настоящем. В этой форме возносились хвалы влиятельным ха-

¹ «Хан Эрен-дага-дарья-тумен». Перевод Н. Гребнева.

² Перевод Н. Гребнева.

нам, отважным баторам. Известны магтаалы, воспевающие могущество и богатство родины.

Хараалы (заклятия) складывались с целью охранить счастье кочевника от всего дурного, что могло ему помешать в жизни; сургаалы представляли собой поучения, наставления старших младшим. Широко распространены были малые поэтические формы афористического характера — трехстишия или четверостишия, содержащие шутку, поучение, некую житейскую мудрость или верное наблюдение. Например:

Три из того, что бело:
В юности зубы — белые,
В старости волосы — белые,
После смерти кости — белые.

Все эти возникшие в старину поэтические фольклорные формы продолжали существовать и развиваться и в средние века, наряду с письменной литературой и внутри ее. Исследователь родственной монголам калмыцкой литературы Ю. Розенблюм, имея в виду позднее монгольское средневековье, замечает: «Верность традициям порой казалась единственным средством спасения духовных ценностей, верным способом уберечь от забвения то, что накапливалось и собиралось веками.

Выработанные и отточенные временем ероолы, магтаалы, сургаалы стали неизменными спутниками жизни кочевников».

История средневековой литературы сохранила имена летописца и поэта Лувсанданзана, автора летописи «Алтан товч» («Золотые застёжки», 1634 г.); Цогт-тайжа, оставившего начертанные на скале стихи — образцы философской лирики (1621 г.); Иижаннаша (1837—1892 гг.) — поэта и писателя-историка; Хиндигбата (1849—1916 гг.), крестьянского поэта-бунтаря и выдающегося просветителя. Все они и десятки других, здесь не упомянутых, составили славу монгольской литературы. Каждый из них, питаясь соками народного творчества, обогатил национальную поэзию тво-

рениями, достойными долгой жизни и пристального изучения. «Монгольскую литературу, — писал известный советский ученый-монголовед академик С. А. Козин, — характеризует склонность и способность трактовать в жанре изящной словесности самые «прозаические» темы: и политические, и научные... Нет монгольской летописи, которая не стремилась бы наряду с хронологическим изложением событий включить в себя наибольшее число художественных элементов... Изложение истории письменности и отделов грамматики перемежается художественно отделанными стихотворными «лирическими» отступлениями»³.

Монгольская классическая поэзия, как и вся литература, долгое время находилась под влиянием религиозной идеологии — буддизма и его монгольской ветви — ламаизма. Однако лучшие произведения передовых писателей XIX векаполнили арсенал светской литературы, укрепили ее позиции в ущерб литературе религиозной. Поэзия критического направления развенчивала феодалов и князей церкви, расчищая путь для решительной борьбы с феодализмом и ламаизмом, за социальное и духовное раскрепощение трудящихся аратов. Предреволюционная поэзия в Монголии была переходной от средневековой к современной реалистической.

Хотя, как пишет критик Г. Жамсранжав, «проникновение художественных произведений светского характера и демократического направления было подобно проникновению лунного света сквозь тоно юрты в темную ночь»⁴, в монгольской литературе рождались ростки нового и открывались перспективы для творчества прогрессивных монгольских писателей.

³ С. А. Козин. Джангариада. Героическая поэма калмыков, М. — Л., Гослитиздат, 1940, стр. 26—27.

⁴ Гомбийн Жамсранжав. «Братство наших литератур». Цит. по: «Книга братства». Москва — Улан-Батор, 1971, стр. 494.

Новая поэзия. Поэтическая летопись полувека

Большая Октябрьская революция 1917 года в России и победившая под ее влиянием Народная революция 1921 года в Монголии привели к грандиозным сдвигам в общественных отношениях, политическом строе, экономике, культуре монголов, в мировоззрении народных масс. Феодализму был нанесен сокрушительный удар, власть перешла в руки народного правительства. Началась эпоха великих преобразований, созидательного труда на всех участках хозяйственного и культурного строительства. Монголия стала первой страной после Советской России, вставшей на социалистический путь развития.

С первых лет, даже с первых месяцев революции, монгольская поэзия получила новый толчок к развитию, обрела новое содержание. Свою историю новая поэзия начала с фольклора, с песни. Первой была песня партизан Сухэ-Батора «Шивээ Хиагт» («Крепость Кяхта»), сложенная ими о событиях 18 марта 1921 года — о разгроме оккупационных войск китайских милитаристов (так называемых «гаминов») отрядами будущей Монгольской Народно-Революционной армии и о взятии ими пограничного с Кяхтой города Маймайчена, тогда же переименованного в Алтан-Булак. Песня заканчивалась торжественными словами:

Так поднялись монголы на борьбу,
Так армия народа родилась.
Так сам народ ковал свою судьбу,
Заря свободы для него зажглась⁵.

Широкое распространение получили песни «Шелком шитое знамя», «Красное солнце», «Песня революционной молодежи» и другие. «Партизанские песни не только открыли первую страницу современной литературы — они приняли и продолжили традиции народной поэзии, обрет-

⁵ Здесь и далее специально не оговоренные переводы принадлежат автору статьи.

шей в свою очередь новое качество. Поэзия была призвана на службу Народной революции»⁶.

Автором ряда популярных революционных песен был Сономбалжрын Буяинэмэх (1902—1937 гг.). Впоследствии журналист, драматург, прозаик, участник Кружка революционных писателей, двадцатилетний С. Буяинэмэх входил в состав монгольской делегации на состоявшемся в Москве в январе-феврале 1922 года Первом съезде коммунистических и революционных партий Дальнего Востока. Он видел и слушал В. И. Ленина и оставил свои впечатления в рассказе «Незабываемая встреча».

Двадцатые годы в Монголии — время важных культурных начинаний и событий. По решению ЦК Ревсомола были созданы журналы «Манай зам» («Наш путь», 1923 г.) и «Хувьслагт залуучуудын эвлэл» («Союз революционной молодежи», 1925), где впервые появились имена тех, кто впоследствии заложил основы новой поэзии — Дашдоржий Нацагдорж, Цэндийн Дамдинсүрэн, Бямбын Ринчен. В 1925 году министр просвещения Монголии Эрдэни Батухан обратился к А. М. Горькому за советом и помощью в деле образования. В своем ответе великий писатель советовал «...переводить именно те европейские книги, в которых наиболее ярко выражен принцип активности, напряжения мысли, стремящейся к деятельной свободе, а не к свободе бездействия». В 1921 году на учебу в Москву, а затем в Ленинград (1924 г.) и Иркутск (1925 г.) направилась группа монгольских студентов. В это же время был организован кружок революционных писателей и как подведение первых итогов его работы издан был литературный альманах «Свод вдохновенных слов» (1929 г.) Поэзия в этом альманахе была пред-

⁶ К. Н. Яковская, «Литература Народной Монголии» в книге: Г. Михайлов, К. Яковская, «Монгольская литература», М., «Наука», 1969, стр. 118.

ставлена подборкой песен первых лет революции, торжественным сказом Г. Навааннамжила «День памяти Ленина», обличительными стихами Буяннэмэха — «Водка» и Ринчена — «Желтым клещам». В нем автор клеймит лам, служителей желтой веры. И еще одно стихотворение Ринчена — «Мой край», написанное в строгой форме традиционного магтаала о природе. Наиболее значительный вклад в альманах внес Буяннэмэх, выступивший также и со статьей «Тезисы о том, как писать литературные произведения», в которой делает попытку «преодолеть плоскостность и прямолинейность, существовавшую в новой поэзии». Важно отметить, что уже в конце двадцатых годов писателю «была ясна необходимость улучшения, углубления художественных качеств новой поэзии»⁷, имевшей ярко выраженную агитационную направленность. Рассказывая людям о целях революции, просвещая народные массы, ведя борьбу против засилья местных феодалов и влияния ламаизма, новая поэзия вместе с тем говорила еще старым языком, опиралась на поэтические формы прошлого.

* * *

Давайте, друзья, построим
Такое большое счастье,
Чтоб всей вселенной сняло
на десять тысячелетий!⁸

Эти радостные, взволнованные строки принадлежат Дашдоржийну Нацагдоржу (1906—1937 гг.), поэту, прозанку, драматургу, ученому. Его творчество бурно развивалось во втором десятилетии народной власти, и все созданное писателем в большинстве своем оказалось жизнеспособным, значительным для его современников и тех, кто пришел в литературу на десять и двадцать лет позднее. «Мы считаем Д. Нацагдоржа основоположником современной

монгольской литературы не только за то, что он писал,— подчеркивает известная писательница С. Удвал, — но и за то, что его произведения по жанру, мастерству, новаторству являются произведениями социалистического реализма»⁹.

Д. Нацагдорж учился в СССР и Германии, овладел многими языками; вернувшись в Монголию, жил и писал «в сплошной лихорадке буден» — в годы углубления революции, усиления сопротивления феодалов политике народной власти, обострения классовой борьбы, возникновения и развития социалистических производственных отношений. Поэт славил возможность «учиться в далеких краях» и рождение новой монгольской интеллигенции. Он воспевал великий Октябрь, монгольскую пионеррию, древний праздник надом и его новое содержание; хотел знать, «живут ли на Марсе люди... и слышат ли наши песни»; клеймил злодеяния «светских и духовных феодалов, поднявших руку на народ монгольский», имея в виду антинародное восстание феодалов и лам в Монголии в 1932 году; создавал великолепные гимны родине. И ныне, сорок лет спустя, считают шедеврами новой монгольской поэзии его произведения «Моя родина», «Четыре времени года». Впервые в новой литературе он от чистоты сердца воспевал высокие чувства человека, данные ему самой природой. Такова его драма «Три печальных холма». Произведение это — убедительный сплав фольклорных и литературных традиций. Нацагдорж известен и как поэт-переводчик: он перевел на монгольский язык ряд стихотворений А. С. Пушкина, передав дух его поэзии, приблизив стихотворный размер переводов к размеру подлинника.

«Нацагдорж,— говорил В. П. Катаев,— как настоящий большой пи-

⁷ К. Н. Яцковская. Там же, стр. 135.

⁸ Стихотворение «Звезда» («Од»), Перевод С. Богвишика.

⁹ С. Удвал. Д. Нацагдорж. «Унэн», 1966, № 321. Цит. по книге «Монгольская литература», стр. 155.

сатель и человек, открывал у себя на родные дорожки всему лучшему, что есть в литературе других народов мира»¹⁰.

Рядом с именем Нацагдоржа по праву стоит имя Цэндийна Дамдинсурэна (род. в 1908 г.) — поэта, прозаика, крупного ученого, действительного члена АН МНР. В творчестве Ц. Дамдинсурэна, уже известного читателям яркой повестью «Отвергнутая девушка» (1928 г.), в тридцатые годы выделяется многоплановая поэма «Моя седая мама» (1934 г.). Совершенно права исследовательница монгольской литературы К. Н. Яцковская, подчеркивая, что творчество Нацагдоржа и Дамдинсурэна «родило несколько общих черт: выбор в качестве героя нового человека, использование народных традиций и их переосмысление», а также то, что «оба были хорошо знакомы с советской литературой, с русской и мировой классикой... Им принадлежат первые успехи в становлении социалистического реализма»¹¹.

Тридцатые годы — годы становления новой поэзии, которая являет в это время чрезвычайно разнообразие по жанрам, по стихосложению, по мастерству. Это период серьезной учебы литераторов, творческих исканий. Для некоторых писателей это и период забвения традиций, нигилистического отношения к народной литературе феодальной эпохи. Д. Нацагдорж, Ц. Дамдинсурэн, Б. Ринчен, Тумрийн Нацагдорж и другие литераторы активно занимаются переводческой деятельностью, знакомят монгольских читателей с русской и западной классикой, с произведениями А. М. Горького, Н. А. Островского, Д. А. Фурманова, проводя в жизнь завещанный им Горьким «принцип активности» в выборе литературы для популяризации. Писательский кружок преобра-

зовался в Монгольскую ассоциацию революционных писателей, которое удалось, как пишет наш современник, писатель Л. Тудэв, «консолидировать творческие силы новой монгольской литературы и объединить писателей общностью творческой платформы»¹².

* * *

В сороковые годы в литературе пришло новое поколение — поколение ровесников Народной революции. Вопрос о ведущей теме поэзии этого времени поставил в образных стихотворениях «Память о военном лете» поэт Ц. Гайтав и сам же ответил на него:

Где же взяты яркие чернила,
чтоб писать,
как билась здесь монголы,
Как победу с братьями ковали? —
Из реки широкой,
Халхин-Гола.

Совместное выступление в 1939 году Советского Союза и Монголии против агрессии японских захватчиков в районе реки Халхин-Гол, мужественная поддержка и посильная помощь трудящихся Монголии в годы Великой Отечественной войны советскому народу в его борьбе против фашистской Германии, участие вооруженных сил МНР осенью 1945 года плечом к плечу с Советской Армией в разгроме японских милитаристов — все это на целые годы обусловило ведущее положение в поэзии военной тематики. Непокосимость Народной армии, верность воинскому долгу, героизм, находчивость пограничников, воскрешение в памяти подвигов героев Народной революции, сбор средств на постройку танковой колонны «Революционная Монголия» и авиаэскадрильи «Монгольский арат» и передача их Советской Армии — вот мотивы стихотворений и поэм Ц. Дамдинсурэна, Д. Сэнгээ, Ц. Цэдэнжава, С. Даш-

¹⁰ Слово о Нацагдорже. Выступление на торжественном заседании в Улан-Баторе 17 ноября 1966 г. Цит. по «Книге братства», стр. 484.

¹¹ К. Н. Яцковская. Там же, стр. 170.

¹² Там же, стр. 144.

дэндэва, Ч. Лхамсурэна, Д. Тарваа, Ш. Хорлоо.

Заметно выделяется и крепнет голос Дашзэвэгийна Сэнгээ (1916—1959 гг.), который создает поэму о пограничниках «Праздничная ночь», обращается от имени монгольской молодежи со стихами-ероолами к советским воинам, выезжает в 1943 году в район боевых действий, пишет стихотворное письмо «С фронта». Шытливый и деятельный, он постоянно учится, обогащает свой литературный язык. Его стихотворение «Родине» (1943 г.), положенное на музыку, стало народной песней:

Родина, скажи одно лишь слово —
Я пойму, приказ исполню твой,
На борьбу тобой мобилизован,
В трудовой тобою призван строй¹³.

В 1946 году Сэнгээ поступает в Литературный институт имени М. Горького в Москве, пишет глубоко прочувствованные стихотворения «Голубь», «Рассказ старого партизана», четверостишия о мире:

Близок срок, уже не за горами,—
Войн не будет,— мы их не хотим:
Пушки в тихих залах за шюрами
Встанут по музеям городским¹⁴.

По окончании учебы Сэнгээ находится на партийной работе в крупном госхозе. В свободное время, по ночам, пишет либретто оперы «Унэн» («Правда»), переводит произведения Лермонтова, Горького, Симонова, Хикмета. Его творчество, дважды отмеченное Государственной премией МНР, известно советским читателям по сборникам «У ко-стра» (1951 г.), «Голубь» (1961 г.) и по множеству публикаций в периодической печати.

С 1956 года до последних дней жизни Сэнгээ руководил Союзом монгольских писателей (так стала называться творческая организация писателей еще в тридцатые годы), сменив на этом посту Ц. Дамдинсу-

рэна, который много сил и времени отдавал теперь науке о языке и литературе.

В 1959 году Д. Сэнгээ безвременно скончался. Быть может, никто ранее в монгольской поэзии не сказал так убедительно, как он, что мысли, дела и чувства человека достойны самой высокой поэзии, что поэзия — это музыка человеческой души.

В январе 1948 года состоялся Первый съезд монгольских писателей. На съезде обсуждались организационные, творческие и теоретические проблемы; отмечалось влияние переводной художественной литературы, и прежде всего русской и советской, на идейное и художественное формирование монгольской литературы; подчеркивалась необходимость развития литературной критики, серьезно обсуждался вопрос о творческом методе монгольской литературы. Съезд декларировал: «Главным методом работы наших писателей должен быть революционный реализм. Развитие революционного реализма непременно приведет к следующему этапу — социалистическому реализму»¹⁵.

* * *

В середине 50-х годов большой размах получила в Монголии работа по переводу выдающихся произведений русской, советской и мировой литературы. Стали появляться переводы непосредственно с французского, немецкого, итальянского, чешского, японского, китайского и других языков. Второй съезд монгольских писателей (1957 г.) отметил значительный приток в литературу талантливой молодежи, подчеркнул тот факт, что монгольская литература выросла в художественном и идейном отношении, стала разнообразнее по темам и жанрам.

Творчество Сэнгээ и Дамдинсурэна пробудило лирические струны в

¹³ Перевод Н. Ушакова.

¹⁴ Перевод Н. Ушакова.

¹⁵ «Монгольская литература», стр. 181—182.

душе их младшего современника Сухийна Доржпалама (1921—1967 гг.). О сущности стихов этого поэта говорят названия его сборников: «Лирика» (1956 г.) и «В светлом мире» (1960 г.). Знавшим его лично, в том числе и автору этих строк, навсегда запомнилось, с каким упоением отдавался Доржпалам всякому труду, в котором он видел основной смысл и радость жизни. Мир для него всегда был светлым, а если набегали порою на голубой небосвод тучи, жизнелюбивый, признававший лишь силу правды, этот человек старался рассеять их веским словом поэзии.

Многие стихи поэта славят дружбу народов Монголии и Советского Союза, прослеживают ее истоки.

Воины, павшие здесь, породнили
Русских с монголами кровью своей,—

отмечает он в поэме «Сестре любимой»¹⁶, обращаясь к вдове советского бойца, погибшего в бою у Халхин-Гола.

Есть у Доржпалама стихи о любви, о чистых человеческих чувствах, стихи, несущие запах степи, обаяние монгольской природы. Тайна привлекательности этих произведений — в жизненной позиции их создателя.

Говорят, что поэзия возникла в тот миг, когда человек впервые удивился. С этим вечно молодым удивлением писал стихи Доржпалам, и недаром утверждал он в стихотворении «Мой младенец», что

...каждый шаг по жизни
На первый шаг похож¹⁷.

Обращают на себя внимание стихи, подсказанные жизненным опытом и долгими размышлениями. Поэт борется за духовную чистоту человека новой эпохи. Они дополняют портрет писателя, определяют его творческую индивидуальность. В стихотворении «Рана» он пишет:

Вражья пуля убьет наповал или ранит.
Рану — даже глубокую — время затянет.
И все меньше мы помним о ней год от год.
Ноет рана, когда на дворе непогода.
Злое слово убить не убьет, но изранит,
Только рана словесная меньше не станет.
Злое слово терзает, вливается, душит
И не тело врага — друга верного душу.

Выразительны строки о нелюбом добровольном затворнике, отродившемся от жизни высоким забором («Забор»); размышления о замке, который «из жадности», «из страха сотворен», утверждают в мысли, что ни сундуки, ни дома, ни сердца людские не должны иметь замка («Замок»). . . «Дым зависти улетает, но копать на душе человеческой остается», — замечает поэт в стихотворении «Дым и зависть». Он борется с черствостью сердец («Телефон»), злоязычием, неверностью в дружбе («О дружбе»).

Доржпалам умел заглянуть в человеческую душу, поэтически выразить ее сущность («Родничок»); наблюдательный и справедливый, он приходил к мудрому выводу:

...если прожил жизнь свою достойно,
Без жалоб встретит старость человек¹⁸.

О литературных интересах, о поэтическом вкусе С. Доржпалама говорят и его переводы: много труда и таланта вложил он, воссоздавая на монгольском языке «Маобитскую тетрадь» Мусы Джалиля, стихи Шандора Петефи, Николая Тихонова. Нужное людям творчество Доржпалама оставило заметный след в современной монгольской поэзии. В 1967 году вышла его книга «Избранное» на русском языке в переводах советских поэтов К. Симонова, В. Тушиновой, Е. Вишукорова, В. Сикорского, С. Липкина и других.

Серьезного разбора заслуживает творческая индивидуальность такого разностороннего писателя, поэта, драматурга и переводчика, как Чой-

¹⁶ Перевод В. Сикорского.

¹⁷ Перевод В. Сикорского.

¹⁸ Стихотворение «Без жалоб». Перевод С. Болотина.

жилын Чимид (род. в 1927 г.). В пятидесятые годы им создано много картин-зарисовок из жизни аратов («Всадники», «Хайнак», «Роща» и др.). Труд писателя он сочетает с большой общественной деятельностью на посту председателя Монгольского Комитета защиты мира, являясь в настоящее время и главным редактором ежемесячного журнала «Монголия» на русском языке. Интернациональная тема — ведущая в творчестве Чимида-поэта.

В творчестве Ч. Лхамсурэна и Д. Тарваа заметны песенные мотивы.

Чойжилжавын Лхамсурэн (род. в 1917 г.) близок к народной поэзии. Автор многочисленных поэм, поэтических сборников, стихов для детей, он плодотворно работает и как прозаик. Советский поэт В. Сикорский писал в 1961 году: «Меня очень заинтересовало стихотворение Лхамсурэна о море: девочка рисует свою мечту — безжизненная пустыня Гобби заплескалась морем, на берегах которого цветут цветы и пасется скот. Мать удивляется этому странному рисунку, а девочка говорит, что, когда вырастет, будет создавать моря в пустыне. В этом стихотворении радуется острое чувство нового»¹⁹.

Далантайн Тарваа (род. в 1923 г.) подростком добровольцем ушел в Народную армию, участвовал в боях у Халхин-Гола. В 1940 году он написал первое стихотворение «Мы победим», ставшее популярной песней. Сборники песен — «За родину» (1947 г.) и «Песни» (1949 г.) — принесли поэту заслуженную известность.

Заметным явлением монгольской поэзии 50-х годов стал сборник Ы. Ринчена «Цветок невесты» (1956 г.), в который вошли стихи, отличающиеся богатством языка, отточенностью стиля. Е. Долматовский писал: «Стихи Ринчена ярки по образам и глубоко по мыслям»²⁰.

Накинула старушка пастушка Луна
На плечи тэрлик²¹ — тучку — узорный халат,
На посох серебристый — на луч — оперлась,
По небу гонит звездочки — стадо телят.
Племянник-подпасок — проказник Ветерок
Подул и с плеч пастушки халатик совлек.

В эти же годы зазвучали сатирические мотивы в поэзии Д. Даржаа, уверенно заявили о себе Ц. Гайтав, Б. Явуухулан, Д. Пурэвдорж, Л. Тудэв, М. Цэдэндорж. Сейчас их называют писателями среднего поколения. Их творчество — сегодняшний день монгольской поэзии, современный ее уровень.

Достижения и проблемы

Зародившаяся полвека назад новая литература Монголии прошла этапы становления, утверждения; осталась позади и та ступень развития реалистического искусства, которая определялась в стране как революционный реализм. И поэзия, как вся литература в целом, завоевав твердые рубежи идейности, преданно служа народу, штурмует ныне самые высокие вершины. Третий (1962 г.) и четвертый (1967 г.) съезды монгольских писателей «подняли многие важные вопросы художественного творчества, проанализировали основные этапы развития монгольской литературы нового времени, оценили ее достижения и недостатки. В решениях съездов особое внимание обращается на необходимость создания жизненно достоверного живого человеческого характера, содержится требование к писателям создавать произведения, достойные времени, значительные по содержанию и яркие по форме»²².

Сам факт выдвижения столь высоких и перспективных задач, нацеливающих художников слова на углубленную работу, говорит о духовной зрелости общества. Осуществление их возможно лишь в современной Монголии, где образование и

¹⁹ «Поэзия Народной Монголии». М., ГИХЛ, 1961, стр. 9—10.

²⁰ «Монгольская поэзия». М., ГИХЛ, 1957, стр. 5.

²¹ Тэрлик — укороченный летний халат без подкладки.

²² «Монгольская Народная Республика». М., «Наука», 1971, стр. 378.

культура — неотъемлемое право и святая обязанность каждого члена общества. Каждый день в стране выходят десятки газет, ежегодно издаются многие сотни книг. Радио и телевидение, театр и кинематография, музеи и выставки — все достижения современной цивилизации неуклонно входят в быт бывших кочевников. К 1969 году в стране было выпущено девятьсот изданий книг зарубежных писателей в переводе с более чем двадцати языков, представляющих семьдесят стран мира. (По подсчетам критика Г. Жамсранжава, «в том или ином объеме на монгольском языке теперь представлена литература ста двадцати стран».) Более половины из них — произведения русской и советской литературы.

Освоение всего лучшего, что создала советская и мировая литература, принесло огромную пользу развитию и подъему литературы МНР. Тесные взаимные связи советских и монгольских писателей сблизили литературу наших стран, сделали их сходными по своему идейному содержанию, художественному методу и направлению развития. Сходность или общность эта не в сюжетах, а в системе эстетических оценок, в художественной концепции современности. «Выбор нашей литературой метода социалистического реализма никем не был навязан нам, — отмечал Л. Тудэв в 1968 году. — Метод социалистического реализма был нужен нашей литературе так же, как нужны солнце и дождь для того, чтобы цветы могли распускаться»²³.

Экономически прочная, духовно богатая жизнь делает человека сложнее, а его поиски совершенствования глубже. Монгольская поэзия обратилась к человеку, к его тончайшим переживаниям, к психологическому формированию его личности. Духовно развитая личность — это в каждом случае особый мир, и поэзии часто приходится вести речь не о бесспорном, вторгаться в мироощущение индивидуальности, видеть

и оценивать непреходящие ценности, открывать новые. Лучшие художники поэтического слова в внешней Монголии уже не только регистрируют важные изменения в обществе и человеческом сознании, они формируют сознание, ставят перед личностью все более усложненные вопросы.

Нет возможности рассказать здесь о творчестве каждого: если в сороковых годах в писательском союзе были объединены три десятка литераторов, то теперь их больше ста. Представляется возможным сказать лишь об основных явлениях и некоторых тенденциях.

Бесспорным явлением стало творчество Бэгзийна Явуухулана (род. в 1929 г.), стихи которого переведены ныне на десятки языков мира. О ранних его стихах, переведенных на русский язык и собранных в сборнике «Лирика» (1960 г.), говорит Лев Ошанин: «За строчками этой книги встает душа монгольского народа, его нового, сегодняшнего поколения, взявшего эстафету из рук Сухэ-Батора. Поэт находит свои, особые краски, чтобы рассказать нам о вчерашнем и сегодняшнем дне Монголии». Мнение Льва Ошанина разделяет Римма Казакова. Касаясь последних произведений Явуухулана, она пишет, что в них «есть та нервная напряженность, то индивидуальное, предельно обостренное видение мира, которое делает его гражданские стихи интимно-лирическими, а самую интимную лирику — гражданской». Определенность позиции, говорящая о духовной зрелости, сочетается в его стихах с юношеской непосредственностью и увлеченностью. . . Из каждой строчки. . . рвется. . . дыхание сдержанного темперамента, цельной и многообразной человеческой личности»²⁴.

Другое явление — эпическая поэзия Цэвэгмидийна Гайтава (род. в 1929 г.), ероолча (сказителя) двадцатого века, автора поэм «Пробуж-

²³ «Книга братства», стр. 503—504.

²⁴ «Иностранная литература», 1971, № 7, стр. 47.

денная степь», «Ленни с нами», «Карл Маркс», «Дамдины Сухэ-Батор», «Коммунисты» и множества стихотворений. Гражданственность — характерная черта творчества Гайтава. Энергично, напоминая поэзию Маяковского, звучит в его стихах интернациональная тема:

Уж полвека
мы —
Хоть богов — единоверцы,
давно не почитаем;
Ритм бенья не почитаем;
С ритмом собственного сердца
сердца русского сверяем.
Совпадение ритмов — признак
точный.
Что идем по верному
пути.
Вместе нам за мир бороться
прочный,
Вместе к коммунизму
нам идти.

Дэндэвийн Пурэвдорж (род. в 1933 г.) — один из ведущих современных поэтов Монголии. В его папире разнообразные оттенки красок, тематика произведений обширна. Он и поэт-песенник, и автор сатирических стихов, его творения воскрешают страницы исторического прошлого Монголии и воспевают героиню ее сегодняшних будней. Пейзажные миниатюры поэта при чтении неожиданно разрастаются в емкие полотна («Эдельвейс», «Четыре вечерние картинки»).

Вечер застает на перевале.
Спустился — подпрыгу подтянуть.
Там, внизу, во мраке тонут дали,
Стайка юрт еще видна чуть-чуть.
Жемчугом, что сыплется в шкатулку,
Овцы набиваются в загон.
Свет луны и воздух — горный, гулкий...
В шелковую степь приходит сон...

Известный в стране прозаик и литературовед Лодонгийн Тудэв (род. в 1935 г.), автор романов «Горный поток» (1959 г.), «Кочевье» (1964 г.),

«За Полярной звездой. Повесть о Сухэ-Баторе» (они изданы и в Советском Союзе), начинал творческий путь с поэзии; появляются его новые стихи и ныне. Философская лирика поэта тональностью и радостным ощущением жизни напоминает лирику Явуухулана и Пурэвдоржа; она обладает удивительным свойством запоминаться с первого чтения — оттого, видимо, что образ у Тудэва точен, ёмок, зрим:

Путь наших предков долог был и крут —
Столетия качались за плечами.
И на земле, как круглые печати,
Остались отпечатки наших юрт²⁵.

Остается поэтом с яркими гуманистическими устремлениями и Сормуунрийн Дашдооров (род. в 1935 г.).

В стихах его много нерастраченного тепла, доброты и еще, пожалуй, мудрого умения не фантазировать бесплодно, видеть людей и вещи такими, каковы они есть, но и относиться к ним в соответствии с их подлинными достоинствами. Умение это внушает большое доверие к стихам поэта. Вот пишет он о себе, охотнике, по неделям бродящем с ружьем по глухой тайге: ходил и наблюдал за жизнью лесных обитателей, прячась от никем не пуганной еще белки за кустами. . .

...Ты юрк в дупло — я не тужил
О шкурке, теплой, гладкой.
Будь я охотник — дэл²⁶ бы спил
На беличьей подкладке.
Но не стрелял я, лишь смотрел.
И мне ль жалеть об этом!
Я много видел
И — прозрел
И сделался поэтом.

Многогранный и плодовитый Мишигийн Цэдэндорж (род. в 1932 г.) — автор солидных поэтических книг, свидетельствующих о нем как о большом знатоке родного фольклора. Цэдэндорж к тому же и неутомимый переводчик произведений

²⁵ Из стихотворения «Великое кочевье». Перевод Я. Беллинского.

²⁶ Дэл — национальная одежда монголов.

М. Горького, Э. Межелайтиса, Р. Тагора, Э. Хемингуэя, составитель «Антологии советской поэзии», внесший весомый вклад в теорию и практику поэтического перевода. Стихотворение «К солнцу!» — образец его оригинального творчества.

Мы с тобой на облаке вдвоем,
Мы навстречу солнцу ясному плывем.
А под нами реки быстрые текут,
А под нами табуны в степи бегут,
Расстилается земли цветной ковер.
И вздымаются твердыни старых гор,
И дорога протянулась вдаль стрелой.
И влюбленных песня слышится порой,
И над ними, по просторам голубым,
Мы все дальше к солнцу ясному летим.
А потом веселым, ласковым дождем
Мы прольемся и на землю упадем.
Освежим на летних пастбищах траву,
Напоим цветы, колосья и листву,
Превратимся в легкий утренний туман.
Устремимся снова в небо-океан.
И на светлом облаке вдвоем
К солнцу, к пламенному солнцу
поплывем! ²⁷

* * *

Характеристику «сорокалетних» — среднего поколения — можно продолжить рассказом о творчестве Лувсандамбына Хуушаана (род. в 1929 г.), Дамдинцоогийна Содномдоржа (род. в 1928 г.) и некоторых других поэтов, которые уже многое успели сделать и от которых мы вправе ожидать еще большего. Но лицо современной поэзии — это не только творчество сорокалетних, это и творчество ветеранов, творчество многочисленной и яркой молодежи.

Уже проследив вкратце путь развития новой поэзии, мы видели среди ее зачинателей имя Бямбына Ринчена (род. в 1905 г.). Ученик Владимирцова и Алексеева, Крачковского и Бартольда, старейший писатель-академик Ринчен читает и пишет на шестнадцати языках. «Теперь, на склоне лет, — говорит он, — я испытываю чувство какой-то детской восторженной благодарности советским филологам и историкам. Они меня сделали ученым» ²⁸.

²⁷ Перевод С. Северцева.

²⁸ «Известия», 10.1.1972 г.

В художественном творчестве Ринчена выделяются написанные в 60-е годы новеллы на сюжеты из прошлого Монголии. В эти новеллы органически вписываются стихотворения, созданные в классическом стиле. Да и сама «литая» проза Ринчена выдает здесь совершенного мастера поэзии. Герои новелл — джунгарский хан-полководец Галдан, отстававший в XVII веке перед захватчиками-маньчжурами независимость западных монголов — ойратов («Мужественная Ану»); маньчжурская принцесса, выданная замуж за монгольского князя, чтобы шпионить за ним, но добровольно разделившая с мужем трагическую участь, уготованную за восстание против ее отца дома («Принцесса»); талантливый мастер буддийской скульптуры, оставивший замечательные образцы художественного литья, подругу жизни и помощницу которого губят ламы, — душевное потрясение дает мастеру силы на создание шедевра («Рука богини»); безвестный изобретатель парашюта, которого до смерти забивают невежественные ламы как дерзкого сообщника нечистой силы («Летатель Буння»). Для стиля этих и других новелл (они готовятся к изданию на русском языке), для их торжественно-приподнятого строя характерно легендарно-поэтическое начало. Герои новелл, подчас наделенные такой сложностью умственной жизни, каковы вряд ли могла быть свойственны людям того далекого времени, настолько исторические персонажи, сколько легендарные люди-символы. Новелла, начинаясь как исторический рассказ, часто перерастает в философскую поэму, прославляющую непокорство мысли, неистребимость мятежного человеческого духа. В новеллах этих не культ старины, не нарочитый уход от современности, не законная гордость народа, который сохранил свой язык, свою культуру в условиях многовекового засилья феодалов и лам.

Содержательное исследование в этой области провела литературовед Т. Л. Мотылева. Прослеживая

процессе «интеграции» культурных ценностей, процесс освоения национального художественного наследия, разветвляющийся в каждой из стран социалистического мира, критик приходит к важному обобщению: «У любого из народов, строящих социализм, есть свои ценности, завещанные прошлым, которые могут быть переосмыслены и органически влиться в духовную культуру социалистического общества. Мы видим в литературе социалистического мира растущее разнообразие национальных художественных форм — отчасти и за счет обращения к старинным, сказочно-легендарным формам художественного обобщения»²⁹.

В стихах 60-х годов Ринчен обнаруживает интерес к проблемам формирования настоящего человека социалистического общества. Он часто заводит речь о так называемой не наказуемой вине: о неумении человека сопротивляться обстоятельствам, о грехах малодушия, невежества, приспосабливаемости, об инерции обывательских норм поведения, которые подтачивают и разрушают человеческую личность; в то же время поэт воспекает в человеке прямоту, его разум и знания.

Мне безразлично,
Как смотрит на меня службист ретивый,
Но знать я должен,
Что скажет обо мне весь люд правдивый.
Мне безразлично
Невежества и дури завываенье,
Но знать я должен,
Могу ль считать друзьями Мудрость, Знание.
Мне безразлично
Клеветников расчетливых наветы,
Но знать я должен,
Как мой народ ответствует на это.
Мне безразлично,
Как «люб» я подхалимам и пролазам,
Но знать я должен,
Что обо мне подумать может Разум.

Всенародное, заслуженное признание получило творчество Санжмятывина Дашдэндэва (род. в 1912 г.), ставшего в 1966 году первым лауреатом премии Д. Нацагдоржа, и

Ч. Лхамсурэна, ныне лауреата Государственной премии МНР. Неувядающий талант ветеранов, отдавших литературе более тридцати лет жизни, создает все новые и новые произведения в стихах и прозе, свидетельствующие о совершенном владении вершинами художественного мастерства. Таковы, на наш взгляд, «Сказания об озере Толбо» Дашдэндэва, поэма «Полковник», стихотворение «Мать» (произведения эти переведены на русский язык и не однажды публиковались в советских поэтических изданиях) и другие стихи Лхамсурэна, в которых за частными судьбами встают проблемы большого исторического масштаба. Когда к событиям революционного прошлого обращаются ветераны — художники нашего времени, обогащенные сегодняшним опытом, они видят это прошлое во многом новыми глазами. Перед ними яснее раскрывается духовный, нравственный смысл больших классовых конфликтов. Они глубже задумываются над тем реальным гуманистическим содержанием, которое несет в себе борьба за социализм.

* * *

Поэзия молодых — это десятки имен, десятки творческих индивидуальностей. Многие из тех, кого называем мы молодыми, уже перешагнули тридцатилетний рубеж, издали один, два, а то и три сборника, приобрели известность, отмечены премиями.

Достойна отдельного обзора поэзия трагически погибшего Доржийна Гомбожава (1932—1966 гг.), который навсегда останется в ряду молодых. Поэтесса и журналистка Ш. Дулмаа, поэт и очеркист Д. Найманжин, автор стихов-раздумий Д. Няма, творчество которого советский поэт Сергей Наровчатов назвал «ростком из живого корня», мечтатель и лирик Н. Няндорж, еще в 1965 году выпустивший третью книгу стихов, широко известный в свои тридцать два года П. Пурэвсурэн, наблюдательный и чуткий Ш. Сурэн-

²⁹ «Вопросы литературы», 1972, № 5, стр. 58.

жав, «лирический тенор» в поэзии Ш. Цогт, мелодичный Ж. Шагдар, певец высоких человеческих чувств М. Ширчинсүрэн и многие другие имеют великое преимущество молодости; за ними будущее, а значит — и поиски, и дерзания.

Тут следует сказать о том общем, что роднит этих молодых поэтов, что связывает их с другими поколениями.

Первое и главное — это проблема положительного характера в поэзии, ее сегодняшней герой. Мы являемся очевидцами многих интересных попыток поставить эту проблему заново, по-своему. Основной поэтический герой — человек труда. В последнее время поэзию не так уж занимает техника, даже процесс труда все чаще становится лишь фоном к человеческим проблемам, вытекающим из трудовой деятельности. В центре внимания поэтов человеческая судьба: углубленно исследуются конфликты, возникающие, развивающиеся в процессе созидания. Еще недавно на переднем крае поэзии была тема стройки — в Улан-Баторе, в Дархане, по всей стране. Типичными были такие стихи, как «Телеграфные столбы» или «Подъемный кран» Д. Няма, где человек либо только вскользь упоминается, либо отсутствует вовсе:

Высоко голову задрав,
Уперся ввысь стальным плечом
Прямой и стройный, будто луч,
Огромный великан —
Подъемный кран.
Рукою солнце приподняв,
Палящим солнечным лучом
Кран поджигает войлок туч,
Чтобы светило по утрам
Светило нам.

Теперь авангардную тему правильнее было бы сформулировать как «человек на стройке». «Строитель» — так называется недавнее стихотворение П. Пурэвсүрэна.

Вот строитель. В мозолях ладони его.
Нет на мускулах дряблого жира.
Не шадил он, как видно, себя для того,
Чтоб тебя обогрела квартира!

Поднимите повыше свой праздничный тост
В новом доме, наполненном светом,
За него — за того, кто так скромно и просто
Что не думает вовсе об этом.
Он отпразднует лишь окончание труда,
И отведает свежего хлеба,
И опять, и опять устремится туда,
В золотое рассветное небо! ..³⁰

Во-вторых, как следствие гуманизации литературы, в творчестве многих поэтов все различимее стремление помочь человеку найти себя, утвердить себя как личность. Об этом, собственно, подхватив рано умолкший голос С. Доржпалама, говорят Л. Хуушаан в стихотворениях «Я человеком быть хочу» и «Справедливость», С. Дашдооров в стихотворении «Точка зрения», Д. Содномдорж в стихотворении «Трижды»; с ними перекликаются и некоторые стихи Б. Ринчена. Поэзию эту нельзя рассматривать как неоправданное отступление в глубь души, бегство в частную жизнь. Здесь вновь хочется обратиться к словам критика Т. Л. Мотылевой: «Чем в большей мере человек нового общества ощущает себя... хозяином и творцом бытия, тем больше заинтересован он познать себя и окружающих его людей — в тонких, разнообразных, все усложняющихся оттенках и аспектах их психики. Познать в конечном счете для того, чтобы укрепить, уточнить свои нравственные ориентиры, вернее, определить принципы своего общественного поведения»³¹. Слова эти говорят о том, что в социалистических литературах, в том числе и в литературе Монголии, сейчас интенсивно развиваются проза и поэзия, где «в поле зрения автора не вся общественная жизнь в ее «панорамном» аспекте, а, скорее, отдельные участки действительности, частная жизнь, индивидуальные судьбы... Партийность писателя тут — в умении поставить насуточно важный вопрос и натолкнуть читателя на поиски верного ответа»³².

³⁰ Перевод Ю. Александрова.

³¹ «Вопросы литературы», 1972, № 5, стр. 51.

³² Там же, стр. 45.

Мы говорим в основном о достижениях, обо всем, что представляется на сегодняшний день значительным, перспективным. Разумеется, не все в молодой поэзии одинаково художественно и интересно: есть риторика, подражательность, встречается и неумение строить поэтический образ. Порой снижает художественную значимость стихов мелкотемье, порой — многословие, появляющееся там, где над взволнованностью чувств и глубиной раздумий преобладает упорное желание во что бы то ни стало отозваться на «модную» тему. В этих нередких еще случаях появляются вялость, невыразительность, избитость. . . Сибирь, к примеру, — первое яркое впечатление многих литераторов, впервые пересекающих границу в поезде, и не одно стихотворение родилось на эту тему. Не станем отказывать им в определенных достоинствах, однако многому из написанного предпочтительнее одно стихотворение Д. Содномдоржа «Песнь о Сибири», в котором раскрывается глубокая интернациональная идея, и острота подлинно художнического видения.

... На сотни и сотни километров тянутся вдоль железнодорожного полотна деревья, у которых «одна почва и одно небо».

Друг у друга в объятьях.
Ветвями сплелись.
Вы стоите, как братья,
И тянетесь ввысь:
Гордость русской природы,
Не соседи — друзья!
Не одной вы породы,
Но одна вы семья.

Вот оно — умение строить образ!
Читаем дальше:

Нет сердечнее, чище
Таежных забот:
Суковатой ручищей
Внука дед обоймет:
Не завидует малый

Великанам друзьям —
В великаны, пожалуй,
Скоро вымахнет сам...

И наконец, резюме, выражение поэтического «я»:

Здесь в довольстве и мире
Все деревья растут.
Ехал я по Сибири.
Мне понравилось тут.
Красотой суровой
Распахнулась мне ширь.
Я хочу к тебе снова.
Ты прекрасна, Сибирь!

Итак, последние годы ознаменовались утверждением в монгольской поэзии многообразия форм, жанров, способов изображения жизни, вниманием к большим социальным конфликтам, к духовным и нравственным проблемам, возникающим в борьбе за социализм, к узловым моментам истории, к человеку нового мира и нового миропонимания.

* * *

Признанная и любимая своим народом, хорошо известная в Советском Союзе, нашедшая читателей во многих других странах монгольская поэзия вот уже одиннадцать лет торжественно отмечает в первых числах июля свой ежегодный праздник. Монголы, издавна ценившие поэтическое слово, дорожат этим праздником, приглашают на него иностранных гостей и вместе с друзьями радуются новым стихам и песням. Переезжают поэты и певцы из города в город, из аймака в аймак, повсюду встречая внимательных и благодарных слушателей. Под высоким сводом голубого неба звучит высокая поэзия, и за праздником утвердилось памятное еще со времен первой книжки-альманаха название — «Свод вдохновенных слов».

Бо Цзюй-и (к 1200-летию со дня рождения)

*Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР*

Великий китайский поэт Бо Цзюй-и (772—846 гг.) жил в эпоху Танского государства, когда китайская классическая поэзия достигла своего высшего расцвета. Империя Танской династии (618—907 гг.) пришла на смену феодальной раздробленности и нескончаемых междоусобиц. Ее владения простирались от Тихого океана до границ Индии и Афганистана, от Аннама до Великой китайской стены. Столица этого централизованного государства Чанъань (Сиань) представляла собой огромный город с миллионным населением. Здесь сплетались оживленнейшие торговые и дипломатические отношения Китая с Византией, Индией, Японией, Персией и многочисленными другими странами Запада и Востока.

Танский Китай переживал небывалый экономический подъем: росли города, в которых шла интенсивная торговля, развивались ремесло и прикладное искусство. Дальнейшее укрепление получила наделная система земледелия. Развивалось сельское хозяйство, появились новые сельскохозяйственные культуры, в частности чайный лист. Именно в Танскую эпоху поэт Лу Юй создал «Чацзин» — «Чайный канон» с его своеобразным культом поэзии о чайном напитке.

Экономический подъем, расширение внешних связей, расцвет культуры и науки способствовали значительному развитию художественного творчества. Три столетия существования Танской империи обогатили китайскую поэзию неумирающими, вечно живыми творениями, являющимися гордостью китайского народа. Танская деспотия с ее централизованным режимом правления держалась, однако, на жесточайшем насилии и угнетении народа, страдавшего от разорительных поборов, налогов, повинностей. Непосильные обложения, связанные с содержанием огромной армии и бюрократического аппарата, приводили к разорению крестьянства и недовольству городского населения, выносивших на себе все бремя завоевательных войн и бесчинств императорского чиновничества. В конечном итоге все это вело к неотвратимому крушению династии. В донесении императору танский сановник Ли Цзе-фу обращал внимание на то, что «страна содержит армию в 800 тысяч человек. Чиновники, купцы, монахи — те, кто не сеет, а только ест, составляют пять-шесть десятых населения. Они принуждают трех выбывающих из сил в тяжком труде крестьян одевать и кормить семерых бездельников».

Вторая половина VIII века обозначила экономический и политический упадок, который к концу IX столетия привел Танскую династию к окончательному закату.

Столетиями царившие в Китае «старые традиции академической и придворной аристократической поэзии чрезвычайно строго соблюдались и охранялись от всего нового. Жизнь, однако, оказывалась сильнее традиций, а более могучее искусство, проникнутое жизненной правдой и народностью, оттесняло старое искусство феодального общества, не имевшее связи с народом и его жизнью. Именно в этом новом искусстве находит верное отображение национальный характер китайского народа, его моральные черты.

В IV—V веках процесс эволюции в старом художественном творчестве по существу и форме находит свое яркое выражение в поэзии Тао Юань-мина (365—427 гг.), одного из удивительных мастеров речевого искусства китайской древности. Именно Тао Юань-мин стал вершиной этой эволюции, первым поэтом, освободившим поэзию от придворных связей и кастовых обязательств, налагавшихся веками на китайского художника слова.

В предисловии к поэме «Навещаю старое жилище почтенного Тао» Бо Цзюй-и писал: «Я с давних пор люблю Тао Юань-мина. В прежние годы, когда я не был занят службой и жил на реке Вэй, я написал шестнадцать стихотворений в подражание Тао. Теперь, посетив Лушань, побывав в Чайсане и в Лили, думая об этом человеке и навестив его жилище, я не могу молчать и снова пишу стихи:

И в семье твоей бедной никогда не хватало
еды.
И на теле носил ты весь в заплатах потер-
тый халат.
Кто двору приглашал, но и там ты служить
не хотел.
Вот кого мы по праву настоящим зовем
мудрецом! ¹

Тао Юань-мин поистине явил миру наиболее яркую поэтическую индивидуальность вслед за великим Цюй

Юанем, который творил до него за семь столетий и прекрасная традиция которого продолжала жить. Его поэтическое творчество оказалось в значительной степени вдохновляющим в развитии речевого искусства Танской эпохи. Отрицание старых форм и тематики, преодоление искусственно осложненного стихосложения продолжалось в творчестве танских поэтов Чэн Цзы-ана (656—698 гг.), выступившего за восстановление духа и ритмики поэзии эпохи Цао Чжи (194—232 гг.), и Юань Цзи (210—263 гг.). В дальнейшем тематика поэзии расширялась, богаче становились и формы стихосложения. В VIII веке выдвинулся ярчайший среди культурных деятелей своего времени мастер пейзажа, поэт и художник Ван Вэй (699—759 гг.).

Знаменательно, что с этим периодом совпадает расцвет поэтического творчества крупнейшего поэта Ли Бо (701—762 гг.). Отходя от господствовавших ранее приемов параллельных фраз, Ли Бо достиг высокого совершенства в четверостишиях и семисловном стихосложении. Многие произведения Ли Бо отображали недовольство современным социальным порядком, охраняемым в его дни властью сильных и имущих, воспевали мечту о лучшем общественном устройстве. Художественное творчество Ли Бо оказало большое влияние на развитие ханьской поэзии последующих столетий.

Социально-политический упадок Танской империи, связанный с мятежом полководца Ань Лу-шаня в 755 году и ясно обнаруживший остроту общественных противоречий Танской династии и разложение правящей верхушки, вызвал в стране крупные смуты. Зловещие пороки феодального общества накануне этих потрясений и бедствия народа в годы войны нашли свое отражение в художественном творчестве одного из величайших поэтов Китая — Ду Фу (712—770 гг.). Ду Фу явился продолжателем лучших традиций прошлого и основоположителем новых традиций в ханьской поэзии.

¹ Бо Цзюй-и. Лирика. Изд-во «Художественная литература», М., 1965. Здесь и далее перевод Л. Эйблши.

Ду Фу был полон глубокого участия к интересам простого народа, великой озабоченности судьбой своей родины. Раздумья поэта, его тревога за долю своего народа, его любовь к нему проявились с особой выразительностью, например, в «Стихах в 500 слов о том, что было у меня на душе, когда я из столицы направлялся в Фынсянь».

Глубокое сочувствие к судьбе обездоленного человека, лишенного крова, гонимого нуждой и несправедливым, высокая гуманистическая направленность характерны для всего творчества великого Ду Фу.

Непрерывность традиции, поэтическая взаимосвязь поколений художников слова — одна из существенных особенностей китайской литературы. Продолжение лучших традиций великих предшественников — Цюй Юаня, Тао Юань-мина, Ли Бо, Ду Фу — мы видим в поэтическом творчестве Бо Цзюй-и, который постоянно обращался к щедрому роднику народной поэзии, отвергая придворное аристократическое искусство. Для поэзии Бо Цзюй-и характерно сочетание традиции и острого видения современной поэту жизни. Существует немало свидетельств того, что стихотворения Бо Цзюй-и пользовались в период Танского государства наибольшей популярностью в народе. В предисловии известного поэта Юань Чжэня к стихотворениям Бо Цзюй-и читаем: «В течение двадцати лет стихи Бо Цзюй-и писались на стенах правительственных зданий, даоских и буддийских храмов, почтовых станций; они не сходили с уст князей, жен, пастухов, козлов».

В свою эпоху Бо Цзюй-и наиболее четко сформулировал требования к литературе: «Литературное произведение должно соответствовать времени, стихи должны соответствовать действительности». Он считал, что поэзия следует играть роль выразителя переживаемой эпохи. Поэт ценил именно такие произведения, в которых «строка за строкой идут без пустого знака и каждая песня поет

о страданиях народа». Эти ясные мысли о необходимости связи поэзии с жизнью, о значении социальной темы в поэзии изложены Бо Цзюй-и еще в начале девятого века.

Покоряющая сила поэтических творений Бо Цзюй-и заключается в их народности, глубокой реалистической направленности. Именно это делает его среди поэтов прошлого наиболее близким сердцу современного читателя. Широко известно предание о том, что Бо Цзюй-и, прежде чем распространить свои стихи, предварительно проверял их, читая простой старухе — своей воспитательнице. И когда она не воспринимала на слух нового стихотворения или отзывалась о нем отрицательно, поэт продолжал работу над ним, обращая внимание прежде всего на его язык, стремясь освободиться от непонятных книжных слов и оборотов речи и приблизиться к живой, разговорной речи, понятной простому человеку на слух.

Примечательно, что на титульном листе одного из собраний сочинений Бо Цзюй-и (издание 1620 года) напечатано четверостишие неизвестного автора, достаточно мягко раскрывающее существенные черты творчества Бо Цзюй-и:

К пышной речи не стремился
И отличья не искал,
О простых, о бедных людях
К императору взывал.

По доброжелательному свидетельству крупного поэта XI века Вань Ань-ши, «вся простонародная речь Поднебесной высказана Бо Цзюй-и».

Этот знак высокого мастерства тем не менее не всегда и не у всех находил понимание и одобрение. Нередко раздавались обвинения со стороны эстетствовавших придворных поэтов в чрезмерном упрощении, огрублении и вульгарности языка у Бо Цзюй-и. Известно, однако, что Данте создал неповторимую поэзию на языке, который при его жизни тоже считался вульгарным, недостойным поэзии, искусства.

Бо Цзюй-и свойственна глубокая социальная направленность, поразительная простота языковых средств — образец неустанного труда и упорства в изучении жизни и овладении художественным мастерством.

У красных ворот верхом и в колясках гости.
При ярых свечах песни и пляски в доме.
...Блюститель законов сегодня хозяин мира.
Тюремный начальник среди приглашенных первый.
Что им до того, что где-то в тюрьме в Вэньсяне
Лежат на земле замерзших узников трупы!

В поэзии Бо Цзюй-и нашел свое яркое выражение большой и своеобразный мир чувств и мыслей поэта. Замечательно, что многие названия стихов и подзаголовков большого раздела «Новые народные песни» носили явно заостренный социальный характер: «Против лихоимцев и чиновников», «Привлекаю древнее в предостережение нынешнему», «Страдания крестьянина». В своих стихах Бо Цзюй-и бесстрашно поднимает острые социальные проблемы и нередко выносит свой столь же суровый, сколь и справедливый приговор. При этом обобщение, символика, метафоричность — в его природе, в самой его сущности. В этом отношении внимание привлекают стихи «В тонких одеждах, на сытых конях», где как будто восторженное описание сановников, скачущих на военный праздник, прерывается внезапной концовкой:

Нынешним летом в Цзяннане случилась
засуха.
Во селах Цюйчжоу люди едят людей.

И мы видим, ощущаем в строках Бо Цзюй-и свежесть красок, живость выражения, меткость наблюдений. Едва ли не каждое поэтическое произведение Бо Цзюй-и обращено к читателю с вопросом и призывом, всегда вызывает участие и волнение. В стихотворении «Дулинский старик» из цикла «Новые народные песни», где поэтический пафос Бо Цзюй-и достигает подлинной драма-

тической высоты, автор устами истерзанного крестьянина восклицает:

С наших тел сдирают последний лоскут!
Из наших ртов вырывают последний кусок!
Терзают людей, отбирают добро шакалы и
злые волки!
Почему ж эти крючья-когти, почему эти пи-
лы-зубы
Пожирают людское мясо?

В безыскусных стихах Бо Цзюй-и ощущается ритм глубоких переживаний, излучение внутренних чувств поэта, бытие живой, пронизательной мысли. С огромной силой изобличает он лицемерие и ханжество, произвол и жестокость, царившие в танском феодальном обществе. Своими поэтическими строками Бо Цзюй-и как бы вселяет в нас властную силу для глубоких душевных движений.

Внявший мольбам просителей, император снял налоги, но, как исторически заканчивает Бо Цзюй-и:

...На каждые десять дворов в деревне
С девяти уже все взыскали.
Ни к чему теперь для них оказалась
Господина нашего милость!

Среди важнейших произведений обличительной поэзии Бо Цзюй-и, возвысившего, как и великий Ду Фу, голос справедливого негодования, вызванного нестерпимыми мучениями народа, видное место занимают «Циньские напевы» и «Новые народные песни». Особой популярностью всегда пользовались такие стихи Бо Цзюй-и, как «Песня о бесконечной тоске», «Старик со сломанной рукой», «Лютня» и другие.

В балладе «Старик со сломанной рукой» Бо Цзюй-и устами своего героя повествует о том, как старик сознательно сломал себе руку, чтобы избежать страшной участи рекruta:

Ноет плечо, и до самой зари
Я от боли заснуть не могу.
От боли заснуть не могу.
Но себя никогда не клянц:
Я доволен, что старое тело мое
Уцелело одно из всех.
Разве было бы лучше мне в те времена,
Там, на Лу, где стоит туман.

Если б умерло тело и бродила б душа,
И костей бы моих не собрать,
Если б духом я стал на юньнаньских полях,
И о доме думал с тоской...

Сочувствие и любовь к человеку — тема, которая окружила великого поэта, дала жизнь его художественному творчеству.

Я только и думал о муках, о горе народа,
Еще не изведав за это гонений и бед.
И вот написал десять песен из «Циньских
напевов»,
Где в каждом напеве звучит о народе
печаль.
Вся высшая знать скрежетала зубами от
злости.
И разных людшек терпел я насмешки и
брань.

Бо Цзюй-и стремился к реализму и народности в искусстве, к правдивости и ясности поэзии. В стихах Бо Цзюй-и выражены глубоко человеческое отношение к простому народу, изнывавшему под тяжелым гнетом феодализма, участие и забота о его горькой доле.

В своих творческих стремлениях Бо Цзюй-и порой выходил из ограниченных очертаний каждодневной жизни, переходил границы обыденного, давая волю взлету своей гражданственности, своим сокровенным чаяниям. Характерно в этом отношении стихотворение «Я сшил себе теплый халат»:

Как добыть мне халат в десять тысяч ли,
Такой, чтоб укутать люд всех четырех сто-
рон.
Тепло и покойно было бы всем, как мне,
Под нашим бы небом не мерз ни один
бедняк!

В этих строках нет никакой вычурности, декоративности, красоты. Здесь особенно ощутимы черты жизненности, непосредственности, чистоты. В этом нельзя не видеть того, как восполнялся опыт поэта глубоким пониманием окружающей реальности.

Поэзия Бо Цзюй-и далеко вышла и за рамки своего времени, и за рубежи национальных границ, давно уже став фактом литературной жизни многочисленных стран и народов.

Его произведения получили довольно широкую известность в Европе и Америке в переводе на различные языки мира.

Благодаря переводам Л. З. Эйлла на поэзия Бо Цзюй-и, выйдя за «китайскую стену», обрела свою жизнь на русском языке, став художественным достоянием нашего народа. В Советском Союзе свет увидело несколько сборников произведений великого поэта: «Бо Цзюй-и. Четверо-стишия» (1949 г., 1957 г.); «Бо Цзюй-и. Стихи» (1958 г.); «Бо Цзюй-и. Лирика» (1965 г.).

Поэтические строки Бо Цзюй-и отмечены моральным величием, печатью гениальности. Непреходящее значение речевого творчества Бо Цзюй-и состоит именно в том, что оно не застывало в своем развитии, не отставало от времени, но отображало его, находило новые формы художественного выражения. В идеях социального протеста обнаруживалось для Бо Цзюй-и неукротимое существо самой жизни. Творчество Бо Цзюй-и, как и вся прекрасная поэзия Китая, пережило века. Оно подтверждает, что преемственность культуры, обогащенной каждым поколением и каждой одаренной творческой личностью, отрицать нельзя. Наиболее талантливое литературное наследие мира обладает столь же неповторимой, сколько и непреходящей эстетической ценностью и входит в нашу современность как вечный живой источник мыслей и чувств.

В одном из писем Бо Цзюй-и обращался к своему другу Юань Чжэню со словами: «Как знать, через сотни и тысячи лет не появится ли на свете тот, кто, подобно тебе, поймет и полюбит мои стихи?»

Слова эти прозвучали пророчески. Поэтический гений Бо Цзюй-и оказался настолько могуч, что время над ним стало не властным. Глубина и лиризм неостывших мыслей и ощущений Бо Цзюй-и находят пути живого их соприкосновения с мыслью нашего современника.

Высшая школа в КНР: сомнительные эксперименты

*Е. В. Мальцева,
кандидат филологических наук*

Официальный курс, определяющий нынешнюю программу перестройки высшего образования в КНР, своими истоками уходит к 30—40-м годам и формировался в условиях партизанской войны. В то время был очерчен ставший впоследствии неоспоримой догмой маоистский «идеал» нового человека в виде реакционно-утопической модели «и рабочего, и крестьянина, и солдата, и интеллигента». Такая модель до сих пор служит маоистам отправным моментом при решении вопросов перестройки высшего образования, хотя время давно уже доказало ее антисоциалистическую сущность.

Как известно, 1957 год явился своего рода переломным: именно тогда группа Мао Цзэ-дуна перешла в наступление против марксистско-ленинской идеологии и ее приверженцев в Китае и приступила к осуществлению своего особого политического курса. Факты говорят о том, что к 1957 году план маоистской перестройки системы высшего образования в свете особого политического курса был разработан и возведен в ранг государственной политики. В 1958 году это находит свое выражение в форме политической кампании. Во всех районах Китая прошла дискуссия по вопросам образования, в ходе которой, как сообщало агентство Синьхуа, была подвергнута резкой критике так называемая «буржуазная линия». В ходе кампании

на руководящую работу в систему образования направлялись кадровые работники, которым вменялось в обязанность проводить новый курс. Шла перестройка низовых партийных организаций в учебных заведениях и учебных ведомствах. Пересматривались учебные планы. В результате около 20 тысяч студентов были исключены из институтов за оппозиционные взгляды и отправлены в деревню¹.

Проводился курс на резкое увеличение институтов, создаваемых на средства заводов, рудников, коммун, кооперативов. В середине августа 1958 года в стране насчитывалось 227 вузов, а в конце месяца было объявлено о существовании уже 1065. В ноябре сообщалось о создании 1400 институтов. Эти учебные заведения, хотя и получали громкие названия — «университет», «академия» и т. д., — на самом деле подготовка в них велась на уровне профтехучилищ.

Вузовскому образованию придавался производственный уклон. При институтах создавались небольшие заводы, мастерские. Студенты должны были и учиться, и работать. В 1958 году при 115 вузах Китая было создано 3725 «предприятий»². Перед институтами выдвигался лозунг постепенного перехода на самообслуживание и самообеспечение. Взяв курс на «скачок», государство

¹ «Erziehung und Wissenschaft in der Volksrepublik China 1949 bis 1963 von Haus — Jürgen Bitner, Frankfurt a. M., 1964, S. 36.

² А. Арнольдс, Г. Новак, «Культура народного Китая», М., 1959, стр. 37.

не только не увеличило ассигнования на высшее образование, а, наоборот, заметно снизило их. Если в 1957 году расходы государственного бюджета на социально-культурные мероприятия составили 4,64 млрд. юаней, то в 1958 году они сократились до 4,35 млрд. юаней³.

В стране в области высшего (да и не только высшего) образования сложилось как бы две системы учебных заведений. Одна — на базе 227 вузов, субсидируемых государством; другая — на базе народных университетов, создаваемых на средства коммун, заводов, кооперативов. Первой инкриминировалось много грехов: отрыв от практики, приверженность «буржуазной линии», «ревизионизму»; второй приписывались такие достоинства, как «пролетарская линия», «производственная форма обучения». Вторая система насаждалась административным путем. Последующие события показали, что она была призвана подтвердить маоистскую модель нового человека — «и рабочего, и крестьянина, и солдата, и интеллигента».

Крах политики «большого скачка» и наступившая затем политика «урегулирования» отразились и на соотношении этих двух вузовских систем: количество вузов, создаваемых на средства заводов, коммун, кооперативов, резко упало. Это видно из следующей таблицы:⁴

Год	Количество вузов
1957	227
1958	1058
1959	839
1961	277
1962	273

В 1964 году Мао Цзэ-дун недвусмысленно дал понять, что он рассматривает принцип «вести классо-

³ «Развитие экономики стран народной демократии Европы и Азии» (статистический сборник), М., 1961, стр. 268.

⁴ «The impact of the cultural revolution on chinese higher education by David Kan», Hong Kong, 1971, p. 35.

вую борьбу, работать и учиться» в качестве основного условия для правильного формирования нового человека. Однако в то время это еще умозаключение еще не приняло характера директивы.

Высшее образование накануне и в первые годы «культурной революции»

Накануне «культурной революции» высшее образование КНР располагало 43 университетами и 66 институтами⁵. В 1965 году в Китае окончили вузы 170 000 студентов, 70 процентов выпускников были членами партии или комсомола⁷.

При учете того, что развитие высшего образования в Китае наталкивалось на объективные трудности — его тормозили культурная отсталость, неграмотность значительной части населения страны, ограниченная возможность финансирования, — нужно признать определенные достижения в этой области. Эти достижения были завоеваны в первые годы после провозглашения КНР, когда развитие образования в Китае шло под флагом научного коммунизма, интернационализма, идейно-политического союза с Советским Союзом.

Объявив особый политический курс, маоистское руководство сочло необходимым переориентировать на родное образование, нацелив его на «большой скачок». Начался разгром вузовской системы, складывавшейся в течение предыдущих лет. Многие ведущие деятели высшей школы оказались под огнем «критики» и репрессий. С июля 1966 года вузы не работали четыре года, страна недополучила свыше 700 000 специалистов⁸.

⁵ См.: «Society, Schools and Progress in China», Oxford, 1968, p. 189, 190.

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 2.VIII.1965.

⁷ Там же, 1966.

⁸ Подсчет сделан на основании последнего (1965) перед «культурной революцией» выпуска. См.: «Жэньминь жибао», 2.VIII.1965.

В политическом отчете на IX съезде КПК, в частности, указывалось: «Может ли пролетариат прочно овладеть позициями культуры и просвещения и преобразовать их согласно маоцзэдуновским идеям — в этом ключевой вопрос, от которого зависит доведение до конца великой пролетарской культурной революции». Именно в разгроме прежней системы высшего образования, тесно связанной с идеологией научного коммунизма и интернационализма, и создании новой, которая зиждлась бы исключительно на «идеях Мао», и заключается суть нынешней перестройки высшего образования в Китае. «...Нынешняя революция, — подчеркивалось в «Хунци», — ставит себе целью не просто снять с постов несколько лиц, она является великой революцией в области надстройки»⁹.

В июне-июле 1966 года было дано указание о прекращении занятий в институтах для того, чтобы дать возможность властям изменить всю систему образования и в то же время освободить студентов для участия в «культурной революции». «Культурная революция» в вузах вылилась в результате этого в настоящую междоусобную борьбу различных «революционных группировок». Это была борьба введенных в заблуждение, политически неграмотных молодых студентов, которых китайские лидеры использовали для достижения своих политических целей.

В июле 1968 года в университеты и институты вводятся армейские соединения под названием «рабочие и армейские отряды по пропаганде идей Мао Цзэ-дуна». Вначале они усмиряли враждующие группировки, затем их главной обязанностью стало проведение в жизнь так называемых «идей Мао Цзэ-дуна» и преобразование университетов и институтов в духе этих «идей».

Попытка создания новой вузовской системы в духе указаний Мао Цзэ-дуна

Одновременно в стране разрабатывался проект новой системы высшего образования. Он исходил из указания Мао Цзэ-дуна от 21 июля 1968 года: «Вузы все же нужны. Здесь я имею в виду главным образом вузы естественных и технических наук. Но срок обучения нужно сократить». Примером «образцового» вуза, которому предписывалось следовать в перестройке других естественных и технических вузов, стал политехнический институт «Цинхуа», находившийся под личным наблюдением Мао Цзэ-дуна. Этот пример имел целью практически подтвердить установки Мао Цзэ-дуна, согласно которым классовая борьба в Китае по-прежнему продолжается и сфера высшего образования будет и впредь ее ареной. Перестройку всей организационной, учебно-методической, преподавательской структуры вузов предписывалось проводить в духе «классовой борьбы», «борьбы, критики и преобразования». Как следствие этого, переделываются, упрощаются и сокращаются учебные материалы, вводится новый состав преподавателей из рабочих, крестьян и солдат, призванный обеспечить маоистское направление учебного процесса, а также «тесную связь с практикой». По отношению к прежним преподавателям проводится политика перевоспитания под лозунгом «рабочий класс должен руководить вузами».

В результате этого в политехническом институте «Цинхуа», где до «культурной революции» обучалось 7—10 тыс. человек, количество студентов сократилось до 3-х тыс.

События в Китае говорят о том, что перестройка вузов вовсе не шла под руководством рабочего класса. Руководили ею армейские отряды,

⁹ «Хунци», 1971. № 7—8, стр. 18.

которые вели не какую-то «классовую», а исключительно политическую борьбу с теми, кто отказывался принимать «идеи Мао Цзэ-дуна». В институте «Цинхуа» после его преобразования была следующая структура руководства: работой ревкома руководил партком, секретарь которого одновременно являлся и председателем ревкома. И партком, и ревком непосредственно находились в подчинении горкома и ревкома Пекина и одновременно группы по науке и просвещению при ЦК КПК и Госсовете.

Зачисление в вузы теперь происходит без экзаменов, по рекомендации ревкомов. Предпочтение отдается «главным образом» активистам (проявившим себя в трех революционных движениях — «классовой борьбе», «производственной борьбе» и «научном эксперименте») из рабочих, крестьян и солдат¹⁰, грамотной молодежи, отправленной прежде по призыву Мао Цзэ-дуна в деревню. При этом соблюдается новый возрастной ценз — 20 лет. В этих условиях в вузы поступала только маоистски настроенная молодежь.

Новая программа обучения в вузах приняла резко производственный уклон. Создаются «заводы», мастерские, устанавливается прямая связь между институтом и промышленным предприятием. Ставится задача приблизить методы преподавания к действительности, положить в основу учебного материала реальные проблемы страны. При этом «трудо-вой» подход к обучению в вузах рассматривается не только как мера, способствующая более тесной связи институтов с нуждами страны, но и как политическая мера, необходимая для устранения идейных противников.

В проведении реформы вузов естественных и технических наук пекинские руководители сталкиваются с большими затруднениями. Протокол совещания по вопросам револю-

ции в вузах естественных и технических наук, созданного членами Политбюро ЦК КПК Чжан Чунь-цзян и Яо Вэнь-юанем в Шанхае 2 июня 1970 года¹¹, указывает, что «существуют трудности в создании связи между вузом и заводом». Признается, что отрасли производства и заводы не оказывают поддержки «революции в образовании». Подчеркивается, что в некоторых заведениях царит дух местничества, многие рабочие не хотят поступать в вуз, уровень подготовки учащихся неодинаков, существуют трудности в преподавании; учащиеся из рабочих и крестьян не ставят «политику на первое место», выступают против «большой революционной критики»; существует острая проблема нехватки преподавателей, которых то и дело отправляют на «трудовую закалку» в деревню.

Все это свидетельствует о том, что учебный процесс во многих учебных заведениях до сего времени не налажен.

Положение в гуманитарных вузах

Маоисты сами признают, что сплочение, воспитание и перевоспитание интеллигенции в вузах естественных и технических наук должны проводиться сравнительно мягкими мерами, тогда как в гуманитарных вузах меры должны быть более крутыми. Основой реформирования образования в гуманитарных вузах в ходе «культурной революции» была объявлена критика так называемых «четырёх молодчиков» (табейкинская пропаганда называет по имени в опалу писателей и драматургов — Чжоу Яна, Тянь Ханя, Сю Яня, Ян Хань-шэна), что в конечном итоге вылилось в критику и отрицание достижений литературы и искусства, развивавшихся до «культурной

¹⁰ «Хунци», 1970, № 8, стр. 15.

¹¹ «Хунци», 1970, № 8.

революции» по социалистическому пути. Вместо этого на передний план выдвигаются «идеи Мао Цзэ-дуна». В каждом гуманитарном вузе проводится идеологическая чистка. Преподавателям ставится в обязанность готовить пропагандистов и проводников «идей Мао Цзэ-дуна». В последнее время маоистские власти, следуя «основополагающим указаниям Мао Цзэ-дуна», пытаются осуществить реформу гуманитарных вузов путем создания в вузах так называемых «учебных» и «творческих» групп. Такие реорганизации проведены в более чем ста гуманитарных институтах. Основное занятие этих групп — ведение «революционной критики» в области гуманитарных наук, их основной учебный материал — труды Мао Цзэ-дуна. Так, например, на историческом факультете Фуданьского университета исторический материализм истолковывается в свете «идей Мао Цзэ-дуна». Изучение работ Мао Цзэ-дуна «Относительно практики» и «О противоречиях внутри народа» на политическом факультете связывается с критикой Чжоу Яна, Ся Яня, Тянь Ханя, Ян Хань-шэна¹².

Несмотря на это, маоистская реорганизация гуманитарных вузов до сих пор не выходит за рамки эксперимента. На ее пути встают объективные преграды. Жизнь показывает, что зачеркнуть успехи литературы и искусства, достигнутые до «культурной революции», невозможно. Они существуют и остаются культурным достоянием интеллигенции. В этой связи маоистские власти были вынуждены снова призвать к «развертыванию большой революционной критики», то есть к продолжению идеологической чистки в гуманитарных вузах.

Вслед за этой кампанией и в поддержку ей развернулась кампания критики педагогики Канрова. На сей раз ее «инициатором» выступил творческий кружок массовой революционной критики Шанхая, опубли-

ковавший во втором номере журнала «Хунци» за 1971 год статью «Кому кого преобразовывать?». В прицеле этой кампании был, разумеется, советский опыт высшего образования, плодотворно применявшийся в Китае до «культурной революции». Критика педагогики Канрова также не получила резонанса среди интеллигенции Китая. Движение проходило пассивно. По сообщению радиостанции провинции Цзянси 3 марта 1971 года, руководящие кадры в некоторых учебных заведениях, хотя и призывали преподавателей и студентов писать критические статьи по этому поводу, однако через несколько дней это движение пошло на убыль.

Пример шанхайского станкостроительного завода

В настоящее время в Китае в ранг государственного курса возведена еще одна форма учебы — та, что принята на Шанхайском станкостроительном заводе.

Завод начал готовить своих инженеров из рабочих с 1953 года. За период с 1953 по 1958 год было подготовлено 290 инженеров-рабочих. Завод вынужден был прибегнуть к этой мере из-за острой нехватки инженеров. Но Мао Цзэ-дун, посетивший завод в августе 1957 года, увидел в этой практике ту искомым форму получения специалистов, которая отвечала, во-первых, его принципам формирования «нового человека» — «и рабочего, и крестьянина, и солдата, и интеллигента» — и, во-вторых, сокращала расходы государства на подготовку специалистов для народного хозяйства. 21 июля 1968 года Мао Цзэ-дун дает указание: «Идти по пути Шанхайского станкостроительного завода»¹³. После этого для завода началась лихорадочная жизнь по «маоистскому образцу». Был создан рабочий университет им. «21 июля» с двухгодичным сро-

¹² «Жэньминь жибао», 30.VII.1971.

¹³ «Хунци», 1970, № 8, стр. 1.

ком обучения, а также институт с трехгодичным сроком обучения и курсы при нем. В октябре 1969 года организуется политическая школа без отрыва от производства. В ней объединяется около тысячи человек, которые изучают произведения Мао, «ведут борьбу с эгоизмом, критикуют ревизионизм»¹⁴. В течение всего периода обучения рабочие живут на заводе. В июле 1970 года здесь были организованы две учебные группы без отрыва от производства, которые также занимались изучением произведений Мао Цзэ-дуна. Таким образом, практика подготовки специалистов и политического самообразования рабочих на заводе отходит от первоначально поставленных учебно-технических задач и становится разветвленной образовательной системой маоистского воспитания рядов рабочего класса. Таким путем группа Мао Цзэ-дуна ведет курс на расширение своего идейно-политического влияния на рабочий класс.

Подобная «образовательная» практика распространяется и на крестьян. Например, по опыту Шанхайского станкостроительного завода приступил к подготовке специалистов сельского хозяйства из крестьян созданный в декабре 1969 года Сельскохозяйственный университет им. «7 мая» в уезде Юсин провинции Цзянси¹⁵.

* * *

В результате сомнительных экспериментов в высшей школе не все вузы произвели набор, а некоторые произвели его частично. Так, в 1970 году эта работа проводилась лишь в 51 учебном заведении 12 провинций. В провинции Аньхуэй из 20 вузов набор произвели лишь 6. В Пекине насчитывалось 69 высших учебных заведений, набор же произвели лишь Пекинский университет и политехнический институт «Цинхуа». Из 17 вузов провинции Хунань

¹⁴ Там же, 1971, № 2, стр. 49.

¹⁵ «Гуанмин жибао», 24.VI.1971 г.

набор осуществил лишь Хунаньский университет. В провинции Хубэй изведен набор лишь в Уханьском университете. Из 12 вузов провинции Фуцзянь студентов набрали лишь три вуза, а в провинции Гуандун из 33 — 19 вузов. В провинции Чжэцзян из 18 — 7 вузов. В провинции Хэбэй из 32 учебных заведений (включая 8 техникумов) — 11. В целом по стране к началу 1971 года набора начались в вузах 14 провинций и автономных районов (из 29). К концу марта 1971 года занятия возобновились лишь в 78 вузах — приблизительно 500. Все это говорит о том, что количество учебных заведений в разных провинциях официально объявивших о наборе студентов, по-прежнему крайне незначительно.

Набор студентов проводился тремя способами. Во-первых, путем установления связи между учебным заведением и заводом. Так, Шанхайская коммуна им. «7 мая», рабочий университет им. «21 июля» при Шанхайском станкостроительном заводе, а также рабочий институт при судоремонтном заводе Восточного Китая через своих представителей на местах получали людей из числа рабочих и технического персонала, уволенных «отобранных» и «рекомендованных» работников завода.

Во-вторых, через систему ревкомов провинций. В рамках этой системы проводится «единый набор учащихся по всей провинции». Например, ревком провинции Хубэй создал «руководящие группы по набору учащихся», опубликовал инструкции, созвал конференцию представителей университетов и специализированных вузов, потребовал от провинциальных партийных организаций всех степеней и от работников ревкомов, отвечающих за культурно-воспитательную работу, изучения организации работы, связанной с набором учащихся.

Третий путь — прямое руководство со стороны ЦК КПК. Именно таким способом осуществлялся

набор студентов в институт «Цинхуа» и Пекинский университет.

Контингент учащихся составили рабочие, бедняки и низшие середняки, солдаты, грамотная молодежь, побывавшая на «перевоспитании» в сельской местности, кадровые работники комсомола, дети реэмигрантов. Социальный состав студентов, принятых, например, политехническим институтом «Цинхуа», выглядит следующим образом: 45 процентов — рабочие или выходцы из рабочих семей, 40 процентов — крестьяне, 15 процентов — солдаты, 20,8 процента от общего числа студентов — женщины.

Как обстоят дела с вузами, двери которых до сих пор закрыты?

Студенты недействующих гуманитарных вузов используются в основном на производстве и в деревне в качестве рабочей силы или как пропагандисты маоистских взглядов. Что же касается вузов естественных и технических наук, в которых еще не произведен набор и не начат нормальный учебный процесс, то вся их учебная и производственная база используется как производственная площадь промышленных предприятий. Например, политехнический институт «Цзяотун» в Сиани, располагающий обширной учебной базой (43 лаборатории, 7 учебных баз, одна счетно-вычислительная машина), используется как промышленное предприятие. Институт производит металлорежущие станки, электромоторы, радиодетали, водяные насосы для глубоких колодцев. В 1970 году институт выпустил промышленной продукции на 4,5 млн. юаней.

Снижение теоретического уровня преподавания

Теоретический уровень преподавания в вузах Китая в настоящее время резко снижен, сведен к минимуму. Он совершенно элементарен.

При подготовке инженеров в рабочем университете при Шанхайском станкостроительном заводе, примеру которого, по указанию Мао Цзэ-дуна, должны следовать вузы Китая, за двухгодичный срок студенты обучаются всего семи специальным предметам. Раньше на электромеханическом факультете политехнического института «Цзяотун» было четыре специальности, а сейчас их объединили в одну. Раньше изучали четыре вида электромашин, а сейчас выбрали одну «типичную». Раньше на механику отводилось 1000 часов, а сейчас — 400. Такое сокращение объясняется тем, что основные знания «студенты должны получать на практике».

Программы гуманитарных и общественно-политических дисциплин сокращены настолько, что все богатство человеческого познания сводится к одному знаменателю — «идеям Мао Цзэ-дуна». Эти программы обходят опыт Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. На политическом факультете Ханьчжоуского университета, например, курс истории международного коммунистического движения сводится к изучению истории Парижской Коммуны и работы Маркса «Гражданская война во Франции». Затем преподаватели и студенты едут на заводы, в деревни изучать «классовую борьбу на современном этапе» в духе «идей Мао Цзэ-дуна»¹⁶. На факультете китайской литературы Фуданьского университета изучают исключительно «Выступление Мао Цзэ-дуна в Яньани по вопросам литературы и искусства», при этом предписывается: изучение «революционных спектаклей» как образца искусства, «служащего рабочим, крестьянам и солдатам»; критика «четырех молодчиков», то есть Чжоу Яна, Тянь Ханя, Ся Яня, Ян Хань-шэна; применение маоцзэ-дуновских форм и методов при об-

¹⁶ «Жэньминь жибао», 30.VII.1971.

ком обучения, а также институт с трехгодичным сроком обучения и курсы при нем. В октябре 1969 года организуется политическая школа без отрыва от производства. В ней объединяется около тысячи человек, которые изучают произведения Мао, «ведут борьбу с эгоизмом, критикуют ревизионизм»¹⁴. В течение всего периода обучения рабочие живут на заводе. В июле 1970 года здесь были организованы две учебные группы без отрыва от производства, которые также занимались изучением произведений Мао Цзэ-дуна. Таким образом, практика подготовки специалистов и политического самообразования рабочих на заводе отходит от первоначально поставленных учебно-технических задач и становится разветвленной образовательной системой маоистского воспитания рядов рабочего класса. Таким путем группа Мао Цзэ-дуна ведет курс на расширение своего идейно-политического влияния на рабочий класс.

Подобная «образовательная» практика распространяется и на крестьян. Например, по опыту Шанхайского станкостроительного завода приступил к подготовке специалистов сельского хозяйства из крестьян созданный в декабре 1969 года Сельскохозяйственный университет им. «7 мая» в уезде Юсин провинции Цзянси¹⁵.

* * *

В результате сомнительных экспериментов в высшей школе не все вузы произвели набор, а некоторые произвели его частично. Так, в 1970 году эта работа проводилась лишь в 51 учебном заведении 12 провинций. В провинции Аньхуэй из 20 вузов набор произвели лишь 6. В Пекине насчитывалось 69 высших учебных заведений, набор же произвели лишь Пекинский университет и политехнический институт «Цинхуа». Из 17 вузов провинции Хунань

¹⁴ Там же, 1971, № 2, стр. 49.

¹⁵ «Гуанмин жибао», 24.VI.1971 г.

набор осуществил лишь Хунаньский университет. В провинции Хубэй изведен набор лишь в Уханьском университете. Из 12 вузов провинции Фуцзянь студентов набрали лишь три вуза, а в провинции Гуандун из 33 — 19 вузов. В провинции Чжэцзян из 18 — 7 вузов. В провинции Хэбэй из 32 учебных заведений (включая 8 техникумов) — 11. В целом по стране к началу 1971 года набора начались в вузах 14 провинций и автономных районов (из 29). К концу марта 1971 года занятия возобновились лишь в 78 вузах — приблизительно 500. Все это говорит о том, что количество учебных заведений в разных провинциях официально объявивших о наборе студентов, по-прежнему крайне незначительно.

Набор студентов проводился тремя способами. Во-первых, путем установления связи между учебным заведением и заводом. Так, Шанхайская коммуна им. «7 мая», рабочий университет им. «21 июля» при Шанхайском станкостроительном заводе, а также рабочий институт при судоремонтном заводе Восточного Китая через своих представителей на местах получали людей из числа рабочих и технического персонала, уволенных «отобранных» и «рекомендованных» работников завода.

Во-вторых, через систему ревкомов провинций. В рамках этой системы проводится «единый набор учащихся по всей провинции». Например, ревком провинции Хубэй создал «руководящие группы по набору учащихся», опубликовал инструкции, созвал конференцию представителей университетов и специализированных вузов, потребовал от провинциальных партийных организаций всех степеней и от работников ревкомов, отвечающих за культурно-воспитательную работу, изучения организации работы, связанной с набором учащихся.

Третий путь — прямое руководство со стороны ЦК КПК. Именно таким способом осуществлялся

набор студентов в институт «Цинхуа» и Пекинский университет.

Контингент учащихся составили рабочие, бедняки и низшие середняки, солдаты, грамотная молодежь, побывавшая на «перевоспитании» в сельской местности, кадровые работники комсомола, дети реэмигрантов. Социальный состав студентов, принятых, например, политехническим институтом «Цинхуа», выглядит следующим образом: 45 процентов — рабочие или выходцы из рабочих семей, 40 процентов — крестьяне, 15 процентов — солдаты, 20,8 процента от общего числа студентов — женщины.

Как обстоят дела с вузами, двери которых до сих пор закрыты?

Студенты недействующих гуманитарных вузов используются в основном на производстве и в деревне в качестве рабочей силы или как пропагандисты маоистских взглядов. Что же касается вузов естественных и технических наук, в которых еще не произведен набор и не начат нормальный учебный процесс, то вся их учебная и производственная база используется как производственная площадь промышленных предприятий. Например, политехнический институт «Цзяотун» в Сиани, располагающий обширной учебной базой (43 лаборатории, 7 учебных баз, одна счетно-вычислительная машина), используется как промышленное предприятие. Институт производит металлорежущие станки, электромоторы, радиодетали, водяные насосы для глубоких колодцев. В 1970 году институт выпустил промышленной продукции на 4,5 млн. юаней.

Снижение теоретического уровня преподавания

Теоретический уровень преподавания в вузах Китая в настоящее время резко снижен, сведен к минимуму. Он совершенно элементарен.

При подготовке инженеров в рабочем университете при Шанхайском станкостроительном заводе, примеру которого, по указанию Мао Цзэ-дуна, должны следовать вузы Китая, за двухгодичный срок студенты обучаются всего семи специальным предметам. Раньше на электромеханическом факультете политехнического института «Цзяотун» было четыре специальности, а сейчас их объединили в одну. Раньше изучали четыре вида электромашин, а сейчас выбрали одну «типичную». Раньше на механику отводилось 1000 часов, а сейчас — 400. Такое сокращение объясняется тем, что основные знания «студенты должны получать на практике».

Программы гуманитарных и общественно-политических дисциплин сокращены настолько, что все богатство человеческого познания сводится к одному знаменателю — «идеям Мао Цзэ-дуна». Эти программы обходят опыт Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. На политическом факультете Ханьчжоуского университета, например, курс истории международного коммунистического движения сводится к изучению истории Парижской Коммуны и работы Маркса «Гражданская война во Франции». Затем преподаватели и студенты едут на заводы, в деревни изучать «классовую борьбу на современном этапе» в духе «идей Мао Цзэ-дуна»¹⁶. На факультете китайской литературы Фуданьского университета изучают исключительно «Выступление Мао Цзэ-дуна в Яньани по вопросам литературы и искусства», при этом предписывается: изучение «революционных спектаклей» как образца искусства, «служащего рабочим, крестьянам и солдатам»; критика «четырех молодчиков», то есть Чжоу Яна, Тянь Ханя, Ся Яня, Ян Хань-шэна; применение маоцзэ-дуновских форм и методов при об-

¹⁶ «Жэньминь жибао», 30.VII.1971.

следовании положения в литературе и искусстве; отбор только таких произведений зарубежной и китайской литературы для всеобщей истории литературы, которые могут служить иллюстрацией положений Мао Цзэ-дуна по вопросам культурного наследия¹⁷. «Учеба» в экспериментальных учебных группах сводится к изучению трудов Мао Цзэ-дуна и написанию пропагандистских маоистских материалов. Так, экспериментальная гуманитарная группа им. «7 мая» Фуданьского университета за год написала около шестисот критических статей, обследований, идеологических заметок, из которых 46 были напечатаны в газетах и использованы в качестве выступлений по радио.

Перестройка высшего образования в Китае предусматривает прежде всего искоренение в сфере высшего образования влияния советского опыта и преобразование вузовской системы полностью на базе «идей Мао Цзэ-дуна». Маоистские концепции образования подчиняют организацию вузовской системы цели — как можно теснее связать естественные и технические вузы с производством и решением экономических проблем страны, удешевить и ускорить подготовку специалистов, с тем чтобы, мобилизуя все ресурсы страны и используя помощь извне, сделать рывок из экономической отсталости.

Ни «культурная революция», ни «линия IX съезда КПК» не дали маоистам в сфере проводимой ими перестройки вузовской системы желаемых результатов. Наоборот, они усугубили состояние кризиса в этой области. Факты показывают, что если в последнее время и начала работать какая-то часть вузов, то это было сделано не благодаря, а вопре-

ки маоистским концепциям. Маоистское руководство вынуждено было реабилитировать большую часть преподавателей, сохранив контроль над ними. Они вынуждены были призвать хунвэйбинствующих студентов «быть осторожными и осмотрительными, учиться у преподавателей». Большие трудности возникают в связи с маоистской переделкой учебных материалов. Жизнь заставляет руководство пересмотреть сокращенные с 5—6 до 2—3 лет сроки обучения в стационарных вузах, урезанный за счет академической дисциплины учебный процесс. Так установленный двухгодичный срок обучения даже в рабочем университете при Шанхайском станкостроительном заводе, который Мао Цзэ-дун ставил в пример другим, был увеличен еще на 10 месяцев. В последнее время наблюдалось введение в программу высших учебных заведений предметов по промышленности, сельскому хозяйству, медицине, математике, которые год-два назад были сильно урезаны.

Пытаясь создать новую вузовскую систему, пекинское руководство рассчитывает выйти с ней на международную арену и таким образом оказать воздействие на «третий мир». Сейчас, например, стала частой демонстрация института «Цинхуа» иностранцам. Организация этих посещений, равно как и посылка делегаций от института за границу, носит отчетливо выраженную политическую направленность: наглядно показать модель вузовской системы как образец для подражания.

Вместе с тем в настоящее время, когда прошли эксцессы «культурной революции», в планах маоистского руководства обучение в вузах рассматривается как средство воздействия на формирование и развитие личности в КНР, на детерминацию ее социального поведения.

¹⁷ «Хунци», 1971, № 6, стр. 72.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Реакционная сущность идеологии и политики маоизма¹

*В. А. Кривцов,
кандидат философских наук*

Более десяти лет мировое коммунистическое и рабочее движение ведет принципиальную и последовательную борьбу против идейно-теоретической платформы и раскольнического политического курса китайского руководства. Успеху этой борьбы во многом способствует анализ теории и практики маоизма, данный КПСС и другими братскими партиями, исходящими из того, что маоизм представляет собой мелкобуржуазное идейно-политическое течение, принципиально враждебное марксизму-ленинизму и паразитирующее на коренных положениях социалистической идеологии.

Коммунистическая пресса многих стран активно выступает со статьями, в которых маоизм подвергается глубокой и серьезной критике с марксистско-ленинских позиций.

Заметный вклад в борьбу против маоизма вносят и болгарские ученые-коммунисты. В 1972 году болгарский Институт современных социальных теорий опубликовал большой коллективный труд «Реакционная сущность идеологии и политики маоизма», в создании которого приняли участие видные болгарские ученые Гиргин Гиргинов, Митрю Янков, Тодор Минков, Ярослав Радев, Димитр Пейчинов, Захарн Захариев и Деян Павлов.

Книга «Реакционная сущность идеологии и политики маоизма» состоит из введения «Глобальная стратегия империализма и маоизма» и пяти следующих разделов:

- 1) философские основы и классовая сущность маоизма;
- 2) маоизм — тормоз экономического развития Китая;
- 3) государство и маоистская группировка;
- 4) внешняя политика Китая;
- 5) маоизм и культура.

¹ «Реакционната същност на идеологията и политиката на маоизма». Държавно издателство «Наука и изкуство», София, 1972 (на болг. яз.).

В первом разделе книги (авторы Гиргин Гиргинов и Митрю Янков) дается критика философских взглядов маоизма, показывается его гносеологические корни и характерные черты методологии, вскрывается социальная база и классовая сущность. Авторы раздела приходят к выводу, что маоизм представляет собой эклектическую смесь концепций, конгломерат оппортунистических, мелкобуржуазных и буржуазных философских, социологических, этнических, политических и других взглядов и идей.

Особенный интерес для советского читателя представляет та часть раздела, где рассматриваются гносеологические корни маоизма. Болгарские ученые убедительно доказывают, что маоизм — это не просто заблуждение, а спекуляция определенными сторонами и моментами познавательного процесса.

«Главные гносеологические корни маоизма, — говорится в книге, — связаны с недооценкой или с отрицанием относительной истины, с расширением или же стеснением сфер ее приложимости, с ее произвольным отрывом от конкретной обстановки и общественной практики: маоизм незнаком с законами общественного развития, социалистической революции и социалистического строительства» (стр. 391, 392). Методологии маоизма свойственны субъективизм, догматизм, метафизическая закостенелость, доктринерство, фальшивая классовость — псевдореволюционность, мнимый антиревизионизм и т. д.

Гиргин Гиргинов и Митрю Янков делают вывод, что основная порочность гносеологических воззрений Мао Цзэ-дуна «заключается в ошибочной вульгарно-эмпирической трактовке взаимоотношения между теорией (познанием) и практикой. Он фактически подменяет основной вопрос философии отношением: познание — практика. ...Схема Мао Цзэ-дуна «Практика — познание — снова практика» и так далее является глубоко метафизической и совершенно ошибочной» (стр. 393). Этот вывод болгарских ученых совершенно правилен, поскольку маоисты допускают непозволительное смешение общественной практики с индивидуальным чувственным восприятием, а следовательно, пренебрегают исключительной сложностью и опосредованностью связи между познанием и практикой.

Авторы показывают, что маоизм в свете этих вульгарно-эмпирических представлений пытается обосновывать свои конкретные политические решения и действия.

Рассматривая отношение маоизма к диалектике, авторы приходят к заключению, что «преднамеренное метафизическое извращение диалектики является одной из характернейших черт философии маоизма» (стр. 396).

Главную социально-классовую базу маоизма болгарские ученые видят в мелкобуржуазной стихии.

Тодор Минков, автор второго раздела книги, обстоятельно показывает отрицательное воздействие маоизма на экономическое развитие Китая. Автор анализирует методологические основы экономических идей Мао Цзэ-дуна (субъективизм, волюнтаризм, авантюризм), вскрывает реакционную сущность экономических концепций маоизма, его борьбу против принципа материальной заинтересованности, курс «опоры на собственные силы».

«Маоистские экономические концепции, — пишет Тодор Минков, — являются просто отрицанием основных принципов социалистической экономики, которые были открыты и обоснованы в самом общем виде еще Марксом, которые были развиты и дополнены Лениным и их верными учениками и которые подтверждены историческим опытом всех социалистических стран, в том числе и Китая» (стр. 398). Рассматривая «открытый» маоистами так называемый закон волнообразного или скачкообразного развития экономики, он показывает, что такой закон абсолютно не существует в действительности, тем более в условиях социалистической экономики. В разделе анализируется экономическое развитие Китая и доказываемая, что маоистские концепции развития производительных сил и экономического роста представляют собой мощный тормоз.

В третьем разделе книги Ярослав Радев рассматривает проблемы политической власти маоистов. «Культурная революция, — пишет он, — несмотря на громкие революционные фразы, не продвинула китайское общество по восходящей линии» (стр. 253). В разделе показывается, что в результате «культурной революции» политическая организация китайского общества оказалась частично разрушенной, частично преобразованной или замещенной органами, «скрывающимися под революционными наименованиями».

Характеризуя политическую власть в современном Китае, он отмечает, что «государственная организация в Китае после «культурной революции» приспособлена к господству группы Мао Цзэ-дуна, принципы пролетарской диктатуры отброшены или применяются превратно, единство власти сведено к неограниченному господству фракции, официально олицетворяемой Мао Цзэ-дуном, который занимает место пожизненного и неограниченного деспота». В разделе показывается, что в современном Китае демократия уничтожена даже в той ее неразвитой форме, в которой она была осуществлена после победы революции в китайском обществе, маоизм опирается на армию и

бюрократический аппарат, занимает господствующее положение в государстве.

«Победа маоистской фракции, — подчеркивает Ярослав Радев, — не прекратила классовую борьбу и соперничества между различными группами в китайском обществе. Нынешняя победа является лишь прологом к новой борьбе... В конечном счете историческое развитие приведет к отстранению маоистов от власти и время их господства перейдет в историю как трагический период в развитии китайского общества» (стр. 276).

Четвертый раздел книги (автор Димитр Пейчинов) посвящен внешней политике Китая, которая рассматривается как выражение великодержавного шовинизма и гегемонизма, направленных против пролетарского интернационализма. Автор считает, что великодержавные, националистические, гегемонистические устремления теперешнего китайского руководства обрисовались совершенно ясно. Для внешнеполитического курса маоистов наиболее характерны следующие черты:

национализм в теории и на практике; курс против мирового революционного процесса, наиболее ярко проявляющийся в позиции китайского руководства по отношению к социалистическим странам;

превращение внешнеполитического курса маоистов фактически в резерв современного империализма. «Внешнеполитический курс маоизма, — пишет Пейчинов, — не только не имеет ничего общего с интересами мира, демократии и социализма, он противоречит объективным законам общественного развития и идет вразрез с основными интересами китайского народа» (стр. 402).

В последнем, пятом разделе книги (автор Захарн Захариев) показано отношение маоизма к вопросам культуры. Автор убедительно доказывает, что маоистские взгляды на культуру несут отпечаток сектантской ограниченности, схематичности и вульгарного социологизма, они не только чужды ленинскому пониманию культуры, но и глубоко враждебны марксистско-ленинской эстетике. «Подход маоистов к художественному творчеству является вульгарно-упростительским», — делает вывод Захарн Захариев. Он отмечает, что Мао Цзэ-дун требует отражать в художественном произведении лишь политические установки текущего момента, вследствие чего ликвидируется специфика художественного творчества. Подход маоистов к художественным ценностям, созданным прошлыми эпохами, ничего не имеет общего с марксизмом-ленинизмом. В маоистском Китае отброшены не только старые феодальная и буржуазная культуры, но и социалистическая культура.

Болгарские ученые написали содержательную книгу, глубоко раскрывающую реакционную сущность идеологии и политики маоизма. Они работали над ней, выполняя свой интернациональный долг и осознавая необходимость решительного наступления против маоистского ревизионизма.

Китайский фронт во второй мировой войне

*В. Б. Воронцов,
кандидат исторических наук*

Вышла в свет монография Б. Г. Сапожникова о китайском фронте периода второй мировой войны¹. Рецензируемая работа является логическим продолжением ранее опубликованного исследования, посвященного проблемам японо-китайской войны². Представленное двумя книгами исследование охватывает насыщенный бурными событиями период с начала японской агрессии в Китае (1931 г.) вплоть до капитуляции милитаристской Японии в 1945 году.

Имя Б. Г. Сапожникова известно читателю по работам, освещающим широкий круг проблем международных отношений на Дальнем Востоке. Рецензируемая монография, несомненно, вызовет интерес у научной общественности, поскольку использованный в ней богатый фактический материал приоткрывает завесу над многими хитросплетениями военно-политической истории и дипломатии периода второй мировой войны. Автор поставил перед собой сложные задачи: показать на фоне военно-политических событий 1941—1945 годов на Дальнем Востоке японскую колониальную политику в Китае, рассматривая их в тесной связи с общими стратегическими задачами Японии на Тихом океане; осветить проблемы, касающиеся китайского фронта, и проследить, какое влияние оказала борьба Советского Союза против фашистской Германии на весь ход войны в Китае и на Тихом океане.

В новой книге Б. Г. Сапожникова вскрываются основные формы и методы колониальной политики японских монополий и государства в Китае, разоблачается пропаган-

дистское прикрытие колониальной программы японского милитаризма, нашедшее свое концентрированное выражение в лозунгах «Азия для азиатов», «Азиатская сфера взаимного процветания» и так далее. В рецензируемой книге, в отличие от первой, дан более широкий фон событий крупного международного значения. Это и понятно. Китайский фронт был одним из важных фронтов второй мировой войны.

Один из наиболее важных аспектов монографии — изменение роли китайского фронта в условиях меняющейся общей военно-политической обстановки на фронтах второй мировой войны. По мере активизации подготовки Японии к войне на Тихом океане США и Англия придавали все большее значение китайскому фронту. Шаги, предпринятые Вашингтоном — о них подробно говорится в книге (стр. 24, 26), — в определенной степени сдерживали Чан Кайши еще в канун войны на Тихом океане в осуществлении капитулянтской политики по отношению к японскому агрессору. В то же время монополистические круги США, осуществляя политику дальневосточного Мюнхена, продолжали, несмотря на запрет Рузвельта (2 июля 1940 г.), поставки стратегического сырья Японии, чем, по существу, попустительствовали агрессору. Автор книги по этому поводу в качестве иллюстрации приводит интересные данные: с 1937 года по лето 1941 года американские монополии продали Японии 4,5 млн. баррелей нефти. Это был довольно значительный объем поставок — ведь заявки японского военно-морского флота на нефть в связи с планируемыми наступательными действиями флота в центральной части Тихого океана в декабре 1941 — феврале 1942 года составили всего 2,8 млн. баррелей (стр. 62—63).

Во второй главе на большом фактическом материале автор показывает, какое огромное значение придавали Китаю японские милитаристы, стремясь использовать эту страну в качестве важнейшей базы для экспансии в южном и северном направлениях. В этой связи в книге довольно подробно рассматриваются основные проблемы, находившиеся в центре внимания японских колонизаторов, то есть проблемы сырья и коммуникаций (стр. 61—72), строительства военно-промышленной базы в Маньчжурии (стр. 72—90), экономической политики в Северном Китае (стр. 90—95), политики во Внутренней Монголии и в Центральном Китае (стр. 95—99).

¹ Б. Г. Сапожников, Китайский фронт во второй мировой войне, М., 1971, 230 стр.

² Б. Г. Сапожников, Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937—1941), М., 1970.

Политика и дипломатия агрессора анализируются автором в тесной связи с ходом военных действий на фронтах второй мировой войны. В работе удачно показаны попытки японской стороны совместить «мирное» наступление в Китае — захватывание с Чан Кай-ши с целью добиться выгодного для Токно компромиссного мира — и активное военное давление на китайском театре военных действий. Важное значение правящие круги Японии отводили поиску взаимопонимания с чанкайшестским режимом на антисоветской, антикоммунистической основе. С этой целью в Токно, например, планировалось участие японских и гоминьдановских войск в совместных операциях против партизанских районов, контролируемых КПК (стр. 124). При этом японские милитаристы готовились в случае отказа Чан Кай-ши активизировать военное давление на китайском театре военных действий (стр. 126).

Читатель знакомится со сложной паутиной внешнеполитических интриг, начиная с тайной миссии пассажиров шхуны «Дацзюн», имевшей целью подготовить сепаратные переговоры Токно с Чунцином, секретных переговоров и дипломатического шантажа, — то есть со всем арсеналом политических средств японского милитаризма.

Чан Кай-ши склонялся, как это показано в работе, к достижению взаимопонимания с Токно на антикоммунистической основе. Однако победное наступление Советской Армии на фронтах второй мировой войны в летней кампании 1943 года, а также ухудшение стратегического положения Японии на Тихом океане в значительной мере укрепили позиции тех кругов в гоминьдановском правительстве, которые выступали против союза с Японией (стр. 133—135). Успехи советского оружия заставили Чан Кай-ши не только занять более решительную позицию в отношении Японии, но и воздержаться от эскалации наступательных операций против партизанских районов (стр. 140).

Победы Советской Армии на советско-германском фронте оказывали огромное влияние на развитие освободительной борьбы китайского народа, укрепляли уверенность трудящихся Китая в победе над японским агрессором. Однако руководство КПК, как это отмечается в работе, не воспользовалось благоприятными условиями для организации широких наступательных действий против японских захватчиков. Осуществлению такого рода действий препятствовали националистические тенденции, которые тогда пробивали себе дорогу в руководстве КПК. Проводившаяся в то время маонистами кампания «чжэнфэн» («за упорядочение стиля работы партии») была направлена против коммунистов-интернационалистов и растущего авторитета Советского Союза среди китайских трудящихся, а также на ослабление связей КПК с мировым коммунистическим движением.

Автор рецензируемой работы, опираясь, по-видимому, на выступление Мао Цзэ-дуна

перед слушателями партийной школы Яньани, относит начало этой кампании к февралю 1942 года (стр. 150). Подготовительный период этой кампании в действительности начался раньше — с мая 1941 года. Антипартийный курс Мао Цзэ-дуна захват власти в партии, на утверждение личной диктатуры в КПК отвлекал от выполнения основных задач по руководству борьбой с японскими агрессорами.

Б. Г. Сапожников, используя разнообразные архивные материалы, дает картину реорганизации вооруженных сил КПК, проводимой с целью укрепления позиции армии в политической жизни партизанских районов и устранения негодных маонистам людей в среде военного руководства (стр. 152). «Армия «отяжелела», — приходит к выводу автор, — от того, что Мао Цзэ-дун и поддерживающие его члены ЦК КПК опирались на нее одновременно как на военную, политическую и хозяйственную организацию, ущемляя ее роли и задачам как армии национального освобождения» (стр. 158).

Китайской политике США периода второй мировой войны, если сравнить ее с другими вопросами, находящимися в поле зрения автора, в монографии отведено значительно меньше места. Между тем активизация современной китайской политики Вашингтона послужила, как известно, поводом для многочисленных публикаций в США документов³, касающихся американо-китайских отношений периода второй мировой войны, а также целого ряда работ американских авторов, которые с разных позиций оценивают американский опыт в Китае тех лет⁴. Эти материалы в своем большинстве подтверждают основные выводы автора рецензируемой работы. Мирное наступление Японии в Китае, захватывание Токно с Чан Кай-ши вызывало — как это явствует из документов разведки США (1943 г.) — беспокойство американских политиков относительно возможного японо-китайского сближения, которое, как отмечали разведчики, могло бы привести к созданию «антизападного» союза всех азиатских народов⁵.

Деятельность командующего союзными силами на театре военных действий Китай — Бирма — Индия Дж. Стилуэлла давно уже привлекает внимание историков. Б. Г. Са

³ См.: The «Amerasia» Papers; A clue to the Catastrophe of China», vols. 1—2, prepared by subcommittee to investigate the administration of the internal security act and other internal security laws of the committee on the Judiciary United States Senate, W. 1970. J. S. Service, «The Amerasia papers. Some problems in the History of U. S. — China relations», W., 1971.

⁴ См., например, В. J. Robinson, «Marshall in China», N. Y., 1970; В. W. Tuchman, «Stilwell and the American experience in China», 1911—1945, N. Y., 1971.

⁵ См.: The «Amerasia» Papers, vol. 1, p. 253.

тожников также показывает яркое, хотя и небольшое эпизоды деятельности этого генерала (стр. 109, 146). Опубликованные в последнее время материалы говорят о более серьезных, чем это рассматривается в рецензируемой работе (стр. 109), расхождениях между генералом Стилуэллом, с одной стороны, и Чан Кай-ши и генералом Ченниоллом — с другой. Расхождения между Стилуэллом и Чан Кай-ши отражали противоположность самого американского внешнеполитического курса. В связи с этим было бы целесообразно более подробно остановиться на указанной проблеме, учитывая, что и рецензируемая работа дает немало поводов для размышлений в этой области.

Стратегия Стилуэлла была направлена на максимальное использование ресурсов Китая в военных действиях против государств оси (что противоречило политическим планам Чан Кай-ши, который старательно сохранял силы для борьбы с КПК). Стилуэлл был инициатором осуществления на практике идеи использования резервов КПК в интересах «большой стратегии» США. Предложения об отправке американской миссии наблюдателей в Яньань были изложены в докладе на имя Стилуэлла (июнь 1943 г.). В рецензируемой работе автор касается этого важного шага американской стороны — послыжки в Яньань специальной миссии (стр. 170).

Один из ближайших соратников Стилуэлла дипломат Дж. Сервис, ссылаясь на беседы с руководящими деятелями КПК, прежде всего с Мао Цзэ-дунем, призывал оказанию помощи КПК, к использованию интересов США националистических настроений в среде китайских коммунистов не только в тех условиях, но и в перспективе. Дж. Сервис сам наблюдал за осуществлением кампании «чжэифэн» и сообщал Вашингтону данные, которые, по его мнению, должны были укрепить веру его соотечественников в необходимость сотрудничества с КПК. Он докладывал, например, о том, что инициаторы кампании «чжэифэн», несмотря на приверженность к «марксистской терминологии», выражают националистические стремления, демонстрируют решимость освободиться от лиц, выступающих за сплоченность мирового коммунистического движения⁶.

Естественно, что планы, предполагавшие использование националистических тенденций КПК в интересах глобальной стратегии США, сторонником которых был Стилуэлл, встречали резкий отпор гоминьдановской верхушки, стремившейся к уничтожению освобожденных районов. Желание использовать сухопутные силы для блокады партизанских районов и определило позицию Чан Кай-ши (на его стороне был Ченниолл), требовавшего в противовес Стилуэллу уделять авиации главное внимание на китайском фронте (стр. 109). Спор шел, безуслов-

но, о средствах и методах осуществления политического курса в отношении Китая. В большинстве же своем американские политики искали более приемлемые для Вашингтона пути создания сильного и дружественного США Китая. Ведь недаром, выдавая желаемое за реальную перспективу, один из видных американских авторов Р. Шервуд писал: «Президент считал, что Китай при любом серьезном политическом столкновении с Россией будет, несомненно, на нашей (США. — В.В.) стороне»⁷.

Место и роль китайского фронта в военной стратегии сторон, планирование и осуществление важнейших военных операций на китайском материке — в центре внимания автора рецензируемой работы. И хотя основные сражения, обозначившие конец безраздельного господства императорского флота в водах Тихого океана (Коралловое море, Мидуэй), происходили вдали от китайских берегов, они — и последующие успехи союзников на море — существенным образом влияли на изменение стратегических планов Японии и США на китайском фронте.

Неудачи Японии на море поставили под угрозу важнейшие морские коммуникации Токю. Разведывательная служба США в Китае и на тихоокеанском театре военных действий приходила к выводу: японские потери по наземным коммуникациям в Китае должны составить лишь 20 процентов от потерь перевозок, осуществляемых морским путем. Открытие в Китае наземных коммуникаций по связи со странами южных морей снижало бы таким образом транспортные потери Японии на 80 процентов⁸.

По мере ухудшения военно-политического положения государств фашистской «оси» японское командование придавало все большую значимость китайскому фронту в связи с необходимостью расширения и активизации действующих жизненно важных транспортных артерий, которые обеспечивали приток сырья из оккупированных районов Юго-Восточной Азии, доставку необходимого военного снаряжения армии и флоту. Американская разведка (майское донесение 1943 года Управления стратегических служб), например, установила, что одна из основных задач миссии премьерера Тодзю в Нанкин имела в виду обсуждение проблемы объединения коммуникаций от Японии до Малайи через Китай, что было отражено в соглашении между Японией и Ван Цзин-вэем⁹.

И хотя задачи стратегического значения, которые ставили перед собой противостоящие на китайском фронте стороны, эволюционировали в связи с изменением общей военно-политической обстановки на фронтах второй мировой войны (на первом эта-

⁷ Р. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, т. 2, М., 1958, стр. 390.

⁸ См.: The «Amerasia», Papers», vol. 1, p. 255—256.

⁹ См.: The «Amerasia» Papers, vol. 1, p. 255—256.

⁶ См.: J. S. Service, op. cit., p. 182.

пе тихоокеанской войны японское командование в равной мере уповало как на дипломатические, разведывательные, так и на чисто военные пути наступления в Китае), проблема борьбы за коммуникации на китайской территории не только не теряла для Японии своей значимости, а, напротив, становилась еще более острой по мере приближения конца войны. Автор справедливо усматривает в этом наиболее важные причины осуществления японским командованием наступательных операций на китайском фронте. В 1944 году Япония в первую очередь, отмечается в книге, стремилась к захвату сквозной магистрали от Маньчжурии до границ Индокитая и Бирмы (стр. 189).

Автор сумел удачно показать весь ход весенне-летней наступательной операции японской армии в 1944 году, в результате которой японское командование получило упомянутую сквозную коммуникацию. Япония, стремясь использовать военные успехи на китайском фронте, в то же время (это на большом фактическом материале показано в книге) прибегала к широкому дипломатическому наступлению, тайным политическим интригам в целях использования и разжигания противоречий между союзниками по антигитлеровской коалиции (стр. 196—207).

В разделе «Капитуляция Японии» автор приводит интересные данные, которые подчеркивают огромное значение освободительной миссии Советского Союза на Дальнем Востоке для судеб революционного движения китайского народа. В труде советских военных историков «Финал» (1969 г.), как известно, дана с многочисленными

подробностями картина участия Советской Армии в разгроме милитаристской Японии.

В рецензируемой книге автор использует некоторые новые материалы о взаимодействии вооруженных сил СССР и НОАК. Так, в штабе 8-й Народно-освободительной армии в начале августа 1945 года стало известно о приказе Чан Кай-ши «об очищении Северного Китая» (стр. 224). Чан Кай-ши, опираясь на США, стремились любыми путями закрепиться в Маньчжурии Северном Китае. В этих условиях разгром Советским Союзом японской Квантунской армии явился важнейшим стимулом для активных действий НОАК в Северном Китае, они создавали благоприятные условия для успешного закрепления контроля революционных сил на завоеванных рубежах.

Перед читателем книги Б. Г. Сапожников открываются новые страницы, рассказывающие о международном значении подвига советского народа, о гуманной миссии первого в мире социалистического государства, которое, следуя высоким принципам пролетарского интернационализма, оказало искреннюю помощь китайскому народу в борьбе за свободу и независимость, последовательно отстаивало принцип объединения всех прогрессивных сил в целях освобождения Китая и других народов Азии от гнета империализма.

Рецензируемая книга, несомненно, вызовет интерес у историков, специализирующихся на изучении проблем второй мировой войны, принесет пользу нашим пропагандистским кадрам, привлечет внимание широкого круга читателей.

Колониальная экспансия в Китае и ее современные апологеты

А. М. Дубинский,
доктор исторических наук

Исследование доктора исторических наук, профессора Л. А. Березного «Начало колониальной экспансии в Китае и современная американская историография»¹ является логическим продолжением его монографии «Критика методологии американской буржуазной историографии Китая (проблемы общественного развития в XIX — первой половине XX веков)»².

В своем новом исследовании Л. А. Березный анализирует концепцию Дж. К. Фэрбэнка — одного из наиболее видных представителей «либеральной» школы в современной американской историографии. Дж. К. Фэрбэнк в своих работах пытается утверждать, что замедленный процесс общественного развития Китая в XIX — первой половине XX веков был обусловлен в первую очередь не хозяйничаньем колонизаторов, а исключительно «традиционностью» китайского общества, живучестью свойственных Китаю специфических средневековых институтов, которые «мешали» Китаю воспринять в новое время «вызов Запада», создавали непреодолимые преграды на пути «модернизации». В этом утверждении просматривается стремление американской буржуазной историографии оправдать колониальную экспансию западных держав, нежелание признать тот бесспорный факт, что колониальная эксплуатация послужила одной из важнейших преград «модернизации» китайского общества.

Л. А. Березный, хорошо зная работы Фэрбэнка и других американских историков, разделяющих его концепции, весьма доказательно вскрывает несостоятельность такой интерпретации исторического процесса, которая игнорирует колониальную эк-

сплуатацию, тормозившую развитие Китая по пути прогресса.

Причины «крушения китайской империи» Фэрбэнк и ряд других американских историков предлагают искать исключительно «внутри» китайского общества, а не вне его. Но такой односторонний подход едва ли можно считать научно обоснованным.

Свою концепцию Фэрбэнк называет «новым взглядом», который явно направлен против марксистско-ленинского объяснения исторического процесса. Фэрбэнк, кстати, и не скрывает свое несогласие с ленинским выводом о пагубном влиянии господства империализма на ход общественного развития колониальных и зависимых стран Востока. Он недоволен тем, что для некоторых «опиумная» война в Китае «служит доказательством марксистско-ленинской теоремы, согласно которой капитализм свободного предпринимательства ведет к агрессивному «империализму», повсюду объединяющемуся с реакционным «феодализмом» во вред простым людям» (стр. 7).

В западной историографии еще в 40-х годах XIX века сложился взгляд, который оправдывал агрессивные действия Англии, первой пробившей дверь в «китайской стене» изоляции, ссылаясь на то, что Цинская империя не хотела установить с западными державами отношения, основанные на «равноправном партнерстве», на развитии «взаимовыгодной» торговли. В обоснование этого «взгляда» западная историография приводила немало интересных наблюдений о действиях чванливых маньчжуро-китайских чиновников, закосневших в своем представлении о том, что Китай — цивилизованный мир, а все остальные народы — варвары.

И Фэрбэнк в своих работах часто ссылается на внешнеполитический опыт Китая в период средневековья, который, по существу, ограничивался сношениями с кочевыми соседями или небольшим числом малых государств Восточной и Юго-Восточной Азии.

Безусловно прав Л. А. Березный, когда отмечает, что в работах Фэрбэнка проявился наиболее резко «перекося», наметившийся в западной историографии в сторону преувеличения влияния китаецентрических взглядов на практику цинской дипломатии. Именно Фэрбэнк, как никто другой, видит «ключ к истории — внутри» и уделяет свое главное внимание изучению социальных институтов Китая, объясняя исторический процесс с «институциональной» точки зрения. Он гипертрофирует роль отдельных институ-

¹ Изд-во «Наука», М., 1972, 221 стр.

² Изд-во ЛГУ, 1968.

тов Китая и рассматривает их «передко в отрыве от сути общественного строя, породившего эти институты», а такой подход Фэрбэнка не позволяет ему «выработать научно обоснованные концепции исторического процесса. Так случилось и с его выводами о внешней политике Китая в XIX веке» (стр. 11).

Автор рецензируемой книги показывает, что в трактовке «традиционных» социальных институтов, сыгравших, конечно, некоторую определенную роль в торможении общественного развития Китая, Фэрбэнк не проникает в суть явлений и потому ошибочно толкует многие из них. Сопоставляя выводы Фэрбэнка с фактами развития колониальной экспансии, содержащимися в работах самого Фэрбэнка и других американских ученых, Л. А. Березный устанавливает противоречия между выводами Фэрбэнка и известными ему фактами. Это позволяет Л. А. Березному подвергнуть убедительной критике методологию исследований американских историков Китая.

Фэрбэнк грешит против истины, когда утверждает, что политика Китая в конфликте с западными державами «целиком определялась традицией» (стр. 12) и что она в немалой степени сказалась на результатах конфликта.

Он выдвигает два тезиса — *первый*, что традиционный Китай усвоил во внешнеполитических отношениях лишь систему данн, рассматривая все государства в качестве китайских вассалов, *второй*, что в Китае чужеземцы наряду с китайцами принимали участие в управлении страной и это также стало традицией (диархия). В 1953 году Фэрбэнк выдвинул вместо диархии новый термин «синархия», который позднее им был объяснен как «совместная китайско-иностранная администрация правительства Китая при иностранной династии» (стр. 17).

Что касается *первого тезиса* Фэрбэнка, то он не может быть признан точным, так как эта система не всегда соблюдалась и она во многом зависела от степени развития внешнеполитических отношений Китая в различные периоды его истории и определялась соотношением сил и положением на китайских границах.

Рассматривая *второй тезис* Фэрбэнка и его эволюцию, Л. А. Березный считает, что изобретение термина «синархия» как «традиционного» института понадобилось Фэрбэнку для того, чтобы «попытаться поместить в ее рамки систему неравноправных договоров XIX века» и отождествить ее с «традицией совместного управления».

Дойдя до утверждения, что «система договоров» с западными державами была порождена «системой данн», Фэрбэнк приходит к надуманному выводу, будто в «повседневной практике в первых открытых портах как цинское правительство, так и *китайский народ содействовали* (подчеркнуто мною. — А. Д.) функционированию договорной системы» (стр. 27), игнорируя известный факт длительного сопротивления населения

провинции Гуандун допуску англичан в внутреннюю часть Гуанчжоу. Именно факте народного движения 40-х годов XIX века опровергают концепцию Фэрбэнка.

Никакие «открытия» и «новые взгляды» Фэрбэнка, представляющие собой апологию колониализма, не могут затушевать того, что западные колонизаторы были безжалостными захватчиками, а вовсе не борборниками свободной торговли в Китае, как это утверждают западные историки вместе с Фэрбэнком.

Следует признать, что в своем интересном исследовании автору книги удалось подробно рассмотреть проблемы происхождения англо-китайского конфликта, приведшего к первой «опиумной» войне. Автор убедительно доказывает несостоятельность попыток западной историографии оправдать экспансию английского колониализма ссылкой на несоответствие синопотрических традиций внешней политики Китая «равноправным» западным межгосударственным отношениям.

Фэрбэнк считает, что англо-китайская «опиумная война» явилась следствием двух различных концепций международных отношений, двух экономических концепций, спором относительно юридических институтов. Именно то обстоятельство, что вторгнувшиеся в XIX веке в Китай англичане были встречены как «варвары» и Цинская династия хотела решить проблему отношений с этими «новыми варварами» с помощью традиционной «системы данн» и включить их в рамки «всемирной конфуцианской монархии», и составили якобы суть конфликта. Фэрбэнк с серьезным видом стремится доказать, что Англия хотела установить с Китаем торговые и дипломатические отношения на основе равенства. Однако правители конфуцианской монархии, рассматривавшие другие государства как данников, вызвали *неизбежность* конфликта, отвергнув то, что «справедливо» предлагал Запад. «Институциональный» подход Фэрбэнка как раз и используется для того, как это хорошо показывает Л. А. Березный в своем труде, «чтобы снять с буржуазного строя ответственность за позорную колониальную агрессию» (стр. 71).

В еще большей мере вскрывается порочность «концепции» Фэрбэнка, когда он пытается обосновать «значение» для Китая американо-китайского договора 1844 года. Апологетический характер «изысканий» Фэрбэнка и других американских историков не вызывает никаких сомнений. Известно, что в годы первой «опиумной войны» американское правительство в ультимативной, угрожающей форме потребовало для США таких же преимуществ, какие получили англичане по договору 1842 года. Слабый Китай вынужден был уступить, и в июле 1844 года в Ваняе был подписан американо-китайский неравноправный договор, согласно которому США добились не только консульской юрисдикции, но и распространения на американских подданных статей Нанкинского догово-

гра (1842 г.), а также внесения в практику международных отношений Китая понятия со «наибольшим благоприятствованием».

Фэрбэнк стремится заретушировать экшансионистскую сущность договора 1844 года. Л. А. Березный показывает всю надуманность гипотезы Фэрбэнка (а также другого американского историка, Э. Свишера), что «китайские сановники, исходя из привычного императору отношения «с равным сострадаанием» ко всем прибывшим издалека, «почти инстинктивно» (курсив автора) решили распространить условия британского договора и на американцев» (стр. 128).

Фэрбэнк доказывает, что определенные статьи договоров Китая с державами якобы не были выдуманы одними только западными дипломатами, а явились следствием «традиционной» китайской политики «противопоставления одних варваров другим», что привилегии, полученные Англией, были с легкостью распространены на другие западные державы китайским правительством, исходя из его стремления вызвать противоречия между «варварами» (стр. 132).

Однако такое утверждение призвано оправдать колониальную экспансию, так как линия цинского двора вовсе не определялась теми причинами, которыми объясняет Фэрбэнк, хотя среди китайских сановников было, правда, немало капитулянтов, не помышлявших о сопротивлении иностранному вторжению.

Весь более чем столетний период колониального ограбления Китая показывает, что западные державы, в том числе и США, были врагами китайского народа, грубо навязавшими ему систему кабальных неравноправных договоров.

Наряду с обычными восхвалениями американской политики «открытых дверей» в Китае Фэрбэнк довольно откровенно рассуждает также о том, что нельзя осуждать старую британскую империю и отрекаться от нее, потому что американцы давали британцам вести грязные колониальные войны, сами получая от этого выгоды (стр. 184). Но вместе с тем Фэрбэнк не считает, что Китай в XIX веке стал жертвой американцев «или даже британцев». «Я полагаю, — утверждает Фэрбэнк, — что они (китайцы. — Л. Б.) стали жертвой обстоятельств истории, т. е. что мировая цивилизация, беря свое начало и распространяясь из Европы, а теперь распространяемая нами и другими, пришла Китай остающимся последней отдельной от других, изолированной страной, которая имела свою собственную культуру и не присоединилась (к «мировой цивилизации». — Л. Б.). И это является, следова-

тельно, основой реального конфликта культур» (стр. 184).

Труд Л. А. Березного, основанный на глубоком марксистско-ленинском методе исследования, вскрывает несостоятельность точки зрения Фэрбэнка, увлекающегося поверхностными ассоциациями с традициями средневекового Китая. Фэрбэнк, стремясь постигнуть историю Китая «глазами китайцев» и собрав в этом отношении немало интересных факторов и наблюдений, отступает от обязательного для историка конкретно-исторического подхода. Преувеличивая роль отдельных социальных институтов Китая, американский историк очень часто предлагает надуманные схемы, которые излагаются им в отрыве от действительных исторических фактов.

Нельзя не согласиться с автором, что живучесть традиционных представлений в социальной психологии китайского общества XIX — первой половины XX веков объективно питалась, помимо всего прочего, и системой колониального угнетения. Фэрбэнк полагает, что традиционные китаецентрические представления препятствовали «модернизации» внешней политики Китая и превращению его в современное государство. «Но, может быть, — отмечает Л. А. Березный, — большее значение имела обратная зависимость: полуколониальное положение со всеми его последствиями, унижая национальное достоинство китайского народа, стимулировало развитие национально-освободительного движения, но одновременно способствовало поддержанию в качестве реакции на такое унижение китаецентрических взглядов. А великодержавно-шовинистические элементы в Китае XIX—XX веков спекулировали и спекулируют на традициях подобного рода в своих сугубо националистических целях, не имеющих ничего общего с подлинными национальными интересами китайского народа» (стр. 192). Таков правильный вывод советского ученого.

Новое исследование Л. А. Березного, несомненно, оставит заметный след в советском китаеведении и будет встречено с большим удовлетворением советской научной общественностью. Значимость этого труда заключается, на мой взгляд, в том, что он дает серьезное основание более внимательно отнестись к пониманию роли традиций в истории, культуре и во внешней политике Китая и отрешиться от преувеличенного представления о них. А такие представления как раз особенно бытуют в западной историографии, которая стремится широко их распространять за пределами своих границ.

«Новые левые» в американском китаеведении

В. В. Медведев

В настоящее время в США существуют несколько китаеведческих школ. Однако при всем различии этих школ их объединяет резко критическое отношение к азиатской политике своего правительства, выразившееся первоначально в даллесовской формуле «отбрасывания коммунизма» и модернизированной впоследствии в доктрину «сдерживания без изоляции». Эта критика по преимуществу направлена не против империалистических и антикоммунистических установок внешней политики США, а на выявление «упущенных возможностей» в сближении с руководством КПК на раннем этапе и более «искусного» использования китайско-советских разногласий. В связи с этим за последние годы в США появилась обширная литература, призванная доказать давние проамериканские симпатии Мао Цзэ-дуна и его окружения.

Ряд американских наблюдателей еще в годы второй мировой войны предлагали правительству США ориентироваться не на гоминьдан, а на КПК, которую они обрисовывали как «сплоченную группу сильных... и практичных людей... чье поведение, образ мыслей и подход к решению проблем кажутся скорее американскими, чем восточными»¹.

Эту точку зрения высказывали ученые старшего поколения, которые в большинстве своем стали жертвами маккартистской «охоты за ведьмами» за свои «красные» и «розовые» убеждения. Теперь же, как свидетельствуют факты, их взгляды не расходятся с официальной линией Вашингтона.

Другая группа востоковедов, в основном представителей молодого поколения, по ряду вопросов идет дальше, «левее» своих предшественников. Они критикуют старых китаистов за их причастность к политике,

исходя при этом из совершенно справедливого убеждения, что в США гуманитарные науки, в том числе и ориенталистика, находятся в услужении Белого дома, Пентагона и других правительственных учреждений. Они обрушиваются на систему китаеведческой подготовки в США, целью которой, по их словам, было «вооружение» студентов «обоснованиями и оправданиями американской стратегии господства над Азией», а методы ее походили на приемы тренировки войск «особого назначения»². В них вызрело критическое отношение к мифам о «красной» и «желтой» угрозе. Однако то, что могло бы стать преимуществом молодых — более непредвзятое изучение реалий современного Китая, — оборачивается односторонностью, узостью взглядов и наивностью концепций, построенных на шатком фундаменте идеалов буржуазного либерализма. И малоудивительно, что при таком подходе, в условиях обострения противоречий капиталистического общества, кризиса буржуазной идеологии, «новые левые» готовы считать КНР чем-то вроде новой Утопии, чем-то вроде мира девственных лесов, воспетых Генри Торо, или «романтики» примитивного быта незатронутых «цивилизаций» народов Океании, мифы о которых издавна служили прибежищем либералов экспансионистского толка.

«Китай Мао Цзэ-дуна, — уверяет, например, Брюс Дуглас, — единственное место, где существуют надежды на лучшую организацию индустриального общества». Это мессианское предназначение Китай якобы обрел, «несмотря на то, что им руководят коммунисты, несмотря на то, что китайские коммунисты учились марксизму у русских и не обладали никакими познаниями о домарксовом социализме Запада»³. Вклад Китая в дело проведения в жизнь этих, по его словам, «подлинно социалистических» (читай — уравнилито-утопических) идей тем более возрастет, уверяет автор. «если он будет продолжать следовать своей современной тенденции к отходу от Маркса, Энгельса, Сталина... в направлении к возвращению к некоторым аспектам китайской традиции и если внешнее давление будет

¹ The «Amerasia» Papers: A Clue to the Catastrophe of Crina, Washington, 1970, v. 1, p. 836.

² «American's Asia», Dissenting Essays on Asian — American Relations, ed. by E. Friedman and M. Selden, Vintage Book, N. Y., 1971, p. 3, 103.

³ Ibid., p. 3, 103.

«ослаблено»⁴. Чем же, по сути дела, этот последний вывод отличается от рекомендаций советников Белого дома нормализовать отношения США с КНР в расчете на дальнейшую эскалацию маоистского антисоветизма?

В статьях других Китаеведов этого направления «идеи Мао Цзэ-дуна» также выдаются за «теорию», которая позволит якобы создать общество «подлинно свободных людей», не отчужденных от продуктов своего труда⁵. Социально-преобразующая роль приписывается даже «народной» (т. е. партизанской) войне, в огне которой, по словам одного из авторов, зарождаются основы общества нового типа — «антибюрократического» и «антиэлитарного»⁶.

Начало этих взглядов, сущность которых можно определить как «реабилитацию маоизма», было положено канадскими и австралийскими учеными. Некоторые из них приглашались в КНР для преподавания английского языка. Они, таким образом, оказались в более преимущественном положении перед американскими Китаеведами, которые долгое время были оторваны от китайской почвы.

Канадец Рэй Уайли и австралиец Нил Хантер, чьи книги и статьи издавались не на их родине, а в США, выступая как очевидцы «культурной революции», вольно или невольно стали зарубежными пропагандистами ее маоистской версии как противоборства «революционной линии председателя Мао и реакционной линии Лю Шао-ци»⁷. Инспирированный сверху разгул хунвэйбинов трактуется ими как «последняя попытка стареющего революционера предотвратить превращение китайской революции в современную форму восточной деспотии», как «попытка восстановить принципы уравнительного социализма перед лицом вторжения классового общества», как «процесс», в котором «создание и разрушение идут рука об руку»⁸.

Точно так же пребывавшие в КНР австралийские экономисты способствовали распространению в мире маоистских легенд об «успехах» курса «трех красных знамен», которые были сорваны якобы из-за отрыва советских специалистов, о «попытках» Лю Шао-ци «реставрировать» капитализм и создать в Китае «рыночный социализм»

и даже о «всемирном значении пресловутых «идей Мао Цзэ-дуна»⁹.

Эти мнения, приобретшие ценность свидетельств из «первых рук», перекочевали на страницы трудов американских исследований. В этом плане особенно показательны сборники «Китай и мы. Исследование и пересмотр, проведенные новым поколением» и «Американская Азия. Очерки оппозиционеров об азиатско-американских отношениях». В предисловии к первому из них Эдгар Сноу подчеркивал, что эта книга «свободна от идеологических предубеждений и предвзятости, присущих касте ученых — поборников холодной войны, которая некогда преобладала в Китаеведении Запада»¹⁰. На те же особенности статей сборника «Американская Азия» указывают и его редакторы Эдвард Фридман и Марк Селден.

Однако большинство статей и того и другого издания не подтверждают программных заявлений редакций о «неангажированном» подходе к Китаю вообще и американо-китайским отношениям в частности, о несогласии молодых с «официальным» Китаеведением и Китаеведами старшего поколения. Возникает парадокс: те молодые ученые, которые подчеркивают свой «неангажированный» подход к проблемам Китая, становятся проводниками политики Белого дома и Пентагона и одновременно, вольно или невольно, рупорами пекинской пропаганды. Парадоксальности же, впрочем, здесь не более, чем совпадение курсов лидеров США и КНР в их антисоветском аспекте.

Вместе с тем группа востоковедов, выступающих в сборнике «Американская Азия», подвергнув критике ныне действующие установки правительства США, дала им научный и объективный анализ.

В течение многих лет одним из краеугольных камней официальной американской идеологии считается миф о «коммунистическом заговоре в Азии». Он трактовался и во многих научнообразных трудах, принадлежавших перу даже и тех авторов, которые сейчас числятся в либералах и ратуют за скорейшую нормализацию отношений с КНР. Известный американский ученый Джон Гиттингс подвергает этот миф сокрушительной критике. Прежде всего он опровергает распространенное на Западе мнение о том, будто организационное заседание Информационного бюро коммунистических партий в 1947 году дало «директивы» к разворачиванию «подрывной деятельности» во всем мире. В Заявлении Коминформа, указывает Дж. Гиттингс, «тактика вооруженной борьбы не упоминалась и уж тем более безоговорочно не ре-

⁴ Ibid., p. 246.

⁵ Ibid., p. 339, 436.

⁶ Ibid., p. 383.

⁷ N. Hunter, *Shanghai Journal. An Eyewitness Account of the Cultural Revolution*, Frederic A. Praeger, N. Y., 1969.

⁸ *China after the cultural revolution. A Selection from «The Bulletin of the Atomic Scientists»*, Random House, N. Y., 1969; R. Wily, *China and Ourselves. Exploration and Revision by a New Generation*, Beacon Press, Boston, 1970, p. 47.

⁹ Wheelwright E., McFarlane B., *The Chinese Road to Socialism. Economic of the Cultural Revolution*. Monthly Review Press, N. Y., 1970, p. 13, 53, 87—88.

¹⁰ *China and Ourselves*.

комендовалась»¹¹. Такой же «развеселой клюквой» объявляются и домыслы об «инструктивно» характере Конференции молодежи стран Юго-Восточной Азии в Калькутте в феврале 1948 года¹².

Автор приводит веские доказательства в пользу того, что китайские призывы к революции в колониях и полуколониях были рассчитаны на чисто пропагандистский эффект и что выступления китайской печати того времени нельзя принимать всерьез, поскольку в них Заявление Коминформа использовалось для утверждения маоистских тезисов о развертывании вооруженной борьбы и ведущей роли Китая в ней¹³. Так, например, Лю Шао-ци на конференции профсоюзов стран Азии и Океании в ноябре 1949 года призывал идти «путем Мао Цзэ-дуна».

Дж. Гиттингс мог бы на основании этих фактов сделать более глубокие выводы, но для него, к сожалению, их выявление послужило лишь подтверждением его главного тезиса о том, что в тот период никакого «коммунистического заговора» в Азии не существовало. В целом, резюмирует он, давно пора отказаться от точки зрения, будто деятельность коммунистических пар-

тий протекала как бы изолированно от мировой обстановки периода холодной войны и будто все внешнеполитические акции США объяснялись стремлением «отразить натиск коммунизма»¹⁴.

Такого рода взгляды свидетельствуют, по-видимому, о том, что среди радикального крыла американских востоковедов есть люди, стремящиеся объективно разобраться в подлинных мотивах и целях империалистического курса политики Вашингтона.

Но в целом преобладающей линией в американском Китаеведении остается линия на оправдание как маоизма, так и действий правительства США по отношению к маоистским Китаем. Опасность этой линии очевидна. Осуждение прошлых промахов американской внешнеполитической стратегии без критического анализа сути империализма и восхваление Китая без критического анализа социальных основ маоизма объективно ведут к примирению с новейшей тактикой империализма США и к оправданию любых шовинистических актов маоистского руководства. Приняв в той или иной мере маоистские оценки международной ситуации и опыта китайской революции, часть американских Китаеведов рискует оказаться по одну сторону баррикад с теми, против кого они сейчас выступают. Их может привести к этому некритическое отношение к маоизму, неотъемлемой частью которого был и остается антисоветизм.

¹¹ «Americas Asia», p. 113.

¹² Ibid., p. 113.

¹³ Ibid., p. 124—125. Дж. Гиттингс указывает также, что автором одной из таких статей был нынешний зам. министра иностранных дел КНР Цяо Гуань-хуа (ibid., p. 142).

¹⁴ Ibid., p. 170—171.

Об Учанском восстании

В. Н. Никифоров,
доктор исторических наук

Советские ученые уделяют большое внимание периоду истории Китая конца XIX и начала XX веков, когда в стране возникло и стало развиваться демократическое движение.

В последние годы этому периоду посвящено около десятка монографий, среди которых — капитальные исследования С. Л. Тихвинского и А. Г. Крымова¹, публикации источников², сборники статей³ и отдельные исследования, посвященные преимущественно узким вопросам⁴. К последней категории работ добавилась сейчас книга Е. А. Белова⁵.

Восстание в городе Учане 10 октября 1911 года, послужившее началом первой в истории Китая буржуазной революции 1911—1913 годов, давно заслуживало того, чтобы ему была посвящена специальная исследовательская работа.

¹ С. Л. Тихвинский, Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вэй, М., 1959; А. Г. Крымов, Общественная мысль в Китае в начале XX в., М., 1972.

² «Восстание ихэтуаней. Документы и материалы». Составитель, автор предисловия и примечаний Н. М. Калужная, М., 1968; «Синьхайская революция. 1911 г.». Сборник документов и материалов. Отв. ред. С. Л. Тихвинский, М., 1968.

³ «Синьхайская революция в Китае», М., 1962.

⁴ Л. Н. Борох, Союз возрождения Китая, М., 1971; А. М. Григорьев, Антиимпериалистическая программа китайских буржуазных революционеров (1895—1905); А. С. Костяева, Народные движения в Китае в 1901—1911 гг., М., 1970; Ю. В. Чудодеев, Накануне революции 1911 г. в Китае. Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции, М., 1966.

⁵ Е. А. Белов, Учанское восстание в Китае (1911), М., 1971.

Е. А. Белов постоянно работает над историей Синьхайской революции. Первая его книга была написана почти 15 лет назад⁶, когда советские китаеведы располагали крайне незначительным количеством источников. Новая книга автора отразила рост советской науки за прошедшие годы. На смену общему очерку пришло конкретное исследование определенной, четко ограниченной проблемы. Автор использовал все доступные ему китайские источники по Учанскому восстанию: мемуары, книги и статьи китайских историков, в которых собран большой конкретный материал, привлек данные русских архивов и впервые на русском языке дал сводку фактического материала по истории Учанского восстания.

Автор рассматривает события, выходящие за рамки восстаний, в городах Учан, Ханькоу и Ханьян в октябре 1911 года, показывая предысторию восстания, деятельность революционных организаций провинции Хубэй в 1901—1911 годах, кончая изложение событий поражением революционных сил Хубэя в 1913 году.

Е. А. Белов стремится сохранить в изложении событий последовательность, полноту и точность. Он исправляет многочисленные фактические ошибки и неточности, имеющиеся в нашей литературе, особенно в смежной по теме книге В. И. Данилова, посвященной истории партии Сунь Ят-сена в период Синьхайской революции и до нее⁷. Интересны разделы рецензируемой работы, посвященные характеристике хубэйской новой армии (т. е. европейски обученных частей) перед революцией 1911 года, а также описанию Сычуаньского восстания лета 1911 года.

Исследование Е. А. Белова еще раз убеждает читателя в правильности выводов известных работ В. И. Ленина 1912—1913 годов о том, что Синьхайская революция была героической страницей в истории китайского народа, что она расчищала китайскому народу путь для дальнейшей борьбы против феодализма и империализма. Слабостью этой буржуазной революции была узость лозунгов, отсутствие четкого размежевания между революционерами и

⁶ Е. А. Белов, Революция 1911—1913 годов в Китае, М., 1958.

⁷ В. И. Данилов, Объединенная революционная Лига Китая и ее роль в подготовке революции 1911—1912 гг., М., 1959.

конституционалистами⁸. Рабочий класс и крестьянство, сражаясь за республику, шли за буржуазией и не наложили отпечатка своих классовых требований на ход революции. «Сохранение старых социально-экономических порядков и старого чиновничьего аппарата,— как это правильно заключает Е. А. Белов,— предопределили в конечном счете поражение революционной буржуазии и победу китайской феодально-компрадорской реакции»⁹.

Общий вывод автора, по существу, повторяет точку зрения, проводившуюся во всех прежних работах Е. А. Белова, о том, что революция 1911—1913 годов не могла стать подлинно народной, крестьянской революцией, не вела непосредственно к аграрному перевороту. Однако, когда автор начинает в подтверждение этого общего положения приводить конкретный материал, ход его рассуждения начинает путаться и из множества частных оценок, почерпнутых автором из китайской литературы, возникает основная концепция рецензируемой книги, явно противоречащая первоначальной теоретической предпосылке Е. А. Белова.

Е. А. Белов поставил в центр своей концепции проблему руководства революцией — тоже, несомненно, важный вопрос. Он считает и неоднократно подчеркивает, что Учанское восстание, первое восстание в революции 1911 года, было обязано своей победой не деятельности Сунь Ят-сена и руководимой им Революционной лиги (Гунмэнхуэй), а длительной упорной работе в Учане местных хубэйских революционных организаций — «Гунцинхуэй» (Союза совместного прогресса) и «Вэньсюэшэ» (Литературного общества). Автор утверждает, что в отличие от Сунь Ят-сена и его партии хубэйские революционеры шли не путем заговоров и революционных авантур, а длительное время готовились к серьезному победоносному восстанию, что они-де в течение восьми-девяти лет вели повседневную пропагандистскую и организаторскую работу в армии, что примерно одна треть личного состава этой (хубэйской.— В. Н.) армии им якобы удалось вовлечь в свои организации «Вэньсюэшэ» и «Гунцинхуэй»¹⁰. «Гунцинхуэй» и «Вэньсюэшэ» выглядят в работе Е. А. Белова, таким образом, как последовательно демократические, массовые революционные партии, и автор стремится на каждом шагу противопоставить

Учанскому восстанию другие восстания подготовившиеся суньятсеновской лигой подготовка которых-де велась «спешно и носила заговорщический характер»¹¹.

Вся эта концепция Е. А. Белова опровергается многочисленными фактами, приводимыми часто в той же книге.

Невозможно согласиться с автором, например, что тактика «Гунцинхуэй» и «Вэньсюэшэ» принципиально отличалась от тактики организаций суньятсеновской лиги. Как те, так и другие действовали в значительной мере заговорщическими методами, причем у «Вэньсюэшэ», как известно, не было даже собственной программы, программа же «Гунцинхуэй» носила по сравнению с программой лиги менее демократический характер.

Неверно также и то, что целеустремленная пропагандистская работа якобы велась лишь одними хубэйскими революционерами. Такую работу во всекитайском масштабе прежде всего вела лига, которая, кстати говоря, своей пропагандой также не оказывала сильного влияния на население провинции Хубэй. Автор приводит в пользу своего вывода аргумент, который заключается в том, что восстания, руководимые лигой до 1911 года, неизменно терпели поражение, в то время как восстание в Учане, происшедшее без участия лиги, победило. Этот аргумент малоубедителен, так как мы знаем, что в октябре—ноябре того же 1911 года выступления, возглавлявшиеся лигой, также были успешными. Видимо, автор забывает, что главная причина победы Учанского восстания, как и всех других восстаний 1911 года, заключалась в революционной ситуации, сложившейся в Китае к этому времени, именно этим был обусловлен успех всех революционных выступлений, а не особенностями тактики различных местных революционных организаций.

Не соответствует фактам и то утверждение автора, что перед Учанским восстанием в ряды революционных организаций вступала «примерно треть» военнослужащих хубэйских войск, так как руководители революционных организаций часто формально зачисляли в свою «партию» всех солдат сочувствовавших революционерам или даже просто служивших под командой сержантов — членов революционных групп.

Истинное положение в хубэйской армии накануне Учанского восстания прекрасно изобразил соратник Сунь Ят-сена и его заместитель по революционной лиге Хуан Синь, который в письме к одному из деятелей лиги (впоследствии известному историку Фэн Цзы-ю) писал в то время, что большинство военных, входящих в революционную организацию, являются унтер-офицерами. Но если большинство участников революционных организаций составляли унтер-офицеры, то общая численность революционных организаций никак не могла со-

⁸ См.: Е. А. Белов, Почему Синьхайская революция является буржуазной, а не буржуазно-демократической? Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы, вып. II, М., 1971. См. также: Л. А. Березный, О некоторых проблемах истории Синьхайской революции. «Народы Азии и Африки», 1971, № 5.

⁹ Е. А. Белов, Учанское восстание, стр. 226.

¹⁰ Е. А. Белов, см. там же, стр. 224.

¹¹ Там же, стр. 222.

ставлять треть всего состава хубэйских войск. «Если унтер-офицеры,— продолжал Хуан Синь,— смогут начать восстание, то солдаты... последуют за ними»¹². Эта картина подтверждается последующим ходом Учанского восстания и, по-видимому, верна. Однако, когда факты и источники противоречат представлению Е. А. Белова о массовости хубэйских организаций, он отказывается верить им. Как, например, без всяких на то доказательств автор утверждает, что один из крупнейших руководителей общекитайского революционного движения Хуан Синь «непомерно преувеличивает численность унтер-офицеров и преуменьшает численность солдат, состоявших в революционных организациях, сводя роль последних к простому послушанию унтер-офицерам»¹³.

В подтверждение своей схемы Е. А. Белов доказывает, что в письме Хуан Сина отразились взгляды руководителей лиги на солдат как слепых исполнителей, в то время как хубэйские организации имели-де перед лигой «то преимущество, что были более демократическими организациями, где не только революционные солдаты подчинялись революционным офицерам и солдатам, но и офицеры и сержанты подчинялись солдатам, если их выдвигали на роль руководителей»¹⁴. Но не Учанское ли восстание показало, что повстанцы — солдаты, сержанты и младшие офицеры,— привыкшие подчиняться, были неспособны самостоятельно действовать и сразу же бросились искать офицеров старшего командного состава, не желавших участвовать в революционном выступлении, и, найдя их, часто насильно ставили таких офицеров во главе революционной армии.

Справедливость требует отметить, что ошибочная концепция, преуменьшающая роль Сунь Ят-сена и его лиги и преувеличивающая роль местных революционных групп, не придумана Е. А. Беловым.

В данном вопросе в историографии давно идет борьба двух направлений. В произведениях Сунь Ят-сена деятельность местных хубэйских организаций оставалась в тени. Догматизируя эти произведения, гоминьдановская историография сознательно искажала историю, приписывая всю подготовку и руководство революцией лиге. Гоминьдановцы были политически заинтересованы в том, чтобы максимальное внимание уделять лиге, из которой впоследствии развилась партия Гоминьдан. Напротив, демократическое и отчасти либерально-буржуазное направление в китайской науке 30—40-х годов обращали особое внимание на источники, говорившие о руководящей роли в Учанском восстании хубэйских революцион-

ных организаций, непосредственно не связанных с лигой,— «Вэньсюэшэ» и «Гунциньхуэй». Последняя концепция оказала влияние и на работы историков КНР с их воинствующей антигоминьдановской направленностью.

Первая — гоминьдановская — концепция оказывала влияние на нашу историографию до конца 50-х годов, отразившись, в частности, в вышедших в 1958—1959 годах упомянутых книгах Е. А. Белова и В. И. Данилова. Вторая концепция, получившая распространение в китайской историографии периода КНР, воспринята Е. А. Беловым в рецензируемой работе некритически, так как речь явно идет о двух крайностях. Как нельзя замалчивать заслуги хубэйских революционеров в деле непосредственной подготовки Учанского восстания, так и нельзя принижать роль Сунь Ят-сена и его партии в общей подготовке революции во всекитайском масштабе, в которой Учан был только одним из многих пунктов.

Для авторского метода Е. А. Белова в рецензируемой книге вообще характерна недостаточная обоснованность. Так, известно, что между революционными организациями — «Гунциньхуэй» и «Вэньсюэшэ» — существовали серьезные расхождения. Е. А. Белов объясняет их различием в социальном составе: руководители «Гунциньхуэя», пишет он, «происходили из помещичьей среды», а лидеры «Вэньсюэшэ» «вышли из семей мелкой буржуазии»¹⁵. Многие руководители «Гунциньхуэя», отмечает автор книги в другом месте, являлись «представителями антиманьчжурски настроенных китайских помещиков», в то время как руководители «Вэньсюэшэ» отражали «интересы демократического крыла буржуазии»¹⁶. Такие принципиальные положения, как бы правдоподобно они ни выглядели, обязательно должны подкрепляться анализом фактов. В рецензируемой книге они остались голословными.

В отличие от концепционных вопросов подробное описание внешнего хода событий составляет сильную сторону рецензируемой книги. Но и в этой части ей можно предъявить определенные претензии. Несомненно, исследователь, в распоряжении которого нет важнейших источников по изучаемой теме (китайских архивов и китайской прессы), находится в трудном положении: он не в состоянии ответить на многие вопросы, уточнить многие детали, и в этом вина Е. А. Белова нет, однако читатель вправе требовать от автора критического отношения к имеющимся источникам, с тем чтобы у него сложилась более достоверная картина о рассказываемом периоде истории Китая, а не представление об односторонней концепции, которой исследователь придерживается.

¹² Е. А. Белов, Учанское восстание, стр. 145.

¹³ Там же, стр. 147.

¹⁴ Там же, стр. 147—148.

¹⁵ Там же, стр. 141.

¹⁶ Там же, стр. 227—228.

К 45-летию Наньчанского восстания

В ночь с 31 июля на 1 августа 1927 года восемь полков 20-го корпуса НРА под командованием Хэ Луна, пять полков 11-го корпуса во главе с Е. Тинном и учебный полк Чжу Дэ по разработанному плану Центральным Комитетом КПК разоружили войска гоминьдана в Наньчане и захватили город. В тот же день повстанцами было объявлено о создании нового органа революционной власти — «Революционного комитета китайского гоминьдана», в состав которого вошли 25 человек. Большинство из них были коммунистами. Главнокомандующим повстанческой армии был назначен Хэ Лун, начальником штаба — Лю Бо-чэн. В политической декларации повстанцев было заявлено, что «Революционный комитет китайского гоминьдана» является наследником заветов Сунь Ят-сена, отброшенных Чан Кай-ши и членами уханьского правительства.

5 дней город находился в руках повстанцев. 5 августа повстанческая армия выступила из Наньчана в далекий поход на юг в провинцию Гуандун.

Благодаря героизму и самоотверженности повстанческие части с боями пробились к концу сентября через Фуцзянь в район города Сватоу в провинции Гуандун. Здесь измотанному тяжелыми переходами и сражениями отряду путь преградили свежие, численно превосходящие силы южных милитаристов. После боев под Сватоу остатки разбитых частей наньчанских повстанцев небольшими группами и отрядами пробивались в районы крестьянских восстаний, в родные провинции. Отряд Чжу Дэ проявился в северную часть провинции Гуандун, откуда, накопив силы, перешел в район крестьянских восстаний в южной Хуанани. Отряд численностью около 1000 человек из корпуса Е Тина пробился в юго-восточную часть провинции Гуандун, в район Хайфэна и Луфэна, где стал ядром повстанческих войск.

Наньчанское восстание явилось одним из арьергардных боев китайской революции 1925—1927 годов, проходивших в условиях перевеса сил контрреволюции. Оно показа-

ло всю важность создания подлинно народных революционных сил, которые должны были быть набраны из рабочего класса и китайского крестьянства и органически быть связанными с борьбой трудящихся всего Китая за свое национальное и социальное освобождение, а не выступать самостоятельной военной силой, оторванной от масс и изолированной от их интересов и требований. Последующие события в Китае показали, что руководство КПК и ее военачальники учли опыт Наньчана и проделали огромную работу по созданию Красной армии Китая. Герои Наньчана — Чжу Дэ, Хэ Лун, Е Тин, Лю Бо-чэн, Чэнь И и многие другие — стали в ходе китайской революции ее выдающимися полководцами.

Маоистская пропаганда и историография, фальсифицируя историю китайской революции, раздувают роль Мао Цзэ-дуна в создании вооруженных сил КПК. Они сознательно приписывают ему заслуги и подвиги тех, кто действительно сыграл огромную роль в создании НОАК и приумножил впоследствии ее победы и подвиги. А между тем известно, что в тот период Мао Цзэ-дун придерживался путчистских настроений. Возглавляя один из отрядов в период «восстаний осеннего урожая», начавшихся в сентябре 1927 года, Мао Цзэ-дун «отличился» тем, что применял в революционной работе исключительно военные методы, а порой прибегал даже к методам бандитизма. За это он был подвергнут суровой и решительной критике со стороны ИККИ и ЦК КПК.

Истинных же героев китайской революции после образования КНР маоистские власти подвергали репрессиям. Так случилось и с героями Наньчанского восстания. Одни из них оказались жертвами хунвейбинговских бесчинств во время «культурной революции», другие — до сих пор остаются в тени. Во время «культурной революции» публичным оскорблениям подверглись Хэ Лун, Чжу Дэ, Лю Бо-чэн. В январе 1967 года был снят с постов заместитель министра обороны и командующего бронетанковыми войсками НОАК генерал армии Сюй Гуан-да, в прошлом командир батальона наньчанских революционных войск.

Ныне в Китае преданы забвению многие ветераны китайской революции, посвятившие свои жизни славной революционной рабоче-крестьянской армии Китая, которая под руководством КПК в ходе революционных битв выросла в мощную силу и одержала в 1949 г. над внутренними и внешними врагами китайского народа окончательную победу.

В первые годы существования КНР 1 августа отмечалось в стране как день рождения НОАК, и он являлся действительно всенародным праздником. В годы культурной революции и после нее в этот день в Пекине обычно устраивается военная история, манифестация верности и лояльности маоистской военизированной антисоциалистическим «идеям Мао Цзэ-дуна», его шовинистическому, великодержавному курсу.

С. В.

Великоханьские шовинисты — враги мирового прогресса

*К. В. Кукушкин,
кандидат исторических наук*

В органе ЦК КПК журнале «Хунци» № 4—6 за 1972 год были опубликованы три статьи об изучении всемирной истории, автор которых предпочел укрыться за псевдонимом Ши Цзюнь. Знакомство со статьями не оставляет сомнения в том, что тот, кто их писал, задался целью на основе антинаучной, великодержавной, шовинистической платформы маоизма полностью извратить и исказить весь ход исторического развития мира, зачеркнуть главные итоги общечеловеческого прогресса.

Метод «доказательства», которым пользуется автор, типичный для маоистов — фальсификация, клевета и ложь. Великий Советский Союз, первая в мире страна, проложившая путь человечеству к социализму, спасшая народы от угрозы фашистского порабощения в годы второй мировой войны, могучий оплот мира и социального прогресса народов в современную эпоху, объявляется в статьях «социал-империалистической» державой. Совершив чудовищный подлог, автор уже без тени смущения ставит Советский Союз на одну доску с царской Россией, с английской колониальной империей и, наконец, с американским империализмом.

Автор объявляет просто «несуществующими» мировую систему социализма, Советский Союз, международное рабочее движение, то есть те решающие силы, которые в современную эпоху определяют ход мирового прогресса, являются главными защитниками мира на земном шаре. В этой связи возникает законный вопрос: к какой системе автор относит Китай, который он именует социалистическим? «Китай и абсолютное большинство государств Азии, Африки и Латинской Америки принадлежат к «третьему миру», — заявляет автор. Вряд ли это заявление можно расценивать иначе, как откровенную констатацию полного раз-

рыва нынешнего китайского руководства с мировой системой социализма, международным коммунистическим движением.

Автор изо всех сил стремится убедить читателей, что единственным союзником и последовательным защитником интересов стран «третьего мира» является Китай. На деле политика, которую навязывает автор народам стран «третьего мира», является предательством коренных интересов трудящихся этих стран и самого Китая. Он упрямо пытается внушить им под видом нелепой доктрины господства в мире «двух сверхдержав» тезис о якобы исторической необходимости и неизбежности борьбы «третьего мира» против Советского Союза и мировой социалистической системы. Автор старается обмануть народы этих стран явно провокационным и по-существу бессмысленным высказыванием Мао Цзэ-дуна: «Слабое государство может победить сильную державу, а небольшая страна может победить большое государство». Вряд ли кому-либо не ясно, что провоцировать народы стран «третьего мира» на вражду к мировой социалистической системе могут лишь те, кто хочет сделать эти страны легкой добычей империализма.

Народы этих стран хорошо понимают, что в современной обстановке мощь Советского Союза и всего социалистического содружества, сковывающего основные силы международной реакции и агрессии, создает особенно благоприятные условия для свободного и независимого развития стран «третьего мира».

Руководители национально-освободительного движения, многие государственные деятели завоевавших независимость стран Азии, Африки и Латинской Америки признают историческое значение поддержки Советским Союзом борьбы народов за национальное освобождение и суверенитет. «Советский Союз всегда играл выдающуюся роль в развитии и укреплении борьбы народов двух континентов, неизменно оказывая всестороннюю помощь и поддержку этой борьбе, — заявил глава ливанской делегации в январе 1972 года на конференции Организации солидарности народов Азии и

Африки.— Вокруг СССР всегда сплывались и сплываются все подлинно прогрессивные антиимпериалистические силы»¹.

В противовес марксистско-ленинской характеристике социальной картины современного мира как противоборства сил мировой социалистической системы, международного рабочего движения, национально-освободительного движения с лагерем империализма автор предлагает целиком вымышленную схему мира. Согласно воображению автора, нынешний мир расколот на страны «третьего мира», включая Китай, и на империалистическую систему, в которой господствуют «две сверхдержавы» — Советский Союз и США.

Зачем автору понадобилось полностью извращать картину современного мира, отрицать главные объективные итоги всемирно-исторического развития общества?

Дело в том, что этот китайский великодержавный шовинист взял на себя непосильную задачу «доказать» якобы историческую обусловленность гибели Советского Союза и мировой социалистической системы. Поэтому, приписав Советскому Союзу «империалистический» характер, автор тем самым «зачислил» его в империалистическую систему.

После этого он уже без особых затруднений «родил» идею о якобы неизбежной гибели «двух сверхдержав». «Будучи империалистической и социал-империалистической державами, — бредит китайский шовинист, — они неизбежно попадут под действие законов империализма и пойдут по пути гегемонизма... и, таким образом, их уход с мировой арены неизбежен».

Все эти словесные построения автора — не более чем элементарная софистика, посредством которой он пытается прикрыть сокровенные цели и замыслы нынешних великоханьских шовинистов в Пекине. Однако благодаря тому, что все три статьи построены от начала до конца на чистой софистике, нетрудно увидеть, что за ней скрывается. А скрывается за всем этим словотворчеством архиреакционная утопия китайских правителей о мировом господстве. Нынешние великоханьские шовинисты делеют мечту о том, что им удастся когда-нибудь спровоцировать столкновение Соединенных

Штатов Америки с Советским Союзом, являющимся могучим оплотом всего социалистического содружества. Они рассчитывают, что это столкновение приведет к гибели двух различных социальных систем. Китайским шовинистам уже сегодня мерещится будущий мир развалин, который будет принадлежать одному Китаю.

Фальсифицируя мировой революционный процесс, маоисты зачеркивают героическую борьбу пролетариата западных стран (Парижская коммуна, Великая Октябрьская Социалистическая революция). Они пытаются не только изолировать национально-освободительную борьбу народов Азии, Африки и Латинской Америки от пролетариата западных стран, от детища мирового международного рабочего класса — мировой социалистической системы, но и противопоставляют эти две революционные силы друг другу.

Жонглируя марксистской терминологией, маоисты, однако, не могут скрыть от мировой общественности то, что им чужд классовый, марксистско-ленинский метод исследования мировой истории, что они стоят на националистических, троцкистских позициях и преследуют эгоистические, великоханьские цели.

Печать гегемонизма проступает во всех действиях китайских великодержавных шовинистов на международной арене. Проводя политику вражды к Советскому Союзу, мировой социалистической системе, международному рабочему движению, призывая государства «обширной промежуточной зоны», народы Азии, Африки и Латинской Америки к борьбе против Советского Союза, выступая против разрядки международной напряженности, против создания системы безопасности в Европе и Азии, великоханьские шовинисты сами разоблачают себя перед народами как враги мира и прогресса.

Опыт всемирной истории, и в частности исторические факты последнего пятидесятилетия, убедительно свидетельствуют о том, что попытки некоторых безумцев повернуть колесо истории вспять неизменно оканчивались их бесславной гибелью. И если китайский творец своей собственной версии всемирной истории упорно забывает эти поучительные уроки, то это лишний раз говорит о его несерьезном подходе к делу, за которое он взялся.

¹ «Правда», 16.I.1972 г.

СОБЫТИЯ, ЦИФРЫ, ФАКТЫ

Кризис доктрины. В шестом номере «Хунци» опубликована установочная статья о генеральном курсе развития народного хозяйства Китая на современном этапе. Каков же этот курс?

«Мао Цзэ-дун, — отвечает на этот вопрос журнал «Хунци», — обосновал теорию о том, что сельское хозяйство является основой народного хозяйства, и разработал генеральный курс на развитие экономики страны под лозунгом «Сельское хозяйство является основой народного хозяйства, промышленность — его ведущей силой», который подчеркивает необходимость выдвинуть на первый план развитие сельского хозяйства».

Как явствует из этой цитаты, маоисты в очередной раз откровенно ревизуют план индустриализации страны, разработанный в 1957 году VIII съездом КПК, где основной упор делался на развитие в КНР тяжелой промышленности и на превращение аграрной, отсталой страны в индустриально развитое социалистическое государство. Теперь же, по признанию «Хунци», промышленному производству отводится роль «ведущей силы» сельского хозяйства, т. е. подсобная роль. «Промышленные предприятия, — указывает «Хунци», — должны рассматривать поддержку сельскому хозяйству как исключительно важную задачу, должны по-деловому перестроить свою работу в интересах развития сельского хозяйства как основы народного хозяйства...»

Подобные признания журнала «Хунци» свидетельствуют о том, что маоистская доктрина экономического развития страны, основанная на «идеях Мао Цзэ-дуна» и навязанная китайскому народу в конце 50-х годов («большой скачок», «народная коммуна»), потерпела крах. Именно этим можно объяснить, почему сегодня в Пекине ищут «новые» пути развития экономики страны. А для того чтобы найти таковые, «теоретики» из Хунци не брезгают присваивать себе приоритет основных положений «зеленой революции», разработанных, как известно, давным-давно буржуазными экономистами. Однако справедливости ради необходимо отметить, что маоисты и тут остались верны себе — они взяли у буржуазной социологии лишь основную идею и вложили в нее свое маоистское содержание. «Развитие сельского хозяйства, — подчеркивает «Хунци», — зависит коренным образом от главенствующей роли идей Мао Цзэ-дуна, от осуществ-

ления линии и политических установок партии, от распространения дачжайского духа, характеризующегося упорной и самоотверженной борьбой и опорой на собственные силы, от усилии 600 млн. крестьян».

Стремясь быть «солидной», пекинская пропаганда в последнее время стала приводить больше статистических данных, говорить о росте благосостояния трудящихся, о заботе, якобы проявляемой лично Мао Цзэ-дуном, о материальном благополучии рабочих и служащих.

Сам факт того, что маоистская пропаганда стала акцентировать внимание на материальной стороне жизни трудящихся, знаменателен, ибо до последнего времени даже косвенный намек на эти вопросы рассматривался в Пекине как попытка открыть двери «черному ветру буржуазного экономизма».

Агентство Синьхуа приводит данные о жилищном строительстве в КНР, о жилом фонде крупнейших городов Китая. «Возьмем, к примеру, Пекин, — пишет агентство. — На протяжении пятисот лет до освобождения жилой фонд столицы составлял 13 млн. кв. м, тогда как за 12 лет (1951—1962 гг.) были построены дома общей площадью 14 млн. кв. м. К 1970 году новый жилой фонд столицы приблизился к 20 млн. кв. м.»

Из этого сообщения следует, что за последние 8 лет, во время которых проводился «особый» курс китайского руководства, в Пекине было построено всего лишь 6 млн. кв. м жилой площади, или ее средний годовой рост составлял 0,75 млн. кв. м, в то время как с 1951 года по 1962 год он составлял 1,2 млн. кв. м. Таким образом, хотело того или не хотело агентство Синьхуа, но факты, приведенные им, убедительно свидетельствуют о том, что с 1962 года по 1970 год в столице наблюдалось явное снижение темпов гражданского строительства. К тому же необходимо учесть, что население китайской столицы увеличилось за последние 20 лет на 278%, в то время как жилой фонд за эти годы увеличился всего лишь на 154%. Сопоставив эти данные, можно прийти совсем не к тем выводам, к которым приходит агентство Синьхуа.

Кому в Поднебесной жить хорошо. За пределами КНР проживает примерно 21 млн. китайцев. Большинство из них — в странах Юго-Восточной Азии. Около 500 тыс. китайских эмигрантов, нагружен-

них снедь и подарками, ежегодно приезжают в КНР погостить у своих родственников, для которых маонистские власти установили ряд льгот: не распространяется ограничение на товары, которые они могут купить в КНР, предоставляется право ввоза импортных товаров в большем количестве, чем другим иностранцам. Они беспрестанно перечисляют иностранную валюту родственникам, проживающим в КНР, для приобретения собственности. Как сообщают иностранные источники, в окрестностях ряда крупных городов, особенно в провинциях Фуцзянь и Гуандун, маонистские власти за большие суммы строят для эмигрантов роскошные особняки в несколько этажей. Многие из них вкладывают свои капиталы в промышленное производство страны и получают немалые доходы. Между тем маонистская пропаганда продолжает призывать нескать «буржуазные элементы» среди населения КНР.

«Планируемая рождаемость»

Среднегодовой прирост населения в КНР сократился по сравнению с 1957 годом в два раза и составляет сегодня 1,1% от общего количества населения. Снижение рождаемости в КНР, по мнению иностранных специалистов, происходит из-за того, что за последние годы маонистские власти проводят насильственные меры по ограничению рождаемости в стране. В 1968 году в КНР впервые появился термин «планируемая рождаемость». Это понятие включает в себя комплекс мер, направленных на сокращение деторождения, однако главным средством в борьбе по сокращению прироста населения у маонистов, по мнению иностранных специалистов, является недооценка и непомерно изнурительный труд. Гонконгский бюллетень «Чайна пьюс анализис» в этой связи приводит статистические данные, характеризующие численность населения Китая по провинциям с 1953 по 1968 год (см. табл.).

Шанхай оседает

Крупнейший город, порт и промышленный центр Китая — Шанхай, насчитывающий около 10 млн. жителей, с 20-х годов нашего века оседает. Изыскания, проводившиеся местными научными работниками, показали, что оседание Шанхая происходит из-за истощения источников грунтовых вод. В 1948 году в Шанхае насчитывалось 700 глубоких колодцев, из которых выкачивалось 240 тыс. т воды в день. С 1953 по 1957 год число колодцев возросло до 850, а ежедневный расход подземных вод увеличился до 340 тыс. т. В результате поверхность земли понижалась в городе на 54 мм в год. По сообщению агентства Спирхуа, самое значительное оседание наблюдалось в 1965 году.

Можно ли приостановить этот процесс? Китайские ученые отвечают утвердительно, но для этого, по их мнению, следует во что

Таблица
Численность населения Китая
(1953 — 1968 гг.)

Провинция	1953 г. (Перепись)	1957 г. (Изборника с 10 великих лет)	1967 — 1968 гг.*	Среднегодовой прирост 1953 — 1957 гг.	Среднегодовой прирост 1957 — 1968 гг.
	млн. чел.		в %		
Аньхой	30,3	33,6	35	2,22	0,4
Чжэцзян	22,9	25,3	31	2,22	1,9
Цинхай	1,7	2	2	5	—
Фуцзянь	13,1	14,6	17	2,33	1,5
Хэйлунцзян	11,9	14,9	25	3,55	4,4
Хэнань	44,2	48,7	50	2,22	0,2
Хэбэй	36	44,7	43	3,33	0,3
Внутренняя Монголия	6,1	9,2	—	11	—
Жэхэ	5,2	—	—	—	—
Ганьсу	12,9	12,8	13	0,02	0,1
Цзянси	16,8	18,6	22	2,22	1,5
Цзянсу	41,2	45,2	47	2	0,3
Гирин	11,3	12,6	20	2,33	2,8
Хунань	33,2	36,2	38	2	0,4
Хубэй	27,8	30,8	32	2,22	0,3
Гуанси	19,6	19,4	24	0,08	2
Гуандун	34,8	38	40	2	0,5
Гуйчжоу	15	16,9	17	2,66	0,1
Ляонин	18,5	24,1	28	6,66	1,4
Нинся	—	1,8	2	—	0,9
Шанси	14,3	16	18	2,44	1,2
Шаньдун	48,9	54	57	2,22	0,4
Шэньси	15,9	18,1	21	3,1	1,4
Сикан	3,4	—	—	—	—
Синьцзян	4,9	5,6	8	3,1	3,2
Сычуань	62,3	72,2	70	3,33	0,3
Тибет	1,27	1,27	1,3	0	0,2
Юньнань	17,5	19,1	23	2	1,7

* Данные последних лет взяты из сообщений, опубликованных в Китае в связи с созданием ревкомов.

бы то ни стало найти денежные средства, чтобы создать водопроводную сеть во всем городе.

«Американские горки» китайского кино

Недавно мировую прессу обошло любопытное сообщение. Кинопрокатная компания КНР ведет переговоры о закупке двух английских лент «Посредник» и «Сказки Беатрис Поттер». Оба фильма — неприятельское повествование, начисто лишенное той политической тенденциозности, о неприменном присутствии которой в произведениях искусства так любят сегодня теоретизировать в Пекине. Только теоретизировать. Практика показывает, что подлинный коммунистический дух, присущий произведениям, созданным в социалистических странах,

подлинная прогрессивная тенденция лучших произведений художников буржуазных стран чужды нынешнему Пекину.

Почувствовав, видимо, эти перемены, Госдепартамент США, как сообщил представитель кинокомпании «20-й век — Фокс», снял запрет на обмен фильмами с КНР. Многие в США, заявил видный американский кинопредприниматель Д. Валенти, «зондировали, какой же вид бизнеса последует за политическими объятиями». Весьма симптоматично, что этим «видом бизнеса» оказалась кинематография, всегда чутко лавировавшая в потоках политических ветров, не стихавших в КНР.

Кстати о Д. Валенти. Как президент двух крупнейших американских киноассоциаций, он получил от официальных представителей КНР приглашение прибыть в Пекин для переговоров об обмене кинопродукцией между КНР и США. Но ведь еще совсем недавно агентство Синьхуа довольно раз-

драженно реагировало на приезд Д. Валенти в Москву, называя переговоры советских кинематографистов с ним «самыми интимными отношениями с этим представителем американского империализма» и «новым неприглядным фарсом, разыгранным советским ревизионизмом для всемерного кокетничанья и союза с американским империализмом».

Однако факты говорят сами за себя. СССР покупает в США прогрессивную продукцию кинематографии: «Инцидент», «Благословите зверей и детей», «Освобождение Л. Б. Джонса» и другие. В КНР же от хунвэйбинских времен еще остаются в силе длинные «черные списки» запрещенных произведений. В их числе — революционное кино СССР и других социалистических стран, прогрессивные фильмы Японии, Франции, Италии и тех же Соединенных Штатов. В связи с этим совершенно естественно возникает вопрос, какие фильмы собирается покупать КНР?

Третья Всесоюзная конференция Общества «СССР — Япония»

*М. В. Нестеров,
Председатель Правления
Общества «СССР—Япония»*

*Д. М. Дубровский,
член Правления
Общества «СССР—Япония»*

Япония — наш ближайший сосед. И естественно, что советские люди хотят жить в мире и дружбе со 100-миллионным японским народом, так же как и с другими народами мира. К этому и направлена деятельность массовой организации советской общественности — Общества «СССР — Япония».

Общество «СССР — Япония» (сокращенно — ОСЯ) было создано представителями широких кругов советской общественности в июле 1958 года, вскоре после восстановления советско-японских дипломатических отношений с целью всемерного содействия делу укрепления дружбы, взаимопонимания и культурного сотрудничества между народами СССР и Японии, а также упрочению взаимовыгодных экономических отношений между двумя странами.

Основное внимание в деятельности ОСЯ направлено на ознакомление японского народа с историей развития советского государства, с внутренней и внешней политикой КПСС и Советского правительства, с достижениями трудящихся СССР в хозяйственном и культурном строительстве, с жизнью советских людей во всех ее многообразных аспектах. Важное место в деятельности Общества за последний период отводилось популяризации важных планов дальнейшего развития советского государства и программы мира, намеченных историческим XXIV съездом КПСС. В числе главных задач ОСЯ — также ознакомление советской общественности с жизнью, трудом и борьбой японского народа за мир, демократию и социальный прогресс.

Во всей своей деятельности Общество «СССР — Япония» опирается на ленинские принципы внешней политики Коммунистиче-

ской партии и Советского правительства, на принципы мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества государств с различными социальными системами. Это относится и к Японии. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своем недавнем выступлении на XV съезде советских профсоюзов сказал:

«За последнее время наметился серьезный поворот к лучшему в наших отношениях с Японией. Недавно СССР и Япония согласились провести переговоры о заключении мирного договора. Это мы расцениваем как важный позитивный факт. Мы убеждены, что полная нормализация советско-японских отношений целиком отвечала бы не только интересам обоих наших народов, но и вообще интересам мира и безопасности на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Что касается нас, то мы готовы установить и развивать широкое взаимовыгодное сотрудничество с Японией как в экономическом, так и в политическом плане, имея в виду, что такое сотрудничество будет служить делу мира».

Исходя из этих важных задач, Общество «СССР — Япония» и строит свою работу.

* * *

Третья Всесоюзная конференция ОСЯ проходила 7—8 июня текущего года в Московском Доме дружбы с народами зарубежных стран. Она подвела итоги деятельности Общества за последние шесть лет и наметила перспективу на ближайшие годы.

В работе конференции приняли участие делегаты, которые представляли многие республики Советского Союза и все города, где имеются отделения Общества «СССР — Япония», а именно: Азербайджан, Белоруссию, Грузию, Казахстан, РСФСР, Украину, Узбекистан и Эстонию, а также Москву, Ленинград, Киев, Ташкент, Тбилиси, Хабаровск, Иркутск, Волгоград, Находку, Южно-Сахалинск, Братск, Одессу, Сочи, Сумгаит.

Уже сам перечень дает представление о большом масштабе деятельности советской общественности, направленной на укрепление и развитие дружественных связей между народами СССР и Японии. Объединяя в своих рядах свыше 550 коллективных членов — трудящихся предприятий, колхозов, совхозов, научных учреждений и учебных заведений, театров, больниц, торговых фирм и т. п., насчитывающих в общей сложности

около полумиллиона человек. Общество «СССР — Япония» ныне является массовой многонациональной общественной организацией, которая вносит большую лепту в дело укрепления советско-японских дружественных отношений.

Об этом, в частности, говорилось в приветствии делегатам конференции, направленном Президиумом Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

«Президиум Союза обществ дружбы с удовлетворением отмечает большую и плодотворную работу Правления Общества «СССР — Япония», городских отделений Общества, многочисленного актива — научных работников, рабочих, крестьян, деятелей культуры и искусства, студенчества, и выражает признательность за их активный вклад в расширение дружбы между народами Советского Союза и Японии».

Положительную роль деятельности Общества отметил в своем выступлении на конференции и ее почетный гость чрезвычайный и полномочный посол Японии в СССР г-н Кинъя Ниндзэки:

«В настоящее время японо-советские связи поднялись на такой уровень, который шестнадцать лет назад даже невозможно было и представить... Члены Общества «СССР — Япония» внесли большой вклад в развитие японо-советских связей в области культуры... В связи с этим мне хотелось бы выразить чувство искреннего уважения и благодарности».

В отчетном докладе Правления Общества была дана общая картина развития советско-японских отношений за последние годы.

В отчете констатируется, что в течение последних лет между СССР и Японией установлены постоянные контакты государственных деятелей, продолжается плодотворный обмен парламентскими делегациями, состоялись многочисленные взаимные поездки делегаций различных министерств и ведомств, что способствовало успешному разрешению многих вопросов.

Наиболее развитой областью советско-японских отношений являются торгово-экономические связи.

За прошедшие пять лет объем советско-японской торговли вырос вдвое и продолжает увеличиваться. По объему товарооборота, достигшего в 1971 году 710 млн. рублей, Япония вышла на первое место в торговле Советского Союза с капиталистическими странами. Осенью прошлого года было подписано важное Соглашение о товарообороте и платежах между СССР и Японией на период 1971—1975 годов, в соответствии с которым товарооборот советско-японской торговли в течение указанного периода должен составить примерно 5 млрд. долларов.

Положено начало новой форме экономических связей, основывающихся на поставках Японией Советскому Союзу оборудования и других товаров, а также предостав-

ления кредитов для разработки сырьевых ресурсов Сибири и Дальнего Востока, а взамен СССР поставляет Японии необходимые ей виды сырья. Существенную роль в развитии формы двусторонних экономических связей играют созданные в 1965 году советско-японский и японо-советский экономические комитеты. Важное место в советско-японских отношениях занимают Конвенция о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана, Соглашение о прямом воздушном сообщении между Японией и Советским Союзом, Соглашение о регулярном паромном сообщении, Консульская конвенция и т. п.

Все это создало благоприятные условия для сотрудничества и в области культуры и искусства. Так, например, только за последний период в СССР издано свыше 6 млн. экземпляров книг японских авторов, переведенных на русский и многие языки других народов нашей страны. В свою очередь и в Японии ежегодно издается большое количество произведений советских авторов и русских классиков.

На сценах японских драматических театров идут пьесы советских драматургов; одной из последних постановок была пьеса Шатрова «Шестое июля»; впервые в истории японского театра был показан образ великого вождя Октябрьской революции В. И. Ленина.

В Японии выступали лучшие советские художественные коллективы, включая Московский академический Художественный театр им. Горького, Государственный академический Большой театр, Ансамбль народного танца СССР под руководством Игоря Моисеева, Ленинградский симфонический оркестр и другие. Все они имели замечательный успех у японских зрителей, высоко ценящих русскую музыку и театр. Не случайно именно в Японии существует такой необычный феномен, как балетная школа имени Петра Ильича Чайковского!

Благодаря оживленным культурным связям советские зрители могли по достоинству оценить и неувядающее традиционное искусство Японии в лице театра Кабуки и кукольного театра Авадзи, а также современное искусство — Токийский балет, ансамбль с острова Окинава, коллектив песни и пляски с острова Хоккайдо, популярные эстрадные квартеты — Дак дакс, Ройял найтс и другие.

Полезные обмены осуществляются в области кинематографии. Уже вошло в постоянную традицию проведение взаимных кинофестивалей в городах нашей страны и Японии. Японский зритель тепло принял такие фильмы, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Братья Карамазовы», и одновременно с большим интересом смотрит кинокартины, показывающие жизнь советских людей. Достижения японской кинематографии получили достойную оценку наших кинозрителей и специалистов, о чем свидетельствуют первые призы, полученные на московских международных фестивалях

японскими фильмами «Голий остров», «Красная борода», «Под стук трамвайных колес».

Следует особо подчеркнуть, что в деле взаимного ознакомления народов с их жизнью, экономикой и культурой неоценимую роль играет обмен различными выставками. Сюда относятся ряд японских торгово-промышленных выставок, а также специализированных выставок — живописи, керамики, композиций икэбана (аранжировка цветов). В свою очередь исключительно большое впечатление произвели советские выставки в Японии — «Строительство социализма в СССР», выставка древнего русского искусства, выставки, посвященные Льву Толстому и Максиму Горькому, и, конечно, советский павильон на Всемирной выставке в Осаке — «ЭКСПО-70». Достаточно сказать, что советский павильон посетил около 28 млн. человек, многие из которых оставили свои восторженные записи в книгах для посетителей.

С удовлетворением отмечая эти факты добрых отношений между народами СССР и Японией, Правление Общества «СССР — Япония» констатирует, что в достижении этих положительных результатов немалое значение имеют усилия многочисленного актива Общества, а также плодотворная роль широких общественных связей как по линии непосредственно Общества, так и по линии советских профсоюзов, женских и молодежных организаций, дружественного сотрудничества советских и японских муниципальных организаций.

Об этом говорилось не только в отчетном докладе, но и в выступлениях многих делегатов конференции — дальневосточного писателя В. Ефименко, ленинградского профессора Д. Гольдберга, представителя Сахалинского отделения ОСЯ Н. Колесникова, народной артистки СССР Ольги Ленешиной, директора института Дальнего Востока АН СССР профессора М. Сладковского, председателя Центрального райисполкома гор. Сочи В. Цыбанова и других.

В ходе оживленного обсуждения вопросов, стоявших на повестке дня конференции, была всесторонне рассмотрена практическая деятельность Общества и его периферийных отделений, в первую очередь практика сотрудничества с японскими дружественными организациями.

В настоящее время это сотрудничество осуществляется с такими организациями, как Общество «Япония — СССР», Общество японо-советской дружбы, Общество японо-советских связей и Японская ассоциация по культурным связям с зарубежными странами. В эти организации входят представители самых широких общественных кругов Японии, стремящихся к дружественным отношениям с Советским Союзом. Здесь мы видим деятелей всех крупных политических партий Японии — коммунистической, социалистической, Комэйто, партии демократического социализма и правящей либерально-демократической партии. В обще-

ствах дружбы принимают участие также и японские профсоюзы, деятели науки и искусства, деловые люди, депутаты парламента, мэры городов, губернаторы префектур и так далее. Конечно, такой общенародный характер японского движения за дружбу с советским народом имеет громадное значение. Вот почему неизменная позиция Общества «СССР — Япония» состоит в лояльном сотрудничестве со всеми искренними друзьями СССР.

Особо здесь следует упомянуть тесные и долгие дружественные связи ОСЯ с ветераном японского движения за дружбу с СССР — Обществом «Япония — СССР», пятнадцатилетие которого только что было торжественно отмечено.

Год от года ширятся и укрепляются узы дружбы; все более разносторонний характер принимают дружественные связи между советским и японским народами. На конференции приводились такие характерные факты.

За период между последней и нынешней конференциями обмен делегациями между ОСЯ и японскими партнерами вырос более чем вдвое.

Уже в течение ближайшего периода 1972—1973 годов будут осуществлены такие важные мероприятия, как вечера, кинофестивали, выставки в Японии, посвященные пятидесятилетию образования Советского Союза; традиционная встреча председателей горисполкомов Дальнего Востока и Восточной Сибири с мэрами городов западного побережья Японии (в Иркутске); очередная встреча председателей краевых и областных исполкомов советов депутатов трудящихся Дальнего Востока и Восточной Сибири с губернаторами префектур Японии (в Токио); экспонирование большой выставки о советской Сибири во многих городах Японии и т. д.

На конференции особо отмечались дружественные контакты между породненными городами. В 1971 году соглашения о породнении подписали горисполкомы Киева и Улан-Удэ соответственно с муниципалитетами японских городов Киото и Румои. Ранее официально были породнены Волгоград с Хиросимой, Иркутск с Канадзавой, Одесса с Покогамой, Находка с Майдзурой и Отару, Хабаровск с Нингатой, Братск с Нагао. Кроме того, существуют тесные связи между Москвой и Токио, Ленинградом и Осакой, Минском и Сэндаем, Сахалинской областью и островом Хоккайдо. Ряд краевых и областных исполкомов советов депутатов трудящихся Дальнего Востока и Восточной Сибири поддерживают контакты с Национальным советом губернаторов префектур Японии.

По этим каналам проходит регулярный обмен делегациями, проведение совместных конференций для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес; практикуется обмен различными материалами (касающимися городского строительства, системы народного образования и здраво-

охранения и т. п.), выставками, кинофильмами, поездками команд спортсменов и коллективов художественной самодеятельности, школьников. Центральное правление Общества и его местные филиалы принимают в такого рода мероприятиях самое активное участие. Многие из этих мероприятий, например проведение в Осаке «Дней Ленинграда», а в Ленинграде «Дней Осаки», специально предусматриваются в планах сотрудничества, ежегодно подписываемых Обществом «СССР — Япония» с японскими обществами дружбы.

Общество оказывает большую помощь японцам в изучении русского языка. С этой целью ОСЯ ежегодно направляет в Японию большое количество учебников, методических пособий, художественной литературы на русском языке. Для оказания содействия Институту русского языка, созданному Обществом «Япония — СССР», в Японию специально направляются методисты-преподаватели. Наше Общество активно помогает проведению ежегодных конкурсов на лучшее знание русского языка, проводимых в Токио советским посольством совместно с газетой «Асахи», и в Саппоро, организуемых под эгидой советского Генерального консульства и газеты «Хоккайдо симбун». Победители конкурса награждаются поездками в СССР и ценными подарками.

Для членов японских обществ дружбы с СССР, преподающих русский язык, ежегодно выделяется 10—15 мест на международных семинарах русского языка, организуемых при Московском университете.

Значительный интерес за последнее время проявляется к изучению японского языка в Советском Союзе. В Общество нередко обращаются за помощью инженеры и врачи, студенты различных вузов и даже учащиеся средних школ. Все это отражает общую тенденцию растущего интереса советских людей к жизни и культуре японского народа. Помощь советским гражда-

нам в этом деле — одна из главных задач Общества. И это делается через многочисленные кружки, комиссии, научные конференции, кинофестивали, семинары, лекции и так далее.

В речах делегатов конференции прозвучали и критические замечания в адрес Центрального правления, а также руководства местными отделениями Общества. Речь шла, в частности, о недостаточной информации местных филиалов с целью обмена опытом, о слабой работе с некоторыми коллективными членами, о недостаточно активном привлечении членов Общества к встречам с зарубежными делегациями и т. п. В принятом постановлении Конференции по отчетному докладу Правления эти замечания учтены.

Конференция приняла поправки к Уставу Общества и избрала новый состав Правления. Председателем Правления снова избран М. В. Нестеров, в числе заместителей председателя — ответственный редактор газеты «Московская правда» Ю. Баланенко, секретарь ВЦСПС И. Владыченко, дочь основателя Компартии Японии Сэн Катаямы — Ясу Катаяма, начальник цеха Московского станкостроительного завода им. Серго Орджоникидзе Т. Комарова, член-корреспондент Академии наук СССР Д. Кукин, академик Н. Некрасов, первый заместитель председателя Президиума Торгово-промышленной палаты СССР Е. Питовранов, председатель Хабаровского крайисполкома Г. Подгаев, председатель республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений Л. Чупракова и другие.

Успешное проведение III Всесоюзной конференции Общества «СССР — Япония», несомненно, послужит новым этапом деятельности советской общественности в выполнении благородной задачи по укреплению дружбы и взаимопонимания между народами СССР и Японии.

ОБЩЕСТВО СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

*Н. А. Панков, заместитель
Председателя Президиума
ССОД*

На протяжении всей истории нашего государства курс на укрепление дружбы и интернациональной солидарности с китайским народом всегда был неизменным курсом КПСС, единодушно поддерживаемым советским народом, советской общественностью.

Искреннее стремление советского народа к всестороннему развитию и укреплению дружбы и сотрудничества с китайским народом нашло свое подтверждение и в создании в 1957 г. Общества советско-китайской дружбы. В те дни в телеграмме, полученной учредительным собранием ОСКД от Общества китайско-советской дружбы, говорилось:

«Китайский народ полностью понимает великое значение дружественного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом. Основанная на пролетарском интернационализме, монолитная дружеская сплоченность народов Китая и Советского Союза является не только залогом процветания и могущества наших стран, но также надежным оплотом мира во всем мире. Создание Общества советско-китайской дружбы является убедительным доказательством того, что отношения дружественного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом крепнут и развиваются с каждым днем и будут способствовать дальнейшему укреплению сплоченности и дружбы между народами двух стран. Китайский народ горячо приветствует создание Общества советско-китайской дружбы. Да здравствует вечная и нерушимая дружба народов Китая и Советского Союза!»

Общество советско-китайской дружбы, которое в этом году отмечает свой 15-летний юбилей, — представительная организация советской общественности. В состав Центрального правления Общества входят

видные государственные и общественные деятели, ученые, писатели, артисты, художники, известные советские военачальники, передовики промышленности и сельского хозяйства.

Отделения Общества созданы в Украинской, Белорусской, Таджикской, Узбекской, Казахской, Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Киргизской ССР, в Приморском и Хабаровском краях, Ленинградской, Новосибирской, Читинской, Иркутской областях, в Риге, Уссурийске. На правах коллективных членов в состав ОСКД входит более 400 крупнейших промышленных предприятий, колхозов и совхозов, высших и других учебных заведений и учреждений страны.

За годы своего существования Обществом была проделана большая работа. Оно ознакомило советскую общественность с различными сторонами жизни китайского народа, его древней историей и богатой культурой, борьбой против внутренних и внешних врагов, успехами в социалистическом строительстве. Деятельность ОСКД содействует интернациональному воспитанию советских людей в духе дружбы к народу-соседу.

Свидетельством верности советского народа ленинским принципам пролетарского интернационализма, дружбе с великим китайским народом явилась состоявшаяся в Москве в январе 1969 г. 11-я Всесоюзная конференция Общества советско-китайской дружбы. В постановлении, принятом на конференции, было записано: «Считать и впредь главной задачей Общества содействие сохранению, укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Китайской Народной Республикой».

С первых дней своего существования Общество уделяло большое внимание лекционной работе, печати и радио. На страницах многих центральных и местных газет и журналов были опубликованы статьи и очерки членов Правления и активистов ОСКД. Многие активисты Общества, советские специалисты, работавшие в стране, а также ученые-китаеведы, побывавшие в Ки-

тае, постоянно выступают перед советскими радиослушателями и читателями.

Верное целям и задачам, ради которых оно создавалось, Общество советско-китайской дружбы, исходя из политики КПСС и Советского правительства, неизменно проводит мероприятия, посвященные выдающимся событиям из истории советско-китайской дружбы и сотрудничества, памяти выдающихся деятелей науки, культуры и искусства Китая.

Несмотря на трудности в советско-китайских отношениях, которые возникли не по вине Советского Союза, ОСКД, руководствуясь курсом КПСС на нормализацию отношений между СССР и КНР, ведет работу по ознакомлению советских людей с богатым историческим прошлым, революционными традициями, культурой и искусством китайского народа. Был организован целый ряд мероприятий, посвященных знаменательным событиям из истории советско-китайского сотрудничества, памяти выдающихся деятелей науки, культуры и искусства Китая. По инициативе Союза советских обществ дружбы и ОСКД были проведены вечера и собрания советской общественности, посвященные великому китайскому революционеру-демократу Сунь Ят-сеню, выдающимся писателям и поэтам — Лу Синю, Тао Юань-мину, Ду Фу, Ли Бо, Вэнь И-до, Чжоу Ли-бо и другим, артисту Мэй Ланьфану, художнику Сюй Бэй-хуну, композитору Хе Эрду.

Летом этого года в Москве состоялся вечер, посвященный 1200-летию со дня рождения выдающегося китайского поэта Бо Цю-и; совместно с Союзом писателей СССР было проведено заседание, посвященное 75-летию со дня рождения известного китайского литературоведа, переводчика и популяризатора советской литературы в Китае Цао Цзинь-хуа.

Минул год с тех пор, как состоялся исторический XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Это был год напряженного труда, год настойчивых усилий партии, государства, всего народа, направленных на осуществление намеченной съездом программы коммунистического строительства, выработанного съездом внешнеполитического курса.

Выполняя решения XXIV съезда КПСС, советский народ под руководством своей

ленинской коммунистической партии добился замечательных успехов.

1972 г. для нашего народа — год славного полувекового юбилея Советского Союза. Широким размахом социалистического соревнования встречают трудящиеся нашей страны великий праздник — 50-летие Союза Советских Социалистических Республик.

Миллионы активистов Общества советско-китайской дружбы, как и все советские люди, с огромным энтузиазмом готовятся к встрече великого праздника всех народов нашей страны.

Дружба народов Советского Союза и Китая испытана временем, она скреплена кровью, пролитой в совместной борьбе. Эту дружбу завещали нашим народам великий Ленин и славный сын китайского народа Сунь Ят-сен. Этой дружбе, верности делу Октября, союзу с Родиной Ленина посвятили свою жизнь китайские коммунисты-интернационалисты Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Пэн Бай, Дэн Чжун-ся, Цай Хэ-сэнь, Фан Чжи-мин и многие, многие другие.

Советские люди всегда помнят о том, что коренные интересы советского и китайского народов совпадают.

«Наша партия и Советское правительство, — говорил тов. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе на XXIV съезде КПСС, — глубоко убеждены, что улучшение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой отвечало бы коренным, долговременным интересам обеих наших стран, интересам социализма, свободы народов и укрепления мира. Поэтому мы готовы всемерно содействовать не только нормализации отношений, но и восстановлению добрососедства и дружбы между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой и выражаем уверенность, что в конечном счете это будет достигнуто».

Мы верим, что дружба между советским и китайским народами, родившаяся в огне Октябрьской революции, восторжествует.

Целиком и полностью поддерживая курс КПСС и Советского правительства на сохранение, укрепление и развитие дружбы с китайским народом, Общество советско-китайской дружбы будет и впредь служить благородному делу дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами.

Сдано в набор 7/VII 1972 г. Подписано к печати 25/VIII 1972 г.
 Формат 70×108^{1/16} Бум. л. 6^{1/2} Печ. л. 18,2 Уч.-изд. л. 18,87
 Изд. № 15182. А08828 Заказ № 1333. Цена 50 коп. Тираж 6000.

Издательство «Прогресс» Государственного Комитета Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 21.

Чеховский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Государственного Комитета Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
 г. Чехов Московской области

Опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
33	3 абзац 13, 14, 15 строка сверху	Убрать 3 строки начиная со слов: «Эта характе- ристика . . . кончая словами «современной Японии».	и Франция. Япония—раз в 10 быстрее, чем Рос- сия.
38	3 абзац 6 строка сверху	равенста	равенства
39	2 абзац последняя строка снизу	Сайтамга	Сайтама
42	3 абзац 6 строка сверху	экономическогоо	экономического
42	5 абзац 1 строка сверху	не осталось	не осталась
43	5 абзац 5 строка сверху	императорной	императорской
50	4 абзац 8 строка сверху	Санкау	Сэнкаку
52	4 абзац 5 строка сверху	такой позиции	какой позиции
53	5 абзац 6 строка сверху	Кассинджер	Киссинджер
54	5 абзац 3 строка сверху	Японии	Японией
54	5 абзац 2 строка снизу	шелфе	шельфе
56	5 абзац 2 строка снизу	мжду	между
70	1 абзац 6 строка сверху	свой	своей
90	2 абзац 11 строка сверху (сноска № 2)		закреть кавычки.